

Φ. Μ.

0-3-18

Annotation

Детектив — тот, кто находит.

Волколюд — тот, кто охотится.

Шайль — детектив и волколюд.

Револьвер — судья.

Город — поле боя.

Глава 23: Вне времени

Аннотация:

Можно жить сорок лет и не увидеть певчую птицу. Можно жить сорок лет и не вызвать улыбку. Можно жить сорок лет и не узнать соседа. Но эта история не об этом. Эта история о том, как за восемь дней стать легендой и потерять все, кроме...

Мир:

Он плоский, как идея этой книги. В нем есть солнце и луна, и они всегда на месте; а небо тверже стали.

Автор:

Устала пытаться понять, в каком жанре пишет.

Текст:

Почти наверняка содержит опечатки, ошибки и шероховатости в незначительном количестве.

Читатель:

Награждается улыбкой, певчей птицей и тихим соседом.

Приятного чтения!

Глава 1: День 1

Она протягивает руку вперед — а там лишь небо. Твердое, непрозрачное и холодное. Это привычно.

Массивная кружка с рисунком волчьей лапы и подписью «Собачка, гав!» поднимается к тонким губам. Они обхватывают ободок, оставляя крошечный зазор: достаточно, чтобы кофе слабой струйкой скользнул в рот. Кружка опускается на перила балкончика, тоскливо стукнув дном по дереву. Уютно.

Девушка с короткими белыми волосами. В ее досье написано, что окрас «серебристый». Нет, он белый. Но бюрократы не видели разницу. Поэтому записали так, как записали. Малость раздражающе.

Ее зовут Шайль. Она предпочитает выбривать левый висок и зачесывать волосы направо. Белые, колючие, жесткие — пряди похожи на лезвия. Длинной едва до шеи. Ничуть не прикрытое волосами левое ухо украшено серебряной сережкой в форме ромба. Явная бунтарка.

Все же, хоть и бунтарка — но неба касается. И пьет кофе, глядя на чистую лазурь в упор. Квартирка в убогом городе людского мира. Квартирка **на самом краю** этого безумного мира. Окна выходят на улицу, грязную и вонючую; а вот балкон — на небо. Оно идет от земли перед домом и поднимается вверх, куполом заворачиваясь далеко-далеко. До другого конца мира. Красивое, твердое, холодное небо. Завораживает.

Тонкие брови Шайль нахмурены. Они почти незаметны на ее лице из-за того самого «серебристого» окраса. Но вот красноречивая морщинка над переносицей подсказывает, что девушка чем-то недовольна. Делает глоток кофе, после чего вдруг улыбается. По-звериному скалит зубы, слишком острые, чтобы быть похожими на человеческие. Слишком жуткие...

Длинный палец с коротким черным маникюром утыкается в небо. Шайль собирается что-то сказать безразличному куполу, но не решается нарушить тишину. Вздыхает. Достает из кармана штанов пачку сигарет. Штаны замечательные, военная модель, ткань слишком плотная, чтобы ее было сложно очистить. А вот сигареты — паршивые. Самые дешевые. Самые вонючие. «Забастовка».

Шайль чиркает зажигалкой. Небольшой кристалл, обрамленный в металлический корпус, охотно отдает огонь. Задумчивая затычка. Дым полупрозрачным облаком ударяется в небо. Шайль вдруг что-то вспоминает...

Время. Забыла посмотреть на время. Резко оборачивается, чуть не сбросив кружку с перил: она обязательно упала бы, не будь балкончик выстроен вплотную к небу. Так что керамика звонко бряцает, упираясь в голубую твердь.

— Джуд! — рявкнула Шайль. — Который час, а?

Из глубины двухкомнатной квартирki некоторое время не доносилось ни звука. Девушка нетерпеливо щелкала пальцами.

— Первая доля дня прошла! — кричат в ответ.

Голос явно мужской. Но это не так важно. Важнее то, что Шайль опаздывает. Выругавшись, девушка несется в квартиру. Тут же возвращается, хватается за чашку и делает несколько больших глотков. Горьких, оставляющих неприятный вкус на языке. Остаток кофе с шипением принимает в себя недокуренную сигарету.

Шайль торопливо заскакивает в квартиру. Свободной рукой хватается куртку со спинки

стула и, отставив чашку на стол, надевает. Порывисто подтягивает кобуру. В ней тяжелым грузом покоится револьвер «Левиафан М-3». Неуклюже застегивая ремешки кобуры прямо поверх куртки, Шайль озирается: она точно помнит, что удостоверение детектива не в кармане.

— Значок не видел?! — кричит, замирая ненадолго.

— Какой значок? — сонно отзываются в ответ.

— Матери твоей значок, — шипит девушка, взъерошивая волосы.

Может, под бумагами? Нет. Под нарядными штанами, испорченными когда-то брызнувшей кровью? Нет. Шайль торопилась, и от этого поиск значка становился хаотичным, непродуктивным. Девушка успела это понять до того, как захотелось ударить кулаком по ближайшей поверхности. Встала на месте. Вдох и выдох. Клацнув клыками, дернула ящик стола. Несколько ручек тоскливо выкатились из глубин, замерев у кожаной книжечки. Удостоверение детектива. В него же вделан металлический значок агентства «Заря». То, что надо.

Шайль подбирает с пола ножны с трехгранным мечом «Союз». Цепляет к поясу. Бросается в коридор. Там ее ждут любимые полусапожки: они могли бы считаться приличными, если бы не оббитые металлом носки. Теперь некогда красивая обувь вызывает разве что опаску и бесконечную усталость ног Шайль. Но результат того стоит.

— Я пошла! — кричит перед самой дверью.

— Не забудь про концерт, — отзывается Джуд, выглядывая из ванной и наконец-то являя заспанное лицо.

Обычный человек, серые глаза, длинная прическа до плеч, которую прямо сейчас пытаются уложить во что-то по-рокерски **крутое**. Глядя на него, сложно однозначно сказать, почему они с Шайль вместе. Но никто и не спрашивает.

— Концерт, огонь!

Дверь с хлопком закрывается. Девушка торопливо гремит подошвами по ступенькам подъезда. Лифт в их доме ставить даже не собираются: какой смысл, если всего четыре этажа? Впрочем, так могли бы подумать жители нижних. Шайль же, живущая на четвертом, явно не в восторге. Ругань звонко отскакивает от стен, смешиваясь с топотом утяжеленных полусапожек. Расстегнутая куртка черными крыльями распахивается за спиной Шайль, кобура неприятно бьется в ребра.

Подъезд решили наконец-то проветрить, и поэтому девушка беспрепятственно выскакивает под яркое солнце. Словно вестник смерти она оказывается перед старушками, заставляя их испуганно вскрикнуть. Шайль на ходу извиняется, в спешке уносясь в глубины грязных улиц. Фуникулер скоро отбывает.

Сегодня Шайль не видит знакомое лицо. Обычно девушка едет на работу в одно время с непомерно толстым мужчиной, который вечно оттирает лицо желтушным платком. Но не в этот день.

Запахавшаяся и вспотевшая девушка усаживается на свободное место, размашисто закидывая ногу на ногу. Металлический носок упирается в стенку салона фуникулера, а зеленые глаза без особого интереса изучают происходящее за окном. Город Освобождение, один из многих городов на отшибе людского мира. Достаточно нищий, но Шайль это не

заботит: она привыкла к грязным улицам, удручающе серым многоэтажным домам и разношерстному населению. В конце концов, это единственный город людского мира, который девушка видела.

Кристалл с тихим треском выпустил огонек, поджигая сигарету. Девушка устраивается поудобнее, затягиваясь куревом. Пусть во рту пересохло от крепкого кофе и пробежки под солнцем, сейчас **хотелось** дать легким дозу дыма. Впереди рабочий день, и вряд ли он будет достаточно разгруженным, чтобы устроить себе полноценный перекур.

— Эй, милка, курить здесь нельзя, — доносится грубый голос со стороны.

Шайль смотрит на подошедшего. Волколуд. Это заметно по клыкастой пасти на человекоподобном лице. Да и мышцы, нагло оголенные майкой в обтяжку, тоже намекают. Мало кто из людей может похвастаться такой фигурой. Парень возвышается над девушкой, глядя с неприязнью.

— Ага, нельзя, — отзывается Шайль. — Хороший песик, знаешь законы.

Отворачивается, продолжая курить. Сегодня **должен** быть хороший день. Птица пролетает за окном фуникулера, напоминая, что крылья быстрее механизмов, пусть и магических.

— Харе дымить, — настойчиво требует волколуд. — Ты не одна здесь.

— Кому мешает — могут отсесть. Свободных мест полно.

Шайль не поворачивается. Она **не хочет** поворачиваться. Ей хватает наглых рож в отделении. Перед работой хочет насмотреться на виды города, чьи многоэтажки закрывают пейзаж. Видна фабричная труба... стоит, тянется за приколоченным к небу солнцем. Не дотянется, глупая.

Волколуд воспринимает поведение девушки как пренебрежение. Шайль знает, что провоцирует, но по-другому общаться не умеет. Она не любит говорить и не любит смотреть. Это часто считают наглостью.

— Да бросай ты сигу, сука! — рявкает мужчина.

Его рука, пока еще человеческая, устремляется к Шайль. Пальцы выдергивают сигарету. Безжалостно сминают ее. Перекур подошел к концу. Шайль поднимает взгляд на волколуда. Затем — поднимается сама.

Их разница в росте не так велика. Мужчина лишь на полголовы выше. Девушка скалится, обнажая клыки.

— Ты доволен, песик? — спрашивает, впуская в голос акцент.

Буквы становятся звонче, четче. Связки вибрируют, выпуская вместе со словами звериный рык.

— Полегче, милка, я тебе ничего плохого не сделал. Меньше кури, это перебивает запахи, — волколуд отступает на шаг.

— Запахи пота? — спрашивает Шайль. — Или городского дыма?

Девушка явно заводится. Ее бесит не то, что в этот день фуникулер посетил яростный блюстититель закона. Такое уже случилось раньше, Шайль привыкла. Ее бесит то, что пес позволяет себе обращение «милка». Так волколуды называют свободных самок.

— Давай не сратья, успокаивайся. Я попросил тебя не курить, ты поняла просьбу. Конец разговора, — волколуд попробовал вернуться на свое место, но Шайль остановила.

— Не конец. Раз уж ты решил меня доконать, песик, я тебе отвечу тем же.

Одной рукой девушка достает удостоверение детектива. Другой — блокнот с бланками, к которому прикреплена ручка. Волколуд замирает, опасливо глядя на значок.

— Итак, — начинает Шайль. — Во-первых, показывай паспорт.

— С чего бы?

— С того, что перед тобой детектив агентства «Заря» по вопросам деятельности волколюдов и бромпиров, — терпеливо объясняет Шайль. Эту фразу ей частенько приходилось говорить за последние два года. — По закону мне здесь нельзя курить, но очень даже можно проверять документы пассажиров общественного транспорта. Показывай паспорт.

Волколюд с недоверием присматривается к раскрытому удостоверению. Морщится. Пихает руку в карман, собираясь, вроде бы, достать документ. Но достает лишь смятую бумажку.

— Пятерки хватит? — спрашивает волколюд.

— Пятерки паспортов? — саркастично уточняет Шайль, приподнимая бровь. — Нет, мне нужен только один.

Девушка игнорирует просунутую ей купюру. Пять рублей — не так уж мало, но вопрос теперь не в деньгах.

Пассажиры фуникулера начинают с интересом наблюдать за происходящим. Некоторые из них знают Шайль и знают, чем кончаются подобные представления. Некоторые — сонно моргают, знакомясь с новым для себя зрелищем.

— У меня нет паспорта, милка, — бормочет волколюд.

Вся его уверенность самца куда-то подевалась. Смешная вещь — волколюды яростные хищники, считающие себя вершиной пищевой цепи. Но когда речь заходит о документах и законах чужого мира, волки становятся испуганными щенками. Шайль знает это. И потому отыгрывается с наслаждением.

— Угу, нет паспорта, — бормочет девушка, убирая в карман удостоверение и раскрывая блокнот. Ручка ловко закрутилась в пальцах и грозно уперлась в бумагу. — Какое сегодня число?

— Третье августа, — подсказывает кто-то из ближайших пассажиров.

— Третье августа, — повторяет Шайль, с усердием выводя цифры. — Пассажир фуникулера... так, это потом... не имеет паспорта. По какой причине у тебя нет паспорта, **песик?**

Взгляд с интересом поднимается на растерянного волколюда.

— Десятку дам, — шипит мужчина. — Давай только без этого...

— Попытка дать взятку, — удовлетворенно кивает Шайль, выписывая еще несколько слов. — Где твой паспорт?

— Я еще не получил...

Шайль записывает и это. Ручка замирает, взгляд снова направляется на мужчину. Тот теряется еще сильнее, не понимая возникшее молчание. Фуникулер продолжает скользить по тросам, постоянно вибрируя. Эта легкая дрожь отдается в ноги, убаюкивает сознание. Собраться с мыслями становится все сложнее с каждым вдохом, проведенным под взглядом детектива.

— Почему ты еще не получил паспорт? — с нажимом спрашивает Шайль. — Давай, смелее. Ты отлично справился с законом про курение. Теперь пора проверить твои знания в другой области.

— Я... я должен зарегистрироваться в центре. Я туда еду...

— Ты выбрал не тот фуникулер. Этот ходит по району О-3, а тебе нужно в О-2.

«Немного» другая сторона.

— Перепутал, извини...

— Не извиняю, — бескомпромиссно отвечает Шайль. — Уж не знаю, как ты умудрился перепутать, ведь районы большие. Как и неприятности, в которые ты влип, песик. Но есть хорошая новость! Знаешь, какая?

Зрители начинают улыбаться, доносятся смешки. **Они** знают.

— Какая?..

— Я как раз еду на работу, — Шайль ловко вертит ручку в пальцах, глядит с насмешкой, скалитесь. — Так что тебе со мной по пути. Придем в участок, я передам тебя коллегам. **С тобой миленько** пообщаются и решат, что делать дальше. Может, помогут зарегистрироваться...

— Но я и сам могу доехать! — возмущается волколюд.

— Нет, не можешь, — со вздохом качает головой девушка. — Ты перепутал фуникулеры, это «свидетельствует о твоем крайне низком уровне адаптации в нашем городе», — кажется, Шайль цитирует что-то?.. — Значит, придется защитникам правопорядка тебе помочь. Тем более, у тебя явно при себе нет направления в регистрационный отдел, которое тебе должны были выдать. А это пахнет подозрительно, тут и **курильщица** почувствует.

Шайль весело подмигивает и, дописав несколько слов в бланк, усаживается на прежнее место. Приветливо похлопывает по сидению рядом.

— Давай, мы с тобой прогуляемся. Раз ты зовешь меня «милкой», можешь считать это коротким свиданием. Только не болтай много, девушки любят молчаливых.

Тихо выругавшись, волколюд уселся рядом.

Участок О-3 встречает хмуро. Как и всегда. На входе курит несколько девушек, работающих в приемной. Форма полицейских на них смотрится нелепо, висит на тощих и узких плечах. Когда-то Шайль тоже носила такую, но на ней одежда сидела явно получше. А потом девушку повысили до звания следователя и разрешили носить любой «прикид»... О чем, возможно, пожалели: со стилем у Шайль определенные проблемы. На взгляд цивилизованного **человека**, конечно же.

— Ты ведь тоже волколюд, пойми меня, ну пожалуйста, — умоляет задержанный, следуя за преисполненным решимости детективом.

— А ты мог меня понять, когда я курила? — спрашивает Шайль, не доходя несколько шагов до входа в участок.

В зеленых глазах волколюд с удивлением различил... обиду?..

— Я... мне дым просто нос режет... я не могу...

— Привыкай, песик, — перебивает Шайль. — Это не наши родные леса. Это, мать его, здоровенный город. Тут воняет буквально все. Так что готовь карманные деньги, через полгода закуришь как миленький. Если, конечно, тебе разрешат остаться... Давай, двигай, придурок.

Шайль очень не любит признавать свою принадлежность к расе волколюдов. Обычно это и не нужно — ее острые зубы говорят обо всем сами. Так же как и слишком жесткие волосы. И многое другое, что явно выделяет ее из числа **обычных** людей.

— Привет, Шайль! — гнусаво поздоровалась одна из работниц.

— Здорова, — буркнула в ответ детектив, тут же повернувшись к задержанному. — Проходи, не задерживайся!

Двери впускают в рай. Любой вздохнет с облегчением, переступив порог участка О-3. Тут нет запаха улицы, нет душного солнца и нет серой мрачности улиц. Здесь голубые ковры, на стенах красивые картины, рамки с портретами отличившихся сотрудников, в горшках растения с красивыми широкими листьями. Шайль утирает взмокший лоб и кивает работнику приемной, пытаясь не смотреть на один из портретов сотрудников. Под фотографией на **золотой табличке** особо заметны две буквы: «Ф» и «М».

— Что, еще один? — морщится парень, глядя на угрюмого волколюда.

— Да, еще один. Оформляй его, я тут записала немного.

Вырванный из блокнота бланк шлепается на стойку.

— А номер фуникулера где? — полицейский быстро выцепил взглядом недостающую деталь.

— Любой впиши, я не посмотрела! — Шайль уже уходит прочь, провожаемая обреченным взглядом волколюда.

Ему предстоит веселый денек... А то и несколько.

С другой стороны, сама Шайль тоже не в шоколаде. Она не задержанная — но она **работник** этого адского заведения. Взбираясь по лестнице, она вынуждена короткими кивками приветствовать и знакомых, и незнакомых коллег. Продвигаясь по коридору, детектив смотрит на то же, на что смотрит последние два года: сначала на магические сферы, подвешенные на потолке для освещения. Они довольно тусклые, но это не мешает редким насекомым заинтересованно порхать вокруг. Потом Шайль опускает взгляд себе под ноги — там знакомое пятнышко от кофе, когда-то пролитого на ковер **старым знакомым**. Затем смотрит на окно в одну из комнат — там за бумагами трудится отдел по делам несовершеннолетних. Ребятам можно только посочувствовать.

Наконец, ее встречает дверь в отделение агентства «Заря». На **золотой табличке** выгравировано опротивевшее название. Дверь с щелчком открывается, выпуская на чувствительные уши Шайль поток болтовни. Тот затихает, когда коллеги замечают прибытие девушки.

— А вот и наша любимая волчица! — кричит начальник с другого конца комнаты.

Гребаный ёрк. Здоровенный, покрытый жесткой шерстью по всему телу. Совершенно неясно, что он забыл в Освобождении. В этом городе обычно только волколюды и бромпиры вперемешку с людьми... Но не ёрки.

Девушка невозмутимо расстегивает кобуру. Стягивает с себя куртку, не стесняясь взглядов. Накидывает на вешалку. Разминает мускулистые плечи и руки, подставляя их прохладе воздуха. Поправляет ворот гольфа-безрукавки. На плече красуется татуировка, еще сохраняющая насыщенность чернил: «О-3-18». Первая буква города, потом номер района и личный номер сотрудника. В этом наборе не хватает детективного агентства, но буква «З» совсем не смотрится рядом с тройкой. Поэтому Шайль вычеркнула ее из эскиза.

Пока начальник проходит мимо столов, девушка надевает кобуру поверх гольфа. Теперь все правильно, ведь в будущем пушка спрячется под курткой. Револьвер не стоит светить на улицах Освобождения, но утром Шайль явно было не до правильного порядка надевания вещей.

— Ты опоздала, — улыбается начальник, демонстрируя зубы травоядного.

— Я знаю, Зойд, — спокойно отвечает девушка. — По пути попался нелегал, пришлось заполнять бланк и вести его сюда.

— Чудесная история. Очень нравится. Слышу ее несколько раз в неделю, но все никак не надоест, — ёрк кивает слишком часто, чтобы это выглядело **не** как сарказм. — Стоит ли напоминать, что детективы не занимаются вопросом нелегалов?

— Нет. А тебе стоит напоминать статистику преступлений, совершенных незарегистрированными волколлюдьми?

— Ну что ты, конечно же нет. А тебе стоит напоминать, что твое рабочее время начинается с прибытия в участок, а не ловли заблудившихся **собак**?

Когтистый палец ёрка цокает по наручным часам, обращая внимание на овальный циферблат. Он поделен на восемь частей, каждая из которых пронумерована и окрашена в зависимости от времени суток. Четыре доли дня, четыре доли ночи.

Сейчас стрелка опасно близко к концу второй доли дня. То есть, почти полдень.

— Обязательно куплю себе часы со следующей зарплатой, — вздыхает Шайль, направляясь к своему рабочему месту. — А теперь, Зойд, извини. Мне надо разобраться с заметками.

— Почему ты не разобралась с ними вчера? — участливо спрашивает начальник. — Не справляешься с нагрузкой?

— Ага, да. С рождения не справляюсь, — увлеченно кивает Шайль, раскладывая бумаги. — Вообще ни с чем. Поэтому работаю в этой конторке безумных идиотов. Тут никто ни с чем не справляется.

Будь на месте ёрка обычный человек — наглость из уст девушки имела бы ошеломительные последствия. Но ёрк не человек. Ёрк — двухметровое создание, которое рождено для фермерства и кровопролитных боев с себе подобными. Ёркам на все плевать, кроме собственных традиций. Поэтому они улыбаются даже после смерти.

— Тогда я очень рад, что ты не справляешься, — сообщает Зойд. — Иначе наш коллектив не вышел бы таким замечательным и... **разношерстным**.

Волосатый ёрк трясется от хохота, но Шайль лишь криво усмехается. Немногочисленные коллеги, услышав шутку, тоже особо никак не реагируют. Среди них было больше **гладколичных**.

— Ладно-ладно, шутка вышла так себе, признаю, — начальник хлопает подчиненную по плечу и направляется прочь. — Когда разложишь бумаги, я познакомлю тебя кое с кем.

Шайль обреченно вздыхает. Прошло три месяца с момента гибели предыдущего напарника, и она надеялась, что нового не подыщут. Зачем он? Если это соплеменник Шайль, то будут сплошные проблемы. Потому что она **н**е волколлюд. А если это представитель другой расы — то проблемы будут из-за того, что она **как раз-таки** волколлюд. Проклятая неоднозначность.

Так или иначе, время подготовиться у нее есть. Она листает блокнот, в котором поверх одного из бланков написаны заметки. Дело о растерзанном фармацевте. Вчера ей почти не удалось зацепиться за что-то конкретное. И не удалось поговорить с родственницей покойного: ее не было дома. Сегодня придется пообщаться. Не факт, что это поможет делу, но формальность соблюсти стоит.

— Эй, пс-с, Шайль, — ближайший коллега перегибается через подлокотник кресла, наклоняясь к девушке. — Ты что, опять решила проспать? Или правда заловила блудного щеночка?

— Как всегда, Бобби, — устало отвечает детектив. — Не знаю, чем заняты пограничники, но мимо них волки прорываются десятками. А потом бродят по улицам и мешают честным работникам **курить**.

Бобби — имя молодого бромпира. Шайль каждый день чувствует запах крови, которой питается паршивец-коллега. Девушка знает, что это овцы. Бобби пьет гребаных овец, едва ли не самых дорогих зверей. Для Шайль это странно: столько переплачивать ради порции крови. Но Бобби в целом странный. Это характерная черта, подчеркивающая каждого представителя расы.

— Кажется, история не меняется: собаки, как и всегда, пытаются проскользнуть в мир незамеченными, — хихикает Бобби, поправляя очки и обнажая длинную пару клыков.

— Ага, как скажешь, — кивает Шайль. — Не мешай работать.

— Да ну, ты же это все сама писала. Зачем перечитываешь?

Девушка с раздражением откладывает заметки. Поворачивается к Бобби.

— Научись, пожалуйста, затыкать свой рот жвачкой. От тебя воняет овцами и тупостью.

— Ой, только не злись. А то вдруг еще **обернешься** наконец-то.

— Перед тобой-то? Пф-ф.

Шайль проигнорировала подколку, вернувшись к чтению. Но глаза без толку бегали по словам, не замечая их. В голове глухо стучало: «**Обернешься**». Девушка уже устала обижаться на подобные шутки, но злость все не унималась.

Во имя ёркской задницы! Шайль не единственный волколюд, который не умеет принимать звериную форму. Да, это редкость, но какая разница? С тех пор, как миры всех рас объединились единым законом, волколюдам запрещено превращаться вне своей территории. Это приводит к жертвам. Всегда. Стоит обернуться волком — и тягу к мясу не унять. Хочется все больше и больше, пока не вернешься в «людский» вид. Поэтому и существует проклятое отделение «по вопросам деятельности волколюдов и бромпиров». И те, и другие любят позволять себе слишком много.

Шайль считает, что коллегам стоит радоваться ее особенности. Будь ее воля — она выследила бы каждого ублюдка из своего отделения и растерзала под прикрытием ночи. Это **она** должна смеяться над ними. Не наоборот. Перед истинным обликом волколюда любой наложит в штаны. Хоть ёрк, хоть бромпир, хоть кто.

— Зойд, я закончила.

— Так быстро? Даже рабочий день еще не успел кончиться, — ёрк с широкой улыбкой смотрит на Шайль, раскачиваясь в кресле из стороны в сторону. — Может, хочешь потратить еще немного времени впустую?

— Нет, — обреченно отвечает девушка. — Я отработаю за опоздание. Сегодня могу досидеть до второй доли ночи.

— Да ну что я, **зверь** какой-то, чтоб тебя мучить? Вычту из зарплаты, так всем удобнее, — подмигивает Зойд, поднимаясь с кресла. — Пойдем. Познакомлю вас.

Шайль проигнорировала ласковое касание широкой ладони начальника, решившего приобнять подчиненную.

— Кого «вас»?

— Увидишь. Нам нужно на первый этаж, так что захвати куртку.

В комнате для допросов их встретил некто низкий, одетый в классический костюм, с придурковатым беретом на почти лысой голове. Огромные глаза уставились с любопытством.

— Принеси-ка нам кофе, — просит Шайль, толком не взглянув на мелкую фигурку. — Так с кем ты будешь меня знакомить, Зойд?

Повисает неловкая тишина. Девушка недоуменно наклоняет голову к плечу. Щурится, глядя на ёрка, улыбка которого становится натянутой. Возле бедра Шайль раздается возмущенное покашливание. И детектив опускает взгляд.

Все так же, без изменений. Низкорослое создание с огромными глазами, остроконечными ушами и тощее как сиротка. Маленькие кулачки сжаты, уперты в бока. Небольшой ботиночек нетерпеливо отстукивает по каменному полу.

Шайль удивленно вскидывает брови. Опускается на колено перед малюткой. Сколько в нем роста? Сантиметров... девяносто? На целый метр ниже Шайль.

— Ты новенький, я так понимаю? — спрашивает девушка. — Кофе продают за углом. Выходишь из участка, поворачиваешь направо. Доходишь до угла, и за ним ближайшая лавка. Там варят хорошо. Купи нам по чашке, вот.

Купюра в рубль расправляется пальцами Шайль и тянется к малышу. Тот не торопится принимать. Девушка решает, что он стесняется, поэтому доброжелательно запихивает бумажку в карман пиджачка.

— Бери-бери, это ведь за кофе деньги. Сдачу оставишь себе. И больше не заходи в допросные, ты можешь помешать работе полицейских, — детектив ласково треплет малыша по берету и поднимается с колена. Поворачивается к Зойду. — Ну так что? Ты ведь с напарником хотел познакомиться, да, угадала?

— Шайль... — улыбка ёрка из натянутой становится немного болезненной. — Ты только что создала нам кучу проблем.

— Именно так, детектив Шайль, — раздается скрипучий голос малыша. — Вы только что дали мне повод зафиксировать первое нарушение. Нарушение субординации.

— «Субординации»? — девушка недоуменно приподнимает бровь, глядя сверху вниз. — Да ты ж мальчишка на побегушках! О какой субординации речь-то?..

— Позвольте представиться, — хмуро бурчит мальчик в костюме, оправляя берет. — Меня зовут Дриль, я не на побегушках и не ваш напарник. Фактически, я сотрудник отдела качества работы. Меня прислали из **Неуемности**, чтобы убедиться, что в Освобождении все идет как надо.

Шайль замирает. Переводит взгляд на ёрка, а тот лишь кивает.

— Извини, а к какой расе ты относишься? — уточняет девушка, пытаясь определить, почему создание, похожее на человеческого ребенка, вырядилось в пиджак и называется сотрудником чего-либо.

— Пожалуйста, мое удостоверение, детектив Шайль.

Книжица, кажущаяся большеватой в руках малыша, распахивается. Девушке приходится наклониться, чтобы прочитать мелкий шрифт. И читает она, конечно же, вслух, пытаясь поверить в увиденное.

— «Боблин Дриль»? Это шутка? У тебя не зеленая шкура! Какой из тебя боблин?! — громко возмущается Шайль.

— Пигментная аномалия, бывает такое, — скрипучий, холодный голос Дриля смолкает лишь ненадолго, пока обладатель прячет удостоверение в карман. — Теперь, пожалуй,

перейдем к цели нашей встречи. Нам троим нужно обсудить вашу работу, детектив Шайль. Но перед этим, может быть, вы хотите сходить за кофе для нас всех?

Купюра, которую еще недавно девушка запихнула в карман боблина, возвращается к хозяйке. И та с готовностью выходит из допросной, пытаясь унять злость и стыд.

Ее попыток хватает лишь до угла улицы. После этого все прохожие слышат яростную ругань, рыком вылетающую из горла детектива.

Почему сегодня такой **дерьмовый** день?!

Глава 2: День 1

Кофе дымится, и запах его смешивается с запахом стаканчиков из прессованных опилок. Допросная комната пропитывается этим ароматом, заставляя Шайль морщить нос.

— Я закурю? — спрашивает девушка и достает пачку сигарет, не дождавшись ответа.

— Пожалуйста, — кивает Дриль. — И пока вы курите, мы перейдем к делу. Хотите взять вступительное слово, главный детектив Зойд?

— Да... Конечно, хочу! В конце концов, Шайль уже два года находится под моим присмотром. И несмотря на жалобы, касающиеся работы нашего отделения, могу заверить, что Шайль — одна из лучших детективов. Несмотря на некоторые... кхм... **дисциплинарные проблемы.**

Девушка с недоумением приподняла бровь, но промолчала, продолжая курить. Боблин поерзал на подставке, установленной на стуле, и кивнул. Его крошечные пальцы (слишком крошечные, чтобы быть настоящими) размеренно постукивали по столу, не создавая никакого шума.

— Наслышан о работе детектива Шайль.

И вновь девушка приподнимает бровь, переводя взгляд на Дриля.

— Говорят, она специфический сотрудник, но в некоторых вопросах очень... **принципиальный.** Тем не менее, — боблин с тяжелым вздохом раскрывает папку, заранее размещенную на столе. — Я хочу провести для вас тест, детектив.

— Что еще за тест? — берет слово Шайль. — Я уже обследовалась и отвечала на вопросы.

— Это не психологический тест, — успокоил Зойд, не изменяя привычке улыбаться.

— Совершенно так, — кивнул Дриль. — Я хочу задать вопросы, касающиеся правил работы в детективном агентстве. А вы отвечайте честно, так, как думаете. Правдивость ответа покажет этот кристалл.

По столу скользнул прозрачный и маленький камушек. Шайль без интереса ухватила за него пальцами, чтобы рассмотреть на свету магической сферы, висящей в допросной.

— Давайте проверим, работает ли он. Скажите, как вас зовут, детектив Шайль? — спрашивает боблин, внимательно глядя на девушку.

— Меня зовут... матерью всех детективов!

Насмешливый ответ заставил кристалл засиять красным, а Зойда — прыснуть. Прочистив горло, ёрк прикрыл рот кулаком и продолжил смотреть.

— На ложь он реагирует, во всяком случае. Тогда приступим.

— Мне обязательно держать этот камень? — усталый голос Шайль выдает все нежелание находиться на «допросе».

— Да. Первый вопрос, — боблин бросил взгляд на бумажку. — Вы идете по улице и понимаете, что кто-то кричит из переулка, умоляя помочь. Ваши действия?

— Пойду и помогу, — пожимает плечами Шайль, и кристалл в ее пальцах загорается зеленым. — Это все-таки психологический тест. У меня такое уже спрашивали.

— Будь это психологическим тестом, вы бы ответили правильно, — улыбается Дриль, делая первую пометку. — Но это тест на качество работы детектива. Так что ответ неверный. В рабочее время вы занимаетесь **исключительно** вашей работой. То есть, расследованием преступлений, а не пресечением новых. Вне рабочего времени вы отдыхаете

и держитесь подалее от неприятностей.

Бровь Шайль поднялась так высоко, что заболел лоб. Девушка перевела взгляд на Зойда, но тот лишь показал большой палец, сделав это незаметно для Дриля.

— Что за **херьня**? — прямолинейно спрашивает девушка, нервно затянувшись сигаретой. — Детектив помогает поддерживать порядок.

— Нет. Порядок поддерживают полицейские. Вы же помогаете полицейским в том, в чем они сами не компетентны, — Дриль причмокивает губами, переводит взгляд на бумагу. — Давайте не задерживаться и двигаться дальше по вопросам.

— Какого хрена вы спрашиваете меня? В отделении полно **молокососов**, спрашивайте их! — закипает Шайль, с возмущением переводя взгляд то на начальника, то на наглого коротышку. — Я два года работаю детективом и мне виднее, что и когда делать.

— Дело в том, что **молокососов** я опросил, пока вы пытались не опоздать на работу. После этого я ждал вас еще некоторое время, пока вы настраивались на рабочий ритм, — Дриль сверлит взглядом девушку, не выражая ни единой эмоции, кроме брезгливости. — Продолжим, детектив. В свой выходной день вы приходите в заведение, чтобы поужинать. Внезапно сфера освещения лопаается, и в помещении наступает мрак. Ваши действия?

— Тьфу. Я встану и помогу работникам организовать освещение и разобраться в случившемся, — без запинки отвечает Шайль, игнорируя загоревшийся зеленым кристалл.

— Ответ неверный, — спокойно качает головой боблин.

— Ты издеваешься?!..

— Нет. Объясню: если вы вмешаетесь и попытаетесь помочь работникам заведения, вы можете помешать им. Если же взрыв магсферы связан с нападением преступников, вы скомпрометируете себя и это приведет к обострению конфликта.

— Каким образом я себя скомпрометирую? — возражает Шайль. — Это мой выходной, значит, я не ношу оружие и удостоверение при себе. Поэтому преступники не смогут меня опознать как полицейского...

Кристалл сочится ярко-красным. Дриль улыбается.

— Не буду спрашивать, зачем в свой выходной день вы носите оружие и удостоверение, продолжим тест. Ситуация следующая: вы пытаетесь задержать подозреваемого волколюда, и тот начинает убегать. Каким образом вы испортите эту ситуацию, детектив Шайль?

— «Испорчу»? Я тебе не девка сопливая, — огрызается девушка. — Достану пушку и прострелю ублюдку колена, пока он не удрал слишком далеко. После этого скручу и доставлю в отделение. Если он убегает, значит, виновен.

Нужно ли сообщать, что кристалл загорелся зеленым? Вряд ли Шайль может быть против таких радикальных мер...

— Ох... Смотрю, ваш **лучший** детектив умеет принимать **наихудшие** решения, — бормочет Дриль, даже не глядя на улыбающегося ёрка. — Во-первых, сначала вы должны произвести предупредительный выстрел в воздух. То есть, вверх. Только после этого можно стрелять. Во-вторых, стрелять по волколюду опасно. Болевой шок может привести к случайному **обращению**, после которого неизменно возникнут жертвы. В-третьих, вы детектив, а не полицейский. Ваша работа — расследование. Вы не ведете работу в одиночку. Определили главного подозреваемого и тут же доложили коллегам из соответствующего отдела. На этом ваша работа завершена, если только допрос не докажет невиновность подозреваемого. В-четвертых, побег не всегда свидетельство вины. Нервы все еще могут сыграть дурную шутку с каждым. Все ясно?

Шайль качает головой. Бросает окурок в почти пустую чашку кофе. Вздыхает. И начинает говорить. Медленно, с расстановкой:

— Прикройте глаза, потому что сейчас эта стеклянная хрень будет светиться зеленым так ярко, как никогда не светила, — предупреждает девушка. — А теперь объясню тебе, карапуз несмышленный, как устроен реальный мир. Пока мои «коллеги из соответствующего отдела» будут искать подозреваемого, тот успеет смыться в любой из шести свободных миров. И пограницы ваши нихрена с этим не сделают. А по поводу волколюдов ты мне можешь ничего не затирать, я и сама себе вполне...

Шайль засовывает палец себе за щеку, оттягивая ее, чтобы продемонстрировать набор клыков.

— Так что **херня** твой тест. И твое мнение тоже **херня**. Волколюды признают только силу, и я ее готова показать. Потому что я детектив, который должен **расследовать** дела и **доводить** их до логического конца. И мне насрать, что там думает бледнокожий боблин, который в руках не держал ничего тяжелее ручки и своего маленького писюнчика. Все понял? Не занимай мое время, опроси кого-то другого.

Улыбка ёрка становилась все болезненнее на протяжении монолога детектива, но начальник все же показал большой палец еще раз. Шайль поднялась, хлопнув кристаллом об столешницу. Тот звучно треснул, что едва ли могло волновать девушку. Она направлялась к выходу. Стоило коснуться ручки двери, как боблин задал еще один вопрос:

— Ваш напарник смертельно ранен. Преступник пытается скрыться. Ваши действия?

Некоторое время девушка стояла молча, не поворачиваясь. Была видна лишь белая шевелюра, две буквы на спине куртки и рука. Ее пальцы все сильнее сжимали ручку двери... И вдруг — отпустили. Шайль обернулась. Вернулась на стул. Коснулась подушечкой пальца треснувшего кристалла. Улыбнулась.

— Я так понимаю, этим вопросом вы ссылаетесь на случай, который уже был? Если вы изучали мое личное дело, вы знаете, что я отвечу.

— То есть, в вашем представлении убить преступника и допустить смерть напарника — достойный результат работы детектива?

— Выживает сильнейший. Мой напарник слаб, а преступник — нет. Пока я пытаюсь спасти слабого, сильный может убить еще пару-тройку людей. Что вы ждете от меня как от специалиста?

— Жду, что вы будете действовать согласно регламенту, перестанете опаздывать на работу и хамить всем вокруг, — боблин сцепляет крошечные пальцы в замок. — Это сложно?

— Я **выполняю** свою работу, этого достаточно. Попробуете найти мне замену и почувствуете, что в штанах стало больше дерьма, чем при поносе.

— Вы высокого о себе мнения.

— Два года карьеры в Освобождении. Это не самый милый городок для работы детективом. Во всяком случае, я так слышала.

— Возможно, стоит облегчить вашу участь, **Шайль**? — боблин специально упускает должность, чтобы сделать намек более прозрачным.

— А может и стоит, — улыбнулась девушка, откидываясь на спинку.

Палец соскользнул с кристалла за миг до того, как тот тускло загорелся красным.

— Так-так, друзья, — ёрк похлопывает ладонью по столу. — Никто никого здесь не увольняет, Шайль очень ценный работник. Как я и говорил, у нее есть проблемы, но у

каждого они рано или поздно появляются. Жизнь не такая уж легкая...

— Почему-то я умею держать себя в руках, главный детектив, — спокойно отвечает боблин. — А у меня не два года стажа. Гораздо больше.

— Да и **херь** с тобой, — отмахивается Шайль. — Стаж у него, пф-ф.

— Дорогая, успокойся, — Зойд миролюбивым жестом пытается свести накал на нет. — Вы боблин, уважаемый Дриль. У вас изначально несколько иной... характер. А она — волколюд. Ей свойственно быть вспыльчивой и побеждать силой, а не умением мыслить.

— Короче говоря, мой дорогой начальник хочет сказать, что я тупая бабища, которая сломает тебе нос, если ты не свалишь отсюда подальше, — рычит Шайль, наклоняясь к Дрилю. — Не знаю, что у тебя там за стаж такой, но нихрена ты не понимаешь. Тебе пару деньков в этом городе поработать — так домой побежишь к своей боблинской мамочке.

— **Успокойся**, — голос Зойда резко становится глубже и мощнее, чем обычно, и детектив замолкает, откидываясь обратно. Закуривает. — Мы все здесь успокаиваемся и мило заканчиваем тест, а потом расходимся. Уважаемый Дриль, любые вопросы касательно **моих** подчиненных вы можете адресовать лично **мне**. Это будет логичнее, не так ли?

Боблин наконец-то поворачивается к ёрку. Растягивает улыбку так слащаво, что Шайль начинает изображать рвотный позыв. Однако Дриль не обращает на это внимание. Лишь скрипит своим голосом, интонацией смахивая на довольную гиену, поймавшую жертву.

— Главный детектив Зойд. Возможно, мне послышалось... — боблин откидывается на спинку и складывает ручки на животе. — Но, кажется, вы назвали вашу подчиненную «**дорогой**»? Позвольте спросить, а было ли между вами что-то... **вне** рабочего? Сразу скажу, что слухи об этом доходили до меня.

Лицо ёрка теряет улыбку. Шайль замирает. Медленно поворачивает голову к боблину. Доносится тихий скрежет клыков.

— Кажется, вашу реакцию можно воспринять как положительный ответ, — кивает Дриль. — Нужно будет зафиксировать. Думаю, не стоит объяснять, насколько это серьезное нарушение... В любом случае. Еще один вопрос. Я хочу поинтересоваться, откуда у вас столько **расизма**?

— «Расизма»? — тихо переспрашивает Зойд.

Его косматое лицо трудно прочитать, но голос говорит за себя.

— Именно. **Расизма**, — Дриль хватается за ручку и делает заметку на бумаге, продолжая говорить. — Совершенно мерзкого и недопустимого. Вы с такой уверенностью рассуждаете о разнице между боблином и волколюдом, словно попытки совета Всемирья создать единое, равное во всем общество для вас пустой звук. Прошу заметить, это отвратительно. Видимо, проблема Освобождения лежит не в народе, который тут живет, а в отношении полиции. Детективов, в особенности. Я уже несколько раз наблюдал вопиющие случаи **расизма**, которые вы почему-то не замечаете. Прощать волколюду вспышки злости? Думать, что боблины безобидные дурачки? Может, еще бросите монетку перед моим носом, проверяя, побегу ли я за ней? Ужасное отношение, главный детектив Зойд.

В воздухе повисла бы тишина — но ручка продолжает скрипеть и шуршать по бумаге, а клыки Шайль — скрежетать. Кажется, ей стоит больших усилий сдерживать себя. Ёрк прочищает горло.

— Не знаю, что там про равное общество, но я ко всем отношусь как к равным.

— Даже к преступникам? Равняете ли вы их с **обычными** людьми? — спрашивает боблин, отрываясь от писанины.

Это вопрос с подвохом. Слишком очевидным, чтобы не заметить; но слишком неоднозначным, чтобы дать правильный ответ. И все же, Зойд стремительно возвращает голосу уверенность.

— Преступники — такие же живые существа, но оступившиеся. Отношение к ним соответствующее. Мы стараемся не ущемлять никого ни по социальному, ни по расовому признаку.

— «Стараетесь»? А делаете ли?

Шайль вздыхает, закрывая ладонью лицо. Ёрк улыбается.

— Лично я — делаю. Стоит спросить у наших коллег из других участков. Слышал, что в О-2 есть некоторые проблемы с отношением к преступникам.

— Я уже был в О-2 вчера. Там все гораздо лучше, чем вы думаете. Вопрос о вас. Карьера Шайль насыщена смертоубийствами преступников. Вас это, видимо, устраивает, раз она до сих пор на службе.

— Могу уволиться, но тогда твой бездыханный оттраханный труп потеряют вместе со мной, — бормочет девушка.

— Меня это устраивает, потому что Шайль берет действительно опасные дела. В то время как прочие детективы контролируют деятельность мелких преступников...

— То есть, вы отправляете молодую девчонку в одиночку решать судьбы людей? — боблин вновь делает пометку. — Она довольно долго работает без напарника. Вы в курсе, что это не только подрыв рабочих условий, но и прямое нарушение закона о расследовании преступлений?

— Пацан, когда ты сунешь нос в местный наркопритон, где жестоко раскидало десяток ублюдков, я послушаю, как ты запоешь про решение судеб, — Шайль уже не может себя сдерживать и просто-напросто рычит, из-за чего речь воспринять становится сложнее. — Твою-то мать, жаба ты белая, хватит нам мозги сушить. Забирай свою сраную папку и вали отсюда, пусть весь О-3 расформируют к херам собачьим! Будете сами расхлебывать все, что случится после.

— Видимо, к тому все идет, — боблин пожимает плечами, захлопывая папку и спрыгивая на пол. — Думаю, решить проблему этого участка не составит большого труда. Большое разочарование. Ваши более неопытные сотрудники подают надежды, но Шайль и вы, Зойд, совершенно невыносимы. Безумная шавка на службе вечно улыбающегося **пацифиста**. Ужасно. Освобождение заслуживает лучшего.

Дверь за ним захлопывается, оставляя двух не-людей сидеть в молчании. Шайль шуршит стаканчиком по столу, а Зойд смотрит в одну точку.

— Я могу его прикончить, пока он не выехал из города, — пробормотала детектив. — Вряд ли кто-то хватится этой занудной занозы в заднице.

— Не нужно. Больше половины его замечаний — обычные придирки. Вряд ли кто-то обратит на них внимание и примет меры в отношении нас.

— Вот какого хрена ты не предупредил, что это проверяющий? Сюрприз решил устроить?

— Я недооценил его ублюдочность. Не думал, что он так взъестся на тебя.

— Так чего не сказал-то?

— А ты бы пошла с ним общаться, если бы сказал?

На некоторое время Шайль замолчала. Потом вздохнула.

— Ладно, ты прав. Не стоило говорить.

Поднявшись, детектив потянулась, выгибаясь в спине. Зойд не удержался и скользнул взглядом по ее фигуре, вспоминая, какая она без куртки... и остального.

— Ты справишься в любом случае, — напоминает Шайль, положив ладонь на массивное плечо ёрка. — Если что, то уволишь меня. Работу в этом городе найти не трудно.

— Ага, «работу», — улыбается Зойд. — Хочешь, чтобы весь отдел тебя дружно выслеживал?

— Хм, — девушка прищурилась, размышляя над таким сценарием. — Ты помнишь, где я живу и ужинаю, так что вряд ли будет слишком сложно. В конце концов, я так себе волчица.

— Иди уже, детектив. Рабочий день в разгаре. Только возьми кого-то в напарники на сегодня. Нечего боблину лишний повод для радости давать. Не удивлюсь, если ему кто-то из наших стучит.

— Тьфу.

Шайль вышла, оставив Зойда одного. Ёрк позволил улыбке сойти с лица и грузно навалился на стол, упершись в него локтями. Он сидел так, хмуро разглядывая стену, пока плечи не затекли. После этого вздохнул, вернул улыбку на место и собрал стаканчики со стола.

Рабочий день действительно в разгаре. Пусть и пошел насмарку.

Бобби вонял овцами. Бобби нес чушь. Бобби был самым невыносимым напарником. Но его легче всего контролировать.

— Стоишь там, пасешь выход. Я внутрь ненадолго. Понял? — Шайль проверяет, заряжен ли револьвер.

Патроны на месте. Курок заранее взведен.

— Ты всегда так волнуешься перед разговором с человеческой женщиной?

— Завались. Я не в настроении для шуток.

Шайль стучится в дверь, убеждаясь, что Бобби отошел за угол. Хозяйка квартиры шаркает по полу, это хорошо слышно.

— Кто там?

— Детектив. По вопросу убитого, — коротко отвечает Шайль, не скрываясь от глазка.

Замки с щелчками открываются. Дверь распаивается. Хозяйке на вид под пятьдесят. Хотя в человеческом возрасте детектив так и не научилась хорошо разбираться. Но морщины на шее характерны для более старых.

— Проходите, — улыбается женщина.

Ни следа горя. Убийство случилось два дня назад. Маловато для того, чтобы перестать горевать.

— Я вряд ли смогу вам много рассказать.

— Много не нужно, мне хватит пары ответов, — предупреждает Шайль, осматривая коридор.

— Будете чай?

— Нет. Вы ведь Зельда? Сестра убитого?

— О да, насколько можно приходится сестрой трупу.

— Хладнокровно.

— У нас сложная семья.

Коридор довольно нищий. Странно для квартиры в О-2. Будто заброшена. Паутины много. Человеческие женщины ведь обычно... умеют убирать дома?

— Судя по тому, что я потратила целый день на поиск хоть кого-то из родственников, у вас действительно в семье не все просто.

— Разве целый день — это много для такого большого города? — беззаботно отзывается Зельда.

«Не местная», — проносится в голове Шайль. Ей сложно объяснить, почему возник такой вывод. Но это чувствуется. Манера держаться, говорить... Да и это замечание. В Освобождении найти родственников убитого несложно — они обычно живут по соседству. Тогда почему убитый жил в О-3, а дом его сестры арендован в О-2? Слишком большое расстояние, слишком большая разница в социальном классе.

Зельда все же заварила чай. Шайль принимает напиток, и женщина смеется.

— Поверьте, чай не отравлен. Я бы не пыталась отравить зверолода.

— **Волколюда**, — поправляет девушка. — А что бы вы с нами попытались сделать?

Женщина не решается дать ответ: вопрос вышел провокативным. Чудесно, пускай молчит. Чем больше неловкости, тем лучше отслеживать поведение.

Шайль видела убитого. Это не работа сородича. И точно не бромпир. Почерк людей узнается, хоть его и пытались скрыть. Первые подозреваемые, — соседи, — быстро отпали. Родственники — следующее звено в цепи. Примитивно, но в Освобождении все именно так и происходит. Шайль привыкла, что у любого дела разгадка достаточно простая.

Но почему женщина такая спокойная? Была бы замешана — разве не попробовала бы сыграть убитую горем родственницу?

— Вкусный чай, спасибо, — кивает Шайль. — Я хотела бы спросить, как много вы знаете о жизни брата?

— Почти ничего. Мы мало общались с тех пор, как я поступила на учебу.

— А где вы были вчера? Я приходила два раза, в третьей четверти дня и во второй части ночи. Вас не было.

Из-за этого Шайль не выспалась, но говорить об этом явно нет смысла.

— Видимо, мы разминулись, — озадаченно бормочет Зельда, протирая старым полотенцем стол. — Вчера я ходила по магазинам и встречалась с подругами.

Короткая улыбка со стороны детектива. Стул скрипнул, когда девушка поднялась. Холодильник, гудящий от напряжения кристаллов, неохотно открылся. Внутри только плесневелый сыр.

— У людей довольно быстро кончаются продукты, я так вижу? — спокойно замечает Шайль. — Не осуждаю, мне все равно не понять.

— Вы не предъявили ордер на обыск. Зачем вы лезете в холодильник?

— О, да? Простите. Я просто люблю холодильники. Живу в О-3, у нас там с ними все достаточно плохо, — Шайль демонстративно подвигала дверцей, делая вид, что любуется ее плавным ходом.

— Странное пристрастие. Но да, продукты кончились.

— Зато чай не кончился. Он действительно очень вкусный. Было бы жаль, не выпей я его.

— Вроде того, — улыбается женщина.

Ее водянистые глаза неприятно скользят по Шайль, но девушка делает вид, что не замечает. Неторопливо распивая горячее, рассматривает кухню.

— У вас замечательный дом, Зельда. Жаль, что вы тут так редко бываете.

— Простите?..

— Мысли вслух, — улыбается Шайль. — Много пыли повсюду. Даже тут, на кухонном столе. Смотрите...

Палец ласково скользит по деревянной поверхности, собирая серую грязь, пропущенную полотенцем. Девушка показывает перепачканную подушечку пальца Зельде.

— Вам хорошо подошла бы работа воспитательницей в интернате для девушек, — снисходительно улыбается женщина. — Замечаете любой грешок хозяйки.

— Думаю, как хозяйка вы прекрасно справляетесь. Просто этот домик вне вашего внимания. Почему так? Я бы с радостью жила здесь до конца жизни. Вид хороший, особенно если любите заводские трубы.

Зельда продолжает пить чай, ничего не отвечая. Детективу это нравится — отсутствие возражений тоже о многом говорит.

— А как ваши подруги поживают? — Шайль осматривается. — Надеюсь, их не мучает шум по ночам?

— Шум не мучает, у них крепкий сон, — Зельда степенно добавляет ложку сахара в чай.

— Прекрасно, прекрасно. Было бы удивительно, если бы несуществующий шум мог помешать. В конце концов, район О-2 не даром считается одним из самых тихих в Освобождении.

Ложечка сильнее заскрипела, перемешивая сахар.

— Думаю, что воздержусь от комментариев.

— Не страшно, не страшно, — Шайль замахала рукой. — Вы уж простите, что я заладила про О-2. Мне просто завидно видеть людей, живущих здесь. Тут много культурных событий проходит. Например, мой парень выступает этой ночью неподалеку.

— Правда?

— Да. У него своя рок-группа. Они играют для молодежи. Что-то в духе революционной музыки, но я сильно не разбираюсь. Сегодня должна впервые услышать их песни.

— Надеюсь, вам понравится. Хорошо, когда вторая половинка занимается чем-то **полезным**.

— О да. К слову, я тоже своего рода музыкант, — Шайль улыбается, запуская руку под полу куртки. Кобура с тихим щелчком выпускает массивный восьмизарядный револьвер. — Знаете, что это за оружие?

— Нет, я не разбираюсь.

«Левиафан М-3» опускается на стол, направляя дуло чуть в сторону от Зельды.

— Настоящее сокровище. Курок достаточно взвести только один раз: перед стрельбой. Видите, он уже взведен. После этого восемь выстрелов. Их можно совершить приблизительно за четыре полных вдоха. Представьте себе, две пули за вдох!

— Какой ужас.

— Да, **прекрасный** ужас. Но знаете, что самое любопытное? Звук. Сначала с грохотом взрывается порох, а потом можно услышать шлепок пули о цель. Не знаю, слышат ли его люди, но я слышу. Это похоже на музыку. Четкий ритм. Два выстрела за вдох, грохот-шлепок, грохот-шлепок.

И Шайль начинает постукивать по столешнице ладонью, отбивая знакомый ритм.

— Вы это имели в виду, когда говорили, что вы музыкант? — сдержанно улыбается Зельда.

Хотя ее лицо теперь выглядит немного измученным.

— Да! Именно. Музыка. Обожаю стрелять, — Шайль хватается за рукоять и прячет револьвер в кобуру. — Но мы отвлеклись от темы вашего брата. Как думаете, у него могли быть враги? Банальный вопрос, не правда ли?

— Враги... как и у любого другого человека в Освобождении. Здесь много **волколудов** и... других созданий, — Зельда делает глоток чая, отводя взгляд в сторону. — Думаю, у него могло быть достаточно врагов.

— Но не знаете наверняка, понимаю, — Шайль задумчиво кивает. — А могло ли такое случиться, что его убили люди?

— Нет! Что вы, невозможно. Я видела снимки, он **растерзан**. Только звери могли... кхм, — женщина успеваешь осечься. — Простите. Думаю, что это дело рук волколудов.

— Любопытная **мысль**, как для **женщины**, которая **не живет** в Освобождении.

— А я бы сказала, что это любопытная расстановка ударений как для зверолюда, который и сам терзает людей. Вы ведь наверняка терзаете? Хотя бы преступников.

— Хм, — Шайль прикладывает палец к подбородку. — Знаете, обычно я не люблю марать свои лапки в крови людей. Мне больше по вкусу сырая конина, которую я беру после работы себе на ужин.

— Вы предпочитаете лошадей?

— Да. Они более питательные. Люди в Освобождении редко могут похвастаться хорошим образом жизни. Мясо, знаете ли, становится жестким и пресным. Почти без жира. В О-3 много тощих нищобродов. На них даже охотиться неинтересно. Разве что, если питаться только костями...

Лицо обычного человека на этом моменте должно было дать трещину. Шайль прекрасно знает, как люди реагируют на подобные размышления. Но Зельда улыбнулась почему-то довольно.

— У вас обширный опыт, я погляжу.

— У вас тоже. Вы ведь на него рассчитывали, когда добавили в чай успокоительное? — Шайль делает несколько глотков. — Если верно различаю вкус, то это «утренняя звезда». Причем, настойка. Вы решили действовать наверняка.

— «Утренняя звезда»? Ну да, это хорошее средство для лечения нервов. Я пью из-за работы...

— Но на волколудов оно действует иначе. Вы не знали? — девушка с любопытством рассматривает Зельду.

Ее лицо почти ничего не выражает.

— Не знала. Как же?

— Удивительно, что из **всех** жителей Освобождения именно **вы** не знаете: «утренняя звезда» на нас действует сильнее. Особенно когда сочетается со спиртом. Мы засыпаем. Достаточно крепко, чтобы не проснуться даже из-за сильной боли.

— Вот как... мне жаль, что я по незнанию добавила вам свое лекарство.

— А мне жаль, что вы не позвали к чаю молодого человека из соседней комнаты.

— Простите?..

— Нервно притоптывает ногой. Ждет команды. Волнуется. Он боится волколудов? Или ему в целом некомфортно проворачивать что-то подобное? Странно, он весит около сотни килограмм. Если стены, конечно, не слишком тонкие...

Кулак Шайль постукивает по стенке.

— Нет, не тонкие. Значит, около сотни. Увесистый. Чуть тяжелее меня. Вы тщательно выбирали поделщика.

— Боюсь, вы что-то путаете. Это мой муж, — улыбается Зельда, но слишком натянуто. — У него нервное расстройство, он не любит гостей.

— Если не любит гостей — то почему переехал вместе с вами в арендованную квартиру? — Шайль недоуменно хмурится. — Остался бы в том городе, откуда вы приехали. Если, конечно, это действительно ваш муж.

— Почему вы думаете, что мы переехали? Это наша квартира.

— Женщина, я ведь не идиотка. Я детектив, — напоминает девушка и допивает чай. — Эта квартира сдается в аренду почти круглый год. Хозяйка заезжает сюда только в декабре, чтобы отпраздновать Новый год с друзьями детства, живущими в Освобождении. С теми «подругами», с которыми вы вчера виделись. Как раз когда взламывали квартиру своего брата.

Зельда качает головой.

— А почему на тебя не подействовал чай?

— Потому что я детектив, а не гребаная собака с улицы, — апатично отвечает Шайль. — Скажите, что было приятнее: смотреть на изувеченное тело вашего брата или наконец-то взломать сейф, до которого вы так хотели добраться?

— Думаю, и то, и другое достаточно приятно, — Зельда пожимает плечами.

Детектив поднимается, с тяжелым вздохом разминает поясницу.

— Вы быстро сдались.

— Это хорошо?

— Это скорее плевок мне в лицо. Вы думали, что по этому делу не проведут хотя бы минимальную проверку? Допрос соседей, отслеживание адресов, осмотр трупа и его имущества. В конце концов, личная почта убитого, которую вы не потрудились уничтожить. Вы халатно подошли к этому делу.

— Зато вы вправе собой гордиться, — Зельда поднимается. — Правда, что толку? Я заказала убийство, но главное было в сейфе.

— Я детектив, а не инспектор налоговой. Мне не нужно вести перечень имущества.

— Даже если это имущество напрямую может повлиять на жизни людей?

— Даже если так.

Шайль чувствует, как скука сковывает руки. Шайль надеялась, что это дело заставит поскрипеть мозгами, но все всплыло само собой. Примитивно и безвкусно. Даже в наркопритоне все обернулось интереснее.

— Эй, дружок-колобок! — кричит детектив. — Выходи-ка поболтать.

Дверь со скрипом открывается. Тяжелые шаги раздаются в коридоре. На кухню выходит не человек — ёрк. На волосатой морде почти вечная ёркская улыбка, в каждой лапе по здоровенному тесаку. Шайль морщится:

— Сложи оружие, и мы дружно поедem ко мне в участок.

— Заставь меня, **собачка**.

Тесаки приподнимаются, плечи напрягаются. Револьвер выскакивает из кобуры. Пуля выбивает крошево стены. Тесаки синхронно свистят.

Шайль чувствует движение Зельды за спиной. Выкручивается из-под удара ножа. Тесаки разрубают столешницу. Их движение гораздо быстрее прицельной стрельбы. Ёрк водоворотом закручивает оружие. Кухня слишком тесная.

Трехгранный клинок со свистом рассекает воздух. Бам-бам — револьвер отбивает курком ровный ритм. Шайль крутится, чудом проскальзывает за спину ёрку. Пинок ботинка почти неощутим — зато вот свистнувшее перед носом лезвие заставляет сердце замереть. Слишком быстро...

Шайль отскакивает дальше по коридору, отстреливаясь. Пули пробивают тело ёрка, а тот несется следом, не замирая ни на мгновение. Мясорубка в его руках заставляет вжиматься в стену. Это ловушка, но деваться некуда.

Револьвер выпускает последние пули. Одна из них роняет кровавую росу на стену, разрывая плечо в лохмотья. Ёрк ревет, замахиваясь здоровой рукой. Вторая висит. Это... шанс!

Детектив быстра. Трехгранный меч с достоинством принимает смерть, разламываясь надвое. Тесак уходит все ниже, ниже... и обломок меча с тупой силой вонзается в грудь ёрка.

Удар рукоятью револьвера в висок. Еще раз, еще. Здоровяк заваливается набок, но Шайль не может успокоиться, раскалывая его голову. Ревет, выплескивая боль из порезов в ругань и удары. Глаза заливают кровью из рассеченного лба, правый бок корежит воспоминание о лезвии тесака: снова и снова... Лишь когда глаза вываливаются из орбит ёрка, Шайль опускает дрожащую руку. На ватных ногах бредет по коридору обратно на кухню.

Зельда улыбается безумно, испуганно. Дрожа, бросается на Шайль, пытаясь попасть ножом в шею.

Захват. Хруст. Удар об пол. Девушка силой всех мышц швырнула Зельду через себя, сделав это с такой ненавистью, что локоть женщины не выдержал. Братоубийца вопит от боли. Дверь в дом с грохотом вылетает в коридор. Бобби замирает на пороге кухни:

— Стой!..

Полусапожек Шайль вминает каблук в лоб Зельды. Снова. Снова. Лишь когда крови детектива застыла, из-за чего конечности замерли, девушка прекратила.

— Успокойся, **псина**, — шипит Бобби, силой магии контролируя разъяренную волколюдку. — Хватит! Успокоилась?

— Успокоилась, — сипит Шайль.

Кровь потекла по венам и из ран. Захват магии сошел на нет. Девушка с отвращением передернула плечами. Сплюнула. Утерла глаза.

— Проклятые люди.

— Давай без **расизма**, мы здесь по работе, — просит Бобби, опускаясь на колени рядом с постанывающей Зельдой.

— Еще раз услышу это проклятое слово — вломлю кому-то в челюсть, — бормочет Шайль, уходя прочь из кухни, в коридор. И кричит через плечо: — Вытаскивай эту шалаву на улицу! Ей скоро в тюрюгу, скотине гребаной.

— Стой! А ты доказательства имеешь?

— Она сама призналась, а меня чуть на бифштексы не порубили. Как думаешь, достаточно для того, чтобы закрыть дело? — недовольно спрашивает детектив. — Кончай трепаться, **овце**. Мне нужна проклятая первая помощь. Я сейчас кровью истеку.

— Могу помочь с вытекающим, — Бобби позволяет себе хохотнуть. — Пахнет вкусно.

Шайль заскрипела клыками и вышла в подъезд, игнорируя перепуганные взгляды соседей, взбудораженных стрельбой и грохотом. Детектив **устала** говорить. Лучше перезарядить револьвер. Вдруг пригодится...

F.M.

Глава 3: День 1-2

Ей было больно. О да. Ужасно больно. Шайль терпела весь день, заполняя отчеты и объясняя случившееся Зойду. Толку от бинтов большого не было, приходилось терпеть.

И теперь девушка наконец-то дома. Ковыляет, хромая на подрезанную ногу. Доходит до кухонного стола, одна из ножек которого была малость короче других. Кидает сверток плотной бумаги на столешницу.

— Ужин подан, — бурчит, доставая из кармана пачку сигарет.

Весь день она не могла найти свободное время, чтобы покурить. И теперь настало время **совершить** это. Плевать, что пачка сильно помятая, а сигареты внутри надорвались и просыпали табак. **Хоть одна** уцелела ведь?

— Мать твою, — Шайль с раздражением кривится.

Ни одной целой. Придется курить то, что еще можно курить. Достав огрызок подлиннее, пристраивает фильтр на губах. Зато зажигалка все еще работает.

Шумно затянувшись, жадным движением дергает за один из концов нитки, развязывая бантовый узел на свертке. Разворачивает бумагу, шуршащую и трещащую под безжалостными пальцами.

Кусок сырого мяса, вымоченного в солинаде. Пахнет не только плотью, но и специями. Шайль чувствует, как слюна заполняет рот. Шайль наклоняется. Шайль с наслаждением вдыхает запах. Так сильно, будто пытается всосать еду носом.

— Великолепно... — восхищенно шепчет, не решаясь приступить к трапезе.

Тело болит, желудок возмущенно урчит, сознание слабеет, уступая животной натуре. Но Шайль не торопится. Подобное удовольствие можно позволить себе лишь раз в день. Больше получить за талон не получится.

Волколюды опаснейшие хищники на все шесть миров. Некогда свободные, теперь же — связанные законами Мирового совета. Питание мясом контролируют, не давая раскормиться. Устраивает ли это прирожденных охотников? Вряд ли. Но таковы законы чужого мира. Приходится соответствовать запросам **цивилизации**.

Шайль доводит себя до иступления. Нервно докуривает, не отрывая жадного взгляда от куска плоти. Втыкает окурочок прямо в стол, оставляя на столешнице новый черный шрам. Касается мяса. Гладкого, сочного... Сжимает его, проталкивая пальцы вглубь волокон. Поднимает, откидывая прочь бумагу. Вгрызается, размазывая по лицу солинад и запах мяса. Жадно грызет. Рвет мясо клыками. Рычит. Чувствует, как зверь внутри обретает силу. Почти не жует, плотая прямо так. Куски мяса проскальзывают в желудок, оседая там приятной тяжестью. Это отодвигает на второй план все остальное: жажду, боль ран, усталость и плохое настроение. Все теряет значение, есть лишь волколюды и мясо. Сырое, вкусное мясо.

Шайль приходит в себя лишь когда язык начинает скользить по пальцам, слизывая остатки запаха. Моргает, уставившись на обнищавший стол. Вздыхает. Ее плечи поникают, взгляд теряет искру. Брови хмурятся. И настроение портится еще сильнее, чем до этого.

Детектив ругается. Поднимается, наступая на брошенную пачку сигарет. Та лежит на полу, одинокая и больше не нужная. Из холодного чайника льется кофе. Кружка с надписью «Собачка, гав!» привычно ложится в руку. Окурочок, брошенный туда утром, тоскливо плавает на поверхности. Шайль отпивает, игнорируя запах табака. Бредет прочь из кухни, добираясь до своей спальни. Оставляет чашку лишь на один вдох, чтобы стянуть с себя кобуру и

вытащить из кармана куртки удостоверение. После этого наступает время созерцания.

Шайль смотрит в небо. Неторопливо пьет кофе. Слышит шарканье тапочек по правую руку. Но голову не поворачивает.

— Уже вернулась? — громко спрашивает сосед.

— Ага.

— Как денек?

— Как всегда.

Шайль бросает взгляд на парня, который приобрел дурную привычку выходить на балкон в то же время, что и детектив. Привычка формировалась долго, пока сосед наконец-то не запомнил, когда девушка возвращается с работы. Иногда он поджидал ее, если Шайль задерживалась, а иногда — выходил чуть позже. Все зависело от самого детектива.

— То есть, «херьня»? — сосед легко запомнил любимое слово Шайль.

— Ага.

Девушка стабильно не обращает внимание на попытки парня привлечь к себе **особое** внимание. Так же, как и не обращает внимание на его клыкастые зубы и насыщенный цвет глаз. На его прическу, которая стала подозрительно похожей на прическу Шайль. На его сильные руки, вечно сжимающие перила балкона так, словно хотят сдавить до треска и щепок.

Обычный процесс заигрывания волколюдов, живущих по соседству. Походить друг на друга, демонстрировать силу, оказывать внимание. И запоминать буквально любую мелочь, касающуюся заинтересовавшей особи. **Особь**. Шайль знает, что она просто особь, у которой есть секрет. Как только дойдет до секрета — девушка потеряет даже это скромное звание. Станет просто неинтересной фигурой на соседнем балконе.

Может, поэтому девушка до сих пор ничего не сказала.

— Ты сегодня не куришь? Опять сигареты кончились? — спрашивает сосед. — Держи мои!

Шайль ловит пачку, несмотря на стрельнувший болью бок. Бросает взгляд на марку — ну да. «Перепел». В народе — «Перепил». Крепкие. С сильным запахом. Настолько, что он способен заглушить запах перегара. Или крови. Смотря кто курит.

— Спасибо.

Толстая и длинная сигарета лежит в пальцах непривычно. Пачка летит обратно в руки хозяина. Зажигалка щелкает. Несется дым, не такой едкий, как у сигарет Шайль, но гораздо более пахучий. Он быстро смывает запах мяса, оставшийся на губах. Настроение девушки улучшается. И она вдруг с удивлением ловит себя на взгляде, брошенном в сторону соседа. Голову пронзила короткая мысль: «А от его губ тоже пахнет мясом?», — но Шайль тут же себя одернула.

— Чего грустная? — спрашивает сосед, закуривая следом за девушкой.

— Луны не хватает, — отшучивается детектив, но ее поняли буквально.

— Да, знакомо. В нашем мире она большая и красивая. А тут... позорище, не луна. Еще и балкон выходит на драное небо.

Кулак парня с глухим стуком бьет по плотной материи несколько раз. Волколюд встряхивает кистью. Сплевывает куда-то прочь с балкона, вниз. Поднимает взгляд на Шайль, которая смотрит **слишком** неотрывно.

— А чего ты перебралась сюда? Не в О-шку, а в целом. В этот мир. Все забывал спросить.

Девушка задумалась над ответом. Не хотелось говорить правду, но и увилывать — тоже. **Особенно** врать. Поэтому в голове, наполненной усталостью, начали вяло перекатываться слова. Стоит ответить в духе волколюдов.

— Луна преследует меня даже днем. Я бегу от нее, пытаюсь обрести **покой**, — хрипло отвечает Шайль.

— Ты тоже... — вздыхает сосед. — Мне жаль.

На короткий вдох слабая надежда загорается внутри детектива, но девушка не дает ей разрастись. **Нет, этот волколюд не такой же.**

— А где твой парень? — переводит тему сосед. — У вас сегодня тихо. Только твои шаги за стеной и слышно.

— Сначала скажи свое имя.

— Да, прости. Я Гириом. А ты — Шайль.

— М? — бровь девушки приподнимается.

Она никогда не знакоилась с соседями.

— Шайль... — хрипло стонет Гириом, содрогаясь всем телом. — Шайль! Ша... а... о да... ох, я кончаю!..

Девушка покраснела и отвела взгляд в сторону. Она поняла, что это не пошлая шутка, а обычная издевка. Слишком легко вспыхнули воспоминания.

— Угу, понятно, — отзывается, наблюдая за тлеющей сигаретой, которую смущенно крутит в своих пальцах.

— Не обижайся. Таким счастливицам можно только позавидовать.

— Не переходи грань, мы просто соседи.

— Просто сказал к слову.

Тишина сгустилась. Но она была почему-то приятной. Шайль скосила взгляд и увидела улыбку Гириома. Усмехнулась в ответ. Несмотря на то, что не хотела позволять себе лишнего.

— Так где он?

— Концерт дает, — кисло ответила Шайль.

— А ты чего не с ним?

— На работе тяжелый день. Сил добираться нет. А там еще музыка громкая и... — девушка заткнула свой рот сигаретой. Выдохнула дым.

Иногда, сбрасывая личину детектива, Шайль с удивлением замечала, что становится робкой. Не во всем, конечно же. Может, виной тому раны и усталость. Сегодня еще и запал девушки неплохо прогорел. Теперь хотелось забыться сном, но волколюды не могут проспать всю ночь как какие-то люди. Хоть прибеи, хоть пристрели.

— А что он играет? — Гириом невозмутимо закуривает вторую сигарету и бросает пачку на балкон Шайль. — Давай пообщаемся. Кажется, нам обоим нечем заняться.

— Какой-то рок. Или что-то такое.

Девушка наклоняется и достает себе еще одну сигарету. Окурок предыдущей бросает в кружку с остатками кофе. Закуривает и перебрасывает многострадальную пачку соседу.

— Рок? Да ни в жизнь не поверю, что кто-то позвал волколюда на рок-концерт. Ты что, собиралась пойти?

— Вроде того.

Дым красивыми завитушками струился кверху, робко касаясь темного неба.

— Да ну. Ради чего? Хочешь оглохнуть, что ли?

Шайль только улыбнулась.

— А если я в детстве мечтала быть рок-звездой?

— Ну да, ну да. Простите, будущая королева, — Гириом насмешливо поклонился. — Я не знал, что Тихая Ненси ваш кумир.

— Она была. Действительно была, — с удивлением для себя осознала Шайль.

Тихая Ненси — знаменитая волколюдка. Она жаждала покорить людскую рок-сцену, чтобы доказать, что даже в зверином начале есть тяга к искусству. Целых пять лет Ненси взрывала любую публику, которой давала концерты. Волколюдка рычала и визжала в магофон, доводя себя до состояния кровоточащих ушей. Ее рок до сих пор считается одним из самых агрессивных и **крутых**. Жаль только, что после пяти лет триумфа Ненси встретили глухота и немота. Связки слишком ослабли, чтобы издавать что-то кроме редкого тихого шепота. Королева рока умерла навсегда, даже если продолжила жить на остатках бывшего успеха.

— Какая песня была любимой? — спрашивает Гириом.

— «Чернота ванильных небес», — Шайль позволила себе честный ответ.

Хотя **цивилизованное** общество не слушает такую музыку. И даже не замечает ее существование.

— Хм. Близко. Мне нравится другая песня этого альбома.

— Какая?

— Угадай. Ты ведь детектив, — Гириом подмигивает, заставляя девушку напрячься.

А потом она вспоминает, что по утрам почти всегда кричит и ругается. На работу. На удостоверение. И на прочее. Шайль расслабляется. Всего лишь сосед, не какой-то там **крутой** преступник, который объявил охоту на детективов.

Взгляд зеленых глаз оценивающе скользит по фигуре Гириома. Сосед в черной майке и таких же штанах. Штаны... спортивные. Удобные. Такие носят уличные отбросы, любящие побегать по крышам и разбить ботинками пару рож. Шайль сама носила похожие штаны. Когда-то.

На руке Гириома татуировка. Шайль приходится напрячь зрение, но она различает нанизанный на нож череп.

— Тебе нравится «Блядский рой», — без тени сомнения отвечает девушка.

— А помнишь, о чем эта песня?

— «В башке их голоса, не секу я ваше вонючее нытье», — Шайль, перебарывая смущение, делает **такие же** паузы, как исполнительница, когда-то оравшая в магофон. — «Хрипеть, кричать, стонать горазды вы вполне, блядский рой расистов»... Вроде как-то так?..

— Неплохо, — усмехается парень. — А теперь я продолжу.

Гириом крепче хватается за перила. Спина горбится. Голова опускается. В глубинах его горла зарождается рык. Растет, крепчает и вылетает на свободу:

— **Мясо и слезу хищник жаждет!** — протяжно извергает волколюд, растягивая слова так же, как это когда-то делала королева рока; его связки вибрируют, выводя вопль на новый уровень. — **Славу и печаль хищник заберет!..**

Шайль теряет дар речи. Стоит, окаменев. Чувствует, как уже стихший вопль до сих пор гуляет по задворкам сознания, расплескивая липкий страх. Но вместе с ним — и приятную томность, зарождающуюся под полотном первобытного ужаса. Голос Гириома настолько сильный, что даже не нуждается в музыкальном сопровождении. Тем более, Шайль и так

помнит быструю, рваную музыку, на которую не ляжет ни одна рифма. Только ритм. Полный невыразимой ярости.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает парень; теперь его голос звучит **слишком** мягко.

Это выводит Шайль из ступора. Она моргает, возвращая взгляду осмысленность. Кивает.

— Да. Звучало **круто**. Ты тренировался?

— Нет, но я иногда рвал глотку наедине с луной. Все-таки, моя любимая песня, глупо не петь ее, — довольно скалится Гириом. — Хорошо, что тебе понравилось.

Шайль молчит, пытаясь разобраться в своих чувствах. Она навидалась волколюдов, привыкших демонстрировать мужественность грубыми фразами и силой мышц. Но впервые встречает соплеменника, который может выразить себя коротким куплетом, исполненным слишком хорошо. Настолько, что Гириом мог бы занять место рядом с королевой рока. А то и превзойти ее... Во всяком случае, в глазах Шайль.

Девушку беспокоит происходящее. Она редко говорит с кем-то по душам. А тут вдруг...

— Меня раздражает, когда люди жалуются на ругань в текстах Ненси, — признается Гириом, выдыхая облачко пара.

Холодок подобрался? Или у парня разгорелось нутро?

— Разве жалуются? — спрашивает детектив, кидая окурок в «пепельницу».

— Раньше — постоянно. «Слишком много мата», говорят. Бесит.

Шайль задумалась, вспоминая манеру разговора своих братьев и сестер.

— Да. Меня тоже бесило бы, — подумав, отвечает. — Матерная речь — это привычка людей. Зачем винить Ненси в том, что она переняла ее?

— Нам ведь, волколюдам, не нужно на самом деле изрыгать ругань, — парень сжимает кулак, глядя на натягивающиеся жилы. — Наш язык — грубая сила, инстинкт охотника.

— Но он уже долгое время подавлен людьми. В этом новом общем Мире, — бормочет Шайль, вспоминая свой ужин.

— Именно. Мы кричим и ругаемся, потому что нам связывают руки. Лишают нас когтей, которыми можно доказать свою правоту.

— А Ненси просто показала это. Показала нашу природу в **цивилизованном** мире... Хотя могла побережь глотку для детей.

Девушка вспомнила тихие песни своей матери и почувствовала тоску, наполнившую сердце.

— Да. Она вышла на сцену, чтобы показать людям наше истинное лицо. Лицо скованного цепями зверя.

— И она с этим справилась, — кивает Шайль. — Вот только никому не было до этого дела. Всем плевать. Кроме нас.

— Кроме нас.

Гириом качает головой, глядя в одну точку. Она находится рядом с Шайль. Очень близко к ее лицу. Но все же — взгляд смотрит куда-то дальше. Возможно, упирается в черничную твердь, и Гириом представляет, что она бесконечна.

— Шайль, — тихо зовет парень.

— М?..

— В какое время ты ешь мясо?

— Ночью. После работы.

— Значит, ты сумеречная хищница, — улыбается Гириом, подмигивая. — А я люблю днем. Когда солнце только загорелось.

Шайль не знает, что ответить, и потому молчит. Смотрит в кружку с остатками кофе, в которой плавают три окурка. Вытягивает руку над перилами и переворачивает. Черная струйка и скользящие по ней бычки — все летит вниз с четвертого этажа.

— Подарить тебе пепельницу? — Гириом провожает взглядом улетающий мусор. — Мне больно видеть, как ты пьешь кофе с сигаретами.

— Не знаю. Если хочешь — подари, — голос Шайль вдруг становится отстраненным, безразличным. — Мне нужно в дом.

Гириом вскидывается:

— Постой! Как насчет того, чтобы завтра позавтракать вместе?

— Я не успею сходить за мясом для себя, — улыбнулась Шайль.

— Я поделюсь своим. А ночью ты поделишься своим. Что думаешь?

Некоторое время девушка молчит, задумчиво раскачиваясь на подошвах полусапожек. Это провоцирует боль, а боль — успокаивает и отвлекает.

— У меня есть парень. Так что не получится.

— Точно... — вспоминает Гириом. — Парень. Да. Конечно. Ладно, хорошей ночи!

— Бывай.

Они зашли в свои квартиры, оставив на балконах улыбки и разговоры про давно забытую певицу. Шайль устало опустилась на кровать. Стянула с себя куртку, ругаясь на боль в боку. Раны должны были затянуться. Особенно после порции свежего мяса. Только это не значило, что боль утихнет. Волколюды быстро восстанавливаются, но шрамы еще долго беспокоят.

Вслед за курткой Шайль сняла с себя подранный гольф-безрукавку, оголяясь. Коснулась забинтованного бока. Рука будто сама по себе скользнула к груди. Палец остановился возле светлого соска. Девушка прикрыла глаза, чувствуя, как волны подхватывают тело. Рухнула на скомканное одеяло. Клыки закусали губу. Шайль до сих пор слышала голос Гириома где-то внутри себя. Чувствовала вибрацию его рыка, пробирающегося под кожу.

Ремень штанов с тихим щелчком растянулся. Девушка тихо вздохнула, чувствуя, насколько сильно возбуждена. Невольно раздвинула ноги, подавшись навстречу пальцам...

Дверной замок звякнул раз. Второй. Раздались шаги. Слишком неуверенные и хаотичные для того, чтобы принадлежать трезвому. Шайль прикрыла глаза, стиснув челюсти. **Конечно же.**

— Ты дома? — спрашивает Джуд, сражаясь с заплетающимся языком. — Потому что я уже дома...

Шайль тихо одевалась, морщась и скрежеща клыками. Она успела натянуть гольф как раз перед тем, как Джуд завалился в комнату. Буквально. Его худое тело рухнуло на пол, громыхнув кулем мяса и костей.

Девушка поморщилась от запаха спиртного. С недоумением посмотрела на лежащего почти-мертвеца.

— Живой? — осторожно спрашивает, касаясь плеча металлическим носком сапожка.

— Ты... не пришла... — бормочет Джуд, вкладывая в эти слова последние крупницы дыхания.

«Сдох», — промелькнуло в голове Шайль. Но разбираться с трупом не хочется. Не в эту ночь. Не с таким **вязким** разочарованием внутри. Пусть валяется до утра, может, запах алкоголя куда-то денется.

Подхватив со стола кобуру, девушка вышла из своей спальни, направившись в гостевую.

В ней когда-то спал Джуд, выплачивая ежемесячно арендную плату. **Когда-то.** Однажды кровать перестала видеть молодого рокера. А Шайль — перестала получать деньги.

Завалившись на давно остывшую постель, детектив с тяжелым вздохом прикрыла глаза. Голос Гириома перестал тревожить. И это больше расстраивало, чем радовало. Вернулась боль. Вернулась досада.

Девушка не была довольна тем, как закончилось последнее дело. Случилась бессмысленная мясорубка, виновные определены, но в этом всем не хватает важной детали.

Слишком важной, чтобы Шайль могла спокойно закрыть дело. Нужно найти зацепку. Хотя бы одну, крошечную как личность рокера в соседней комнате. **Что-то** точно есть.

Ходят байки, что волколлюдом всегда снится одно и то же — Охота. Но Шайль, проснувшись с рукой меж ног, получила доказательство обратного. Если Охота и снится, то **явно** не каждую ночь.

Брезгливо скривившись, девушка встряхнула кистью, словно пытаясь очистить ее. Некоторое время старалась понять, почему окружена незнакомыми вещами. Потом вспомнила.

Часы на стене давно перестали отсчитывать время. Это ведь не ее часы. Она за ними не должна следить. За окном светло. Но... **как давно?**

Поднявшись со стоном боли, Шайль хватается кобуру. Старичок «Левиафан» готов оторвать руку. Сил в это утро меньше, чем обычно.

В коридоре ее встречает заспанный Джуд. Волосы растрепаны, но все еще хранят на себе укладочную помадку. Черные тени вокруг глаз потекли. Шайль замечает на шее парня **характерный** синяк и хмурится. То же делает и Джуд.

— Проснулась наконец-то? Тебя не добудишься.

— А ты не особо и пытался, думаю, — отмахивается детектив.

Мимолетный взгляд на часы. Великолепно. **Супер.** На работу сегодня точно не опоздает. Видимо, проснулась с первыми лучами. Повод для гордости, объясняющий отсутствие сил.

— Я ночью проснулся с ужасной головной болью, — пожаловался Джуд, следуя по пятам за Шайль. — Так что нет. Пытался.

— О, ты хотел заразить меня мигренью? — невозмутимо спрашивает девушка. — **Мило.**

— Я хотел узнать, где ты держишь микстуры от боли.

Детектив бросает взгляд через плечо, отвлекаясь от чайника, в котором скоро будет вариться кофе.

— Ты живешь со мной три месяца и до сих пор не запомнил, что у меня нет лекарств для **людей?**

— Точно! — спохватился Джуд, шлепнув себя ладонью по лбу. — **Волколлюд.** Как я мог забыть?

— Я тоже удивлена, — холодно отвечает детектив, кидая в чайник лишнюю ложку кофе. И еще одну. Для надежности.

Удивлена она не только тому, что Джуд не знает о лекарствах, но и тому, что пытался ее разбудить. Видимо, еще одна маленькая причина слабости в теле. Волколлюдов не добудишься, если они уснули; но помешать отдохнуть — вполне получится.

— Кстати, — парень уселся на стул, уперся локтями в шатающийся стол.

Четвертая ножка по-прежнему короче остальных. Ничего не поменялось. Это все еще реальный мир.

— Если ты хочешь спросить, почему я не пришла на концерт... — начинает Шайль, но ее перебивают.

— Я и так знаю. Тебе пофиг, вот и все. Другое хочу спросить.

— **Что?..** — детектив оборачивается, звякнув ложкой по чайнику. — «Пофиг»?

В ее зеленых, еще не проснувшихся глазах плещется не удивление — но шок. Гораздо более глубокий, чем хотелось бы испытать с утра.

— Пофиг — это когда наплевать, — объясняет Джуд, решив, что волколлюд не знает человеческое словечко. — Короче, о другом. Ты когда выходной планируешь брать?

Ложка опасно замирает в пальцах Шайль. Рокер с недоумением смотрит на волколлюда, дожидаясь ответа. А девушка молчит, пытаюсь сориентироваться: она зла, расстроена или **безумно** зла?

— Ты чего зависла? — спрашивает парень и достает пачку сигарет из кармана.

«Луна». На пачке написано «Луна». Это довольно дорогое курево. Но Шайль не концентрируется на детали, поглощенная собственным хаосом эмоций. Почему-то ее задело. Первый ли это парень? О нет, не первый. Тем не менее, слово «пофиг» заставило сердце детектива дрогнуть и замереть, наполняясь яростью. Все же яростью, да.

Сигарета пускает прозрачный дымок. Джуд затягивается, мрачно улыбаясь. Он **думает**, что мрачно. Но эта улыбка скорее как горсть стекла, которую сыпанули в глаза Шайль.

— Почему «пофиг»? — тихо спрашивает девушка.

— Было бы не пофиг — пришла бы, — с готовностью объясняет Джуд. — Слушай, давай не об этом. Я сильно расстроен тем, что ты нарушила обещание. Я всем уши прожужжал тем, что моя девушка появится. А в итоге оказался... как лох.

Возможно, Джуд и есть лох. Но он об этом не подозревает.

— То есть вот **это**, — Шайль обводит себя рукой, — тебя не беспокоит?

Надорванный гольф, под которым виден бинт. Тонкий пластырь, наклеенный на лоб. И еще один, поменьше, — на виске. Разрезанная штанина, под которой щедро замотанное бедро.

Тем не менее, «беспокоит» не совсем то слово. Вряд ли Джуд может волноваться о чем-то подобном. Скорее всего, он даже не обратил внимания. Во всяком случае, все указывает именно на это. Рокер изучает детали, но все же непонимающе качает головой:

— Не понял.

— Меня вчера почти на рагу пустили. Я дралась с двухметровым ёрком, который тесаками машет как пьяница бутылкой. Мне было **немного** не до шумных вечеринок.

— Это был **концерт**.

— **Шумный** концерт. С **шумными** людьми.

— Людьми, которым я **пообещал**, что ты придешь, — настаивает Джуд.

— «Пообещал»?

— Ну да. Мне не верят, когда я говорю, что встречаюсь с волколлюдкой.

— Вот как.

Шайль поворачивается к чайнику, в котором тоскливо плавает кофейный порошок. На это смотреть чуть приятнее, чем на Джуда. Девушка накрывает посудину крышкой и ставит на толстую плиту. Щелчок — металл разогревается магическим кристаллом.

— Так что насчет выходного? Когда собираешься брать? — напоминает Джуд, докуривая дорожную «Луну».

— Смотря для чего, — удивительно спокойно отвечает Шайль.

— У меня встреча со спонсором. Хочу хотя бы туда тебя привести.

— Зачем?

— Ты ведь моя девушка, — слащаво напоминает Джуд. — Я хочу, чтобы ты видела, как моя группа расцветает. Сначала спонсор, потом репетиция. Надо ведь тебе наконец-то послушать мою музыку.

«Моя», «мою». Слишком много. Джуд думает, что это **все** принадлежит ему? И даже Шайль? Она вряд ли с таким согласна.

— Лучше подумай, куда ты будешь приходить после концертов, — тихо отзывается девушка. — Про мой выходной не волнуйся, когда возьму — тогда возьму.

Джуд замолкает. Его лицо покрывается маской недоумения, но этого детектив не видит. Она смотрит на чайник. Не слишком интересное зрелище, но лучше, чем ничего, сидящее позади нее.

— Объясни? — тихо просит Джуд.

— Я не **твоя** зверушка, которую можно показывать всем. Странно, что ты забыл об этом.

— Ну...

— Как и о том, что в эту квартиру не приходят пьяными в стельку, воняя дерьмом, ссаньем и другой самкой.

— Так я ведь...

— Наконец, ты забыл о том, что я тебе ничего не должна. Музыкальные репетиции, видимо, плохо влияют на память. Купи себе витамины.

— Ты чего, малышка?

Тощий рокер поднимается со стула, оставив окурок на столе. Он ниже Шайль на добрый десяток сантиметров, а потому без особых проблем пристраивается подбородком на плече девушки. Его жилистые руки обвивают торс детектива, ощупывают мышцы пресса... и задевают **бинты**.

Короткий рык сопровождается глухим ударом. Ложка хлестко ударяет Джуда по лбу, и тот отскакивает назад, вскрикивая от неожиданности.

— Ты чего?! — парень держится за ушиб, пока из-под ладони на переносицу стекает кровь.

Шайль морщится, пытаясь отогнать запах добычи.

— Собирай шмотье и сваливай отсюда.

— У нас вообще-то договор на аренду...

— Ты его просрал, когда задержал платеж на полтора месяца. Сваливай.

— Я заплачу вечером! Все хорошо, успокойся...

Шайль поворачивается к Джуду.

— Ты понимаешь, что я тебе яйца выкручу? — спрашивает, помахивая ложкой. — Вали, пока я не взялась всерьез.

— Ты меня ударила! — Джуд вдруг ощущает уверенность.

Она ведь ударила. Вот прямо по лбу ложкой вмазала. Снять побои и написать заявление... А там, глядишь, и...

— Чем я тебя ударила? — спокойно спросила Шайль.

— Ложкой.

— Докажешь?

— Легко! Могу хоть сейчас!

— Удачи. Продумай все хорошенько, пока собираешь вещи.

Чайник забурлил, вываливая через носик клубы пара. Щелчок — кристаллу суждено остыть. Любимая кружка осталась в спальне. Шайль невозмутимо хватает чайник прихваткой и выходит с кухни, оставляя Джуда стоять посреди нее в растерянности.

По пути девушка размышляет: а как вообще так получилось, что ее посчитали собственностью? Спонтанный секс, переросший в регулярный. Помогает сбросить напряжение. Но как все дошло до слов «**моя малышка**»? Концерт вскружил пареньку голову? Почувствовал вкус популярности?

Впрочем, последние недели эти отношения ограничивались совместным сном в одной кровати. Не слишком-то интересно. Лучше бы платил за жилье, чем вот так...

Нахрен. Очередной паренек, который неправильно воспринял внимание со стороны Шайль. История стара как мир. Она будет повторяться и дальше. С волколлюдами девушке встречаться незачем. Самка из нее так себе.

Чайник выставлен на пол балкона. Кружка приятно греет руки. Позади копошится Джуд, собирая скромные пожитки и что-то бурча. Большую часть своего **дерьма** рокер держал в зале для репетиций группы. Так что сумка быстро перестает наполняться.

— Ты уверена? — парень выходит на балкон, останавливаясь перед плотным небом. — Нам было хорошо вместе.

— Посредственный секс и одна пачка сигарет на двоих — это не «хорошо», — отвечает Шайль, не отводя взгляда от лазури. — Это просто «никак».

— Значит, ты игралась?

— Вроде того. Ты ведь не думаешь, что волколлуду очень уж интересно встречаться с **тощим, слабым** человеком?

— Нимфоманка, — усмехается Джуд. — Ладно, спасибо за опыт. Удачи тебе. И... закрой за мной дверь.

— Закрою, — спокойно отзывается Шайль.

Некоторое время стоит в тишине. Только девушка, кружка с рисунком собачьей лапы и небо. Пустое твердое небо.

— Значит, ты игралась? — тихо спрашивает Гириом. — Ты, получается, та еще сердцеедка?

— Вроде того, — Шайль позволяет себе усмешку несмотря на то, что в груди довольно неприятно клокочет усталость.

— Значит, госпожа сердцеедка ищет новую жертву? Все-таки позавтракаем?

Девушка переводит взгляд с неба на Гириома. Славный волколлуд. Крупный, сильный, в глазах блестит ум. Улыбка, которую сложно понять. Взъерошенные черные волосы. Жесткие. Наверняка очень жесткие. Красавчик. И тоже любит Тихую Ненси. Но смотреть на небо все равно приятнее, поэтому Шайль отворачивается.

— Не трать время на **безмордую**, Гириом. Оно того не стоит.

— Ты безмордая?..

— Да. Скажешь, что ты тоже, — не поверю.

Шайль так и не услышала ответ. Гириом ушел молча. И его шаги расслышать не удалось. Когда девушка повернулась, парня уже не было. Пожав плечами, детектив отпила еще

горячий кофе и пробормотала:

— **Хоть бы один** сигаретой на прощание угостил...

В это утро Шайль вдруг резко поняла то, что пыталась понять уже некоторое время.

Не стоит стесняться. Тем более, что безмордая волколюдка — это не так уродливо, как не-зеленый боблин. Шайль все еще привлекательная девушка и хороший детектив. Такой она собирается оставаться. А все остальное пусть идет **нахуй**.

F.M.

Глава 4: День 2

Горячая вода стекает по ее телу, обжигая кожу и омывая свежие шрамы. Каждое движение рук заставляет мышцы бугриться. Шайль с нажимом проводит по животу жесткой мочалкой. Запрокидывает голову, жмурится, позволяя воде стекать по шее на грудь. Отходит на полшага, выдыхает. Ласковое прикосновение к кранику. Пальцы закручивают вентиль, прекращая подачу воды. Девушка заглаживает мокрые волосы набок. Фыркает. В тесной душевой кабинке ей лишь чудом хватает места, чтобы обтереться влажным полотенцем. Комнату наполняет пар, молочной дымкой укутывая зеркало. Шайль проводит по нему ладонью, стирая влагу. Мрачно смотрит на отражение. Лицо уставшее. Но девушка знает, что справится.

Толкнув дверь ванной комнаты, обнаженная выходит. Прохлада резко пробегает по коже, заставляя ее покрыться мурашками. Шайль улыбается от этого чувства, шлепая босыми ногами по грязноватому полу.

«Нужно будет нанять кого-то для уборки», — думает мельком, пока идет в спальню.

Запах перегара не успел сбежать вслед за своим хозяином. Шайль фыркала и чихала, пока искала подходящую одежду. Ее было не так много. Казалось бы, это должно упрощать поиски подходящей; но почему-то делало все лишь сложнее. Шайль с недоумением посмотрела на халат, который достала из мрачных глубин.

— А ты здесь откуда? — тихо спросила у комка ткани, поеденного молью.

Этот халат еще со времен жизни с опекуном. Задумчиво кинув комок на кровать, Шайль нырнула в поиски «с головой».

Но ничего лучше спортивной одежды не нашла. Штаны, похожие на те, что носит Гириом, были местами потемневшими от не до конца выстиранной крови. Футболка с парочкой красноречивых дырок в районе живота и яркой надписью: «**Сила. Превосходство. Триумф**». Кепку Шайль от греха подальше оставила валяться на полке.

По-быстрому одевшись и поморщившись от собственного вида (и это, по-вашему, детектив?), девушка достала с нижней полки старую пару красных кроссовок. Натянула на босую ногу, потопала, проверяя, как сидят. Судя по тому, что Шайль тут же рванула к ящику стола, в котором **точно** должно лежать удостоверение, — кроссовки сидели отлично.

— Твою мать, — выругалась девушка, заметив тоскливые ручки.

В этот раз они прокатились до противоположного края ящика без проблем. Заозиравшись, девушка попыталась вспомнить, куда положила удостоверение. Но ничего путного в голову не приходило. Так что лучше надеть сначала кобуру и, застегивая ремешки, хорошенько подумать: куда ты дела свой документ, Шайль?

Сдернув со стола куртку, девушка успела заметить удостоверение, слетевшее на пол и скользнувшее под кровать. Опустилась на четвереньки.

— Ты серьезно?..

Удостоверение лежало в самом дальнем углу.

Фуникулер медленно плывет по стальным жилам Освобождения. Взмокшая Шайль стоит, тяжело дышит, матерится и глядит вслед вагону.

— Тоже опоздала? — спрашивает знакомый голос.

Девушка бросает взгляд в сторону, хотя и так знает, кто стоит рядом. Тот самый толстяк, постоянно отирающий лицо пожелтевшим платком.

— Нет. Сегодня я **не** опоздаю, — бросает Шайль и, раньше, чем ей успевают ответить, ступает вниз.

Куда? Туда. Вниз. С края платформы, к которой причаливают фуникулеры. До земли добрых пятьдесят метров. Но девушку это только раззадоривает.

Детектив, по оценкам комитета физической подготовки, обладает силой, но не гибкостью. Шайль и сама прекрасно осознает собственные возможности. Поэтому даже не пытается цепляться за перекладины, калечить провода и чужие веревки для белья, изворачиваясь в воздухе. В этом нет никакой нужды. Шайль просто **бежит**.

Именно так. Бежит прямо вниз. Кроссовки созданы специально для нужд волколюдей, предпочитающих по-настоящему безумный паркур. Подошвы идеально цепляются за шероховатости стены, и детективу достаточно вовремя делать шаг, напрягая бедра.

Она бежит мимо чужих окон и балконов, оставляя платформу остановки позади — наверху. Курильщик, вышедший подышать грязным воздухом и сигаретным дымом, отправляет вслед Шайль восхищенный свист. Полы куртки хлопают за ее спиной, ступни в ярко-красных кроссовках мельтешат, и девушка ускоряется все больше. В ушах пульсирует кровь, в лицо бьет ветер, Шайль скалится, наслаждаясь чувством собственной силы и скорости. Сегодня девушка полна **решимости**.

До земли остается несколько метров. Оттолкнувшись от стены последним шагом, детектив переворачивается в воздухе, заканчивая перекатом по земле. Защитная куртка с достоинством принимает столкновение. Шайль замирает, упираясь коленом в твердь и переводя дух.

— Ого, ты **ебанутая**? — восхищенно спрашивает-утверждает мальчишка, игравшийся неподалеку с драным щенком.

У детектива нет времени отвечать. Фуникулер ползет где-то вверху — и надо догонять.

Сорвавшись с места, Шайль несется по тесным улочкам, прорываясь через любое препятствие. Прыгает, хватаясь ладонями за вершину забора и перебрасывая себя через него. Отталкивает зеваку в сторону, оставляя позади лишь возмущенный крик и пролитый кофе. Бросает взгляд вверх. Понемногу догоняет.

Тяжелые удары сердца разгоняют горячую кровь. Шайль пытается сохранять дыхание. Сила. Превосходство. Триумф. Последнее слово разорвано выстрелами прошлого, но все еще угадывается теми, кто успевает всмотреться в надписи на футболке.

Запахи заползают в нос: тяжелый — вонь фабрик, сладковатый — от людей, почва бьет по рецепторам застарелой грязью.

Фуникулер замирает на тросах, совершив запланированную остановку. Шайль пробегает под ним. Осталось немного. Ударный труд давно не испытывал тело, но девушка собирается справиться.

Вылетевший из-за угла пес несется следом. Лает. Угрожает клыками. Шайль скалится на ходу. Вспрыгивает по стене обнищавшей хибарки, забираясь на крышу. Собака остается внизу и позади, недоуменно размахивая хвостом. Шайль этого не видит. Ей предстоит еще одна порция старого доброго **паркура**.

Тело детектива накрывается, когда подошвы кроссовок вновь касаются стены, на этот раз ради горизонтальной пробежки. Кто-то что-то кричит. Шайль слышит лишь слово

«поехавшая».

Пальцы цепляются за карниз балкона. Рывок — девушка наверху. Замирает перед испуганной девушкой. Сколько ей лет? Неважно, Шайль собирается спросить другое:

— Сигаретку дашь? — подкрепляет это характерным жестом руки.

Черный лак на ногтях детектива чутка облупился, и курящая девушка решает, что перед ней **бунтарь**. Один из тех, что пишет на стенах лозунги в поддержку волколудов, а остаток дня носится по городу, разбрасывая листовки. И все же, серьезный взгляд зеленых глаз очаровывает девушку. От Шайль разит силой. Дырки в футболке слишком маленькие, чтобы разглядеть пресс, но курильщица не против поработать воображением.

— Держи... — тихо отвечает, протягивая сразу пачку.

Детектив достает сигарету, жестом просит огоньку. Девушка смущается, начинает ощупывать карманы. У Шайль нет времени. Выхватив из чужих рук уже зажженную сигарету, детектив прикуривает, сильными затяжками перекидывая жар на сухой табак. Курильщица смотрит на это и не может отделаться от мысли, что **поцеловаться** сигаретами было бы неплохо. Неужели Шайль наткнулась на лесбиянку? Впрочем, в Освобождении у многих жителей свободный нрав.

— Спасибо, — выдыхает детектив вместе с дымом.

— Пожалуйста...

Шайль переводит дух, покуривая и глядя в ту сторону, откуда прибежала. Детектив обогнала свой транспорт, это факт. Поэтому смотрит на небо. Тросы фуникулерного маршрута перечеркивают вечно различимую луну. Солнце висит чуть поодаль — светит, гадость, всем назло.

Сигарета легкая. Такие называют «дамскими». У Шайль свое слово — **«пустышка»**. Тем не менее, крупницы никотина заполняют легкие, растворяются в крови, активизируют мозг. Детектив чувствует, что жизнь становится чуть лучше, а запахи перестают быть такими яркими.

Еще пять затяжек. Быстрых, но глубоких. Шайль торопится: когда фуникулер подъедет ближе, нужно будет снова напрягаться.

Девушка не отводит взгляда от детектива. Белый цвет волос заставляет невольно переживать из-за своей каштановой шевелюры. «Везет же некоторым, — думает курильщица, с интересом переключая внимание на пластыри на лице Шайль. — Или не очень». Тянется к кружке, чтобы отпить чай. И тут же чувствует удар искры по пальцам: детектив вдруг схватилась за кружку, ненароком коснувшись и ее хозяйки. Девушка отдала питье без боя.

— Спасибо, — бормочет Шайль, возвращая кружку и облизывая губы.

«Какие же у нее клыки», — таит любительница чая и дамских сигареток. Смотрит неотрывно в приоткрытый рот детектива, через который проходит сбитое дыхание. День, кажется, удался.

Что-то происходит. Шайль тушит сигарету, вминая ее в пепельницу, и вспрыгивает на перила балкона. Вдох — исчезает, оставляя девушку в недоумении и разочаровании. Взгляд сам тянется к недокуренной сигарете, которую только что держала в губах Шайль. Недолгая борьба с соблазном.

— Нет, я не настолько извращенка, — со вздохом признает девушка и отпивает чай, надеясь, что ромашка успокаивает **не только** нервы.

Тем временем детектив, используя силу рук, подтягивается снова и снова. Большая

часть балконов пустует: к счастью для их владельцев. Никто не захочет видеть, как в первой половине дня волколюд скачет по их собственности, оставляя на перилах грязноватые следы подошв.

Шайль запыхалась и чувствует себя злой. Проклятое удостоверение задержало ее, потому что проклятая кровать прикручена болтами к проклятому полу. Ни сдвинуть, ни подлезть.

Тем не менее, осталось немного. Самое тяжелое. Балконы закончились. Дальше только окна и щели в стене. Время нещадно било по камню, оставляя трещины то тут, то там. Шайль собирается с духом, плюет на пальцы, растирая вязкую слюну. Не факт, что поможет...

Прыжок. Подтянуться. В окне чья-то испуганная физиономия. Начхать. Выше и выше. Шайль чувствует, как кожа сдирается о выбоины в камне, но терпит. До платформы остановки совсем немного.

— А ну слезай, скотина! — кричит бабка, пытаясь ухватиться за кроссовку, мелькнувшую перед лицом.

Сложно понять логику старухи. Понимает ли она, что если схватит волколюда за ногу, тот соскользнет — но не полетит к земле в одиночестве? Видимо, нет. Вряд ли маразматичный разум осознает **реальную** высоту, на которой сейчас находится Шайль. Бабка просто старая (семьдесят лет), больная (легкая деменция, запущенный артрит, давление) и злая (с детства тупая пизда). А нищета как корица на сдобе: делает все краше.

Будущие попутчики Шайль видят страшное: чьи-то кровоточащие пальцы хватаются за край платформы. Показывается злая женская мордашка. Широкие плечи (паренек неловко выпрямил сутулую спину) и слова на футболке: сила, превосходство, триумф.

Шайль вскакивает на платформу, отряхиваясь от пыли и задыхаясь. Озирается. К ней несется проверяющий.

— Билет! Где ваш билет?! На фуникулер только по билетам! — кричит возмущенный мужчина.

Девушка молча тычет ему в лицо маленькую бумажку, которую еще не успели проколоть. Одинокую, перепачканную и безнадежно расстроенную неудачным утром. Да, Шайль и билет сегодня **особенно** похожи.

— Хорошо, простите, — бормочет проверяющий, отходя в сторону; поворачивается к будущим пассажирам. — Заходим без спешки! Помним, что сидячие места в первую очередь для тех, кто не может стоять подолгу.

Фуникулер уже недалеко. Шайль мелко сплевывает и утирает губы рукавом куртки.

Девчонки в полицейской форме, которая им явно не по фигуре, снова курят у входа. Кажется, у них нет стабильного графика перекура. Может быть, они вообще работают вовсе не в полицейском участке? Может, они рекламируют сигареты? То и дело мелькает пачка классического «Ордена». Черный крест, на который припечатано название, легко привлекает внимание детей и взрослых, поэтому торговая марка живет.

— О, Шайль сегодня вовремя, — тихо сообщает одна другой.

— Ага. Чего это она? — так же тихо спрашивает вторая у третьей.

— Хрен знает. Лицо злое какое-то, — третья меланхолично тушит бычок каблуком

ботиночка и достает новую сигарету.

— Может, с парнем рассталась? — предполагает вторая.

— А, кстати, да. Она всегда на работу вовремя приходит, когда расстается с **очередным**, — прыскает первая.

— Дурочка, — морщится вторая.

— А сами-то? — меланхолия третьей заставляет двух других замолчать.

Или, может, виновата Шайль, подошедшая слишком близко.

— Доброе утро, Шайль!

— Отвалите.

Двери закрываются за детективом. Некоторое время висит молчание.

— Да, точно рассталась, — кивает первая.

— Вот идиотка. Не устала она еще? — вторая жестом просит сигарету.

— Купи свои, — вздыхает третья.

Кабинет детективного агентства «Заря» встретил Шайль с дружелюбием. Большая часть агентов уже разбрелась по делам (новички очень не любят сидеть на месте), в комнате были только Бобби и Зойд. Первый посасывал из зашитой кишки овечью кровь. Вторым — деловито изучал утреннюю газету.

— О, Шайль. Ты сегодня **невероятно** пунктуальна, — восхищается начальник, откладывая «сплетницу».

Если, конечно, «Международная слава» не перешла на более серьезный формат, начав освещать события достоверно. Тогда это не «сплетница», а **действительно** газета.

— Мерси, — Шайль изображает реверанс, чем удивляет ёрка еще сильнее.

— Ты где таких фокусов насмотрелась?

— Был бы ты в «Сотне ночей» в прошлую пятницу! — скалится Шайль, скидывая куртку и бросая ее на вешалку. — Какая-то замшелая проститутка напилась и всем рассказывала о былом величии Франции. Реверансы эти своим каждому второму показывала. Полный пиздец.

— А что **ты** делала в баре в пятницу?

— Делала вид, что меня там нет, — отмахнулась Шайль, усаживаясь за свое рабочее место. — Привет, Бобби.

Бромпир что-то невнятно промычал, продолжая сосать кровь из кишки. Детектив помахала рукой перед носом, морщась и отворачиваясь от провонявшего овцами коллеги.

Шайль разложила заметки по столу. Хотелось кофе, хотелось покурить. Мозг не хотел анализировать реальный мир — зато он готов погрузиться в построение теорий. Бромпир тоже готов, судя по заинтересованному взгляду.

— погоди, мы же с тобой закончили это дело! — возмущается Бобби, с чмоком оторвавшись от кишки.

— Угу... — медленно кивает Шайль, водя взглядом по словам. — Я кое-что вспомнила.

Да, это правда. Стоя под горячим душем, детектив поняла, что одна деталь не совпадает. Вернее, набор деталей.

Зельда — не убийца, а заказчик. Но при этом она намекнула, что убийство не было главным. Главное то, что в сейфе, — содержимое. Которого у Зельды не было. Обыск арендованной квартиры и личных вещей это явно показал.

Бобби уже стоит над плечом Шайль, воняя овцами и пристально изучая заметки, составленные кривым, размашистым почерком.

— Малявки, хватит мусолить, вы сделали свою работу, — Зойд снова шуршит газетой.

— Ты ведь помнишь про сейф? — спрашивает Шайль, хватая одну из бумажек.

На клочке написано одно слово: «Мотив?» Это было первое, что детектив написала после осмотра трупа. Она писала ключевые вопросы на разных бумажках, намечая конкретные цели. В этом деле их было две. И, на самом деле, обе остались недостигнутыми.

Шайль смотрит на «Мотив?» Переводит взгляд на «Убийца?»

— Да, сейф. Тот пустой ящик из металла и чужих надежд спасти неспасимое, — без интереса отвечает Зойд. — Конечно помню. Хотя это **твоя** забота. Моя уже пропала. Зельду скоро отправят на суд. Чистая формальность. После этого тюрма.

Ёрк хохотнул. Шайль поморщилась. Бобби с сомнением посмотрел на кишку с остатками крови.

— Она не убийца, она не заказчик, — бормочет детектив, раскладывая бумажки.

На некоторых — ответы соседей. На других — подмеченные детали. На третьих — результат осмотра тела.

— Она — **Смерть?** — хихикает Бобби и вонзает клыки в кишку.

Шайль не решилась озвучить догадку. Сейф опустел, Зельда избавилась от брата. Ёрк, подозреваемый убийца, мертв.

— Зойд, — позвала Шайль.

— Чего? — недовольно отзывается начальник, отводя взгляд от «сплетницы».

— Ты бы стал уродовать убитого?

— Нет конечно! Он уже убит. Трупы обижать нельзя, они не могут дать сдачи.

Шайль кивнула и поднялась. Логично. Очень логично и просто. У любого вопроса есть простой ответ. Кто убийца? Не Зельда и не ёрк. Третье лицо осталось в тени. Нужно принести свет.

— **Она** все еще у нас? — спрашивает Шайль, стягивая с вешалки куртку.

Зойд недовольно хлопает газетой об стол.

— Шайль! Если хер потек — оставь его в покое, пока не обсохнет. Много раз тебе говорил и повторяю еще раз: разгадала дело — жди новое. Не надо напрашиваться на премию, я все равно не смогу ее выписать.

— Убийца все еще на свободе, ходит и трясет своими яйцами у всех на виду, — детектив охотно поддерживает конкурс пошлых изречений. — Так что я продолжу мусолить это дело, все равно делать особо нечего.

— Помоги Бобби! Он уже утопает в делах.

— Я не утопаю, я думаю, — защищается бромпир. — Фруктам надо созреть.

— Твои фрукты уже на вино не годятся, паршивец. Ты только и делаешь, что кровь сосешь и штаны просиживаешь.

Шайль выскользнула из кабинета, воспользовавшись перепалкой начальника и коллеги. Нужно пообщаться с Зельдой, пока ее не затаскали по судам. После них преступник едва ли захочет ляпнуть что-то лишнее.

Кровоподтеки на ее лице выглядят ужасно. Прошел всего лишь день, и глаза до сих пор открываются с трудом.

— Опять ты, — Зельда явно не в восторге.

— Опять я, — Шайль замирает у решетки, глядя на заключенную.

— Я уже все сказала. Чего тебе еще надо, собака? — разбитые губы Зельды ворочаются с трудом.

— Давайте вернемся к вежливому тону, — детектив достает блокнот и ручку. — Скажите, как вы себя чувствуете?

— Хреново. На лице будто яичницу жарят. Да и рука... — Зельда покосилась на примотанную к груди конечность.

Перелом локтя никуда не делся. И забывать о нем никто не собирается.

— Вам дали лекарства?

— Я не собираюсь принимать лекарства из **полицейского** участка. Все знают, как вы мешаете порох с молоком.

— А если я принесу вам аптечные препараты? Они будут запечатаны, с подписью аптекаря, — Шайль смотрит бесстрастно.

И это Зельду напрягает больше всего. Ни злости, ни любопытства. Холодный, спокойный взгляд. Но боль слишком сильна.

— **Может быть**, я соглашусь на такое.

— Что-то еще хотите?

— Нет, — качает головой Зельда.

И тем не менее, Шайль замечает пересохшую и потрескавшуюся кожу на руках женщины. Кивает.

— Скоро буду, не засыпайте.

Флакон обезболивающего, баночка с целебной мазью и еще одна — с кремом для рук. Заметив последнее, Зельда горько усмехается.

— Говорят, что красота требует жертв. Но никто не предупреждает, что она требует их постоянно.

— Думаю, зависимость от крема — не такая уж и жертва, — замечает Шайль, прислоняясь плечом к решетке и наблюдая, как Зельда осматривает лекарства. — Я попросила аптекаря проверить печати.

— Да, все в порядке, — кивает женщина. — Просто удивляюсь тому, что вы не поскупились.

— Вы напоили меня прекрасным чаем с щедрой дозой успокоительного. Я просто не могла остаться в долгу, — скалится Шайль.

Лекарства обошлись в семь рублей. Не так уж много, учитывая, что больше не придется тратиться на людскую еду для Джуда.

Зельда оценила шутку, тихо рассмеявшись. Распечатала флакон и выпила сразу половину. Шайль не смогла скрыть удивление, которое женщина поторопилась усмирить:

— Рак матки. Каждый год дозировка обезболивающего увеличивается. Еще одна жертва, но не красоте, а рассудку.

— Тем не менее, вы довольно безрассудно провернули дело.

— Мне было важно соблюсти сроки.

Пересохшие пальцы Зельды погрузились в мазь. Лекарство торопливыми мазками наносилось на ушибы. Шайль не мешала, наблюдая и размышляя.

— Не молчите, детектив. Вы ведь не подругу пришли проведать.

— Мне некуда торопиться.

— Разве нет других дел, требующих вмешательства дотошной зверолодки?

— Я не дотошная.

— Правильно. Скорее усердная. Во всяком случае, удары у вас что надо.

Шайль пожала плечами.

— Большой опыт сложно скрывать, — детектив с тоской посмотрела на серые стены изолятора. — Как и все остальное.

— Только вот не надо раскисать. Вы легко на меня вышли и отвесили пиздюлин как мне, так и моему ёрку, — Зельда ждет, пока подействует лошадиная доза обезболивающего.

Возможно, смертельная. А может быть, просто эффективная. Шайль не разбирается в таких мелочах, потому что волколюды не используют лекарства людей. И уж тем более не знают о дозировках, в которых эти лекарства продаются.

— И все же, вы правы, Зельда. Плодов это не принесло.

— Вам разве нужны плоды? Я думала, детективы просто ищут козла отпущения, чтобы все были спокойны за соблюдение законов.

— Меня не заботит чужое спокойствие. Я ищу собственное. И оно не найдется, пока убийца не получит по заслугам.

— Вы убили моего ёрка. Он сполна заплатил, разве нет?

— Ваш ёрк не тот убийца, которого я ищу, — Шайль внимательнее взглянула на лицо Зельды.

Слишком искореженное, чтобы можно было определить эмоции.

— Какого же вы ищете? Красивого? Уродливого? Не такого волосатого? — Зельда издевается.

— Я ищу беспринципного ублюдка, который готов убить человека и изуродовать его тело, чтобы полицейские подумали на волколюда.

— Что же мешает на него подумать? Может быть, я и правда наняла зверье, чтобы оно сделало грязную работу и утолило жажду плоти?

— Которая не утолена, — замечает Шайль. — Ран много, но нет следов от укусов.

— Вы разве не оставили свои? Я думала, волколюдам на службе разрешают жрать трупы.

— Раз так, то начальство меня явно не любит, — с улыбкой Шайль опирается на решетку другим плечом. — Подобных разрешений я не получала.

— Я просто пошутила.

— Остроумно. Давайте разберем случившееся по кусочкам? — детектив достает из кармана блокнот и ручку. — Начнем с вас. Вы ведь не наниматель, верно?

— Кто сказал?

— Сейф пустой, но его содержимое вы себе не присвоили. Значит, оно досталось убийце. То есть, не вам и не ёрку. Думаю, вы наводчик.

— Звучит жутко. «Наниматель» приятнее.

Шайль закусил кончик ручки. Нахмурилась.

— Чем занимался ваш брат?

— Вы не выяснили это из личной переписки, «которую я не потрудились уничтожить»? — с улыбкой спрашивает Зельда. Кажется, обезболивающее подействовало.

— Нет, не выяснили, — неожиданно легко признается Шайль. — Убитый иногда использовал шифр, который составлен очень криво. Одни и те же знаки каждый раз значат

разное, и системы в этом нет.

— Мой брат был полоумным.

— Почему, кстати, вы не называете его по имени?

— А почему **вы сами** называете его «убитым»?

— Потому что у него был десяток имен. И мы дали ему одиннадцатое. «Убитый», — Шайль усмехается. — Впервые не знаю имени того, чью душу спасаю.

— Вы верите, что спасаете души? Как мило. И даже романтично.

— Пока за душу не отомстили, она скитается в отчаянии и злости. Не буду скрывать, что считаю свою работу достаточно праведной.

— Вы верующая?

— Я верю в справедливость. И знаю, что мертвым так же обидно, как и живым, когда справедливость нарушается.

— Даже если мертвый — отброс, заслуживший наказание?

— Смерть — это смерть, не наказание.

— Глубокомысленно.

Шайль записала несколько слов. «Отброс, заслуживший». И замолчала, размышляя над ворохом имен Убитого.

— Считаете ли вы себя виновной за смерть моего ёрка?

— Это был честный бой. Его душа уж точно не в обиде, — задумчиво отвечает детектив, прокручивая ручку в пальцах. — Как звали вашего брата?

— Бирик, — ответ звучит достаточно честно, хоть и дан очень быстро. — Его звали Бирик. Он никогда не любил это имя, поэтому постоянно менял их.

Ручка аккуратно выводит новую информацию.

— Что вы можете сказать про Бирика?

— Вы спрашиваете у преступника, что он может сказать о своей жертве? — даже доза обезболивающего не способна скрыть оторопь Зельды.

— Именно. Я люблю болтать с преступниками о мотивах. Каким был ваш? Вы не любили Бирика?

— Очень не любила. Он был полоумным и в детстве постоянно подкидывал мне под подушку мертвых крыс.

— Могу представить, как это неприятно. Вы чувствуете себя спокойнее после его смерти? Теперь не боитесь обнаружить грызуна в постели?

— Мой грызун в постели за десять лет брака ни разу не довел меня до оргазма. Наверное, из-за этого у меня и рак.

— Вполне возможно, — кивает Шайль. — Я слышала, что оргазмы поддерживают женское здоровье.

— «Слышали»? Счастливые женщины такое не слышат, — Зельда плотоядно ухватывается за возможность посплетничать. — Счастливые женщины вообще ничего не слышат. У вас достаточно оргазмов в жизни, детектив? Могу заранее посоветовать хорошее лекарство, которое даст лишние годы, если у вас разовьется рак.

— Боюсь, я не слышала, чтобы у волколюдов развивался рак. Но оргазмов не так много, как хотелось бы, тут вы правы!

Зельда смеется, и Шайль тоже. Ручка звонким ударом по решетке прерывает веселье.

— Бирик. Чем он любил заниматься в свободное от ловли грызунов время?

— Он любил воровать лекарства из аптеки. Однажды ему сломали оба мизинца,

пытаясь отучить от этого дела.

«Интерес к веществам».

— Получилось?

— На некоторое время. Пока мизинцы срастались. Потом Бибик стал умнее. Он стал платить мальчишкам помоложе, чтобы они стащили что-то для него.

«Стратегическое мышление, организованная преступность несовершеннолетних». Нет. Не так. «Организованная» перечеркивается, снизу приписывается: «**организация**». Несколько косых линий, делающих упор на это слово. Шайль поднимает взгляд.

— Отличный план. А что Бибик делал с веществами?

— Вы отчаянно пытаетесь докопаться до истины, да, детектив? — улыбается Зельда. — Сколько новых зацепок я вам дала?

— Ровно три. Теперь я буду вынюхивать слухи про Бибика, сломанные мизинцы и мертвых крыс, — съязвила Шайль. — Если вы не хотите рассказывать про брата, можем снова пообщаться про оргазмы. Какую позу вы предпочитали с супругом?

— Он предпочитал. Драл меня раком так, словно от этого зависит судьба мира.

— Возможно, мир и правда стал бы чуть лучше, если бы все мужчины предпочитали драть раком, — замечает Шайль.

— Вы считаете, что это хорошая поза? Поспешу вас разочаровать, молодушка, это отвратительная поза.

— Нет-нет, я не о том. Один из моих бывших предпочитал заниматься сексом лицом к лицу.

— Кхм! Эта кошмарная, порочная «миссионерская»?

— О да. Его похотливый взгляд я нескоро забуду, — Шайль улетает в воспоминания и морщится, торопливо возвращаясь в реальность.

— А в какой позе у вас был самый яркий оргазм? — Зельда закидывает ногу на ногу.

Детектив некоторое время копается в памяти. Усмехается, уцепившись за самые сладкие мгновения, угодливо всплывшие на поверхность.

— Однажды мне неплохо отлизали, — признается Шайль. — Парня было не оторвать.

— Правда? — Зельда подбирается, и ее побитое лицо словно озаряется. — Я так и не нашла за свою жизнь любителя поработать языком **правильно**.

— В тюрьме будет много **любительниц**. Вас ждет незабываемый опыт, если рак матки не помешает, — мрачно обещает детектив, выводя в блокноте бессмысленный знак.

Это было что-то среднее между прямоугольником, квадратом и кругом. Сложно описать так, чтобы художественные навыки Шайль легко удалось представить.

— Вы меня поддерживаете или угнетаете?

— Скорее поддерживаю, — честно отвечает девушка. — Вы ведь не думаете, что сексуальная жизнь кончается в здании суда?

— Хм. Нет, не думаю. Тут вы правы, детектив, — Зельда некоторое время размышляет. — Спасибо, обнадежили. Я совершенно забыла о том, что в тюрьме будут другие заключенные. Морально готовилась к годам молчания.

— О нет, молчать вы будете только во время... — Шайль сделала абсолютно **однозначный** жест. — Ну, иногда, может, будете отвлекаться на сон и еду.

— Как интересно, — Зельда тянет усмешку. — Теперь мне не терпится посмотреть на тюрьму. Вы бывали там?

— Каждый полицейский бывал. Видела и женскую, и мужскую часть. Про мужскую

лучше не рассказывать, чтобы сберечь светлое представление о мужчинах.

— Что же, надеюсь, все будет так, как вы описали.

— Только после того, как ваша рука заживет, придется начать работать. Но вряд ли это вас сильно пугает, не так ли?

— Совершенно не пугает. Особенно если получится доставать крем для рук и обезболивающее.

— Получится, не переживайте.

Ручка перестает мучить бумагу и принимается за решетку. Металлический звон ровным тактом сотрясает воздух.

— Бибик. Каким он был по характеру? Чем «жил», если можно так выразиться? — спрашивает Шайль, готовясь записывать **мелочи** и запоминать все остальное.

— Лекарства. Он постоянно тянулся к этой теме. Он был необразованным безумцем, но он очень хотел создавать лекарства... Однажды он заварил чай из волчьей ягоды и подорожника.

— Кто стал жертвой?

— Мать. Неделя горячки и ужаснейшего поноса. А потом уже сам Бибик пострадал — его выпороли ремнем, и задница распухла до таких размеров, что могла бы стать второй луной в небе.

— Забавная и поучительная история. Значит, мать выжила, правильно?

«Отравитель». «Лекарства». «Смеси».

— Выжила. Но после этого с желудком начались проблемы.

— Сожалею. Дети иногда невыносимые проказники, — кивает Шайль, внимательно изучая Зельду. Та раздобрела после болтовни и подействовавшего обезболивающего. — Теперь я хотела бы узнать, что Бибик думал **о вас**.

— Обо мне?! — женщина раскрыла глаза настолько, насколько позволяли распухшие мягкие ткани. — Откуда я знаю, что этот козел обо мне думал?

— Я вот знаю, что отец меня ненавидит. Половина сестер хочет убить, другая половина — излечить.

— Вы чем-то больны? — Зельда цепляется за любую возможность отвести диалог в сторону.

— Да, — кивает Шайль, но возвращает тему на прежние рельсы. — Реакции родственников не всегда однозначны, но за годы жизни с ними не трудно догадаться, что про вас думают. Что про вас думал Бибик?

Зельда замолкает. Явно собирается с мыслями. Детектив не торопится. Ей нужно поддерживать баланс между **важными** вопросами и **бессмысленными**. Никто не любит односторонние разговоры. Поэтому молодые детективы часто умирают или срываются. Они очень хотят услышать, но не умеют слушать. У подозреваемых это вызывает раздражение с разным исходом.

— Наверное, Бибик меня любил, — с удивлением отвечает Зельда. — Он всегда защищал меня. И когда узнал про рак матки, то дал хорошие рекомендации.

«Разбирается в болезнях».

— Значит, он был не таким уж плохим братом, верно?

— Может быть. Но все еще недостаточно близким, чтобы я переживала из-за его смерти, — женщина улыбается, и в улыбке этой действительно не заметно ни тени печали.

— Главное беречь нервы. Что сделано, то сделано, — кивает Шайль. — Последний

вопрос, и я дам вам покой.

— Слушаю.

— Почему вы не сказали мне, что вас подставили?

Зельда замирает. Ее здоровая рука сжимается в кулак, глаза смотрят с резкой неприязнью.

— Кто это меня подставил? — спрашивает женщина. — Я сама всем руковожу.

— Давайте проясним: я не судья, — Шайль улыбается. — Не выношу приговор, не записываю все ваши ответы. И уж точно не придам их огласке. Я детектив, я свожу маленькие детали в одну большую картину.

— И что за картину вы увидели?

Шайль вложила ручку в блокнот, спрятала в карман и устало потерла глаза.

— Я увидела, что вы испугались и запутали то, что могло распутаться за пару движений моей руки. Вас подставили, а вы стерпели. Я пришла — вы опять терпели. Я прикончила ёрка, но вы снова зачем-то терпите. Чем вас так напугали, что вы боитесь дать хоть одну путную подсказку?

— Меня не запугивали, — отозвалась Зельда, но на этот раз без малейшего намека на улыбку. — Мне просто рассказали, что случится, если я не сыграю свою роль хоть малость убедительно.

— Вы вообще не должны были приезжать в этот город. У вас, судя по всему, прекрасная жизнь замужней серой дамы. Муж-невротик, который дерьмово трахается, и неплохая кухня, в которой вы любите пить чай, общаясь с подругами о сексе, которого вам не хватает. Зачем вы решили повидаться с братом? Уточнить, какие лекарства лучше пить, чтобы подольше пожить с флаконом болеутоляющего в кармане?

— Вроде того, — Зельда откидывается на лежанку. — Утешает только то, что я помешала и преступнику, и детективу. Впору гордиться собой. Маленький камень, застрявший между двумя механизмами одной системы.

— Одной системы... — тихо повторяет Шайль.

Торопливо достает блокнот, чтобы записать мысль. Была ли это обычная аллегория или туманный намек — нужно проверить. «Преступник и закон связаны?»

— Что же, как я и пообещала, оставляю вас в покое, — бормочет Шайль, пытаюсь удержать мысли в голове. — Была рада пообщаться. Берегите себя.

— Можно просьбу?

— Какую?

— Перед тем как продолжить это расследование — убедитесь, что вы закончили все ваши дела в этом мире. Иначе потеряете то, что могла потерять я.

Шайль некоторое время смотрела сквозь решетки и ничего не видела перед собой, нырнув в размышления.

— Дельный совет, спасибо, — ответила детектив, отвернувшись и направившись к выходу.

В подвале душно. Хочется оказаться в прохладе кабинета.

На ходу ручка выводит последние слова: «Обезопасить тыл». Возможно, придется воспользоваться методикой преступника. Не лучший исход, но дело пахнет очень крупно. А Шайль любит крупную добычу.

F.M.

THE BOSTON
PUBLIC LIBRARY
785 BRATTLE

Глава 5: День 2

Нужно. Покурить. Прямо. Сейчас.

— Нет-нет-нет, — бормочет Шайль, пока ручка зачеркивает слова. — Все не то.

Бобби сидит рядом, качается на стуле, запрокинув ботинки на стол. Конечно же на свой. Шайль оторвала бы коллеге ноги, попробуй он водрузить их на ее рабочее место.

— В чем проблема? — бромпир потягивается и зевает.

Ножки стула звонко ударяют по полу, заставляя Шайль поморщиться. Впрочем, за последнее время она уже десятый раз кривится — большая часть недовольства вызвана запахом овечьей крови, который доносился от Бобби.

— В тебе проблема, — цедит Шайль.

И пересматривает заметки: Бибик, отравитель, лекарства, организация малолетних, интерес к веществам, преступник и закон связаны. Обезопасить тыл.

А может, проблема не в Бобби? Может, он **решение**? Бромпир уже проявил интерес к делу. Стоит этим воспользоваться.

— Смотри, я получила целую тонну зацепок, — внезапно вскидывается Шайль и тычет блокнотом в лицо Бобби. — Все они связаны с Бибилом.

Бромпир не отстраняется, но лицо его разглядеть детектив не может: закрыто рукой с записями. Поэтому девушка наклоняется в сторону. Лицо Бобби выражает интерес.

— Так, вижу. И правда много всего, — задумчиво изрекает бромпир. — А как это поможет делу?

Шайль вздыхает. Кидает блокнот на стол. Потирает лицо.

— Оно поможет делу, когда я покурю.

— Ну так сходи и покури.

— Шайль не пойдет за сигаретами, — подает голос Зойд. — И курить она тоже не пойдет.

— Почему это? — удивляется Бобби.

Он всегда **не в теме**. Потому что он **отсталый**. Во всяком случае, так думает Шайль.

— Потому что каждый раз, когда она идет за сигаретами, происходит какая-то хрень, — меланхолично отзывается ёрк, продолжая сканировать глазами газету. — И Шайль в итоге нет до самой ночи.

Да, это правда. Если Шайль уйдет от участка, вернуться обратно ей вряд ли захочется. По пути что-то отвлечет, девушку затянет водоворот мыслей и событий... Или она просто решит скрыться из виду, чтобы заняться своими делами. Их у нее действительно много.

Важнее другое. Что это читает Зойд?.. Газета другая. Не «сплетница». Стоит присмотреться... Всемирье, это что, издание «Поваренка»? Шайль помнит, что случается, когда Зойд приносит в участок свою стряпню. После этого остаток дня в кабинете воняет чем-то странным. И **очень** нездоровым.

— Да ладно, до ларька сколько?.. Метров двести? — Бобби бросает взгляд в окно. — Что может случиться в пределах двухсот метров?

Окно, в которое посмотрел бромпир, глядит в ту сторону, в которую бегают за сигаретами все полицейские участка. Вид был бы любопытным, если бы скучная пятиэтажка не закрывала большую часть обзора.

Ни Зойд, ни Шайль на вопрос не отвечают. И Бобби вздыхает. Подтягивает стул к

девушке, чтобы взглянуть на заметки еще раз.

— Я вообще ни хрена не пойму, — бормочет коллега. — Зачем ты пишешь такими короткими фразами?

— Потому что длинные заметки по делу ведут только идиоты, — огрызается Шайль.

Бобби писал длинные заметки. **Очень**. Наверняка однажды он решит собрать их все вместе, чтобы опубликовать книгу с захватывающими детективными историями. Жаль только, что она будет скучной и непонятной.

— Ладно, если хочешь, чтобы я тебе помог, то объясни написанное.

— Пф-ф... — тяжело вздыхает девушка. — Ладно, смотри.

Палец с облупившимся черным лаком утыкается в самую первую заметку. То, что она первая, не знает никто кроме Шайль: бумажки разбросаны бессистемно.

— Убитый найден в своей квартире, растерзанный прямо посреди кабинета-спальни.

Палец скользит в сторону.

— Под столом в полу найден сейф. Закрытый.

И... еще немного в сторону.

— Кухонные шкафы забиты всякой хренью. Травы, корни, какие-то порошки.

— «Какие-то»? — уточняет Бобби. — Ты не знаешь, что там было?

— От всего этого идет такой запах, что не разберешь, — объясняет Шайль. — Да и не так важно. Судя по переписке, которую Биби держал в тумбочке возле кровати, часть он заказывал из других городов, а часть — собирал по месту. Это обычная... **фармацевтология**.

— Ты имеешь в виду — «фармакология»?

— Именно. Вникать в это все нет смысла, делу не поможет.

— Ну хорошо. Дальше что? — Бобби цепляется взглядом за одну из заметок. — «Девственник»?..

— Да. У него под кроватью нашлась огромная коллекция порнографических рисунков, — девушка морщится от воспоминаний.

— И что? — Бобби явно не понимает мысль Шайль.

— **Огромная** коллекция, — повторяет детектив, с недоумением глядя на коллегу.

— Ладно, проехали. Рассказывай дальше.

— Соседи ничего не знают и ничего не слышали. Но запуганными не выглядят. Один из них дал мне адрес сестры Бибики.

— Подожди, почему ты называешь его «бибиком»?

— Это имя.

— А... — Бобби закивал. — Все, понял, продолжай.

— Я чего-то не знаю? — скептически приподнимает бровь Шайль.

— Ну, моя сестра называла всех «бибиками», пока не научилась **нормально** разговаривать.

— Мило. Ладно, продолжаю.

Девушка собиралась вернуться к истории, но Бобби снова прервал:

— Это по тому адресу мы с тобой ехали? Который сосед дал?

— Да.

— А ты вернулась поблагодарить за «хорошую» наводку? По ней тебя ждал теплый прием.

— Конечно нет, — с раздражением отмахивается Шайль. — Когда бы я успела?

— Так надо ехать сейчас! — возмущается Бобби.

Детектив не успела ответить: Зойд пресек на корню энтузиазм детективов.

— Поедете, когда вернутся другие. На рабочем месте должно присутствовать хотя бы два детектива. Таков регламент, — газета с шуршанием схлопнулась. — И вообще. Шайль, почему ты все еще разбираешь это дело?

— Там что-то крупное! Я пообщалась с Зельдой, многое не сходится. Она точно не нанимала никого. Она **обычный** человек.

— Надеешься вытащить ее из тюрьмы?

Шайль задумалась. Но ненадолго.

— Наверное, да. Если будут доказательства ее непричастности.

— Понятно, — ёрк широко улыбнулся. — А если ты впустую потратишь время? Ты в курсе, что у Бобби шесть нераскрытых преступлений? Ты лучше бы помогла ему.

Детектив закатила глаза. Она знала, что бромпир не любит работать в одиночку, и поэтому уже четвертый день сидит в участке. Но разве ее проблема, что ему не нашли напарника?

— Был бы и правда признателен за помощь, — бормочет Бобби. — До зарплаты совсем ничего, а у меня план даже на четверть не выполнен.

— Не ной, я поделюсь с тобой гонораром за это дело. Если вы **оба** заткнетесь и не будете мешать мне **думать**.

— Ты рассказывай и думай, — посоветовал бромпир. — Почему думаешь, что Зельда не виновата?

Газета Зойда покорно зашуршала, подставляясь под ласковый взгляд ёрка.

— Потому что она не выглядит как преступник.

— Многие преступники не выглядят как преступники. Так же, как и многие женщины не выглядят как старые куски дерьма, которыми они...

— Бобби.

— Все-все, молчу, продолжай. Просто объясни.

Бромпир был самым ярким противником женщин и пожилых **людей** среди, возможно, всех детективов Всемирья. Ясное дело, Шайль это не касалось, ведь она была **волколюдом**, а это все меняет. Но девушка все равно принимала высказывания Бобби на свой счет.

— Есть несколько причин, почему Зельда не может быть убийцей, — Шайль откинулась на спинку стула и принялась загибать пальцы. — Ёрк был никак с ней не связан. Можно подумать, что он нанятый телохранитель, но телохранитель не сидит в соседней комнате, пока его наниматель один на один общается с детективом. Это непрофессионально. А ёрки обычно профессионалы того, что касается боевых и охранных задач.

— Ты мне льстишь, — подметил Зойд, перелистывая страницу.

— Далее. Зельда не ведет себя как преступник. Она обычная женщина, у которой есть муж-неудачник и рак матки. Ей не до замысловатых авантюр.

— А может, она живет двойной жизнью? Или наврала тебе?

— Поверь, не наврала. Замужнюю женщину можно опознать по ее уставшему взгляду. А Зельда выглядит **очень** уставшей. Вся.

— Тебя послушаешь, так женщин нужно спасать, — скривился Бобби.

— Мужики козлы, — невинно пожал плечами Шайль.

— Поддерживаю! — снова встрял ёрк, откладывая газету и протягивая руку к бутылке воды. — Мы самые большие козлы во Всемирье.

— Я не козел, — обиженно защитился бромпир.

— Согласна, — кивает Шайль. — Учитывая твою диету, ты скорее баран.

— Сама такая, — отмахнулся Бобби и поспешил перевести тему.

Он знал, что спорить с волколюдкой бесполезно. В лучшем случае спор закончится подзатыльником. А они у девушки **болезненные**.

— Хорошо, Зельда не преступник, — бромпир почесал затылок. — Но это все путает. Кто она?

— Она сестра Бибика, которая не вовремя приехала в город.

— Ты так думаешь или ты знаешь?

— Думаю. Зельда не горела желанием обсуждать эту тему. Но у нее рак, а Бибик — фармацевт. Он уже советовал сестре лекарства, возможно, она приехала за дополнительной консультацией.

— Откуда это «приехала»? В Освобождении худшие врачи Всемирья, вряд ли сюда станут ехать из других городов ради консультации.

Шайль вздохнула. Она не видела большого смысла объяснять, что **люди** предпочитают родственника любому специалисту. Особенно если родственник этот действительно разбирается в вопросе. По словам Зельды, Бибик разобрался.

— В любом случае. Скорее всего, ее подставили. Заставили принять удар на себя, чтобы сбить с толку детективов.

— Но они не знали, что за дело взялась **ты**, — мрачно то ли пошутил, то ли польстил Бобби. — И какие идеи?

— Зельда сказала, что она стала... камушком между двумя шестеренками одной системы. Возможно, это намек на то, что убийца связан одновременно с законом и преступностью.

— Или она просто довольна, что насрала и тебе, и убийце брата.

— Она мне «насрала»?.. — удивилась Шайль. — Пока что я получала от нее только содействие. Достаточно охотное, несмотря на ситуацию.

— Тебе виднее, — пожал плечами Бобби. — Ладно, допустим, ты права. Что это дает?

— Без понятия, — призналась детектив.

Рука потянулась к заметкам. Глаза внимательно пробежались по списку слов. Некоторое время висела тишина. Девушка не сразу поняла, что вместо чтения принюхивается — запах овечьей крови доставал до мозга и окутывал его пеленой вони.

— Мне нужно покурить, — Шайль тяжело вздыхает и проводит ладонью по лицу.

Бобби поднялся со стула.

— Зойд, я схожу и куплю ей сигарет. Ладно?

— Иди, — бесстрастно отвечает ёрк. — Чтоб был тут раньше, чем я дочитаю газету. Иначе...

— Да-да, штраф. Скоро буду, Шайль, не кисни.

— Ага, — удивленно отзывается девушка, провожая бромпира взглядом.

Тот бодрым шагом удалился, прикрыв дверь и забрав с собой запах овец. Шайль некоторое время размышляла.

— Погоди. Две части одной системы... — детектив впивается взглядом в слова. — Бобби прав. Но я тоже.

До Шайль наконец-то дошло. Главное — не в ролях «детектив»-«убийца». И не в сторонах «закон»-«беззаконие».

Освобождение — пограничный город. Он первый на пути волколюдов, выбирающихся из своего мира. В первую очередь этот город не про закон. Главная система в нем — это волколюды. Шайль и преступник... принадлежат одной системе? И Зельда — камень между ними. Камень, который убийца сознательно вставил, чтобы застопорить работу механизма Шайль. И свою собственную?..

Девушка прикрыла глаза, сосредотачиваясь на образе. Вот она — система. Множество шестеренок. Среди них колесико закона и колесико преступности. Торговые связи. Наркотики, проституция, фармацевтика, бизнес. Но это Освобождение. Поэтому система является олицетворением жизни волколюдов в новом, большом мире, состоящем из семи поменьше.

Шайль **услышала** щелчки в своей голове, представив это огромное механическое сердце Всемирья. Она в нем лишь маленькая шестеренка. Как и убийца. Но они часть одного действительно важного куска.

Потому что и преступник, и Шайль — волколюды. Они противоположны, но до поганого схожи. Детектив слишком зацепилась за тот факт, что Бирик не поеден, а лишь изодран, **будто бы** когтями. Но детектив забыла, что она и сама **не ест** своих жертв. Скольких убила за время карьеры — никого не сожрала. Потому что она сдерживается ради **большой** цели. У нее есть важная роль следователя, и она играет по ней.

Преступник — такой же. У него есть важная роль, ради которой он тоже сдерживает свою тягу к плоти. Иначе бы вместо Бирика умер любой другой человек, прогуливающийся по Освобождению поздно ночью.

Убийца — волколюд с целью, но он не принадлежит закону. Тем не менее, он является важной частью Освобождения, как и Шайль. Они две шестеренки, которые крутят друг друга.

Почему именно так? Думай, детектив, думай.

Фармацевт. Бирик с детства тяготел к созданию **веществ**. Лекарственных. Иначе бы он не заварил волчьи ягоды с подорожником. Ограничился бы парочкой грибов и дурманной травой. Ему была нужна не наркота, а медицина. Возможно, более глубокая, чем банальное лечение. Иначе бы Бирик был просто аптекарем.

Но у него был личный сейф. Переписка, в которой он использовал шифр. Значит, не просто аптекарь. Бирик занимался чем-то важным, чем-то, что понадобилось волколюду, который ради своей цели готов отказаться от бесплатного мяса. Лишь бы сбить детектива со следа...

А еще, Бирик с детства проявил свои коммуникативные качества. Важно не то, что он подкупил детишек помладше, которые смогут воровать, не опасаясь сломанных мизинцев. Ему **пришлось** организовать детей, потому что они слишком молоды. Сами не додумаются, что нужно делать.

Бирик с детства показал, что ему для работы нужен **коллектив**. В котором каждый выполняет свою роль. Один ворует, другой изучает. А теперь, если перенести эту же модель на взрослый мир... Бирик вырос. Ему не до скучного воровства в аптеках, не до изучения. Он **уже** знает достаточно.

С оздатель. Бирик работал над чем-то важным. И поплатился за это. Но кто мог найти безумца-параноика, который менял свой шифр каждые несколько писем? Только **поставщик**. И он же убил Бирика.

Тот решил уйти от сотрудничества? Или выполнил свою роль?

В любом случае, если его убил волколюд, а не прирезал какой-то человек... Значит, Бибик работал на волколюдов. В Освобождении, как и любом другом городе, есть свои сообщества. Достаточно перебрать варианты.

Политика? Нет, гнать проклятую. Не политика. Фармацевт не нужен позерам и ораторам.

Фармацевт нужен для чего-то связанного со **здоровьем** волколюдов. При том, что даже Шайль, безмордая, не использует лекарств людей... Здоровье само по себе крепкое, лишённое тех изъянов, которые есть у других рас. Значит, не лекарство. Что-то более значимое.

Бибик работал на группировку волколюдов, которые хотят поменять что-то в себе. Или... в обществе? Или во взаимоотношениях с обществом?

«Свободу волкам». «ВолкоЛЮДИ». «Клыки и слава».

Три идиотских названия, но только эти сообщества постоянно на слуху. И Шайль знает, что каждая из этих общин состоит из безумцев и редкостных придурков.

Значит, круг подозреваемых пока именно такой. Это уже неплохо. Лучше, чем обвинение женщины в убийстве родного брата.

Дверь хлопает.

— Представьте! Я Кармайна встретил. Этот дебил стоит на улице и флиртует с девками из приемной, — рассказывает Бобби, поправляя рубашку и направляясь к Шайль. — Я ему сказал тащить сюда свою тощую задницу, потому что нужно работать.

— Ты же понимаешь, что премию за это не получишь? — отзывается голос ёрка, даже не оторвавшего взгляда от «Поваренка».

— А так хотелось, — Бобби вздыхает и протягивает запечатанную пачку сигарет Шайль. — Ты ведь такие обычно куришь?

Девушка бросает взгляд. «Забастовка». Да, то, что надо.

— Спасибо, — кивает детектив. — Откуда ты знаешь?

— Представь, у тебя пачка из кармана один раз вывалилась, а я до сих пор помню. Фотографическая память, — и Бобби довольно стучит пальцем себе по виску. — С тебя полрубля, кстати.

— У меня мелочи сейчас нет.

— Зато у меня есть. На, держи полрубля, а ты мне рубль, — и Бобби пытается всучить Шайль бумажку.

Именно бумажку. Да, мир до сих пор не привык к тому, что пришлось отказаться от монет. Они были ужасно удобными, пока не открылись Врата в мир боблинов. С тех пор, как эти мелкие зеленошкурые создания начали расхаживать повсюду, прикарманивая каждую блестяшку, людям пришлось задуматься над денежной реформой. Тем не менее, полрубля — это не самая низкая цена на рынке. Поэтому тот, кто хочет купить себе дешёвые мелочи, вынужден скупать их скопом, почти что оптом. Зато ручки и скрепки никогда ни у кого не кончаются. Как и туалетная бумага. Это **самое** важное.

— Рубля у меня тоже нет. Есть пятерка. Могу порвать на пять частей и одну отдать тебе, хочешь? — ухмыляется Шайль.

— Не порть мне кровь, женщина, — Бобби достаёт из кармана несколько бумажек и шлепает их на стол перед девушкой. — Теперь гони сюда пять рублей.

Детектив смотрит на купюры. Замечает:

— Полрубля забыл добавить.

— Тц, на и полрубля.

Купюра, как недостающий кусочек паззла, ложится сверху на потемневших от времени «сестер», и теперь Шайль без сожаления отдает свою пятерку.

— Она надорвана. Ты серьезно?

— Ну, в банке обменяешь, — невинно отвечает детектив, торопливо припрятывая ворох купюр в карман куртки.

Бобби усаживается за свое место и злобно что-то бормочет. Шайль, конечно же, слышит каждое нелестное слово в адрес женского рода, но уважает право чужого шепота.

Тем более, пришло время «бастовать». Сигарета, **наконец-то** нужная, пристраивается на губах детектива. Зажигалка, взятая откуда-то со стола, из-под бумаг, тоскливо щелкает. Потребовалось несколько попыток, чтобы извлечь огонек, но это не проблема. Ослабевшие зажигалки Шайль никогда не относит сразу в обменный пункт. Она держит их запасными и дома, и на работе. На всякий случай.

Вонючий дым ударил в ноздри. Для надежности детектив еще и выдохнула через нос, чтобы наверняка изгнать запах овец. С облегчением потянулась. **Теперь** намного лучше.

— Додумалась до чего-то? — спрашивает Бобби, закидывая ноги на свой стол и отпивая кофе.

Кажется, все еще тот, с которым утром пришел на работу.

— Да. Зацепок стало больше, — довольно улыбается Шайль.

— Куда поедет? К соседу тому? Надо его хорошенько «отблагодарить», — бромпир, видимо, всерьез решил помочь с делом Бибика.

Уж не из-за того ли, что имя убитого заставляет вспомнить сестру?

— М-м-м... Нет, соседа скорее всего подставили. Вряд ли будет толк. Давай лучше с каким-то из твоих дел разберемся. На чем застрял?

— О! Сейчас, сейчас...

Записи бромпира выглядят гораздо организованнее, чем заметки Шайль. И все же, разница в количестве слов заставляет детектива тяжело вздохнуть: пока дочитаешь до конца эти мемуары, легко забудешь начало.

— Я называю это дело «Безумный художник». Кто-то испоганил картину перед самой выставкой. **Главную** картину.

— И как это связано с преступлениями и деятельностью волколудов? — скептически спрашивает Шайль, стряхивая пепел в ближайшую кружку и продираясь через нудные записи.

Описания, описания и, иногда, какие-то странные метафоры. В Бобби пропадает писатель.

— Это связано с бромпирами! А мы их вопросами тоже занимаемся, — отвечает коллега, забирая у Шайль записи. — Выставка посвящена нашему искусству, и уничтожение одной из картин — настоящий теракт против бромпиров всего Всемирья.

— Жуть... — замечает Шайль.

Но про себя она думает: «**Херьня**».

— Да, так что как только Кармайн с напарником поднимутся сюда, сразу пойдём в галерею!

— Она далеко?

— Нет, в паре кварталов отсюда.

Шайль не знала, что в О-3 есть художественные галереи.

— И как давно у тебя это дело?

— Полторы недели, — со странной гордостью отвечает бромпир. — Я разок уже приезжал посмотреть на картину, но так ни к чему и не пришел. А потом навалилась другая работа...

«А потом напарник заболел, и я зассал работать в одиночку» — так должна была закончиться фраза, но Бобби захотел сохранить достоинство и заткнулся.

Шайль не стала задавать вопросов. И не стала говорить, что мелкое дело полуторанедельной давности раскрыть так же сложно, как доплунуть до солнца. Это все неважно. Ей главное чем-то заняться в рабочее время.

Потому что детективам **нельзя** лезть в общественные организации волколюдов без соответствующего разрешения со стороны закона. Которое теперь не получить, ведь дело Бибика вроде как «закрыто». Зельда созналась на допросе. В суде ей уже не отвертеться, даже если вдруг захочет.

Так что в этот раз Шайль придется действовать неофициально. Что же. Нужно ли говорить, что детектив привыкла к подобному?

Что можно увидеть в О-3? Лавки мясников, выдающих куски **еды** волколюдам и продающих кровь бромпирам. Нищие хибарки. Многоэтажные дома. Несколько фабрик. Ларьки, где продают всякое-разное — начиная с сигарет и заканчивая детским соком. Магазинов нет, не увидешь, уровень преступности высоковат для таких **цивилизованных** явлений. Зато аптек много. Если тебя подстрелили или подрезали; ты внезапно подхватил **простуду** после зажигательной ночи с незнакомкой или, наконец, ты действительно истекаешь соплями и слюнями — тебе в аптеку. Там подскажут и покажут.

О-3 разнообразный район разнообразного города. Но даже у такого места есть свои правила. Например: никаких культурных мероприятий. На них попросту некому смотреть. В О-3 не такие люди живут. Они с готовностью глазели на Шайль, бегающую по стенам. Но **искусство**? Это для **снобов**.

И тем не менее, проклятая художественная галерея не просто заняла одно из помещений, ранее бывшее складом: галерея выпятила собственное **эго**, явив улицам рахит бромпиров. Вывеска ядовитых тонов болталась на ветру как слоновий **хобот**, и Шайль подумала, что она собственноручно разорвала бы все картины, лишь бы вычистить эту дрянь из О-3. Неуместно. Отвлекает. Раздражает. Не нужно нести культуру в царство бескультурия. Не нужно вытаскивать на берег то, что **плавает**, а не утопает.

Но Бобби явно иного мнения. Он замер перед вывеской, восхищенно глядя на явление **высокой** культуры. Шайль скучающе затоптала кроссовкой окурок.

— Мы зайдем или ты наконец-то решишься **передернуть**? — спрашивает детектив, демонстрируя акт, который властвует над каждым мужчиной.

Во всяком случае, Шайль так считает.

— Да, конечно, заходим, — очарованный Бобби пропускает мимо ушей едкую издевку.

Он слишком любит искусство. Рядом с ним превращается в самого милого парня на свете. Жаль только, что это выглядит **убого** и **неуместно**.

Два детектива заходят в галерею. Почему двери открыты? Так надо для истории. Или же

так захотелось владельцу галереи, который все же решил провести выставку.

Судя по тому, что в тускло освещенном зале стоит лишь одно существо, и это очевидно бромпир, выставка в самом разгаре — не протолкнуться, ведь воздух слишком плотный из-за чувства **одиночества** и **ненужности**.

— Кенни! — восклицает Бобби. — Неужели ты дорисовал фиолетовое пятно?

— Бобби! — восклицает Кенни. — Да, я ведь помню твой совет! Вывеска и правда стала выглядеть лучше.

— Это чудесно, — шепчет Бобби. — Я взгляда оторвать не мог.

— Я счастлив это слышать, — едва не стонет Кенни. — Две ночи рисовал...

— «Две ночи»? Ты гений, я бы и за пять не управился!

Можно подумать, что это сарказм. Но, к своему ужасу, Шайль понимает: эти два придурка **абсолютно** серьезны. Фиолетовое пятно было шириной в локоть девушки. На месте Кенни она бы просто плеснула краской из ведра и не парилась. Может, поэтому Шайль не художник.

Пока два бромпира сцепляются в **культурной** страсти, обсуждая чистосердечную хрень, Шайль приступает к работе. Если сократить десять страниц бреда Бобби до самой сути произошедшего, все уложится в одну пару слов: картину изодрали. Если говорить длинно, то картину изодрали когтями. Главный подозреваемый — любой волколуд из О-3. Даже Шайль, даром что когтей нет.

— Хм, а стало лучше, — шепчет девушка, вглядываясь в картину.

Сложно сказать, что на ней было изображено до **инцидента**. Но теперь — три рваных полосы расчерчивают полотно от вершины и до низа. Этого факта достаточно, чтобы заставить сердце Шайль проникнуться **концептуализмом**.

— Я так понимаю, вы напарник Бобби?

— Упаси луна, — отвечает девушка. — Я детектив.

— То есть, напарник Бобби, — уточняет Кенни, поблескивая светящимися бромпирьими глазами.

— То есть, **детектив**, — устало отрицает Шайль. И переводит тему. — Почему вы решили сделать выставку в О-3?

— О, рад, что вы спросили. Дело в том, что мое творчество...

На этом моменте детектив выключила слух. По любящему взгляду, брошенному организатором выставки на окружающее их безумие, Шайль догадалась, что ответ будет долгим и бесполезным. Можно не слушать. Тем более, что Бобби, судя по лицу, сейчас вот-вот кончит. Говорят, мужчины лучше всего запоминают то, что происходит во время оргазма, поэтому Шайль с чистой совестью переводит внимание на более важные вещи.

Девушка не сильна в холстах, но что-то подсказывает ей, что удар был нанесен только один. Значит, преступник знал, что делает. Он был хладнокровен. Будь объят яростью — «шедевр» разорвали бы на куски.

— Пострадала только эта картина? — спрашивает Шайль, приближая лицо к куску дерь... куску искусства. — Ой, я вас перебила?

— Все в порядке, — Кенни снисходительно улыбается, и этого более чем достаточно, чтобы успокоить...

Стоп. Шайль плевать.

— Да, пострадала только эта картина. Почему так — не знаю. Возможно, потому что она была самой лучшей. Ее я написал во времена своей десятой любви...

Можно не слушать. Что дальше, детектив Шайль? Картина получила один меткий удар. Убийца действовал наверняка, прекрасно знал анатомию жертвы и хотел как можно меньше замарать руки. Вернее, когти. Это волколлюд.

Или прошлое дело накладывает свой отпечаток? Шайль один раз ошиблась, решив, что раны **поддельные**, и теперь во всем видит когти волколлюда?

Давайте подумаем с рациональной точки зрения, детектив. Этот город **кишит** волколлюдами. И они не фанаты искусства. Уж точно — бромпирьего. Это самый нищий район города. Это... этого еще недостаточно?

— Скажите, кто охранял галерею?

— «Охранял»?.. — Кенни захлопал глазами с таким недоумением, что Шайль закатила собственные.

— Да, уважаемый. **Охранял**. Кого вы наняли для того, чтобы присмотреть за картинами в ваше отсутствие?

— Э-э... боюсь, что я не видел в этом нужды. Я считал, что моя весьма скромная тяга к изобразительному искусству не нуждается в защите от вандализма. Ведь я пишу красивые и невинные картины, — Кенни ласково прикасается к раме убитой. — Кто бы мог подумать, что это станет крупнейшей ошибкой за всю мою жизнь?..

— Как давно вы в Освобождении? — на всякий случай уточняет Шайль.

И понимает: что-то не так. Где Бобби? Риторический вопрос, детектив. Вон он, в другом конце зала. То ли **передергивает**, то ли умирает от сердечного приступа, вызванного передозировкой концептуализма.

— Три месяца. Это чудесный город с очень **чувственными** натурами. Я решил, что можно организовать выставку... В этом прекрасном доме! Я знаком почти с каждым его жителем.

«Его скоро убьют», — написала бы Шайль в свой блокнот, но... кажется, это дело не стоит бумаги.

— Вы арендовали помещение, верно понимаю?

— Да. Тридцать рублей в неделю — весьма скромная цена, как для выставки подобного масштаба...

«Тридцать рублей, мать его иметь», — сказала бы Шайль, но служебный этикет не позволит. Пока что.

— Извините, а почему здесь никого нет? Я так понимаю, ваша... галерея... уже открыта?

— Думаю, местным нужно время, — улыбается Кенни улыбкой самого уверенного человека в мире.

Но он ведь бромпир. Это не должно делать его придурком, верно?

— Время на что? — осторожно спрашивает детектив.

— На осознание того, что я пытаюсь сделать для города, — терпеливо объясняет Кенни, словно Шайль — самый тупой ребенок в мире. — Искусство, детектив, несет просвещение для душ. Как людей, так и зверолодей.

— **Волколлюдов**. Мы называемся **волколлюдами**. Остальные зверолоды не выходят из нашего мира.

— Кстати, очень жаль. Я бы хотел познакомиться... вы, кстати, волколлюдка.

— **Волколлюд**, — скрежещет клыками Шайль. — **Без «ка»**.

— Простите, — улыбается Кенни. — Скажите, можно ли как-то попасть в ваш мир?

«Тебе жить надоело?» — вот, что можно прочесть в глазах Шайль. Ведь ее родной мир не просто смертельно опасен: гостей там поедают до последнего кусочка и капельки. Законы Всемирья не помогут. Даже если усмирить **всех** звероловов, природная фауна и флора все равно сожрет постороннего. С наслаждением. Может, медленно; может, быстро. Неважно. Выжить сможет только тот, кто сам является зверем. **В очень** определенном смысле слова.

— Да, можно, — отвечает Шайль, пытаясь сохранять остатки спокойствия. — Для этого вы должны завести в мире звероловов родственника. То есть, жениться на представителе расы. После этого пройти боевую подготовку военного стандарта и подписать несколько бумаг. Если все сойдется, на Вратах вас пропустят.

— Что ж, подписать будет несложно, осталось жениться. Видите ли, фехтую я и без военной подготовки чудесно, — Кенни, кажется, улыбается.

Шайль не видит. В глазах ее темнеет. Темнеет от неистового желания содрогнуться всем телом, выражая высшее презрение к идиотскому, невыносимо тупому, дебильному бромпиру.

— Прошу прощения, мне нужно подышать **свежим** воздухом, — сдавленно отвечает Шайль.

— Я пройду с вами. У нас выходит весьма любопытная беседа, — Кенни, встрепенувшись, собирается засеменить следом, но его останавливает ладонь, упертая в грудь.

— **Я сама. Подышу.**

Шайль выскакивает из здания галереи, захлопывает за собой дверь и для надежности подпирает ее спиной. Достает сигареты. Время подумать над смыслом жизни. Какого хера девушка тут забыла?

Проклятье, зажигалка окончательно заглохла.

— Извините, у вас есть чем подкурить? Нет-нет, не выходите, пожалуйста, просто дайте зажигалку! Я покурю и вернемся к разговору... Да, да, пожалуйста, я хочу побыть **одна**. Спасибо. Скоро буду.

Дым тянется к небу. А мысли — к дому.

F.M.

Глава 6: День 2-3

Остаток дня пролетел незаметно. Шайль постаралась сбежать от внимания Кенни, пожертвовав напарником. Бобби внимал каждому слову и не переставал записывать.

Детектив изучила то, что могла изучить. С самым спокойным лицом во Всемирье сообщила, что набрала достаточно зацепок и можно уходить. Бобби удивился, но подыграл. В участке Шайль вызверилась. Зойд ее успокоил. Ненадолго. Рабочее время подошло к концу, а успокаивать подчиненных — совсем не тянет на оплачиваемые сверхурочные.

В итоге... что в итоге? Фуникулер медленно дрожит, проплывая над улицами Освобождения. В небе горит солнце, неподалеку от него висит тусклая луна. Лишь один вдох нужен для того, чтобы все поменялось: с тихим щелчком солнце гаснет, оставляя луну освещать город. Если бы у вагона был прозрачный пол, Шайль могла бы разглядеть далеко внизу уличные фонари, загоревшиеся по беззвучной команде.

— Удумал, придурок, — бормочет детектив, щелкая окурком в окно и обхватывая себя руками. — В наш мир попасть захотел. Как будто Общего ему мало, кровосос недобитый...

Бромпиры заселили Общий мир после того, как проиграли в войне собственный. И это очень увлекательная, важная история, на рассказ которой нет времени — к Шайль подошел **мужчина**. Его лицо покрыто морщинами словно боевыми шрамами. Серые пряди запущенной прически лежат на потной коже, приликая к вискам и ко лбу. В своей черной подранной робе он похож на сумасшедшего бездомного, даром, что под подбородком проходит белоснежный воротничок, а глаза сияют пронизательностью трезвенника.

— Доброй ночи, — тихо здоровается мужчина и садится рядом с Шайль.

От него пахнет дешевой туалетной водой. Запах резкий, неприятный.

Девушка проигнорировала приветствие. Оно показалось ей неуместным. Как минимум потому, что никаких предпосылок для разговора не было. Впрочем, мужчина думал иначе.

— Меня зовут Жан Яснословный.

Шайль не стала озвучивать свое мнение по поводу этого имени. Молча смотрела в окно, делая вид, что мужчины не существует. Тот не смутился:

— У вас повседневная одежда. Но если учесть, что под курткой видна кобура, я могу считать вас правоохранителем?

— Кто-то убит? — спрашивает Шайль, не поворачивая головы. — Или украдено что-то, что оценивается свыше двухсот рублей? Если нет, то не трать мое время.

— Верите ли вы в Бога?

Детектив почти прыснула, и все же дала ответ:

— Не больше, чем в удачу. На этом разговор можно закончить.

— А что у вас с удачей?

— Если бы удача существовала, вас бы здесь не было.

Назойливый Жан отпрянул от взгляда в упор, которым Шайль его наградила. Поправил воротник робы, моргнул — и стоило глазам открыться, как вернулось былое спокойствие:

— Я выхожу на следующей остановке. Разговор не займет много времени.

Шайль знала, что остановка скоро. Поэтому перешла в наступление.

— Сегодня утром я выпила чашку кофе. Это кофе бренда «La réussite». Как думаете, что в моем доме делает французская марка?

— Не имею ни малейшего понятия, — невозмутимо отвечает Жан. — Позвольте

спросить...

— Так вот, я-то **знаю**, почему пью именно французский кофе. Французский... звучит гордо, да? Пусть даже от всех людских «стран» ничего уже не осталось. Все перемешалось как рыбы потроха в супе, который так любят в Освобождении. Логично, мы ведь между двумя океанами, вокруг **много** рыбы, — Шайль вдыхает слишком быстро, чтобы Жан успел вставить хоть слово. — И все же, «французский» — звучит гордо. По-особенному. Забавно, французы единственные люди, которые пытаются не забыть свое великое прошлое. Они так поглощены воспоминаниями, что забывают про настоящее. Любой продукт, который производят, является низкосортным дерьмом, не стоящим почти ничего. Поэтому я покупаю французский кофе. Он дешевый и достаточно мерзкий, чтобы мне не хотелось пить эту дрянь чаще двух раз в день. Я даже окурки и пепел бросаю в эту бурду, вкус **совершенно** не меняется.

Шайль заканчивает речь, внимательно следя за реакцией собеседника. Жан вновь поправляет воротник.

— Вы все это рассказали потому, что у меня французское имя?

— Нет, — снисходительная улыбка прикрывает крупницу лжи. — «La réussite». Это переводится как «удача». А вы спросили меня про нее. Верно?

— То есть, вы пьете кофе, приносящий удачу?

— Вовсе нет. Я пью дерьмовый кофе, который назван французским словом.

Бессмысленным словом.

— Не очень-то любите Францию, да? Тогда откуда такие познания? — Жан теряет уверенный вид с каждой новой репликой.

Но Шайль добивается лишь одного: спровоцировать собеседника на обсуждение несуществующей торговой марки.

— Думаю, это не так важно. Важно другое! — Шайль поднимает палец, привлекая внимание Жана. — Французы любят подчеркивать значимость своей нации. Но знаете ли вы, что это ограничивается лишь наименованием **некоторых** кварталов в людских городах? Например, что в Величии, что в Неумности, есть так называемые «франции».

— Нет, не знаю. Это совершенно неважно, — спокойно отзывается Жан. — Мое имя, хоть и французское, не связывает меня с этой страной и ее продуктами.

— Очень жаль, а то с прошлой пятницы я не видела ни одного француза-патриота, — отзывается Шайль, бросая взгляд в окно. — Как бы не оказалось, что они все **вымерли**...

Из окна были различимы очертания победы, притаившейся среди полумрака и тусклого огня кристаллов, — очертания остановки. Это триумф. Долой гнусного попутчика, решившего завязать разговор с уставшей Шайль!

— Знаете ли вы, что находится за Небом?

— Пустота, — скучаяще бормочет девушка. — Или такое же небо.

— Вы никогда не думали, что случится, если пробить Небо? — продолжает допытываться Жан.

— Если вы надеетесь получить комментарий из «официального» источника, то спешу разочаровать: я закончила рабочий день, — Шайль даже не пытается скрывать улыбку, а зевок лишь подчеркивает ее. — Вам пора выходить.

Фуникулер замирает, перед этим вздрогнув. Начинает превращать пассажиров в прохожих и наоборот.

— Подумайте над тем, что есть Небо. Обязательно подумайте. Возможно, во время

размышлений вы встретите Бога, — посоветовал Жан, после чего поднялся и ушел прочь.

Шайль прикрыла глаза. С каких это пор по О-3 бродят проповедники людской религии, такой же устаревшей, как и Франция? Неважно... Еще одна остановка, и можно забрать сверток с мясом.

Тепло, которое солнце дарило весь день, быстро уходит. Поэтому Шайль всегда носит куртку.

Светило теперь висит в небе темным шаром. В нескольких локтях от него горит луна. Бледно-голубая, будоражащая воображение любого волколюда.

Шайль и сама не знает, почему этот красивый шарик в небесах так сильно ее очаровывает. Девушка плохо помнит родную луну, только знает, что человеческая и в подметки не годится.

Ночь лишь началась, поэтому прохожих еще достаточно. Шайль привычно маневрирует между людьми и волколюдами: ее торопливый шаг совсем не вяжется с расслабленным взглядом, скользящим по чужим лицам. Старая привычка, вряд ли навеянная профессией.

Лавка мясника открыта. Это небольшая будка, сделанная из камня и железа.

— Привет, — здоровается Шайль, глядя на продавца через прутья над прилавком.

Волколюды опасные клиенты, поэтому защита от них всегда нужна. За спиной мясника висит транквилизаторное ружье. Шайль сталкивалась с этой игрушкой — один дротик погрузит в глубокую отключку. Повезло, что для подобной дряни гражданским нужно иметь лицензию: Шайль **очень** не любит чувствовать эффект транквилизатора.

— Здравствуйте, мисс Шайль, — улыбается мясник.

Очень образованный юноша с родинкой под левым глазом. Милашка, вот только от него всегда воняет застарелой кровью. И разводы на фартуке отводят любое внимание от лица мясника...

— Как всегда, — бормочет детектив, пытаясь унять слюни.

Мясник забирает талончик, протянутый девичьей рукой. С неизменной улыбкой ставит подпись. И это почему-то раздражает. «Почему ты улыбаешься?» — думает Шайль, глядя на то, как мясник достает из холодильника сверток. — «Тебе нравится **контролировать?**»

Волколюды почти никогда не едят людскую пищу, ведь она плохо усваивается и зачастую ухудшает самочувствие. А закон запрещает продавать в О-3 и О-2 сырое мясо: только выдавать раз в день, по талонам. Управленцы объясняют это «необоснованной агрессивностью», которая просыпается в волколюдах, если те начинают есть слишком часто.

Шайль не может сказать, что чувство голода помогает ей держать себя в руках. Но точно знает, что ежедневного куска мяса хватает, чтобы не падать в обморок и не срываться. Странноватая, но дисциплина.

Забирая сверток, девушка кивает на прощание и торопливо идет домой. **Еще более** торопливо.

Волколюды могут сколько угодно спорить с этим, но они подвержены рефлексам сильнее, чем другие расы. Если приучить их к тому, что за ароматом крови следует кормежка, контролировать своенравную расу станет невозможно. Но Шайль о таком не думает: ее интересует только стабильный ужин и работа.

Подъезд в этот раз закрыт. Разблокировав запирающий кристалл, девушка торопливо

взбирается по лестнице. Пролеты ничем не освещены, и причина этому проста — О-3 нищий район, не в каждом доме следят за соблюдением норм.

Шайль замирает перед дверью в квартиру. Несмотря на слюни, которых становится все больше; несмотря на сверток, источающий **слишком** притягательный аромат, детектив успевает почувствовать неладное. Потом и заметить.

Это явно что-то плохое, потому что девушка кладет сверток на грязный пол. Касается рукояти «Левиафана М-3». Вспоминает о том, что клинок «Союз» все еще в ремонте. Проклятый ёрк... оружие ближнего боя сейчас было бы гораздо эффективнее, чем массивная крупнокалиберная пушка.

Что же заметила Шайль? Может, она ощутила, что энергетика дверной ручки испорчена чьим-то прикосновением? Или учуяла запах чужака? Нет, это все **мистика**.

Небольшой клочок темной бумаги, который детектив всегда оставляла в щели между дверью и косяком, пропал. Это **реальность**.

Курок с тихим щелчком взведен. Шайль отодвигает сверток подошвой кроссовки, чтобы ненароком не раздавить.

Потребуется несколько вдохов, чтобы девушка решилась взяться за ручку. По-хорошему нужно обратиться в полицию, чтобы прислали поддержку. На улице как раз стоит кристальный передатчик, который недавно починили.

Но Шайль голодна. Она работала весь день, чтобы получить свой кусок мяса. И теперь ей легче подставиться под взрыв, пулю или огненное дыхание самого Бога, если такой вообще есть; чем отступить и отсрочить ужин.

Вопрос лишь в том, как детектив собирается поступить? Штурмом взять собственную квартиру, влетев в нее разъяренной фурией? Или же прокрасться, осторожно направляя дуло «Левиафана» в сторону возможных укрытий? Тот, кто знает Шайль, прекрасно понимает, как она поступит.

Нет, конечно же. Она не ворвется в свою квартиру. Это **е е** собственность, за ремонт которой **ей же** и платить.

Уверенный нажим на дверную ручку. Дверь безнадежно скрипит, радуясь возвращению хозяйки. Первым в квартиру заглядывает крупнокалиберный револьвер: его пасть готова рывкнуть смертельное слово. Следом — Шайль.

Кроссовки неслышно ступают по коридору. Мимо кухни — там пусто. Замирают возле ванной комнаты — дверь приоткрыта, внутри темно. Девушка бросает внимательный взгляд в сторону спален, но опасность пока не замечена. А за спиной ничего нельзя оставлять непроверенным.

Носком ткнув дверь в нижнюю часть, Шайль щурится, вглядываясь во мрак ванной. Вслушиваясь. Принюхиваясь. Гребаное **ничего**. Ни запаха, ни звука.

Быстро протянутая рука, дежурный щелчок выключателем — кристалл тускло загорается, но ванная пуста. Только душевая кабинка с призывно приоткрытой дверцей.

Шайль поворачивает голову. Все так же никого. Это ей не нравится. Напряжение нарастает, потому что рационально объяснить происходящее не получается. Пока что квартира выглядит как обычно...

Быстро шагает к собственной спальне. Там пусто. И на балконе никого не видно. В гостиной пусто.

— Да чтоб вас, — цедит Шайль, возвращаясь в коридор.

Ни единого следа взлома. Только отсутствующий клочок бумаги.

Быстро вернувшись ко входу в квартиру, девушка подхватывает сверток с мясом и наклоняется к полу.

Представить только: уставший детектив в ярко-красных кроссовках, в одной руке промасленная бумага, в другой большая пушка, готовая к пальбе. А глаза внимательно сканируют пол. Странноватая картина для этого дома, населенного старухами, неудачниками и двумя волколюдами.

Тщательный осмотр привел к выводу: клочка бумаги нет. Но почему? Куда он делся? Слишком маленький, чтобы его можно было просто так заметить. Чтобы вообще на него могли обратить внимание, когда открывают дверь. Даже Джуд не замечал его.

Шайль могла бы решить, что это своего рода предупреждение, но ведь квартиру вскрыли. Дверь открывали.

Девушка осматривает дверной замок. Внешне он выглядит неповрежденным, в него легко влезает ключ и исправно проворачивается. Значит, работал профессионал.

Детектив оглядывается. Может ли кто-то из соседей что-то знать? Нет. Квартира в полном порядке, никто в ней скорее всего не шумел. А раз нет шума — нет и подозрений.

Запах мяса донимает. Шайль со вздохом признает, что лучше сначала поужинать, а потом осмыслить происходящее. Собрать все в единую кучу за ночной чашкой кофе.

Дверь в квартиру закрывается за детективом. Замок тихо щелкает. Наступает тишина. Такая, какая бывает только возле логова **хищника**. Конечно, Шайль весьма миролюбива — с вечным «Левиафаном М-3» под мышкой, злобеньким оскалом почти-волчьей пасти и нехорошим блеском зеленых глаз. Очень миролюбива. Но когда она ест мясо... ее лучше не трогать.

Вновь эта вечерняя медитация над сырой пищей. Вновь этот взгляд, с каждым вдохом все более **кровожадный**. Как будто может быть иначе.

Хотя нет. Иначе может быть. Шайль думала иногда о том, чтобы отказаться от волколюдской диеты. Врачи говорили, что она может перейти на людскую еду. С трудом, но может. Наслаждаться рыбными супами, дрянной и переваренной лапшой из забегаловок и, конечно же, омлетами на завтрак. Ей даже могут провести операцию на зубах... вставив человеческие. Эти мысли пугали Шайль. Каждый раз, когда она ловила себя на них, внутри просыпалась смутная злость. Поддаться манящим предложениям врачей — означает окончательно расстаться со зверем внутри. А это **ужасно**.

К счастью, сегодня девушка не думала об этом. Скорее, наоборот. Глядя на сочное мясо, она вдруг подумала: «А что если бы я ела его **больше?**» Вряд ли это ключ к тому, чтобы открыть свою звериную форму. Но вдруг? Может, Шайль нужно больше мяса? Больше, чем выдают на день; больше, чем было на инициации в детстве, когда ее родители впервые попробовали пробудить в девочке **зверя**. Шайль ведь знает, что родилась волчонком, а потом, как и все волчата в выводке, превратилась в обычного младенца. Просто не смогла вернуться в родное обличье. Может, просто...

Дверь щелкнула. Как раз когда девушка впиалась клыками в плоть, с чавканьем разрывая мышечные волокна, замок со звоном отперся.

Детектив замирает. Опускает **еду** на бумагу. Тянется скользкими пальцами к рукояти револьвера. Одно движение — «Левиафан» встретит гостя парой приветственных выстрелов. Но Шайль не торопится. Она чувствует знакомый запах. **Перегар**.

— Я дома!.. — пьяно сообщают со входа.

«Сообщают»? Нет, пожаловало не Его Королевское Высочество. И не отряд пьяных

детективов, решивших поздравить Шайль с каким-нибудь идиотским праздником. Ни у кого нет ключа от дома, кроме...

— Джуд?

Это не вопрос, это **утверждение**. Шайль внимательно наблюдает из полумрака за неловкими движениями рокера. Сегодня волосы его не уложены, они висят редкими прядями, качаясь... впрочем, плевать. Совершенно плевать, как выглядит этот заносчивый человек. У него тоже не должно быть ключей. Шайль знает, что его комплект лежит сейчас в ящике стола, вместе с ручками, катающимися туда-сюда. Значит, самое время задать вопрос, детектив.

— Как ты сюда попал?

Джуд, с трудом выговаривая слова, сообщает:

— От меня, млять, ушел барабанщик! Ты понимаешь?! Он... ушел!

Нелепый жест руками, по всей видимости, должен сообщать о масштабах проблемы. Но Джуд не понимает, что вся его харизма и ловкость **уничтожены** убойной дозой алкоголя. Почему тогда смотрит с лицом победителя?

— Как ты сюда попал? — повторяет Шайль.

Ее рука, от которой разит мясом, все еще готова выхватить револьвер. Между куском мяса на столе и рукоятью пушки — короткий отрезок, и пальцы Шайль ровно посередине, замерли в воздухе, согнулись в неясном напряжении.

— У меня была копия ключа! — сообщает Джуд, заваливаясь в кухню и щелкая выключателем.

Магический кристалл под потолком заливается пунцом. Кухня озаряется тягучим красноватым светом, в лучах которого кусок мяса выглядит бесформенной игрушкой.

Рокер падает на стул, с грохотом ударяя его спинкой об стену. Достает из кармана пачку сигарет. Это не «Луна». «Забастовка». Перешел на подешевле?

— Счас нормальных барабанщиков не найти... — бормочет Джуд, прикуривая.

Его пальцы дрожат довольно сильно. Зрачки бесцельно блуждают. Лицевые мышцы подрагивают. Нервный тик. Все это Шайль отмечает, как и резкий запах.

— Но ничо! Я найду! Я и не такое находил...

Внезапное воодушевление, подхватившее Джуда на свой гребень, заставляет рокера улыбнуться. Он, видимо, слабо понимает, что происходит. Не видит потемневшие глаза Шайль, перепачканные в **крови** губы. Джуд ничего не замечает.

— Ты прикинь! Он жалуется, что я с концерта ему долю не дал... а я дал! Знаешь, сколько я этого придурка угощал?! Да он мне еще должен до сих пор... — рокер звучно икает.

К его легким как раз направлялся дым. Из-за икоты он застрял где-то посередине, и теперь надрывным кашлем просится обратно.

— Откуда у тебя ключ? — Шайль понимает, что она в странном трансе.

Девушка не первый год живет. Она знает, как понять, что мозги не в порядке. Ей, может, и было бы интересно послушать душещипательную историю про барабанщика, но... Сейчас Шайль придется не сладко. Поэтому она хватается за нить **рациональности**, пытаясь не забывать, что происходящее **реально**.

— Так я копию делал... — напоминает Джуд. — Если потеряю один, будет другой... Ты разве не делаешь копии?

Шайль не делает. Но это не важно.

— Ты приходил сегодня сюда?

Держаться. Вот, что нужно. Пока она еще может задавать вопросы — мозг держится. А пока он держится... может, зверь решится отступить?

— Тебя не было. Опять, — едко замечает Джуд, делая одну из последних затяжек.

Возможно, в своей жизни.

— Кто-нибудь... — Шайль вдруг замирает.

Что она только что хотела спросить? «Кто-нибудь знает, что ты здесь?» Девушка — детектив. Зачем она решила поинтересоваться тем, чем интересуются **убийцы**? Мозг ведь все еще на ее стороне, да?..

— А еще из-за этого козла мы отменили концерт. Ну, на следующей неделе. Прикинь, был такой сочный зал... В клубе! Светомузыка... народ... алкоголь...

Джуд зевает, одной рукой прикрывая провал рта, а другой — вдавливая окурок в столешницу.

Шайль поднимается. Идет к двери.

— Кто-нибудь знает, что ты здесь? — глухо спрашивает, удивляясь собственным словам.

Что ты хочешь **сделать**, детектив? Дверь заперта, ты в этом убеждаешься. Никто не выйдет из твоей квартиры, если ты не захочешь. Это то, что тебе было интересно?

— Не-а. А кто-то должен? — спрашивает Джуд, и голос его звучит в некотором отдалении.

Как минимум потому, что Шайль стоит, упираясь кулаками во входную дверь. Клочок бумаги нашелся. Он лежит на полке с обувью, куда обычно рокер ставит свои ботинки. Видимо, прилип к подошве и отпал с нее?

Шайль закрывает глаза. Разум не на ее стороне. Наоборот, он в стоворе с внутренним зверем. Если можно охотиться, почему бы не сделать это **разумно**?

Девушка опускает руки. Плечи расслабляются. Она идет назад, чувствуя, что шагать — легче и легче. Когда Шайль оказывается перед Джудом, тот протягивает к ней руку. Держит небольшой фотоснимок.

— Помнишь? — спрашивает парень.

Карточка помятая. Но на ней легко можно угадать Шайль и Джуда: девушка явно не в восторге, хмурится и отводит взгляд, поджимая губы, как обычно она делает перед любой камерой; а вот парень радостный, прижимается к щеке Шайль, зажмурив один глаз и вывалив язык.

— Это было самое идиотское свидание в твоей жизни, да? — пьяно смеется Джуд, отводя руку с фотоснимком и опуская взгляд на него. — Но было **круто**. Жаль, что я все проебал. И тебя, и барабанщика. И самого себя проебу, похоже...

Что-то щелкнуло в Шайль. Зверь отпрянул, отворачивая морду от чего-то неприятного. А человек... нет, девушка. Девушка моргнула, удивленно подавшись назад. Перед ней сидел Джуд. Тот Джуд, который был неплохим парнем до тех пор, пока его вялым репетициям не дали шанс на небольшой сцене. После этого Шайль и Джуд перестали **спать**. Видеться регулярно, распивать кофе на балконе, куря сигарету за сигаретой и посмеиваясь вместе над ежедневными новостями. Больше не было свиданий, не было «мы». Только «ты» и «я». Всего за несколько недель все стало скучным.

Несколько недель? Люди так быстро могут меняться?

— Иди в душ, — Шайль приходится выдавливать из себя слова. — Спишь в своей

комнате. Больше никакого алкоголя. Приведи в порядок прическу. Брось затею с группой. Найди нормальную работу. Тогда разрешу остаться.

Джуд некоторое время молчит. Отупело смотрит в стену — будто уснул с открытыми глазами. Но вдруг кивает.

— Я знал, что ты это скажешь. Я не брошу свою группу. Просто пришел повидаться напоследок, — язык рокера все так же заплетается, но речь звучит **осмысленно**. — Это мой выбор. Нам было **круто**, но...

Шайль не слушает дальнейшее. Она поняла общую суть, и ей это, в общем-то, понравилось. Кажется, девушка только что чуть не совершила огромную ошибку. Разрешить остаться? Этому придурку, мечтающему играть рок на большой сцене в мире, который через год может развалиться? Да что там «может»! Развалится. Обязательно развалится.

Девушка берется за чайник. Тянется к банке кофе. Конечно же на ней не написано «La réussite». Слово гораздо проще: «Львов». И этот кофе вовсе не паршивый. На самом деле, ей хотелось пить больше, чем две чашки в день. Хоть и непонятно, каких таких львов потеряла компания. Но Шайль вряд ли заботили подобные вопросы. Ей просто хотелось выпить кружку теплого кофе с привкусом пепла и послушать тишину. Избавиться от боли в груди.

— Спасибо за все, — повторяет Джуд.

Раздается скрип стула. Шайль бросает взгляд через плечо и пелену слез. На столе — фотоснимок и одинокий ключ.

— Не прощаюсь навсегда. Но сюда больше не приду, — слабо улыбается рокер, потирая пластырь на лбу; туда еще недавно ударила ложка. — Пожелаешь удачи?

— Удачи. И с группой, и со всем остальным, — кивает Шайль, с трудом выжимая из себя слова.

Сейчас ее не заботит ни запах мяса, лежащего на столе, ни вонь перегара. Плита под чайником уже нагревается. Скоро кофе. Совсем скоро... **Только бы не зарыдать**.

Дверь тоскливо щелкает. Девушка делает шаг к столу, хватается за кусок мяса. В несколько больших укусов добивает ужин, стараясь не сосредотачиваться на вкусе и текущих по щекам слезах.

— Нужно найти нового квартиранта, — бормочет Шайль.

Она не облизала пальцы. Просто вытерла их о ближайшее полотенце и прислушалась к звукам из чайника.

Горячий кофе успокаивал разбушевавшиеся нервы. Девушка хвалила себя за то, что сдержалась. Соседский балкон пустовал. Небо молчаливо наблюдало за происходящим.

— Баста. Ба-а-аста, — бормочет Шайль, выдыхая сигаретный дым. Тыкает пальцем в небо. — Ты понимаешь? Хватит так смотреть!

У тверди нет глаз, но детектива не покидает ощущение того, что за ней наблюдают.словно через стекло в допросной комнате. Стоит какой-то пронирыливый коп, смотрит, скрываясь от ответного взгляда. Слова Жана упорно продолжают звенеть в голове.

— Что ты такое? Конечно же ты небо, чем ты еще можешь быть? — недовольно говорит Шайль.

Делает затяжку, запивает кофе.

— И нет за тобой ничего. Вот вообще ни-че-го. Ты просто небо. Мой старый приятель,

который тверже любой железки. Да ты тверже яиц моего отца! Вот как!

Когда Шайль чувствует, что мозги немного не в порядке, она позволяет себе разговаривать с небом. В конце концов, не зря оно висит вот тут — на расстоянии накренившейся с перила кружки? Зачем оно еще нужно, кроме как выслушивать все безумные бредни?

— Я вообще не понимаю, как можно думать, что за тобой **что-то** есть! — возмущается девушка.

Напрасно возмущается. Небу, конечно, очень интересно это все слушать; но все знают, что за небом одного мира скрываются другие миры. Просто попасть в них можно только через Врата, наполненные Космосом. Это логично, так все устроено. Каждый мир заперт в небесном шарике, из которого есть выход в соседний. Как комнаты в квартире. Плоский земляной пол, статичные лампочки: солнце и луна. Потолок неба...

— Если бы за тобой что-то было, тебя можно было бы пробить! Разрушить! Понимаешь? — спрашивает Шайль, кидая окурок в почти пустую кружку. — А раз тебя нельзя разрушить, то за тобой ничего нет. Все просто.

Да, детектив. Все просто. Достаточно не задумываться. В топку всех ученых, философов и диванных экспертов! Все на самом деле **взаправду просто**. За небом нет бесконечного Космоса, который способен поглотить все живое. И за небом нет какого-то вселенского секрета, например, Бога. Небо — небо. Оно тверже любого металла и даже яиц твоего отца, детектив. Потому что это небо, и оно **крутое**.

Шайль отставляет кружку в сторону и вздыхает. Пора сосредоточиться на деле. Три волколюдские общины. Все три проводят регулярные встречи. Как раз после окончания третьей доли дня — это самое лучшее время для работников и бездельников, чтобы собраться и послушать ораторские бредни или просто пообсуждать что-то свое, волколюдское.

Если Шайль хочет сосредоточиться на деле Бибика, ей нужно взять отгул на работе. Заодно разберется с квартирантом и одеждой. Ее давно пора занести в ремонт. Пусть обзаведется новыми заплатками, раз уж не способна зарости сама по себе, как это делает Шайль.

Детектив уходит с балкона, пресытившись компанией неба. Включает небольшую лампу на столе — тусклый магический свет бросается на стол, как нищий бросается на протянутую бумажку.

Ящик издает удар дерева об дерево, когда девушка резко дергает на себя. Хватает ручку, которая еще ни разу ничего не писала в своей жизни. Достает чистый лист бумаги. Рисует кружок. В нем пишет слово: «Бибик». Точно так же поступает с прочими делами, записывая, чтобы не забыть сделать все, что надо. Получившийся набор кривых кружков получился не таким уж и большим.

«Бибик», «Одежда», «Уборка», «Аренда», «Замки».

Шайль определенно хочет поменять замки. Если гребаный Джуд еще раз припрется невовремя, придется покончить с карьерой детектива и стать профессиональным преступником.

Девушка вздыхает, глядя на листок. Оставляет его на столе. Скидывает с себя кобуру, кидает удостоверение в ящик с ручками (теперь уже точно туда). Устало массирует глаза. Сдирает с лица пластыри, под которыми чуть запылевшая, но здоровая кожа.

Сняв кроссовки со ступней, со вздохом удовольствия шевелит уставшими пальцами.

Чувствует прохладу пола. Слабый сквозняк, скользнувший с балкона куда-то глубже в квартиру. Бредет в душ.

Надо отдохнуть на славу. У Шайль будет два выходных, и стоит набраться сил.

F.M.

Глава 7: День 3, выходной!

Ночь жаждет. Ночь терзает. Словно стервятник мертвую тушу, тьма поедает Освобождение. Кусок за куском, преступление за преступлением. Стрелка часов слишком медленно ползет: одно деление, второе... Чтобы кошмар прекратился, нужно преодолеть четыре доли. Выверенные, четко обозначенные. Луна ехидно улыбается, наблюдая за миром людей. Слишком большим, чтобы его процессы была способна передать хоть тысяча **лаконичных** слов...

Все подходит к концу. Стрелка касается края последней доли. И луна гаснет. За ней — фонари. С тихим щелчком вспыхивает солнце. Новый день начинается. Кто-то увидит растерзанный труп в подворотне, а кто-то — улыбку в зеркале ванной.

Последнее касается Шайль. Она улыбается, умывая лицо холодной водой. Остатки сна спадают. Зубной порошок приятно скрипит на клыках. Девушка размеренно кивает в такт мелодии, звучавшей в голове. Разглядывает себя в зеркало. Сплевывает, полощет рот. Разгибается.

— Сегодня ты отдыхаешь. Но расслабляться нельзя! — строго напоминает детектив отражению.

И то согласно кивает.

Босые ступни шлепают по полу до кухни. Чайник оmyвается слабым напором из крана. Где-то за стеной шипит система из кристаллов. Кофе двумя ложками падает на металлическое дно. Сверху обрушивается вода. Крупицы сахара темнеют от влаги.

Пока кофе заваривается, Шайль наводит порядок. Проверяет мусорник, от которого разит мясом: слишком много промасленных свертков. Среди них притаились остатки людской пищи.

Девушка занимается рутинной: курит и глядит на нежно-голубое небо перед носом.

Сегодня Шайль опять будет в кроссовках.

В фуникулере не случилось ничего примечательного. Как и по пути в участок. Зойд уже сидел за столом с утренней газетой, но Шайль не стала пытаться ее определять. В кабинете было достаточно коллег, которые могут это сделать, если захотят. Сегодня девушка займется личными делами.

— Мне нужно два выходных, — вместо приветствия сообщает Шайль.

— Ты нашла себе **нового** парня? — буднично интересуется Зойд.

И это первое, что пробуждает в девушке чувство стресса. Да, **кажется**, все уже знают. Шайль до сих пор не может понять, откуда ее коллеги берут такие новости, но информатора давно пора прикончить. Правда... девушка не догадывается, что сама все выдает собственным поведением.

— Разве что **ты** хочешь стать им.

Легкомысленная подколка Шайль заставляет кого-то прыснуть, Бобби — заинтересованно повернуться к столу начальника, а самого Зойда...

Что ж. Ёрк выглядывает из-за газеты, натягивает **самую** сладкую улыбку и **самым** нежным голосом напоминает:

— Отношения между сотрудниками запрещены, детектив Шайль. Ваши два выходных ожидают вас, повеселитесь на славу. Только распишитесь на двери.

«Расписаться на двери» это значит «поставить точки в отгульной таблице, которая висит на двери». Согласно регламенту, детективы работают все семь дней в неделю. Но могут выбирать четыре дня в месяц, когда им разрешают отдохнуть.

Впрочем, кому какое дело до регламента детективов? Шайль — точно никакого. Она знает и любит свою работу. Пусть та и сидит на шее девушки, довольно помахивая ножками.

Ручка задумчиво скользит по списку имен. Оставляет несколько изящных меток на табличке напротив нужных дат. И Шайль чувствует, как работа нелепо падает куда-то за спину, взмахнув напоследок лакированными туфельками.

— Удачи, работнички! — весело прощается не-детектив и выскальзывает за дверь.

Сразу на выходе из участка закуривает сигарету, не замечая притаившихся рядом сплетниц.

— Она сегодня довольная, — шепчет первая.

— Тише! — вторая косится на Шайль, в очередной раз оценивая мощную женскую фигуру.

— Хорошего дня, детектив, — прощается третья.

Детектив не ответил. Потому что детектива сегодня нет. Есть задумчивая девушка, разглядывающая улицу. Одну из многих в О-3. Озабоченные люди снуют налево-направо. Кто-то спешит, кто-то потерянно бродит. Фабричная труба выскальзывает из-за самых высоких крыш, извергая дым. Какой-то полицейский тащит верещащую девчонку к дверям участка: видимо, попала в воровстве или мелком хулиганстве. Малявка — человек, возрастом примерно...

Нет-нет-нет. Детектива нет.

Ярко-красные кроссовки ступают по грязному тротуару. Бычок с щелчком отлетает в урну. Шайль взъерошивает белые волосы. Прежде чем опустить руку, касается сережки. Палец скользит по граням ромба, отмечая его идеальные линии. Старый подарок. Вторая сережка висит на ухе родной сестры Шайль. В тот день, когда обе безделушки достанутся одной девушке, другая умрет. К счастью, такое вряд ли случится.

Освобождение с облегчением и хрипом дышит, подставляя лик под солнечные лучи. От них Шайль чувствует себя несколько **разгоряченно**. И все же неторопливо идет в сторону остановки. Фуникулер прибудет нескоро, спешить некуда.

Поднимаясь по широким, потрескавшимся каменным ступеням, девушка старается дышать ровно. Запахи города щекочут ноздри. Остановка перед взглядом. Вокруг, насколько хватает глаз, разбросаны жилые дома, многоэтажки, лавки, аптеки. Освобождение, как и многие города Общего мира, строился в несколько уровней. Множество лестниц, фуникулеры, сотни миллионов жилых помещений, столько же — рабочих мест. Настоящий муравейник, сотканный из бетона и множества улочек. Край города увидеть удастся только с высоты птичьего полета: иначе мешают постройки. Трудно понять, почему до сих пор ничего не обрушилось.

— Они придут! — кричит мужчина.

Не волколюд. Похож на пьяницу, только глаза слишком живые. Машет руками, стоя на одной из лавочек.

— Трепещите, ибо кара будет ужасающей! — его голос срывается, когда подходит Шайль.

Покачивая бедрами, небрежно помахивая рукой с зажатой между пальцами сигаретой.

— Слезай давай, приятель, — просит девушка.

— Ты полицейай? — спрашивает мужчина.

Оценивает риски? Умница какой.

— Воистину полицейай, — слабый кивок заставляет безумца подчиниться без лишних слов. — Слезай, нечего шум создавать.

Мужчина стоит перед Шайль, выглядит немного виновато. Но он просто **знает**, что полицейские любят проверять прочность обуви на чужих ребрах. И пусть эта крепкая девушка не показала удостоверение, кобура под ее курткой все еще отчетливо видна.

— Ты не работаешь? — внезапно спрашивает Шайль, делая глубокую затяжку.

— Сегодня выходной...

Смущенный ответ заставляет усмехнуться. Девушка кивает в сторону остановки.

— Езжай домой, поспи хорошенько. Нечего нервировать себя.

Мужчина засеменил к остановке, а следом — Шайль. Она потушила окурок с мыслью о том, что стоит сэкономить сигареты. Но запах Освобождения... просто сводит с ума.

Впрочем, не только он. Новости Всемирья многих заставляют нервничать. Это выливается вот в такие вот психозы: в свободное время некоторые люди стоят и кричат что-то невразумительное. Называют себя **проповедниками**. Даже если их заткнуть, глаза все равно беспокойно бегают из стороны в сторону. Человеческая психика гораздо более хрупкая.

— Ты чего трясешься так? — спрашивает Шайль, даже не пытаясь скрыть издевку.

— **Они** придут, — шепотом отвечает мужчина.

Его глаза продолжают отчаянно выискивать любое подтверждение этой мысли.

— **Они-то?** Не придут, — апатичность, с которой девушка об этом сообщает, заставляет мужчину взвиться.

— Миру бромпиров конец! До нашего тоже доберутся...

— Семь лет война идет, не добрались ведь пока, — Шайль по-дружески треплет мужчину по плечу. — Не думай о лишнем. Мы на другом конце Общего мира. Лучше выпей успокоительного и ложись спать. Выходные не будут длиться вечность.

— На работе все говорят... Придут! Придут!..

Девушка со вздохом отводит взгляд от мужчины: фуникулер с легкой тряской приближается. От него пахнет маслом, металлом и... чем-то еще. Неуловимым.

— Езжай, — тихо повторяет Шайль. — Все хорошо будет, **поживем**.

Девушка идет не к дому. Она направляется к лавке, где продают разные вещицы для дома. Кухонную утварь, небольшие кристаллы, полотенца... **замки**.

Продавец знаком Шайль. Молодой парнишка-волколюд. Ловкий, смышленный, но мышцами еще не оброс. Может, в следующем году матереть начнет...

В то время как девушка выбирает товар, парнишка курит злобную самокрутку: без фильтра, набитую самосадам. Дым настолько вонючий и едкий, что Шайль старается глубоко не вдыхать.

— Определилась? — недружелюбно спрашивает волколюд.

Риторические вопросы? Милое обслуживание. Но, так или иначе, Шайль все равно

кивает.

— С тебя три рубля.

— Не знаешь, где продают музыкальные кристаллы?

— У **Хойка** спроси. Через несколько домов.

Шайль платит чистенькими купюрами, полученными недавно от Бобби взамен на свою рваную пятерку. Цена явно завышена, но препираться бессмысленно: либо плати, либо вали.

Запахнув в карман новенький замок и небольшой кристалл для часов, Шайль бредет в поисках музыки. Денег осталось не так уж и много, но девушка давно хотела прикупить что-то приятное для дома.

Улица, по которой идет Шайль, одна из самых **нижних**. Тут-то и живет большая часть волколюдов. Или откровенно нищих людей. Впрочем, разницы особой нет. Местные канавы зловонны, потому что трубы редко приезжают чинить. И те протекают чем-то дрянным, что скапливается в лужи. Может быть, однажды из них выйдут отличные озера. Грязные. Сморданные. Самое то для раков и бесшабашных детишек.

Впрочем, вряд ли городу, выстроенному меж двух океанов, грозит большое загрязнение. Как только ситуация с волколюдами в Освобождении станет получше, обязательно вычистят каждую улочку. Этого «как только» ждут уже пять лет.

Шайль замечает лавку, возведенную прямо под аркой меж двух многоэтажных домов. Дешевый брезент хлопает: почему-то по этой улице ветер прогуливается с особой охотой. Продавец сидит на небольшом табурете, привалившись к шершавой стене. Дремлет. Сигарета в его губах дотлела до фильтра, и грудь мужчины вся в пепле. Сухощавый, небритый **человек**.

— Ты Хойд? — спрашивает Шайль, разглядывая небольшие кристаллы.

Все они ярко светились. Это значит, что маны в них полно. А вот размеры, цвета и формы были разными: от круглых до многоугольных и кривых. От белых до почти черных. От наперстка до детского кулачка.

— Хойк, — недовольно бурчит мужчина, не разлепляя глаз. — Выбирай молча, если вопросов поумнее не найдется.

— Мне нужна **конкретная** песня, — Шайль потерянно осматривает ворох кристаллов, содержимое которых узнать без помощи не получится.

А продавец все молчит. Девушка прочищает горло.

— Что? Чего надо? — Хойк открывает глаза. — Ох, мать божья, легавая волколюдка!.. Я тебя знаю!

— Песня. Мне нужна песня.

— Я за тебя **очень** рад, — мужчина сплевывает окурок вместе с комком слюны. Утирает губы, стряхивает пепел, усаживается ровно. — А мне-то че делать?

— Тихая Ненси у тебя есть? — терпеливо спрашивает Шайль.

Да, под «приятным для дома» подразумевается безжалостный бунтарский рок.

— Ее навалом. Вот на этом десяток песен, — мужчина тыкает пальцем в один из самых крупных кристаллов. — А вот тут по несколько.

Короткий жест обозначает три поменьше.

— **Одна** песня. «Чернота ванильных небес», — девушка понемногу теряет терпение.

— Хуэта бромпирьих ебес... — передразнивает Хойк, скрипя ногтями о щетину. — Ты у нас романтик, я погляжу?

Кулак Шайль сжался в кармане куртки, но девушка заставила себя разжать пальцы.

Пусть издевается. **Они** всегда издеваются. Но Ненси — классика, как ни крути. Лучше **людского** Дроцарта или боблинских завываний под барабаны.

— Нашел. Во, слушай, подруга! — Хойк щелкает грязным ногтем по кристаллу.

Маленький. Круглый. Светится зеленоватым, цвет похож на глаза Шайль. После щелчка кристалл поднимается на несколько сантиметров и замирает в воздухе. Шайль, затаив дыхание, ждет.

Тяжелые гитарные **риффы** вступают без церемоний. Девушка несколько лет их не слышала, но сразу попадает кивками в такт. Барабаны глухо отбивают ритм, невидимые струны дрожат, заливая резким звуком пространство вокруг кристалла.

— **СМЕ-Е-ЕРТЬ!**

Раздавшийся визг заставил Шайль оскалиться несмотря на боль в ушах. На самом деле это была улыбка, но ощерившиеся клыки легко портят впечатление. Хойк плавным движением сгребает повисший в воздухе кристалл, заставляя музыку заглухнуть.

— Ненси, тысячу лет ей быть в лучах славы, умела зажигать, — сообщает продавец таким тоном, будто Шайль думает обратное. — Но дальше слушать только за деньги.

— Сколько?

Короткий вопрос выражает **полнейшую** уверенность в том, что сегодня девушка уйдет с кристаллом в кармане.

— Тридцать.

Короткий ответ выражает **абсолютное** наплевательство на пределы финансовых возможностей кого-либо из Освобождения.

Хойк с прищуром смотрит на то, как лицо Шайль каменеет. Девушка никогда не выясняла цены, и озвученная сумма заставила задуматься: а откуда на тусовках берутся музыкальные кристаллы? Люди вскладчину их покупают? Или находят богатенького, который готов обеспечить **ритмом** на весь вечер?

— Тридцать рублей? — переспрашивает Шайль. — И на сколько хватает кристалла?

— На год, — невозмутимо отвечает Хойк. — Это если слушать по несколько раз на день.

Девушка отчасти прониклась амбицией Джуда попасть на сцену во что бы то ни стало. Какие деньги гребут музыканты? Может быть, и ситуация Ненси не такая уж плачевная, как могло показаться. Впрочем, чужие деньги не считают.

— Вернусь к тебе после зарплаты. Отложи для меня этот камушек.

Хойк мог поклясться, что в голосе Шайль звучит разочарование. Но лицо ее оставалось невозмутимым.

— Я не курица, чтобы что-то откладывать, — продавец с улыбкой возвращает кристалл на прилавок. — Накопи деньжат побыстрее — будет тебе и музыка.

Шайль разворачивается, собираясь уходить, но замирает. Из неприметного места за ней наблюдает знакомое лицо: Гириом. Парень выскальзывает из тени здания, поигрывая зажигалкой. К поясу примотана **безобидная** полоска стали. Формой напоминает боевой тесак, вот только лезвие не заточено. Учитывая силу Гириома, в этом нет нужды — кости и так сломать удастся.

— Ты все-таки пришла, — улыбается волколюду, приближаясь к Шайль.

Почему-то девушка чувствует опасность. Отступает на шаг, холодно глядя на соседа.

— А ты меня ждал, м?

Этот вопрос задан одновременно с выскользнувшей из кармана рукой. Одно быстрое

движение — рукоять револьвера окажется в ладони. Почему-то Шайль действительно **напряжена**.

— Только если немного, — улыбается Гириом и тут же поворачивается к Хойку. — Эй, босс, обожди-ка малость. Я поговорю недолго.

— Не просри мне сон, псина, — грубо отзывается продавец, но явно без злости. — И не притащи сюда еще кого-то из легавых... романтик хренов...

— Пойдем, — приглашает волколюд, кивая в сторону своего «рабочего места».

Шайль покорно следует. Она не удивлена тому, что музыкальную лавку охраняет именно волколюд. Но вот встреча с соседом оказалась неожиданной.

Парочка доходит до укромного места — солнце не достает, есть место для посидеть, с которого можно увидеть происходящее перед лавкой.

— Ты один охраняешь?

— Пока что. Остальные заняты **другим**, — улыбается Гириом, усаживаясь на лавочку и доставая сигарету. — Будешь?

Шайль смотрит на белоснежные кружочки фильтров, скалящиеся из пасти пачки. Качает головой. Достает свое. Соседи закуривают, но пауза не длится долго: Гириом явно не хочет тратить время.

— Ты извини, что слился так резко. Не ожидал встретить... **безликую**.

Какое мягкое слово подобрал, глядите! Шайль приподнимает бровь и выдыхает дым, поглядывая на безмятежное лицо соседа.

— Порядок, — сухо отзывается девушка.

Они вдвоем глядят больше на пустующий дворик. Это жилая улица: все, видимо, либо работают, либо гуляют в более приятных местах. Грязный тротуар переходит в пыльную землю без всякого предупреждения. словно так и должно быть.

— Мне пиздец неловко как-то. Ты меня удивила, — бормочет Гириом, разминая в пальцах фильтр.

— Я всех удивляю. Поэтому я детектив! — охотно кивает Шайль, повторяя за соседом манипуляции с сигаретой. — А ты не любишь удивляться, вот и работаешь вышибалой.

Что за бред льется из уст Шайль? Кажется, она растеряна не меньше Гириома. И при этом у обоих уверенные лица.

— «Вышибалой»? Да мы все тут вышибалы, — парень звонко сплевывает в пыль и растирает слюну носком ботинка. — Освобождение не видит для нас другой роли.

Но философствовать никто не хочет, поэтому оба пытаются подобрать другую тему.

— И как, часто проблемные клиенты?

— Не-а, — Гириом пожимает плечами, словно признавая что-то неприятное. — Довольно **чистая** работа. От Хойка и без меня стараются держаться подальше.

— От него воняет дерьмом, — усмехается Шайль. — И он совершенно не умеет разговаривать.

— Да он добряк, просто туповатый немного. Сам себе на уме, вот и несет чушь, — «вышибала» вздыхает, разминая спину.

Шайль слышит, как хрустят его позвонки. Почему-то это **возбуждает**. Даже если не смотреть на перекачивающиеся мышцы. А Шайль смотрит. Охотно.

— Ну понятно, — отзывается, не зная, что еще сказать.

Огоньки сигарет почти у финишной черты. Кажется, как только уголек затронет фильтры, разговор должен будет прерваться. Поэтому Гириом вскидывается, цепляясь за

последние вдохи разговора:

— Я тебе достану песню! Не у Хойка, он цены задирает чуть ли не в два раза. Я на выходной съезжу в О-2, там есть знакомый... Достану! Подождешь?

— Да, подожду. Мне все равно столько не платят, чтоб я тридцатку отстегивала за одну песню, — кисло признается Шайль.

Гириом не позволяет разговору затухнуть вместе с сигаретой.

— Чего не на работе? Выходной взяла?

Девушка потерянно кивает. Кажется, бодрый настрой ушел.

— Давай вечером поедим? Я сегодня не успел, проспал, — улыбнулся парень. — Видимо, у меня проблемы со сном. Разговор с тобой поможет немного.

Поужинать вдвоем? Соблазнительно. Но... Шайль не может согласиться. Сегодня она планирует навестить в одну из волколудских общин.

— Я не знаю, буду ли вечером дома, — признается девушка. — Но ты поешь обязательно. И поспи.

— Мы еще увидимся? — Гириом сохраняет лицо, но голос сочится беспокойством. — Если я тебя обидел, то извини.

— Обиды не держу, — улыбается Шайль, пусть это и выходит слишком кисло. — Просто работа накладывает свои риски.

— Понимаю. У меня так же...

Гириом поднимается с лавочки и бросает окурок на землю. Шайль вторит. Фильтры растерзаны подошвами. Как бы ни хотелось пообщаться еще, девушка все же прощается и уходит. Впереди много дел.

Главная опасность Освобождения не в экстремальном уровне преступности. Не в разгильдяйском отношении детективов к работе. И не в халатности исполнения законов.

Главная опасность Освобождения, как и любого города в Общем мире, — вечное чувство тоски. Жителей так много, что они теряют контакт друг с другом. Вечная череда лиц, от которых тошнота слишком легко подкатывает к горлу. Когда в последний раз Шайль с охотой вливалась в общество? Слишком давно.

Тоска. Одиночество. **Потерянность**. Это проклятье каждого «муравейника». Большая часть знакомств не стоит затраченных усилий. Либо ты постоянно крутишься в водовороте общения, либо тебя выносит в безлюдный океан уединения.

Шайль не любит водовороты. От них кружится голова. От них начинается бред. А желчь, и без того едкая и клокочущая, сочится через каждую пору в теле.

Поэтому девушка работает детективом. Это позволяет ей законно оставаться в стороне от любого столпотворения. Потому что никто не «зависает» рядом с мертвецами. Никто не смеется возле трупов. Никто не шумит, не старается затянуть в безрассудную авантюру. Это сухой рабочий процесс, наполняемый, разве что, идиотскими шуточками коллег и опасными стычками с преступниками.

Иногда Шайль чувствует себя призраком. Интересно, кем чувствует себя Гириом? Сидя в одиночестве на лавочке, наблюдая за двинутым продавцом музыки и раскуривая сигарету за сигаретой... Недолго сойти с ума.

Поэтому девушка сосредоточена не столько на смене дверного замка, сколько на

размышлениях: «А надо ли тянуть дело Бибика?»

Допустим, она пойдет в общину волколюдов. Может, даже услышит что-то, что даст новую зацепку. Выйдет на след преступника. Раскроет дело. Скорее всего, попутно получит по лицу. Сколько дней это все займет?

Шайль уже написала отчет, в котором Зельда выглядит настоящей убийцей Бибика. Надо ли рваться дальше? Это потребует времени, риска, еще одного отчета. Премии никто не выпишет. А то еще и пожалуются: какого хрена Шайль раскрывает одно и то же дело по нескольку раз? Неужто ей кто-то за это платит?

Ладно, это бред. Девушке просто хочется повеселиться. Гириом единственный волколюд, обративший на нее внимание за последние полтора года. Если не считать тех, кого Шайль избивала, чтобы отправить на суд и в тюрьму...

— Раздери тебя луна, — рычит девушка, швыряя отвертку на пол.

Дверь жалобно скрипнула, получив пинок.

Работа не идет. Сосредоточиться не получается. Шайль уже долго бьется над замком, пытаясь его разобрать и по частям достать из двери. Но она упускает один-единственный важный шурупчик.

Вновь опустившись на саднящее колено, Шайль вглядывается в металлическую конструкцию. Кривит губы, рассматривая поржавевшие железки.

А надо ли тратить время на Гириома? Бибик стоит того, чтобы расследовать дело дальше. От него воняет первоклассным дерьмом, которое Шайль не терпит вычистить. И так слишком много преступлений в Освобождении остаются нераскрытыми...

Тем больше причин забыть об этом. Убили фармацевта, какая трагедия! На бумаге дело закрыто. Других у Шайль пока что нет — слава луне, обычная полиция справляется. Можно слегка помочь коллегам с их работой. Отдохнуть. Пообщаться с Гириомом, погулять, обсуждая все на свете. Шайль ведь имеет право на подобие личной жизни. Верно?..

— **Херьня**, — вздыхает девушка.

Шуруп нашелся: мелкий засранец скрывался под пятном ржавчины. Отвертка нещадно вонзается в негодея, с натугой выкручивая из конструкции. Дверной замок рассыпается, со звоном падая на пол. Шайль косится на новокупленный. Хоть бы там все было проще...

Она доведет **дело** до конца. Ржавые замки, от которых есть слишком много ключей, нужно менять. Потому что это **гнилая** система, которой не место в **идеальном** механизме.

Освобождению нужна правда о Бибике. А двери — проклятый новый замок, в котором шурупов еще больше. Шайль с обреченным стоном начинает разбираться в еще одной **херьне**.

Квартира кое-как приведена в порядок. Мусор вынесен, полы подметены. Одежда собрана в сумку, которую осталось занести портному. Шайль торопливо заканчивает писать очередную копию объявления о сдаваемой комнате. Несколько раз подчеркнув фразу «**для девушек**», детектив засовывает скромную пачку бумаги в сумку. Сверху приземляется флакон клея. Ремни затягиваются, обреченно повисая на плечах девушки.

«Левиафан М-3» заряжен. Россыпь патронов в кармане спортивных штанов: достаточно глубоко, чтобы не вылететь наружу. Осталось пробежаться по улицам, расклеивая объявления; отдать одежду в ремонт и отправиться в ближайшее место, где собираются

волколюды.

Провернув ключ в новеньком замке, Шайль слышит чистейший щелчок из когда-либо раздававшихся на ее этаже. Судя по часам, сейчас только третья доля дня. Значит, она уложилась. Теперь в течение полутора суток нужно разнюхать подробности. Это Шайль тоже успеет. Она быстрая.

Город встречает ее без особого интереса. Людей на улицах стало больше. Теперь все в основном уставшие. Сонные. Апатичные. Больше никто не кричит о грядущем бедствии. День выжал достаточно сил из каждого, чтобы заткнуть рты до завтра.

Бродя среди волколюдов и людей, Шайль торопливо клеила объявления где попало. Свой адрес писать не стала, ограничившись временем встречи и условным местом на нейтральной территории.

Это вынудит ее задерживаться после работы, чтобы проверить, нет ли заинтересованных **кошельков**. Шайль не одна из тех безумных инфантилок, которые сдают комнату в аренду лишь бы не было скучно по вечерам. Девушка просто хочет денег. Легких денег.

Когда тощая пачка бумаги подошла к концу, а в флаконе осталась бултыхаться едва ли треть клея, впереди показалась небольшая вывеска: «Портной». Мелкая подпись мелом сообщала номер квартиры. Впрочем, его Шайль и так знала — шестьдесят шесть. Детектив была постоянным клиентом, получала за это скидку и приоритет в выполнении работы. Завтра любимый наряд будет почти как новый. Долой бунтарскую футболку с надписью «Сила. Превосходство. Триумф»! Даешь гольф-безрукавку!

Пожилая женщина приняла сумку без лишних вопросов. Она знает свое дело. Шайль отстегнула привычные два рубля и вздохнула с облегчением. Теперь Бирик.

Хоть девушка не была частой посетительницей собраний волколюдов... Тьфу. Она вообще не посещала никакие собрания, кроме рабочих. Несмотря на это, Шайль предпочла первым делом навеститься к «ВолкоЛЮДАМ». Это наиболее тихое сообщество, и от него девушка ждала не сюрприза, а возможности вернуться домой пораньше и **в целости**. Отужинать с Гириомом... да, все-таки хочется.

Детектив помнит дорогу. Осталось только выкинуть дрянное предчувствие в одну из урн, встречающихся по пути.

Спокойнее, Шайль. Ты знаешь, что работу нужно сделать. Ты куришь сигарету и смотришь на первый этаж — окна заклеены плакатами, на которых красной, будто кровью, краской выведены символы общины: знаки пацифистов и **волчьих** стай. У неприметных дверей стоит **очень** приметный волколюд. Кури. Не парься.

Дым становится все горячее. Язык неприятно пощипывает. Это одна из последних сигарет в пачке, но Шайль не переживает — в общинах волколюдов курение под запретом. Ей придется поработать некоторое время без бодрящей дозы никотина.

Затоптав кроссовкой окурок, девушка перепрыгивает через бетонный выступ, приземляясь на ступеньки за ним. Торопливо спускается, на ходу застегивая куртку. Пушку не так трудно спрятать, было бы желание. Шайль ощупывает карманы, убеждаясь, что удостоверение осталось дома. Отлично.

Охранник на дверях сверлит девушку взглядом. Внешне — обычная мелкая сошка из

криминального мира. Бунтарская прическа, неуместная серьга, ярко-красные кроссовки, черные спортивные штаны. И крепкая куртка. Полицейская?.. Руки в карманах. Походка пружинистая, немного нервная. По меркам О-3 — не самое яркое зрелище.

— Я не опоздала? — спрашивает незнакомка.

Охранник не торопится отвечать. Внимательно осматривает девушку. Почти презрительно цедит:

— Я тебя не знаю. Куртка у тебя странная.

— Я новенькая, а куртка от бывшего парня досталась.

Девчонка приветливо скалит клыки, подмигивая мужчине. Тот предпочитает не замечать кокетливые жесты. Складывает руки на груди, демонстративно напрягая мышцы.

— Пароль-то знаешь? — хрипло спрашивает волколлюд.

Его взгляд скользит то в одну сторону улицы, то в другую. Словно в поисках кого-то, кто должен вот-вот появиться. Но никого приметного заметить не удастся — только эту **милку**, появившуюся из ниоткуда.

— Про пароль не так спрашивают, — обиженно сообщает девушка. — Ты должен спросить сначала: «Кто больше всех любит слезы?»

Охранник щурится. Кривится. В словах «новенькой» есть смысл.

— Давай же, спроси, — почти умоляя говорит милка.

— Кто больше всех любит слезы? — неохотно спрашивает мужчина.

— Луна, потерявшая своих детей. Теперь пустишь наконец-то?

Дверь с раздраженным скрипом открывается, но не до конца — лишь бы дать проскользнуть девчонке. И пока та проходит, охранник думает о том, что в последнее время в общину пускают слишком много **молодых**. Но едва ли кто-то спросит его мнение.

Шайль оказывается внутри. Стоило двери закрыться, с ужасом выдыхает, прикрывая ладонью глаза. Очень повезло, что за последние несколько месяцев пароль не сменился.

Детектив стоит в темном коридоре. Достаточно узком и прямом, чтобы стрельба с другого его конца попадала по любому вошедшему. Шайль не может отделаться от этой мысли, пока шагает вглубь.

Раньше это место было складом фирмы «Для нашего дома». За длинным и простым названием скрывалась обычная группа идиотов, занимавшихся заказами товара из соседних, более успешных городов. Поэтому у них был только склад и несколько магазинов. Фирма предпочла слинять, когда на складе нашли несколько растерзанных тел. Прямо в холодильниках, которые должны были вот-вот продать.

С тех пор помещение опустело, долгое время никем не использовалось — разве что, молодежью. Здесь было несколько **крутых** тусовок, кончавшихся примерно так же, как и бизнес «Для нашего дома». Только больше не было холодильников, в которые можно спрятать трупы.

Шайль знает предысторию этого места. И хорошо знает, что община «ВолкоЛЮДОВ» выкупила это помещение целиком и сразу, единой суммой.

С одной стороны, детектив была готова порадоваться за то, что у кого-то нашлось столько рублей в карманах... С другой стороны, история пахнет скверно. Особенно вспоминая, что владельцем торговой фирмы был волколлюд, пропавший без вести.

Впрочем, в Освобождении все пахнет скверно. Кроме этого коридора. Длинного как мысль безумца, пишущего для пустоты. Тут пахнет... ничем. Может быть, немного пылью.

Шайль замечает в полумраке, что некоторые участки стен выглядят более свежими.

Капитальный ремонт. А коридор все тянется. Что ждет на другом конце?

Змейка куртки с тихим звоном расстегивается. Ненамного. Чтобы дышалось легче. Тут довольно тепло.

Детектив чувствует себя кроликом, за которым наблюдает удав. Почему-то ей **кажется**, что за ней следят. Может, так воздействуют стены и невидимый конец коридора.

Планов этих помещений ни у кого нет. Что здесь вообще устроили? Место для культурных вечеров? Бандитскую базу? «Богемскую рощу», в которой совершают ритуалы? Ладно, последнее просто-напросто смешно. У волколудов нет магии.

Шайль вытягивает руку и касается стены. Теплая. Удивительно...

Коридор поворачивает налево. И тут же — дверь. Девушка хватается за ручку и тянет на себя. Ее ослепляет свет сотен свечей. В нос бьет запах размякшего воска и пламени. Щурясь, прикрывая лицо ладонью, Шайль заходит внутрь. Через пелену слез замечает **множество**. Оно собралось в центре огромного помещения, вокруг... столба? Нет, это постамент. На котором высится чья-то фигура. Живая.

— Мы не отринем собственную натуру, но не станем ей потакать!

Громкий голос разносится эхом над головами, скользя по круглой комнате. Шайль моргает, пытаясь занять место поудобнее — где-то среди слушателей. Пихается, неловко наступает на чужую обувь, протискивается. На нее почти не обращают внимание. Детектив понимает лишь, что она в окружении сородичей; но вся концентрация их личностей прикована к оратору на пьедестале.

— Нужно помнить самих себя. У нас есть только мы. Каждый из нас — живая сила, и эту силу важно уметь направлять в полезное русло.

Голос скрипучий. Шайль удается рассмотреть белоснежные одежды говорившего. Такие же белые волосы, сплетенные в множество косичек. Квадратные очертания лица. Строгий взгляд. Морщины, покрывающие кожу. Это **действительно** старый волколуд. Таких почти не встретить в Освобождении.

Шайль замирает, внимательно глядя на мужчину. Он возвысил себя над всеми — но не размахивает руками, даже не смотрит вниз. Он смотрит куда-то вверх, словно обращаясь к кому-то еще, к кому-то, кто выше. Голос звучит уверенно, не запинаясь. Слово за словом чеканит язык.

— Чего стоит зверь внутри, если он не обладает разумом? — спрашивает оратор у потолка.

Только сейчас Шайль замечает, что потолок окрашен золотым. Цветными кляксами выведены очертания знакомых образов: звери, луна, хижины.

— Мы волки, но мы же и люди. Каждый раз, теряя контроль, мы теряем самих себя. Помните о том, как важно держать разум в чистоте.

Детектив слушает, стараясь не упустить ни слова. Но ее натура отчаянно пытается избавиться от назойливого голоса, читающего нотации.

— Предлагаю нам всем вспомнить историю об Апоксефе. И поучиться у прошлого, чтобы построить достойное будущее.

История течет стройными фразами. Четко выверенными, без лишних пауз и попыток подобрать нужные слова. Кем бы ни был оратор, — Шайль пока не решила, как именно его называть, — у него громадный опыт.

Рассказывая легенду о волколуде, который съел столько мяса, что заснул на месте, где его и настигла кара, старик в белых одеждах опускает взгляд в четко подобранный момент.

Шайль вздрагивает, чувствуя, как по коже идет волнение. Испуганными толчками оно проскакивает от макушки до пят, заставляя поежиться. Шайль готова поклясться, что старик смотрит **на нее**. Но одновременно с этим девушка чувствует, что все вокруг охвачены тем же самым волнением. Беспокойной тягой... к подчинению.

— Помните. Помните каждый день жизни о том, что я говорю.

Голос становится вязким. Тягучим. Слова прилипают к разуму, и Шайль старается их отбросить. Не получается.

— Вы должны беречь и зверя, и человека в себе. Вы должны слушать и того, и другого.

«Заткнись», — шепчет Шайль про себя, но старик не затыкается.

— Вы **обязаны** всему миру. Вы — сильнейшие, и в этом ваша слабость.

Голос затихает. Девушка чувствует себя крошечной каплей в океане. Внешне он спокоен, но под гладью творится неопишное. Что-то нехорошее таится в глубинах.

Старик опускается на постамент, поджимая под себя ноги. Вместе с ним опускаются зрители — и Шайль тоже. Вместе со всеми она склоняет голову, чувствуя великий груз на плечах.

— Берегите мир, воины.

Едва слышимый шепот замирает пугающими отголосками в сознании. Детектив еще долго стоит на коленях несмотря на то, что остальные начали подниматься. Но Шайль делает это вовсе не из-за чувства покорности. Она **борется**, не желая вставать до тех пор, пока не скинет с себя давление чужого авторитета.

Сложно описать это чувство. Под правильными словами скрывается неясный жуткий смысл. Шайль может лишь благодарить себя за то, что с детства избегает подобных собраний.

— Ты в порядке? — спрашивает кто-то, и девушка замечает ладонь перед своим лицом. — Вставай, служба окончена.

«Окончена»? Детектив готова поклясться, что все еще только начинается. Но все же встает, приняв чужую помощь. Перед ней стоит волколуд, чье лицо изуродовано шрамами. Шайль знает его.

F.M.

Один из разыскиваемых.

Глава 8: День 3–4, выходной!

В Освобождении редко кого-то разыскивают, потому что в большом городе не так легко спрятаться, как многим кажется.

И очередное подтверждение стоит прямо перед Шайль. Список «заслуг» этого **ублюдка** не такой уж большой, но сложно выбрать, с чего именно начать. Десять смертоубийственных **кормлений**? Организация вооруженного нападения на общину бромпиров? Распространение наркотиков среди людей?

— Чего так смотришь испуганно? — недовольно кривится мужчина, похлопывает девушку по плечу. — Отмирай, щеночек, я тебя не буду есть.

Имя — Рерол. Возраст — пятьдесят лет. Чуть младше среднего, по меркам волколюдов. Из отличительных черт: уродливые шрамы на лице и один глаз в вечной звериной форме. Это можно заметить по разнице в зрачках.

— Даже если и попробуешь — зубы обломаешь, — Шайль двигает плечом.

Со стороны жест похож на пренебрежительный. Но девушка просто хочет почувствовать **кобуру**. Все еще на месте. Все в порядке.

— Не напей только, — Рерол тянет ухмылку, оценивающе глядя на Шайль. — Ты кто такая? Раньше не замечал **беловолосых**.

Детектив дает стандартную отмазку про «первый раз», которая звучит очень правдиво. Особенно с учетом того, что Шайль действительно тут впервые.

Пока Рерол разглагольствует с покровительственным выражением лица, девушка не может отделаться от мысли, что перед ней — желанная мишень не только участка О-3, но и в целом полиции Освобождения. За его шкуру скорее всего заплатят не только премией...

Но Шайль прекрасно понимает, что с волколюдом такого рода ей не справиться в одиночку. Он на **ином** уровне.

— Может, побудешь моим проводником? — тихонько спрашивает девушка. — Ты явно **сечешь**, что тут к чему.

— Э-э... — Рерол кажется сбитым с толку.

Нет, не так. Он **брезгует**. Отступает, глядя куда-то в сторону. Поднимает сильную руку, показывая направление к одной из дверей.

— Вот туда пойдешь и все сама поймешь. А мне дела делать нужно, щеночек. Без обид. Подрастешь, может и зависнем.

Мягкая фраза несет в себе зубодробительно обесценивающий смысл. Рерол почувствовал, что в Шайль недостаточно **звериного**. Будь она хотя бы как ее сестра...

Девушка уверенно направляется в указанном направлении. Ей не было досадно из-за того, что ее отшили. Это логичный исход. Шайль просто попробовала: вдруг ей удастся разузнать чуть больше про Рерола?

Ладно. Нахрен этого **ублюдка**. Нужно выяснить, связаны ли «ВолкоЛЮДЫ» с делом Бибика. Нахрен премию, повышение, уютную квартирку в О-2. Сосредоточиться на моменте.

Во-первых, что Шайль чувствует? Запах волколюдей не разобрать. Они ультрахищники, они способны скрываться посреди ничего в гребаном нигде. Есть запах воска. И...

Девушка принюхивается, пытаясь различить тончайшие ниточки аромата.

Порох. Порох? Здесь стреляли? Любопытно.

Во-вторых, глаза. Осмотрись вокруг, Шайль. Свечи — круто. Очень **концептуально**. Но

зачем они здесь на самом деле? Выделяют тепло и запах, дают свет... Свет? Кристаллов нет. Но почему?

Шаг за шагом Шайль подходит все ближе к двери, пробираясь мимо увлеченно беседующих волколудов. Некоторые из них смотрят на старика — тот все еще на постаменте, Шайль убедилась в этом, бросив короткий взгляд.

Вряд ли у организаторов не хватает денег на кристаллы. Боятся использовать что-то на основе магии? Если к ним придут с дестабилизатором, станет темно. В полном мраке даже ультрахищники видеть не могут. Поэтому свечи, да?

Рядом с дверью никого. Словно остальные избегают этого прохода. Шайль берет за ручку. Чувствует нехорошее. В общем шуме... что-то меняется. Детектив хочет обернуться, но не решается. Нужно выглядеть естественно, верно?

Дверь не скрипит. Открывается, подчиняясь руке девушки. Шайль шагает внутрь без сомнения.

Крипта. Это слово сразу приходит в голову, когда детектив видит... тела. Тут иссушенные, тут пока еще сочные — но все как один приколочены к столбам множеством гвоздей. Мать их за ногу, настоящие трупы! Шайль хочет зажать нос, но не решается. Стоит, замороженно глядя на останки.

Десять?.. Там еще два. Двенадцать. Комнатка небольшая, освещается лишь кучкой свечей в середине. А вокруг установлены деревянные столбы. Сладковато-гнилостный запах царит здесь, и он не приемлет никого постороннего. Шайль замечает пятна черной плесени на ногах ближайшего мертвеца.

Это люди. Или волколуды. Сложно сказать, если не смотреть на лица. А до них свет не достает. Впрочем, вряд ли детектив очень хочет смотреть на мертвецов.

Дверь закрывается за спиной. Шайль испуганно вздрагивает, но понимает, что это всего лишь работа пружин — понятное дело, никто не хочет, чтобы крипта стояла открытой. Это тихое место, которое не стерпит шума и многолюдности.

Ярко-красные кроссовки тихо ступают вглубь помещения. Девушка обхватывает себя руками, хотя в куртке ей было достаточно тепло. До этого момента. В основании столбов таблички: тонкие листы металла, на которых краской написано...

«Покаран за попытку насытиться собратом».

Этой короткой надписи достаточно, чтобы Шайль отвернулась, скривившись. Освобождение — большой город, и сколько бы полицейских ни ходило по улицам... иногда жители устраивают самосуд.

— Впечатляет, не так ли? — чей-то тихий голос вызывает у Шайль нервную дрожь в сердце.

«Запах разложения скрыл чье-то присутствие», — так девушка решила поначалу. Но потом вспомнила, где она. Не с людьми. А с «собратьями».

— Очень, — через силу признает Шайль. — Где ты?

Худощавая фигура выходит из мрака крипты. Непонятно, зачем волколуд стоял под стеной, но девушка понадеялась, что ее тут не ждали заранее.

— Этих несчастных пришлось наказать, — безразлично сообщает юноша.

Он молод, очень. Даже для Шайль. Поэтому мышц на его теле не хватает. Но глаза позвериному блестят, а клыки видны достаточно отчетливо, чтобы не возникало ложного впечатления.

Шайль не знает, что сказать. Лишь кивает, наблюдая за незнакомцем. Запах детектива

начал пропадать еще в том длинном коридоре, и теперь остался лишь тусклый уголок решимости.

— Скажи, что полицейский забыл на нашем собрании? — спрашивает юноша, любуясь одним из трупов. — Мы навлекли на себя чью-то немилость?

Девушка чувствует, как острый серп подрезает сердце. Да, детектив: хоть и не рокер, но ты известна в определенных кругах, особенно если ходишь в **этой** куртке.

— Личное дело... — бормочет Шайль. — Я пришла сюда не по работе.

— О, тогда прошу простить, — степенно кивает мальчишка. — Мне нужно было спросить, чтобы избежать недоразумения. Что ты, как полицейский, чувствуешь, глядя на эти трупы?

Жестокость.

— Справедливость?.. — неуверенно отвечает Шайль.

— Хорошо, если так. Я не хочу, чтобы о нашей организации пошли **неприятные** слухи.

«Их и так полно», — успевает подумать детектив, выпаливая ответ:

— Подобное вам не грозит, вы очень популярны. В О-3, во всяком случае.

Девушка решается сдвинуться с места, чтобы подойти ближе к центру комнаты. Стоять вдалеке от собеседника было неудобно.

Юноша бросает на Шайль взгляд, но тут же возвращается к созерцанию мертвеца. Протягивает к нему руку, не коснувшись совсем чуть-чуть.

Задать вопрос сейчас — идеальное решение. Но слова в голову не идут. Шайль мнется. Стоит ли ей уйти?..

Нет, не раньше, чем удастся выяснить что-то любопытное.

— Я так поняла, вы хотите равных прав для волколюдей и... людей? — Шайль пытается сформулировать размытые воспоминания в конкретику.

Получилось, судя по реакции юноши, не слишком удачно. Сухой смех запрыгал меж столбов, плечи мальчишки задрожали. Отсмеявшись, он утер губы.

— Нет. Это была бы несусветная глупость. Мы хотим расширения, но для этого нужно выглядеть соответствующе.

Собеседник наконец-то поворачивается лицом к Шайль, останавливая на ней взгляд.

— Как тебя зовут? — растерянно спрашивает девушка.

В этот момент она меньше всего чувствует себя **детективом**.

— Гэни. Я простой парнишка Гэни, который думает, что ты не просто так сюда пришла. Я должен делать работу за тебя? Выкладывай.

Подобное течение разговора Шайль совсем не нравится. Как и все остальное. Ситуация... слишком затягивается. Цель становится расплывчатой.

— Я ведь сказала, что пришла сюда по **личному** вопросу.

— То есть, ничего связанного с работой?

Шайль кивает. Гэни разочарованно пожимает плечами.

— Тогда зачем разговаривать? Насладись созерцанием наказания. Вон ту мы повесили недавно. Иногда мне кажется, что бедняжка все еще теплая.

Детектив следит за пальцем Гэни и с досадой стискивает челюсти. Мертвая девушка. Ну уж нет. На **это** смотреть не хочется.

— Что-то маловато наказанных, — замечает Шайль, отворачиваясь от... покойной. — Неужели ваша община так хорошо успокаивает нервы волколюдам?

— О, нет. Мы снимаем тела, когда те высыхают окончательно, — улыбается Гэни и

зачем-то подходит ближе. — Ведь нет ничего интересного и показательного в мертвце, который не **пахнет**?

Шайль не может сказать, что в мертвцах есть хоть что-то интересное или «показательное». Трупы всего лишь трупы.

И тем не менее, местные безумцы явно считают иначе. Сколько времени нужно телу, чтобы перестать смердеть? Шайль не может найти ответ в голове. Она никогда таким не интересовалась.

Парнишка говорит «мы». Это... странно?..

— Ты тоже как-то причастен к этому? — спрашивает девушка, нервно засовывая руки в карманы куртки. — Не слишком ли молодой?

— **Я организатор.**

Это звучит так тупо, что даже не похоже на ложь или шутку. Сопляк, который едва ли сможет убить хотя бы взрослого **человека**, — и руководит этим волколюдским цирком «справедливости»? Шайль прищуривается, вглядываясь в Гэни.

— С каких это пор волколюды выбирают главным кого-то настолько слабого?

— С тех пор, как появился я, — Гэни наклоняет голову к плечу. — Повремени с разговорами о слабости, ты не видела **зверя**.

Ох, тот самый тип трудных детей, которые кичатся своим **обликом**. Что дальше? Похваляется дорожкой растительности на верхней губе? Шайль вздыхает. В этой организации есть кто-то, кто стоит над Гэни. Но так ли это важно?

— Ладно, ты **босс**, поняла, — кивает Шайль. — Тогда ты сможешь мне сказать, чем вообще занимается организация? Кроме как... развешиванием мертвцов в своем доме.

— «Мертвцов»? — юноша удивляется, даже пятится, бросая взгляд на одно из тел. — Мы не вешаем трупы. Мы приколачиваем **живых**. Это ведь наказание, забыла?

Шайль становится дурно. Хочется рывком расстегнуть куртку и, выхватив пушку, разрядить весь барабан в этого мелкого. Все восемь, побери их луна, пуль. Но детектив держит себя в руках. С толпой за дверью нечего будет делать.

— **Отлично**, — едко сплевывает Шайль единственное слово. — А заняты-то чем? Ищите плохих парней и распинаете их?

— Мы проповедуем. Мой старший брат прекрасно с этим справляется, думаю, ты могла застать его речь, — Гэни дает слишком отвлеченные ответы, чтобы цепочка мыслей Шайль могла обрасти новыми звеньями.

Видимо, придется нарушить регламент? Сунуть нос чуть дальше, задав **совсем** неудобные вопросы?

— А цель какая? Я слышала разговоры о спасении зверя и человека внутри себя. В чем смысл?

— Тебе не понять, — отмахивается Гэни. — В тебе больше людского. Ты и так прекрасно справляешься.

Задрали. Шайль с большим трудом оставляет руку в кармане. Натягивает улыбку.

— **А вы сами** хорошо справляетесь? Я недавно наткнулась на труп фармацевта, который работал на организацию волколюдов. Его растерзали когтями, но мясо не тронули. Ваша работа?

— Значит, все-таки по делу, — вздыхает Гэни. — Нет, не наша. Теперь иди отсюда. Мы принимаем в своем доме **заблудших**, а не **ищущих**.

Шайль качает головой. Цокает.

— Не торопись гнать меня. Если не ваших лап дело — значит, опасаться нечего, мы друзья. Подскажи, кто мог это сделать, и я сама с радостью уйду отсюда.

— Почему ты думаешь, что фармацевт работал на нас или кого-то вроде нас?

— Детали расследования не раскрываю. Раз говорю — так и есть, — холодно рубит Шайль. — Мужик работал над каким-то препаратом. Или над чем-то подобным. Его убили, когда он стал **неудобным**. Слышал что-то об этом?

— Нет, не слышал. А даже если бы и слышал... Ты понимаешь, что только **мы** терпеливы достаточно, чтобы отпустить тебя живой? — Гэни разводит руками. — Занимайся расследованием, ищейка, но не суй нос дальше положенного. Иначе быстро станешь **неудобной**.

— Я уже неудобная, это моя работа, — Шайль огрызается, давая выход накопленному стрессу. — И не мелкому сорванцу решать, как я должна ее делать. Ваши клубы пока не прикрыли, но когда захотят — первой к вам приду. После этого **дерьма** вы мне совсем разонравились.

— Осторожнее со словами, полицейский, — Гэни хрустнул кулаком, слишком маленьким, чтобы вызвать хоть малейшую опаску. — Иди, пока я не рассвирепел.

— На луну свирепеть будешь, молокосос, — Шайль вскинула средний палец, демонстрируя его на ходу через плечо.

Дверь хлопнула за спиной. Несколько волколюдов начали заинтересованно смотреть на Шайль, но свирепое лицо показало, что интересоваться нечем. Девушка **прорвалась** через столпившихся уродов, едва не пнула кучку свечей и оказалась перед дверью в тот самый коридор.

Ее никто не останавливал. Это радовало. Нужно выбраться на улицу и покурить. Избавиться от **вони**.

— Значит, надо их провоцировать, — бормотала Шайль, пытаясь отыскать ближайшую лавку, где продают сигареты. — Скользкие засранцы.

Детектив не имела права расследовать **внутреннюю** деятельность общины Освобождения. Там, где кончалась улица, кончались и полномочия. Значит, нужно вытащить кого-то на свою территорию. Спровоцировать.

Вот только подобная тактика навлечет на Шайль удар не только **виновных**. Ни один волколюд не упустит шанс поставить на место зазнавшегося полицейского. Тем более, детектива. Тем более — Шайль! **Безмордую суку**.

— Пачку «Забастовки», — просит девушка, доставая из кармана смятую купюру.

Последнюю смятую купюру. Дома лежит в тайнике от силы пять рублей. Но дом далековато.

— «Забастовки» нет, — буднично отвечает уставшая девушка.

За то время, что Шайль была в общине, солнце успело шелкнуть и теперь висело темным шаром в небе. Светила только луна. Лавка должна скоро закрываться.

— Э-э... — детектив растерялась, пытаясь высмотреть на прилавке хоть какие-то сигареты.

«Луну» сразу пропустила взглядом. Это дорогущее курево для модных подростков

достанется кому-то другому.

— А есть... «Перепел»? — Шайль вспоминает, что скоро у нее... **свидание?**

— Ноль-семьдесят-пять, — скороговоркой отвечает продавщица.

Ее человеческие глаза смотрят на детектива с любопытством. Чуть позже — с жалостью, когда становится видно, как отчаянно покупательница ворошит карманы, позвякивая патронами в одном из них.

Конечно же не хватает. Когда куришь одни и те же сигареты второй год, ты даже не смотришь на ценники других марок.

— Почему это у вас нет «Забастовки»? Она же самая ходовая, — с тоской спрашивает Шайль, закончив рыться в карманах.

Только полрубля. Не больше, не меньше.

— На, держите, — вздыхает девушка.

Уже начатая пачка раскрывается, продавщица достает пару сигарет и протягивает их детективу. Все-таки «Перепел». Шайль принимает подношение, за которое неуверенно пытается заплатить половиной рубля.

— Не надо, идите, — отмахивается продавщица. — Мой коллега, болван надувной, забыл в отчетность внести «Забастовку». На следующей неделе привезут, не раньше.

— Ладно, спасибо, — бормочет Шайль, одну из сигарет закладывая за ухо, а вторую тут же прикуривая. — Удачи...

Детектив бредет и размышляет. Зайти за мясом, встретиться с Гириомом, проснуться завтра. На очереди две другие общины, гораздо более неприятные по слухам. Значит и по факту. Гребаные нервы... Детектив сорвалась. Она уверена, что могла вытащить из Гэни что-то полезное. Но ее сбили с толку речи проповедника и развешенные на столбах **волколюды**. Сорвалась, непрофессионально...

Но что теперь? За какие еще ниточки Шайль может подергать? Будь она человеком — побоялась бы соваться к волколюдам. Решила бы навестить соседа Бибика, который дал **вонючую** наводку.

Вот только через него дело пойдет в тупик. Он, скорее всего, такой же бесполезный, как и Зельда. А то и хуже. Ему могли просто дать пару рублей за «информацию» для детектива.

— Тц, мерзость, — Шайль с сожалением смотрит на землю, по которой растекается чей-то ужин.

Виновник стоит в стороне, все еще корчится, держится за живот и хрипит, утирая слюнявые губы.

— Уважаемый, ну это **штраф**, — громко предупреждает Шайль. — Вас не учили держать улицы в порядке?

Мужчина. Обычный человек. Комплекцией не вышел. Такого можно прижать к земле без особых усилий. Пивное пузико прикроет органы только от не слишком сильных ударов. Шайль бросает в лужу рвоты окурков, и тот с шипением гаснет.

— Уважаемый, доставайте документы, чтобы я заполнила... — Шайль осекается, вспомнив, что при ней ни значка, ни блокнота с бланками. — В общем, с вас полрубля и мы разойдемся мирно. Без бумажек. Ладненько?

Миροлюбивый взгляд детектива не находит отклика в мужчине. Его слово в переговорах — это отчаянная струя рвоты, почти угодившая на ярко-красные кроссовки.

— Твою ж!.. — вскрикивает Шайль, одним прыжком уходя от вонючих брызг. — Мужик! Заделай течь!

Некоторые прохожие останавливаются, со смехом наблюдая за происходящим. Детектив озадаченно смотрит на корчащегося мужчину, из которого все течет и течет. Как он до сих пор на ногах стоит-то?..

Цвет рвоты меняется столь стремительно, что Шайль поначалу не верит глазам. Однако ж — она действительно красная. Кровавая. И вместо еды в ней плавают кусочки чего-то **очень** ароматного. Детектив зажимает нос и пятится. Кто-то из прохожих кричит:

— Да он свои кишки высирает!..

Мужчина наконец-то валится на колени. Упирается ладонями в тротуар, пачкая руки в собственных трудах. Спина содрогается с каждой порцией кровавой каши, извергаемой из глубин... тела.

Шайль не находит внутри себя культурных слов. Лишь стоит, не в силах осознать происходящее. Зеваки забавляются, наблюдая, как несчастный валится на бок и хрипит, дергается, заливаясь рвотой. Или не совсем ею.

Детектив с радостью подскочила бы к мужчине, попытавшись оказать первую помощь; но дело не только в запахе крови. Она замечает, что волосы несчастного несколько удлиняются. Становятся **другими**. Не только на голове — но и на предплечьях, не скрытых закатанными рукавами.

Этот процесс ей смутно знаком. Похоже на **очень** херовую версию смены облика. Вот только перед ней все это время был обычный человек. В этом можно поклясться.

— Он превращается!.. — крикнул один из свидетелей, сородич Шайль, судя по всему.

Люди испуганно шарахнулись прочь — без вопля, без визга. Они уже привыкли к тому, что волколуды вечной угрозой присутствуют в жизни города.

«Левиафан М-3» выскальзывает из кобуры. Шайль взводит курок раньше, чем ствол направляется на лежащего. Выстрел не происходит.

По закону волколудам нельзя **превращаться**. В случае нарушения допускается немедленное применение летального оружия или транквилизатора. Желательно до того, как пострадает кто-либо.

Но сейчас стрелять нет смысла. Шайль и несколько других волколудов наблюдают за тем, как тело хрустит суставами, деформируется, обрастая шерстью. Цвет ее был неоднородным. Там — черные пятна, там — рыжеватые. Ненормально.

А самое ненормальное — мужчина мертв. Он сменил облик, но уже посмертно. Такого с волколудами не происходит. Шайль матерится, оглядывается, убеждаясь, что опасности нет. Но курок не расслабляет. Просто пихает револьвер в кобуру, начав осторожно подбираться к лежащему покойнику.

Ей не по себе от вида мертвеца. Это не ультрахищник, а жалкое подобие, сотканное из несовершенного человеческого тела. Хвост куцый, клыки короткие. Мышц нет, только кости торчат через тонкую кожу. И немного жирка на боках. Отвратительно.

Волколуды рядом с Шайль. Тоже смотрят. Все молчат. Произошедшее слишком **неправильное**, чтобы сразу уложиться в головах.

Но детективу не надо ничего укладывать. Шайль достает из-за уха сигарету. Прикуривает. Выдыхает дым.

— По домам, мальчики, — ласково обращается к волколудам. — Это работа полиции. Результаты прочтете завтра в газетах.

О да. Сегодня ночью у журналистов будет шанс немного поработать сверхурочно. Если они вообще знают, что такое отдых.

— Прости, я опоздала. На улицах иногда творится дичь, — вздыхает Шайль.

Гириом уже стоит на своем балконе, курит, с интересом глядя на утомленную девушку.

— Ты выглядишь довольно мило как для того, кто столкнулся с **дичью**. Вкусно было?

Этот неловкий комплимент, объединенный с игрой слов, воспринимается скорее как упрек. И девушка хмурится, упираясь локтями в перила балкона.

— Завтра прочитаешь. Там... там просто нечто, — Шайль собирается сокрушенно опустить голову на руки, но вместо этого шарахается назад, уклоняясь от мелькнувшего движения.

Гириом смеется, балансируя на тонкой полоске железа. Сидит на корточках, прямо на перилах балкона Шайль. Детектив держит ладонь на рукояти револьвера, прижимаясь спиной к дверному косяку.

— Ты чего так резко?.. — ошарашенно спрашивает девушка, неуверенно разжимая пальцы. — У меня сердце почти выскочило.

— Надо ведь тебя чем-то удивлять, — Гириом с улыбкой убирает от губ сигарету. — А то хмурая такая, уставшая.

— Мне хватило потрясений...

— Да ну?

Парень соскакивает с перил, приближается к Шайль. Слишком близко. От него пахнет дымом. Мужская рука опускается на плечо девушки, чувствуется, как Гириом сжимает пальцы, впиваясь в жесткую ткань куртки. Словно хочет сделать что-то, ради чего нужно удержать жертву на месте. Шайль отбирает из его рук сигарету и затягивается, выдыхая прямо в лицо наглецу.

— Не советую так легко сокращать со мной дистанцию, — шепчет, разглядывая парня. — Я голодна.

— Значит, ты все-таки хочешь поужинать?

— Мясо уже на кухне. — Невинный взгляд Шайль заставляет нутро парня сладко заныть. — Только вот сегодня мне нужна **вся** порция...

Гириом качает головой, энергично и решительно.

— Да пофиг. Ты поешь, а я посмотрю. Если можно, конечно.

Шайль фыркает, делает последнюю затяжку и выкидывает сигарету с балкона. Окурок ударяется о небо и падает вниз, окружаемый снопом искр.

— Смотреть — нет, нельзя. Смотреть и варить мне кофе — конечно же можно, — девушка первой заходит в квартиру, бросая взгляд через плечо и призывно протягивая руку. — Идем.

Гириом хватается за теплую ладонь, про себя отмечая, что их мозоли неплохо сочетаются. Парня утягивают в логово **черной вдовы**, наполненное таинственным красным светом и запахом мяса.

Хм. Никто разве не знает, что Шайль не всегда расстается с партнерами мирно и легко? Неважно... Сегодня это неважно.

Для них день начался на второй доле. Шайль проснулась первой. Пихнув в плечо парня, сонно спросила:

— Тебе разве не надо на работу?

Гириом отреагировал не сразу. Зевнул, потянулся, морщась от боли в прокушенном плече. Потерев глаза, улыбнулся.

— Да, вроде как надо. А тебе?

Шайль выскользнула из-под черного одеяла, от которого пахло сексом, кровью и потом. Пожала плечами. Встряхнула головой, скидывая остатки сна.

— Сегодня еще нет.

Вспомнились события вчерашнего дня. Вернее, ночи. Шайль кривится и старается затолкать воспоминания подальше. Обдумывать их надо хотя бы после чашки кофе и сигареты... сигареты!

— Покурить еще осталось? — девушка оборачивается с надеждой на Гириома, а тот трясет пачку, лежавшую на прикроватном столике.

— Е-есть.

Парень откидывается на подушку, осторожно подкладывает руки под голову. С наслаждением наблюдает за стройным сильным телом Шайль, которая не торопится одеваться: рыскает по комнате, собирая вещи в одну кучу. Штаны Гириома полетели к нему на грудь.

— Тебе стоит поторопиться, если не хочешь опоздать, — напоминает Шайль.

— А ты в курсе, что как для **безмордой** ты довольно горячая? — парень утягивает штаны под одеяло.

Не то чтобы в квартире прохладно... Но вылезать из тепла не хочется.

— Ну да, **конечно**, — вздыхает детектив, между делом доставая из ящика иньектор.

— Серьезно говорю!

Гириом выскакивает из-под одеяла и начинает искать майку, продолжая объясняться:

— Я думал, что **безмордые** совсем не такие и похожи на обычных людей.

— А я думала, — бормочет Шайль, проверяя, надежно ли сидит капсула с раствором в стволе «пистолета», — что достаточно просто поблагодарить за хорошую ночь, а не говорить странные вещи.

— И да, большое спасибо, было **круто**, — довольно скалится Гириом, подбираясь к детективу со спины и обнимая. — Что это за хрень?

— Микродозинг.

Короткая и толстая игла вонзается в кожу под татуировкой. Напоминаем: «О-3-18». Это **важная** деталь, символизирующая патриотизм, преданность делу и... ну, стиль, может быть?.. Кто еще в здравом уме нанесет на видное место город, район проживания и личный номер агента? Только безумцы, подверженные волне трудового энтузиазма.

Волна крутых копов. Хотя Шайль уже не чувствует себя такой уж крутой. Скорее, размазанной по стене соплей маленькой девочки, которая не может собраться и задать взбучку плохим парням.

— Ауч, — Гириом морщится, глядя на результат инъекции.

Место укола немного разбухло, тут же воспалилось, засочилась кровь вперемешку... с **чем-то**.

— Микродозинг чего?.. — уточняет парень, обеспокоенно глядя на Шайль, вынимающую пустую капсулу.

— Всего, чем любят отравлять волколюдов. Не забивай себе голову, это рабочая необходимость, — девушка прячет иньектор и поворачивается, позволяя себе улыбку. — Ты же не хочешь, чтобы меня усыпили и расчленили в каком-то подвале?

Гириом не хотел. Он вообще, говоря честно, не хотел, чтобы с Шайль что-то случилось. Ведь она **безмордая** и не может защищать себя так, как полноценный волколюд. Но парень сказал немного иное:

— Теперь ты выглядишь еще **круче**.

«Только выгляжу», — хотелось сказать Шайль, но она довольно кивнула.

— Собирайся на работу, дорогуша. Еще увидимся.

— Ночью на том же месте?

— Ага. И прихвати с собой свою порцию. Делить одну на двоих не очень круто.

Гириом довольно кивнул. Накануне Шайль все-таки поделилась с ним мясом, и теперь парень чувствовал себя вполне сносно. Какой-никакой ужин, отличный секс и крепкий сон рядом с кем-то. Не одиноко. Не **тоскливо**.

Детектив почти собралась. Кроссовки, порядочно надоевшие; кобура под курткой, россыпь патронов в кармане штанов. И, конечно же, сила, превосходство, триумф. Футболка из прошлого, которое сейчас кажется слишком далеким.

Гириом пришел прощаться в тот момент, когда кофе в чайнике почти закипел.

— Тебе открыть дверь? — Шайль повернулась к умытому и собранному парню.

— Через балкон выйду.

С улыбкой самого наглого засранца во Всемирье Гириом притянул Шайль к себе и поцеловал. Девушка не стала сопротивляться, пусть даже чайник протестующе зашипел струйкой пара.

— Значит, ты все-таки хочешь чего-то **большого**? — тихо спрашивает Шайль.

— Я **всегда** хочу больше, чем должен получить. Потом обсудим, пора бежать!

Гириом выскочил из кухни и унесся. Шайль услышала, как звякнула дверь балкона и загудели встревоженные прыжком перила. Наступила тишина. «А сигареты?» — вспомнила девушка.

Сигареты лежали в пачке. На прикроватном столике. Там же, где их оставил Гириом.

Освобождение поменялось. **Неуловимо**. Шайль вышагивает по улицам, которые сейчас чуть более пустые, чем обычно. В прохожих чувствуется смутное напряжение, которое передается и девушке, покалывающими рядами проносясь по коже.

Поднявшись на этаж, где живет портной, Шайль стучится. Озирается, стоя в тишине и полумраке. Кулак еще несколько раз бьется о дверь.

Девушка невольно напрягает слух, чтобы различить хоть что-то. В соседней квартире слышит странное. Хрип. Кашель.

На этот раз стук получается действительно громким. Звуки заставляют нервничать. Шайль все еще не встретила по дороге ни одной лавки, где можно взять газету. Вчера она оставила мертвого «волколюда» патрульным, пришедшим с небольшой задержкой. Чем все закончилось?

— Да где же ты?!..

Шайль пинает дверь и разворачивается, собираясь уходить. Но ее останавливает щелчок

замка. Девушка бросает взгляд через плечо. Дверь открывается наружу. Выглядывает женщина. Лицо болезненно бледное, глаза опухли, слезятся. Ей **паршиво**.

— Вот, все готово... Хорошо, что ты вчера пришла. Сегодня... кхах-хк-кха... приболела, — слова выходят из горла со скрипом, с натугой, и Шайль становится не по себе.

Выхватив сумку из ослабевшей руки, детектив бросила напоследок пожелание скорейшего выздоровления и принялась спускаться. Нужно найти газету.

Сигарета закуривается раньше, чем Шайль выходит из подъезда. Одинокий мужчина, сидевший на ступеньках с **бутылкой** в руке, лишь тоскливо взглянул.

— Угостите покурить?.. — доносится из-за спины девушки, но она не обращает внимание.

Стряхнув пепел на порог подъезда, Шайль выходит на улицу. Озирается. Небольшой дворик пустует. Детей нет. **Обычно** они играют, пока погода позволяет. Занятия должны были кончиться: вторая половина дня как-никак.

Закинув лямку сумки на плечо, детектив выстраивает мысли в одну цепочку.

Мертвый фармацевт — пустой сейф — организация волколюдов — странное превращение прохожего. И болезнь портного, симптомы которой не похожи ни на грипп, ни на простуду, ни на что-то еще. Индивидуальная реакция организма? Пустые улицы... какой-то выходной? Шайль давно потерялась в графике обычного населения.

Темп шага ускоряется. Девушка озирается. Замечает развернутую **газету**, в которую кто-то погрузился с головой.

— День добрый. Дайте почитать, — просит Шайль, остановившись напротив.

Газета опускается, позволяя увидеть лицо. Мужчина. Бледный. Глаза опухшие. На краю ноздри — кровавая сопля.

— Держите, — безучастно протягивает шуршащие страницы. — Только читать и остается...

Шайль скидывает сумку на землю и хватается за края газеты. Перелистывает, ищет взглядом нужное. Фотографии сменяются одна другой. Главная полоса. «Шокирующее превращение!» и тут же заголовок поменьше: «Полиция поделилась подробностями».

Еще бы не поделилась. Даже если бы официально промолчала — журналисты всегда имеют **связи**. Сколько вчера было свидетелей превращения? Несколько десятков? Сколько из них пошли в издательства, чтобы получить пару рублей за «показания очевидцев»?

Шайль вчитывается. «Неизвестная болезнь»?.. «Вирус»? Внимательнее вглядывается в фотографию. На ней не то место, на котором вчера при Шайль блевал прохожий. Но детали схожи. Угадываются лужи подсохшей рвоты, из-под тонкого покрывала торчит болезненная лапа «волколюда». Под снимком приписка: «О-2, ресторан `Грильяж`». На фоне действительно есть массивное окно, за которым легко различимы ряды столиков. Прелесть.

— Спасибо, — кивает Шайль, возвращая газету.

— Хорошего дня! — **скрипуче** прощается мужчина.

В статье ничего путного не сообщается. Журналисты поторопились создать панику, написали, что болезнь распространилась внезапно, и попросили читателей сегодня оставаться дома. Глупое решение, на взгляд Шайль. Она бы попросила всех пристрелиться, чтобы не умирать в мучениях.

Но что это за болезнь? Ни журналюгам, ни полиции пока что не известно. Заражает она людей? Или волколюдов тоже? Хотя... если к сородичам Шайль прицепится хоть одна болячка, это будет событие века. Почти **войны** на южных ледниках.

Детектив размышляет на ходу, выискивая ближайшую аптеку. Она находится — но закрыта. Значит, все и правда паскудно. Странно, что на это событие такая быстрая реакция. Видимо, виноваты не только журналисты.

«Две шестеренки одного механизма». Шайль не может отделаться от этой мысли. Организация волколудов действует сообща с законниками? Нет, это уже совсем бредово.

Почему она вообще решила, что эта болезнь связана с Бибилом? Может, это **обычная** болячка, которую притащили рыбаки? Под водами океана много всякого, что способно создать самые разные эпидемии. Все люди едят рыбу. Может, заразились из нее?

Стоп. Нет. Люди, ёрк возьми, **превращаются** в подобие волколудов. Это **не** обычно.

Нужно заглянуть в участок. Только там ситуация прояснится. Во всяком случае, на это надеется Шайль.

В полицейском участке О-3 переполох. Настоящий аврал. Настолько, что подключили наземный транспорт. Кристаллы для него стоят порядочно. И если **всех** полицейских усадили в автомобили...

Шайль пролетает мимо курящих у входа девчонок. Сегодня их только две: первая и третья. Вторая куда-то запропастилась.

— О, а вот и наша безработная, — едко усмехается первая.

— Завали, у нас перерыв кончается, — мрачно одергивает третья, пытаюсь успеть накуриться.

Сегодня у девушек **много** работы.

Детектив взлетает вверх по лестнице, отмечая кипящую в кабинетах жизнь и ругань, доносящуюся то оттуда, то отсюда. Доходит до двери своего агентства. Врывается в кабинет.

Нет. Все не как обычно. Детективов нет. **Ни одного**. Кристаллы не горят, комната освещается только скудными лучами из окна. Ёрк стоит у своего стола, складывая в ящик мелочи. Оборачивается на звук.

— О. Ты здесь. Опять опоздала...

— Зойд, что происходит? Повсюду **хрень**.

Ёрк смеется, отодвигая коробку на край столешницы и оборачиваясь к Шайль. Его вечная улыбка на волосатой морде в этот день совсем не блистает.

— В городе **теракт**. Биологическое оружие. Детали выясняются. Нас расформировали на ближайшее время.

— Что? Чего?.. — Шайль встряхивает головой, пытаюсь осмыслить информацию.

Ёрк по давней привычке умещал главное в малом.

— В О-3 сейчас не так плохо. О-2 накрыло основательно, О-1, кажется, пока не потрянуло. Но вирус скоро распространится по всему Освобождению, — обыденно поясняет Зойд. — Так сказали «сверху». Ждем армию.

— И поэтому — что?

— Нас **расформировали**. Думаю, тут еще и отчет того боблина наложилась... он должен был уже отрапортовать начальству. Посмотрим... — «начальник» устало трет морду, пытаюсь сохранять улыбку. — Пока на улицах все плохо, нас не станут содержать.

— Какого хрена?..

Шайль упорно не может понять сказанное. В голове одна мысль сменяется другой.

Девушка не успевает подумать про биологическое оружие, как задумывается про работу агентства. Лямка сумки врезается в плечо, и это единственное, что дает ошеломленной девушке возможность не выпасть из реальности.

— Кстати, зарплаты нам не выдадут. Сказали, что с этим сейчас туго. Все деньги уходят на урегулирование... **ситуации**.

— А что они регулируют?! Зойд, объясни нормально! — Шайль начинает закипать.

Естественная реакция после недоумения. «Меня уволили?» — только и стучит в голове.

— Хорошо, объясняю. Кто-то заразил большую часть О-2. Там сейчас полно трупов. Это понемногу распространяется на соседние районы. Что еще непонятно?

— **Эта** болезнь превращает людей?.. Но как?

— Да, она. Сначала убивает, а потом все остальное. И никто ничего не знает, — ёрк вздыхает. — Из Освобождения надо сваливать, пока все не зашло слишком далеко.

— В смысле «никто не знает»? Пусть **узнают**. Если трупов много, вскрыть и изучить их...

Девушка не успевает договорить. Ёрк подходит и кладет массивную ладонь ей на плечо.

— Шайль. Я знаю только одно: мы с тобой уволены. Пистолет можешь не сдавать, вряд ли про него кто-то вспомнит в ближайшее время. Если хочешь денег, то попросись в рядовые полицейские, может, сейчас нужны лишние руки. Но вряд ли тебя возьмут, репутация у тебя не лучшая.

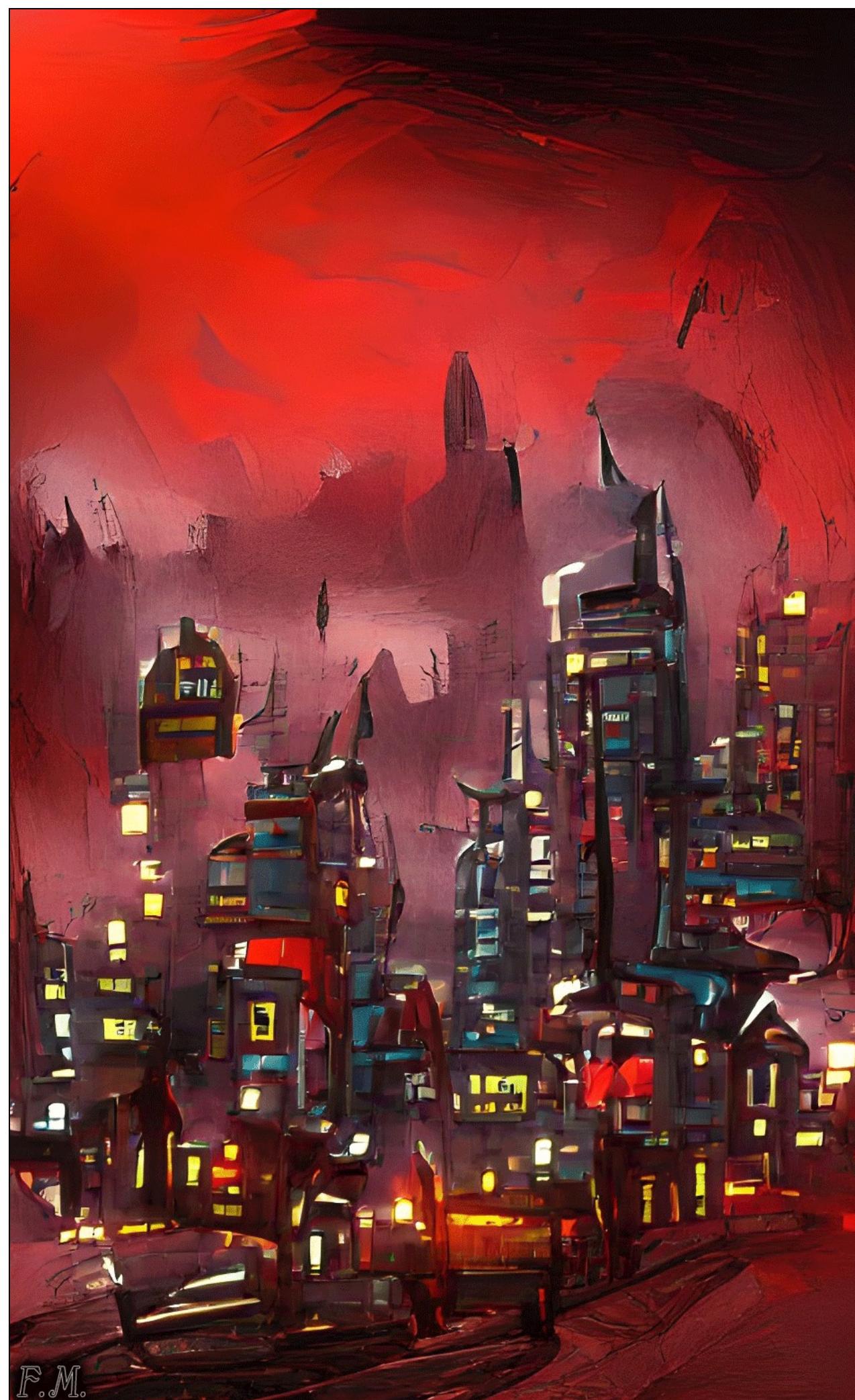
— Я **детектив**... — бормочет Шайль, сжимая мощное предплечье старого друга.

— Теперь уже нет. Мне жаль, — искренне кривится Зойд, скинув с себя улыбку. — Придумай, где ты будешь работать. А лучше — свали из города, пока не поздно. Потому что ближайшее время твое удостоверение детектива нихрена не значит и ни к чему не обязывает.

Морда Зойда выглядит очень утомленной. Некогда оптимистичный начальник теперь выглядит обычным обломавшимся неудачником — здоровенным, волосатым, но разочарованным во всем человекоподобным созданием. И его поникшие плечи, пусть выглядят массивно, уже не внушают трепета.

С тяжелым чувством Зойд добавляет:

— Мы в дерьме. Сбереги себя.

F.M.

Глава 9: День 4–5, конец выходных!

Улицы Освобождения к ночи стали совсем другими. И без того вонючий город получил новый запах — запах трупов, крови, **рвоты**. Смерть была одинакова для многих. Разнилось лишь время, на протяжении которого больные умирали.

Шайль видела **труповозки**. Видела, как тела сваливают в кучу и сжигают. Но теперь не в крематориях — прямо на улице. Часть людей заперлась в своих домах, часть... Они вышли на улицы. Бесцельно ходить. Ждать смерти. Полицейские пока не решались на отчаянные меры. В конце концов, больницы переполнены, если с больными что и можно поделать — так это убить сразу, подарив легкую смерть. Не все готовы к такому.

Ситуация **зависла** словно дом над пропастью. От волны самоубийств людей спасала блеклая надежда на выздоровление, на то, что именно **и** **х** случай окажется не таким серьезным. От мародерства больных защищали патрули полицейских и медиков, которые разбирались с **почти** и **просто** мертвецами. От действий со стороны волколюдов... Честно говоря, Шайль не могла понять, что мешает здоровой половине города взять дело в **свои** руки. Она вообще почти не видела сородичей на улицах.

Освобождение поглотил новый вид тоски: предсмертная грусть, горькое отчаяние, бессильная злость. Если бы болезнь не ослабляла голос, наверняка на улицах снова кричали бы о **кончине** для всего мира. О том, что война на южных ледниках наслала тяжкую хворь. Сейчас как никогда все нуждались в новой надежде. Но откуда ей взяться?

Шайль чувствовала в глубине себя вину за все происходящее. Если бы она была активнее в деле Бибика, если бы удачнее связала факты... заранее. Если бы она умела видеть будущее! Столько всего можно было бы изменить.

И в то же время девушка понимала: ничего не поменять. Она не могла сделать ровным счетом ничего. Это вызывало головную боль и тошноту; будило желание закрыть глаза, отвернуться от происходящего.

В кармане последние пять рублей. Лавки закрыты. Аптеки закрыты. Дома заперты. Улицы стали кошмаром наяву. Как все могло случиться за одну ночь? Удар по всему, что жило в устоявшемся ритме. Удар, пришедший **изнутри**.

Главный вопрос — сможет ли Шайль остановить происходящее, если узнает, на ком лежит вина? Ответ достаточно очевиден для того, чтобы был смысл его озвучивать.

Происходящее **уже** происходит. Надо было предугадывать — теперь поздно останавливать. И все-таки Шайль хочется узнать хотя бы причину. Для чего все это? Смерть стольких людей, безобразная, очерняющая волколюдов...

Ладонь привычно легла на рукоять револьвера, когда Шайль услышала крик. Не успела вытащить — увидела, откуда раздавался вопль. Он несся от неба к земле, чтобы в итоге прерваться глухим ударом. Открытое окно, в котором еще один вдох назад стоял человек, осталось открытым. Лежащее на тротуаре тело было не трупом — но сочащейся массой из плоти и костей. Шайль отвернулась, зажимая нос. Ускорила шаг.

В этом городе больше не по кому стрелять. Все опасности исчезли. Осталась только дрянная смерть. Она стоит, глядя на улицы Освобождения, тонущие в тумане и отчаянии. Кто возьмет на себя ответственность?

— Доченька, помоги... — шепчут справа.

Куча лохмотьев, в которой спряталась старуха, раньше не вызвала бы никаких эмоций.

Освобождение слишком нищий город для того, чтобы у всех стариков был шанс спокойно умереть. Но теперь... эта горбатая фигура с лицом, искаженным болезнью, заставила Шайль замереть.

— Помоги... — шепчет старуха, протягивая кривые пальцы к девушке.

Взгляд больной направлен на рукоять револьвера, торчащую из-под полы куртки. Но Шайль этого не понимает. Лишь бормочет что-то в свое оправдание, торопясь скрыться. Старуха кашляет вслед.

Остановившись на относительно тихом участке улицы, Шайль торопливо достает сигарету и закуривает. Выдыхает носом, глядя в разрисованную углем стенку. Детишки порезвились. Сейчас трудно сказать, что именно они рисовали: солнце щелкнуло несколько сотен шагов назад, погасло и оставило Освобождение умирать в свете луны и фонарей.

Этот участок улицы почти не освещался. Высоко над головой Шайль была платформа фуникулерной остановки. Сейчас тросы ничто не колеблет, потому что общественный транспорт остановился. Девушка прячется глубже в тень, прижимаясь спиной к стене. Даже ярко-красные кроссовки видны не так уж хорошо.

Только тлеющий уголек сигареты, иногда загорающийся, иногда прячущийся под слоем пепла.

Шайль угрюмо молчит, глядя перед собой.

— ... да их перебить надо, — доносится чей-то **здоровый** голос.

— Та ну! Сами подохнут, гхы, — отвечает другой.

«Волколюды?» — проносится в голове Шайль. Она прячет руку с сигаретой за бедро, наблюдая за парочкой, идущей под фонарями. Заметить девушку не так сложно, но для этого пришлось бы отвлечься от разговора. Поздние прохожие не видят ничего, кроме друг друга и пустой улицы.

— Зачем мясу пропадать? Пока не «оволчились», надо бы сожрать, — размышляет первый.

Он крупнее. В нем явно больше жажды... **пищи**.

— Я что-то не очень хочу жрать этих, — второй четко уверен в своей позиции. — Та на них лица нет! Кашляют, соплями протекают.

— Ну так эти несколько деньков болеют. Надо кого-то посвежее найти. **Девчонку** какую-нибудь...

— Девчонку? Это можно.

Они гогочут. Шайль морщится, поднимая руку с сигаретой к губам. Затягивается. Парни проходят мимо. Один матерый, другой еще не очень. Но оба, скорее всего, ровесники девушки. Ничем не вооружены. Одеты обычно. Видимо это просто **честные** работяги Освобождения...

Стукнув по сигарете пальцем, Шайль смотрит вслед парочке. Делает последнюю затяжку и бросает окурочек под стеной. Открывает рот, чтобы рявкнуть, но замирает.

Верно, бывший детектив Шайль. Подумай хорошенько: что ты с ними сделаешь? Убьешь? Они вряд ли позволят такое. Вяжешься в драку? Может, победишь. Но тебя могут ранить. Откуда ты возьмешь мясо, которое поможет восстановиться? Мясники не работают в эту чудную ночь. И ты знаешь, что этот факт — **главная** причина разговора волколюдов. Голодать день еще терпимо. Три дня — невыносимо. Ты прекрасно это знаешь, бывший детектив Шайль. Правила игры поменялись, и тебе самой, возможно, стоит придумать, где доставать мясо. Тоже поищешь какую-нибудь **девчонку**?

Раздраженно фыркнув, девушка разворачивается и идет в противоположную от парней сторону. Туда, куда шла изначально. Домой надо попасть хотя бы ради встречи с Гириомом. Нет, конечно же, они не пара. Просто случайно потрахались на запланированном свидании двух соседей. Обоим понравилось. Это не делает их воркующими голубками.

Но он **волколюд**. Свободный. Независимый от человеческой общины. Сильный. А Шайль всего лишь глупая сопелька на лице закона, которую при первой же встряске стерли рукавом людского страха. Кто-нибудь задумывался, что будет, если уволить детектива-волколюда в такой ситуации?

Всем плевать, малышка Шайль. Поэтому иди к Гириому и спрашивай, что он планирует делать. Тебе нужно сориентироваться, крепче встать на ноги, пока ситуация окончательно не прижала к земле. Это важнее Бибика. Важнее судьбы людей и будущего, которое ждет Освобождение. Позаботься о себе в первую очередь. Иди до...

Стой. Нет! Шайль, что ты делаешь? **Остановись, пожалуйста.**

Но девушка ничего не слышит. Никого не видит. Кроме — тех двоих. Ярро-красные кроссовки понемногу берут разгон. Сумка глухо падает на землю — звук остается где-то позади... Руки Шайль отправляются в свободное, но размеренное движение, помогающее контролировать ритм бега. Бедняги даже не успели вслушаться — мощный удар подошвами кроссовок настиг одного из них в спину, а второго рука утянула за воротник футболки. Все оказались на земле, поднялся неясный крик, обострившийся, когда подошва кроссовки врезала в нос. Шайль вскочила первой.

— Лежать, **суки!** — рывкнула, выдергивая револьвер из кобуры. — Дернетесь или учудите что — каждому по пуле! Ясно?!

«Левиафан М-3» пока молчит, только красноречиво смотрит разверзшейся пастью на испуганных волколюдов. Те не ожидали нападения со спины. Не ожидали огнестрела, направленного на них. Один из парней зажимает разбитый нос, и глаза его блестят особенно злобно.

— Ты! Лапу на землю от лица!

Волколюд под присмотром револьвера подчиняется. Шайль озирается — слишком быстро, чтобы кто-то успел что-то предпринять. Вокруг все тихо.

— Отвечаете на вопросы. Первый — из какой общины?

— Мы не...

— Община. Назвал. Быстро.

Оскал девушки не просто демонстративный — полный искренней ярости. Утробный рык звучал бы прекрасно, не раздавайся так близко.

— «Клыки и слава».

Шайль кивает. В эту общину она сунулась бы в последнюю очередь. Кровожадные скоты, один из них и прикончил бывшего напарника, засунувшего нос... впрочем, неважно. Сейчас детектив удовлетворена ответом и готовит следующий вопрос:

— Отлично. Что вы знаете о вирусе?

— Ничо не знаем, а ты чо?.. Хера ли пушкой машешь?

Это был не истеричный визг, а полный угрозы рык. Шайль без разговоров пнула волколюда в колено.

— Мордой закопайся. Что вы знаете о вирусе?

Поток брани в адрес девушки заставил ее устало вздохнуть. Прикрыв левой ладонью правое ухо, Шайль выстрелила раньше, чем парни успели осознать происходящее.

Неприятный звон в ушах рассеивался, донося теперь уже истеричный крик, но — только от одного. Второй лежал на земле, потеряв большую часть черепа. Дуло «Левиафана» дымилось, голова убитого протекала. Шайль перевела ствол на кричавшего волколюда.

— Проясни: я задаю вопрос, а ты отвечаешь. Что вы знаете о вирусе?

Ублюдок заикается. Ответ все еще прячется в перепуганном нутре. Девушка понимает его. Прекрасно понимает. Она сама последние дни была перепуганной. Но теперь страх достиг высшей точки, обратившись злобой.

Нахрен всех. Уволили, бросили многомиллионное население в хаос... Что дальше? Квартиру сожгут? Пф-ф! Как будто есть смысл жить в квартале-призраке.

Шайль хватается парня за глотку. Тычет теплым дулом револьвера в глаз.

— Говори. Что вы знаете о вирусе? Я **знаю**, что вы что-то знаете. Говори, пока не сдох.

— Тебя все равно убьют за это! Зря ты пришила Гоги.

Интересно, почему он такой смелый? Шайль переводит дуло с глаза на плечо. Фейерверк кровавых брызг, осколков кости и ошметков мяса сопровождается грохотом, звоном в ушах, истощным воплем боли. Револьвер опускается ниже, к локтевому сгибу. Выстрел. Еще ниже, к запястью. Выстрел. Шайль не хочет калечить. Она хочет сжечь. **Каждый. Пучок. Нервов.** И пусть в ушах пищит, а допрашиваемый теряет сознание от боли! Это все — скромная цена за правду.

Шайль отпускает обмякшего парня. Сует револьвер в кобуру. Ремнем волколюда перетягивает его же изуродованную конечность. Хватает за ногу и тащит, оставляя кровавый след. С открытого места в переулочек — чтобы можно было успеть смыться, оставшись незамеченной, если нагрянут патрульные.

Благодаря врожденной крепости волколюд очнулся после того, как детектив докурила вторую сигарету. Между ними Шайль делала перерыв. Значит, прошло не так уж мало времени, за которое на шум так и не пришли патрульные. Только какой-то мужик решился обобратить мертвого волколюда. Сбежал сразу, как заметил взгляд из переулочка, в который ведет кровавый след.

Шайль покосилась на стонущего. Сплюнув, ослабила затяжку ремня. Кровь полилась с новой силой. Пальцы с едва угадывающимся черным лаком пошлепали раненого по щеке.

— Приходи в себя, ты сейчас сдохнешь.

Растекшаяся по земле сопля не особо поняла смысл сказанного.

— Эй! Слышишь? — Шайль насильно оттянула веко, проверяя зрачок. — Давай, поговори со мной, если хочешь жить.

Кажется, в ответ девушку послали туда, где она была прошлой ночью. Покачав головой, Шайль запустила пальцы в одну из кровоточащих ран. Волколюд **взбодрился**.

— Вирус. Вы сказали, что люди больны уже несколько дней. Откуда вы знаете, если симптомы только ночью появились?

— Болячку распространили три дня назад! — захрипел волколюд.

Щелчок в голове. Три дня назад — тогда Шайль впервые встретила Зельду и обезвредила ее вместе с ёрком. Четыре дня назад открыли сейф.

— С какой целью?

— Без понятия, — хнычет парень. — Отпусти, хватит...

Пальцы выбираются из раны. Шайль брезгливо стряхивает кровь. **Нельзя.**

— Кто разработал вирус? Человек? Фармацевт?

— Нет, это что-то из другого мира... Но я не уверен!

— Кто уверен?

— Босс наш точно знает больше, но тебя там порвут нахер...

Его голос становится тише и тише. Надо заканчивать.

— Значит, твой босс? Это он все устроил?

— Не-не! Вообще все... **Все** мы виноваты... И ты тоже.

Удар рукояти револьвера стирает ухмылку с лица волколюда. Шайль смотрит на дуло. Патроны тратить нельзя. Каждый выстрел — на вес золота. Девушка поняла это только сейчас.

«Левиафан М-3» укрывается в кобуре. Раненый подтягивает расстрелянную конечность, с ужасом и болью укладывая ее себе на живот. Хнычет, глядя, как быстро утекает кровь. Волколюд становится **все слабее**.

Но детектив не сомневается: если оставить этого уroda тут, то он, скорее всего, выживет. Нужны ли Шайль «хвосты»? **Нет.**

Перед тем как девушка показывается из переулка... кажется, раздается хруст. **Характерный.** Но едва ли его слышит кто-то кроме самой Шайль.

Зато вся улица слышит разъяренную матерную речь. Девушка забыла о сумке, брошенной перед схваткой, и теперь сумки след простыл.

— Сраные извращенцы! — вопит Шайль, показывая средний палец безликим окнам. — **Подавитесь, ублюдки!**

Ну и похрен. Шайль и так справится: в стареньких кроссовках, спортивках и футболке с молодежной надписью. А потом заработает столько денег, что оденется в платье из бриллиантов и рублевых купюр. И все охренеют от зависти и **безвкусицы**. Но это неважно. Шайль обязательно принарядится.

Остаток пути до дома прошел без «приключений». Вышел рваным. Станным. Будто выданным из чьего-то кошмара.

Шайль было больно. Несколько долей назад она видела труповозки — теперь она видела только трупы. Брошенные, ненужные. **Люди отчаянно не хотят подышать в своих домах.** Чем ближе девушка подбиралась к своему дому, тем больше мертвецов находила. Полиция не добиралась до окраины О-3.

Шайль была зла. Она ненавидела это идиотское дело. Ей казалось, что изначально занималась не тем. Как расследование убийства могло помешать намечающемуся? «Кто убил Бибика?» — этот вопрос не имел никакой связи со случившимся. И теперь девушка просто злилась. Потому что не понимала, что ей делать.

Она ведь полицейский. Она должна защищать город. Но защищать стало нечего — все просто кануло в пучину. Не сегодня так завтра начнется мародерство, открытый разбой, намеренные убийства. Полицейских меньше, чем обычного населения. Что случится с Освобождением? Оно вымрет? Или сюда отправят войска?

И почему именно сейчас? На южных ледниках ведется война. Цена — Всемирье. Все расы хотят уничтожить, превратив в подножный корм, и какой-то **урод** решил, что самое

время устроить геноцид? Для чего, ну для чего?! Будто мало проблем было...

Дом встречает Шайль тишиной. В подъезде ни звука. Ни одного трупа. Ни одной дорожки рвоты. Пахнет как обычно. Это могло бы успокоить, но почему-то напрягает только сильнее. Девушка поднимается на свой этаж. Вытаскивает из щели между дверью и косяком бумажку. Заходит в тихую, темную квартиру. Запирается. Опускается на пол, прижимаясь спиной к двери.

— **Блядь...** — шепчет, жмурясь и скрежеща клыками.

Сколько всего она потеряла в этот день? Можно даже сосчитать: четыре патрона, сумку с вещами... общей стоимостью десять рублей. Работу. Источник мяса. Огромный кусок нервов.

Все, что у нее осталось, это четырнадцать выстрелов из «Левиафана». Целая шкура. Старенький комплект спортивной одежды. Квартира. Четверть банки кофе. И шмат **злости**.

Достаточно ли этого, чтобы пережить кризис в Освобождении? Может быть. Чтобы надрать задницу ответственным? Нет, этого мало. Или... может, это будет изящным самоубийством? Шайль представила себя, ворвавшуюся в гнездо волколюдов. Скольких она успеет отметелить, прежде чем умрет? Ну, если стрелять **очень** метко, то десяток трупов оставит после себя.

— Нет-нет, мисс Шайль, сегодня вы адекватны и спокойны, — шепчет девушка, поднимаясь с пола.

Первым делом кофе. В пачке еще есть немного сигарет, так что традиционный вечер на балконе устроить получится.

Теперь Гириом не стоит на соседнем балконе. Гириом стоит рядом. Его мощное плечо прижимается к Шайль.

— Полный пиздец, — вздыхает волколюд, глядя на небо.

Девушке не пришлось рассказывать много: парень и так знает о случившемся. Что-то из газеты, которую читает на работе. Что-то подслушал у лавки мясника, которая ранним днем еще была открыта. Что-то рассказал тот хрыщ — Хойк. Продавцы часто собирают в голове набор сплетней. Даже продавцы музыки в дебрях О-3.

Шайль согласна. Полный пиздец. И подтверждает это кивком головы, продолжая пить кофе и размышляя.

— Может, все это удастся решить? — тихо спрашивает Гириом. Так, будто это возможно **решить** словно арифметическую задачу.

Да, в мире ничто не вечно и вся бурда в этом духе. Но вот война на ледниках — она семь лет идет. Не решилась пока. А насколько затянется ситуация в Освобождении? Это ведь гражданская война. Натуральная. Сейчас повымирают люди, волколюды возьмут управление городом. Из города идут Врата в родной мир зверолодей. После этого начнется **настоящий** пиздец. Всемирье не осилит войну на два фронта.

Удивительно, что Гириом стоит рядом и сокрушается по этому поводу. Он, как **зверь**, должен радоваться. А вот Шайль не радуется. В ее родном мире **безмордых** выгоняют. Навсегда. Отлучают от семьи, гонят во Всемирье, желая на прощание сдохнуть и не позорить род.

Если представить, что зверолоды этим всем пнули под зад совет Всемирья со всеми его

законами. Пнули — и потом пообещают, что запинают до смерти, если им не дадут **руководящее** место в этом совете. Им дадут. Дадут ведь обязательно. Волколюди важный ресурс для войны за Всемирье. Ультрахищники всегда были сильны. Удивительно, что Освобождение вообще появилось в том виде, в котором оно есть сейчас. Виновато, видимо, огнестрельное оружие. Единственная слабость волколюдов.

В общем, если эти твари захватят власть, и Всемирье ляжет под них, — куда деваться Шайль? В какую дыру отправят ее на этот раз, лишь бы не видеть **безмордую**? Может ли она рассчитывать на место в обществе, если это общество руководствуется законом сильных, а не хитросделанных?

Чем дальше идут мысли, тем поганее Шайль себя чувствует.

— Гириом. Ты член какой-нибудь общины? — устало спрашивает бывший детектив.

— В смысле? Почему ты так решила?

— Я не решила, просто вопрос. Ты член или нет?

Больше всего сейчас Гириому хочется пошутить над словом «**член**», но приходится сдерживаться, учитывая пустой взгляд Шайль. Поэтому Гириом молча качает головой. Конечно же он не участник общины. С тех пор, как попал в Освобождение, сразу начал работать, и работа эта не позволяла тратить много времени на прогулки по городу. Как он может тусить с волколюдами, если половину суток спит, а другую половину — сторожит Хойка с его кристаллами?

— А почему спрашиваешь?

— Общины этот пиздец и заварили, похоже, — Шайль переводит взгляд обратно на небо. - Может, какая-то конкретная и поучаствовала сильнее остальных... но, в общем-то, они все просто натворили **херьни**.

— Только не говори, что ты собираешься выяснять подробности, — попросил Гириом, нервно потянувшись к пачке сигарет.

Но рука замерла, когда парень увидел лицо Шайль.

— А что мне еще делать? С работы поперли. — Глоток кофе. «Собачка, гав!» — Накоплений нет. Мяса нет.

— Может... — начал Гириом, но вовремя остановился.

Сигарета в его губах задымилась, а парень задумался над тем, что собирался сказать. «Может, будем жрать людей?»

Да, конечно. Ляпнуть такое перед детективом — это твоя **лучшая** идея за сегодня, Гириом. Подумай над чем-то другим, Шайль ждет продолжения фразы.

— Может, тебе помочь?

О нет. Это **отстой**. Теперь беловолосая смеется, перегнувшись через перила.

— Я не про ту жуткую мясорубку, которую ты задумала, — уточняет Гириом. — Мы просто проживем вместе, прикроем друг друга.

— А мясо? Мясо-то откуда брать, дурашка? — Шайль с лаской смотрит на наивного Гириома. — Ты-то озвереешь раньше меня. Придется тебя **усмирить**.

— Да не озверею я...

Они оба вздохнули и продолжили смотреть на небо. Гириом уверенно приобнял Шайль, притягивая к себе. Протянул скуренную до половины сигарету. Девушка приняла ее молча. Затянулась, нервно выдыхая в черничную твердь.

— Береги себя, — попросил Гириом, после чего вдруг добавил: — Детектив.

— И ты себя... вышибала. Кстати, как твое плечо?

Парень рассмеялся.

— До сих пор болит. Ты неплохо так меня укусила.

— Извини, иногда я теряю контроль... — Шайль ласково коснулась того места, которое прошлой ночью неудачно подвернулось под ее клыки; Гириом поморщился, но выдержал касание. — Я очень люблю **вгрызаться** в хороших ребят.

Вторую долю дня Шайль встретила в кровати. Одна. Может, причина в том, что умирающий город — это так себе почва для эмоций между мужчиной и женщиной? А может, Гириом просто решил дать себе перерыв после бурной ночи? Так или иначе, день начался по-своему привычно. Шайль даже не сразу вспомнила, **что** сейчас творится в Освобождении.

Память освежил смутно различимый труп, который девушка увидела из окна кухни, — тело лежало под стеной дома напротив. Того дома, за которым Шайль любит наблюдать.

Сейчас девушка не стала разглядывать мертвеца и пытаться угадать в нем кого-то из соседей. Внимание, как и всегда, притянули остатки плаката на стене дома. Огромного плаката в прошлом — теперь же лишь маленькие кусочки его трепетали на ветру. Различим был левый глаз бургомистра Освобождения и его правое ухо. Мэр Совински. Шайль не знает, зачем вообще на дом окраины О-3 повесили **агитационный** плакат с **нынешним** мэром. Вряд ли кто-то из ее соседей имел хотя бы малейший шанс заметить разницу между управлением Совински и любого другого человеческого политика.

Может, именно поэтому стайка подростков однажды сорвала проклятый плакат. Прямо на глазах Шайль, заваривающей тогда кофе. Девушка заворуженно смотрела, как ребята подтащили к стене взятые откуда-то стремянки — кажется, их было две. Детектив при всем желании не смогла бы догадаться, где сорванцы нашли их. Но это и не важно: во славу веселья подростки ободрали плакат. Их не остановил ни грозный слоган «Если не мэр Совински, то **ни один** человек!»; ни килограмм клея, который когда-то потратили на этот плакат. Дети просто рвали. Кусок за куском. Смеялись. Прыгали на лице человеческого политика. Один из ребятшек налепил себе на лоб правый глаз Совински и бегал, изображая чудище. Шайль так увлеклась наблюдением, что в тот день **опять** опоздала на работу.

Сейчас девушка задумчиво смотрит на обрывки плаката. А в голове чешется мысль-фраза, накрепко прилипшая к корке мозга: «Если не мэр...» Память точно не подводит Шайль, ни в этом слогане, ни в том, что Совински все еще **управляет** Освобождением. Тем, что от города осталось, — и тем, что от города останется. Он управлял и будет управлять.

— Хм... — Шайль поворачивается к закипающему чайнику.

Щелкает ручкой плиты, переливает кофе в любимую кружку.

— Собачка, гав! — грустно озвучивает надпись.

Девушка шлепает босыми ногами на балкон. Лазурь встречает приветливо. В общем-то, если смотреть только на небо, то ни одна мирская проблема не бросится в глаза. Это довольно приятный исход, но времени в сутках слишком мало, чтобы Шайль могла сейчас насладиться **ничем**. Дела земные зовут мысли, и мысли охотно идут на зов.

Город умирает. Освобождению конец. Сложно представить такой исход. Но если в городе умрет достаточно людей, человеческая власть потеряет смысл.

Что тогда сделает мэр? Будет ли он спокойно смотреть на происходящее? Или все-таки

передает сигнал в столицу, чтобы ему отправили на подмогу **армию**? Происходи все не в Освобождении, а в любом другом городе, — подобного риска не существовало бы. Но здесь Врата в мир зверолодей. В мир, откуда издавна выбирались сородичи Шайль, чтобы поохотиться на человеческое мясо. Добыть трофеи. **Доказать** силу.

Когда армия придет, что случится? Шайль пьет кофе и представляет, как десятки артиллерийских пушек бьют по О-3 и О-2. Как на тесные улицы залетают транспортники. Как из пулеметов выкашивают каждого встреченного. Освобождению придет конец — большую часть города разрушат, Врата оцепят, пока не построят что-то новое на руинах старого.

Но это уже будет не Освобождение. Это будет **другой** город. Еще более жестокий. Настоящий **форт**.

Шайль обжигает язык и морщится. Сплевывает. Комок желтоватой слюны попадает на небо и медленно сползает по нему. Шайль смеется. Тихо и **грустно**.

— Жди, и не такого натерпишься, — шепчет девушка, затягиваясь сигаретой.

Армию точно пришлют. Не захотят терять контроль над Вратами. Шайль волколюд, но она знает, как устроены люди. В конце концов, не просто так именно **человеки** возглавляют Мировой совет? Эти жадные до власти твари. На завтрак едят амбиции, на обед — самолюбие, а на ужин... Что едят люди на ужин? Наверное, рыбный суп.

Но все расы поганые. Шайль ненавидит всех одинаково. Ёрков, с их гребаной смесью миролюбивости и жажды боя. Славная смерть? Пф-ф, как будто выпущенные наружу кишки могут быть признаком почета! Боблины, алчные до денег? Ну да, ну да. Приходят зазнайки вонючие, ростом как дети, смотрят сверху вниз и душат, **душат**, лишь бы заработать побольше. Признание, деньги, статус. Им подавай все.

А зверолоуди... проклятые **фашисты**. Как будто Шайль не знает, как они смотрят на всех вокруг. Да что там, она сама такая же. **Сила. Превосходство. Триумф**. Вот чего жаждут эти **мордатые** уродцы. Доминации над всеми. И бромпиры далеко не ушли. Витают в облаках, романтики, **идеалисты**. Верят, что интеллект делает их самыми лучшими. Пьют кровь и творят **магию**. Самую разную. Из-за этого задирают нос. Гребаные... фанатики.

— Как же все задрало, — Шайль вздыхает, кидает окурок в чашку и отпивает.

Еще одна сигарета. Курить, пока голова не проснется. Все равно в пачке осталось слишком мало на целый день.

Шайль не хочет, чтобы Освобождение исчезло. Она не хочет видеть, как город становится **тюрьмой**. Ведь тогда придется уезжать. А там, в других местах... Что там? Другие расы, которые Шайль не встречала. И те наверняка не лучше уже известных. Янгелы, йельфы, гнуммы. О них тоже много стереотипов ходит, и девушка уверена на целых девяносто процентов, что предрассудки правдивы.

Но что делать? Что **Шайль** может сделать? Если город летит в трубу, какие шансы его остановить?

— Я должна спасти Освобождение, — девушка жмурится, трясет головой, пытаюсь найти дельную мысль.

Конечно, Шайль. Спасти и сохранить, это достойная цель. А вот **как**?

Дело о Бибике уже не имеет большого значения. Ты почти добралась до цели, опоздав всего лишь с самого начала. Но фармацевт — все еще важная деталь. Как распространилась эта болезнь?

Волчья ягода и подорожник. Шайль помнит этот метод. Может ли такое быть, что Бибик смешал лекарство с отравой? Может. Если за этим стоит организация волколюдов, то возможно **почти** что угодно.

Все ли общины причастны? Нет. «ВолкоЛЮДЫ» вряд ли при делах. Идеология у них кажется, противоречит происходящему. Да и сам факт того, что Шайль отпустили с миром, говорит о многом.

Плюс, волколюды собираются в стаи, но эти стаи обычно не дружат между собой. В отличие от людей, которые плодятся миллионами, а потом делают вид, что все друг другу что-то должны. Нет, у волколюдов **активная** конкуренция. Значит, за произошедшим стоит не больше пары организаций. Скорее всего, самых крупных и отбитых — только такие захотят устроить переворот в Освобождении.

«Переворот»?..

Да. **Переворот.** Что еще может быть после такой чистки населения? Чем меньше людей, тем меньше у мэра контроля. Сейчас пройдет несколько дней хаоса, а потом можно штурмовать О-1 — со всем собранным оружием это станет возможным.

«Собранным оружием»?

Шайль раздраженно сплевывает и кидает окурок в остатки кофе. Сжимает виски.

Люди умирают, самые разные люди. Город пустеет. Добыть оружие в таких условиях легче легкого. Как и прикончить парочку полицейских, отжав у них снаряжение. Волколюдам нужно время на подготовку, но если они хотят добиться власти — придется штурмовать О-1.

Почему? Да потому что О-1 — это единственный район, огороженный от остальных стеной. Район элиты. В нем же и живет мэр Совински. Его ратуша встречает каждого, кто едет в Освобождение из Общего мира, а не переходит через Врата от зверолюдов. О-1 — парадная часть. О-2 — культурная, на окраине которой расположен переход в мир зверолюдей. О-3 — отстойник для всего, что не подходит первым двум районам.

Вопрос только в том, что делать с армией? Если мэр не выйдет с ней на связь, Освобождению конец. Значит, Совински должен быть жив. Он должен добровольно передать власть кому-то из волколюдов.

Сможет ли этого добиться радикальная организация, решившаяся на массовое убийство? Ха, скорее Шайль балериной станет. При своей-то мышечной массе.

А что если штурм остановят? Задавят в зародыше, и не люди, а **волки**? Мэр Совински скорее всего охотнее согласится на мирное решение. Терять половину города под армейскими берцами — так себе расклад. Для всех сторон.

Шайль хлопнула ладонью по перилам. Подхватила чашку, направилась в квартиру.

— Я спасу этот проклятый город.

Она **бежит**. Ветер свистит в ушах. Повсюду запах крови, повсюду — трупы. Не только гражданских, но и полицейских. Изорванные, поеденные.

— А ну стой, сучара!

Крик заставляет Шайль ускориться. Она залетает в ближайший переулок, врзается в стену и отталкивается от нее. Дыхание сбито. Сколько она бежит? Долго.

Шум позади нарастает. Волколюды. Эти уроды слетели с катушек. Выйти на улицу было

дерьмовым решением.

Силы уходят. Сколько она не ела? Почти двое суток. Этого достаточно, чтобы чувствовать себя плохо.

На пути завал из хлама. Шайль вспрыгивает по ящикам. Одна из досок ломается прямо под подошвой, и девушка проваливается по колено в мусор. Неприятная боль заставляет вскрикнуть. Шайль напрягает руки, пытается вскарабкаться, но под пальцами все скользит и обваливается.

— Вот она! Херачь ее!

Выхода нет.

Револьвер выскальзывает из кобуры. Шайль бросает взгляд назад, пытаясь определить цель. Их четверо — двое в зверином облике. **Настоящем.** Бегут вперед на четырех лапах, скалятся. Кажется, девушка видит полные слюны пасти.

Выстрел. Шлепок. Выстрел. Шлепок. Вдох проходит, оставляя после себя два пулевых отверстия. Шайль неудобно, она вжимается в мусор, пытаясь занять позицию поудобнее. Бум! Бум!

Один из **волков** спотыкается, кубарем покотившись по земле. Второй только ускоряется. А за ним — два вооруженных парня.

Шайль цедит ругательство, выцеливает фигуру второго зверя. Его густая черная шерсть пятном скачет туда-сюда. Отчетливо видно только блестящие глаза. Тварь не бежит по прямой. Не повторяет ошибку дружка.

Между ними два метра. Шайль чувствует, как дрожит рука. Револьвер сейчас ощущается пушинкой, но кисть все равно предательски трясется. Зверь прыгает. Пасть распахнута. Кривые клыки, слишком большие, чтобы оставить кого-то в живых...

Последние мгновения. Они растягиваются застывшей кровью в венах Шайль. Мушка заглядывает ровно в глотку. Девушка вжимает спусковой крючок.

Бам. Брызги крови. Огромная туша обрушивается на Шайль, вдавливая в мусор. Спину пронзает и болью, и чем-то острым... Девушка хрипит, пытаясь скинуть с себя извивающееся тело. Слышит задорные вопли преследователей. Рык нарастает в груди Шайль, превращаясь в отчаянный крик:

— Твою-у-у ж!..

Единый выдох. Туша соскальзывает в сторону, сучит лапами, разгребая мусор. Когти раздирают бедро Шайль, но это неважно — перед ней новые цели.

Парни думали, что девушку пожирают. И теперь смотрят в самую **бездну**. Она танцует чечетку в дуле «Левиафана». Крупнокалиберная пуля выскакивает как шут из коробочки. Плоть и кости закручиваются в воронку, выплескиваются куда-то за спину первой мишени.

Шайль переводит руку быстро. Она устала, ей больно, но годы опыта никуда не деваются — наоборот, работают **на полную**. Сейчас девушка чувствует себя крутой. И седьмой выстрел прилетает в шею последнего преследователя. Тот почти успел сорваться с места, чтобы настичь ударом тесака. Голову оторвало начисто. Тело отбросило словно куклу. Опрокинуло назад, позволяя Шайль выдохнуть.

В револьвере последний патрон. Дрожащими пальцами девушка откидывает барабан, достает из кармана боеприпас. Тот скользит в перепачканной кровью руке, но послушно ползает в гнездо. Шайль сосредоточенно заряжает пилуоли смерти. Щелчок — и револьвер готов к стрельбе.

Но не Шайль. Осталось семь выстрелов. Девушка прячет пушку в кобуру. Обмякает на

куче мусора, пытаясь перевести дыхание. Вонь бьет в нос. Сильнее всего чувствуется запах волколюдской крови. Сколько на теле ран? Неважно. Надо подняться.

С тяжелым стоном девушка выдирает ногу из кучи мусора. Видит разорванную штанину. Металлический штырь прошил голень насквозь. Шайль пытается сползти на землю, но вместо этого катится по мусору, крича от боли. Замирает, старается унять дрожь, рассеять черный туман перед глазами. Поджимает губы, чувствует слезы, стекающие по щекам.

Это сложно. Тело хочет сдаться. Но что будет с Шайль, если она сейчас вырубится? Надо встать. Вставай, сейчас же.

Ругань девушки смешивается с хриплыми стонами тяжелораненого. Не волка — тот лежит на куче мусора, потеряв нижнюю челюсть и кусок глотки. А вот парень с простреленной грудью барахтается. Пытается подползти.

Пальцы Шайль смыкаются на железном пруте. Ребристый металл вылезает неохотно. Темнота волнами накатывает на сознание, на несколько вдохов девушка теряет мир из виду. Этого более чем достаточно.

Удар тесака. Прямо по спине. Девушка вскрикивает, падая на землю. Волколюд уже стоит, шатается, теряет кучу крови, но замахивается снова. Шайль чувствует близость смерти. Следующий удар может все закончить. На остатках сил вскидывает руку. Звон. Тесак соскальзывает с прута, волколюд теряет равновесие, перебирает ногами, из последних сил борясь с падением.

Шайль напрягается. Отползает к стене, наблюдая за врагом. Выстрелить? Патронов мало. Но встать и добить ублюдка нет сил.

— Отвали, — хрипит девушка.

Волколюд шатается. Остолбенело смотрит на нее. Из рта течет кровь, рука зажимает дырку в груди. Та легла ровно между легкими. Но пуля, судя по всему, не задела сердце. Или?..

Кажется, этот урод готов сделать шаг **ближе**. И он почти делает — только вот нога неловко подгибается. Парень припадает на колени. Выпускает тесак из ослабевшей руки. Бахается мордой в землю, оставаясь лежать на ней кучей мусора. Сдох.

Шайль запрокидывает голову. Дышит тяжело. Смотрит в ту сторону, откуда прибежала, — там чисто. Вернее, нет никого из **живых**. Наверное, она и сама сейчас помрет. В теле столько боли, что осознавать отдельные раны невозможно. Остатки адреналина никак не помогают справиться. Ушло много крови, ушла почти вся жизнь.

«Покаран за попытку **насытиться** собратом», — или как там на табличке было написано? Шайль уже не важно. В Освобождении больше нет никаких правил. Совсем как в родном мире: жри или умри.

Девушка выбирает первое.

В сети переулков заперт мотылек. Он изранен, крылья его едва заметно трепещут, лапки содрогаются, пытаясь нащупать свободу. Мотылек путается, крутится, старается, но этого слишком мало. **Сеть очень прочна.**

Хотя в нашем случае — просто запутанная. Шайль иногда спотыкается о мусор, злобно морщится, сдерживает болезненный скулеж, удавливая его еще на подступах к горлу. После **кормежки** стало легче. Хотя девушка плохо помнит, что она оставила позади себя. Вроде... три трупа? Или их было четыре? Сложно вспомнить. Прошлое спряталось за маской, и

красивые разводы на щеках Шайль стали частью этой маски.

Девушка опирается на стену. Раны, хоть и болят, уже почти затянулись. Все-таки Шайль тоже отчасти **ультрахищник**. Может драться долго, если питаться своевременно. Так что силы какие-то есть. Но сейчас лучше отдохнуть. Шайль потерялась в сети переулков. На стенах домов не видно ни одного указателя.

Опустившись на землю, девушка с утомленным любопытством осматривает изорванную одежду. Стягивает с себя куртку, чтобы проверить. Да уж. Ей казалось, что удары тесака рвут мясо на спине, но куртка смогла сдержать лезвие. Хорошая вещь, доступная только **полицейским**. На инициалах, вшитых в ткань, появилась царапина. Словно... перечеркивающая. Прошное. Личность.

Шайль достает одну из последних сигарет. Курит. Никотин поможет чутка переносить боль и концентрироваться на происходящем. Девушке становится смешно. Она и правда почти забыла, что является полицейским. А ведь Шайль прямо сейчас пытается все **исправить**. Вернуть в рамки закона.

Да уж. Хорошая девка, которая решает дерьмо по-плохому. Романтика. Хоть роман пиши, да вот некому. Шайль усмехается, стряхивает пепел с сигареты. Ворох белоснежно-серых хлопьев осыпается на землю.

Стоило последней «снежинке» упасть на штанину Шайль, дверь рядом с девушкой распахнулась наружу, скрипнув ржавыми петлями. Не-детектив вздрогнула, схватившись за рукоять револьвера.

— Спокуха, — попросил вышедший мужчина и закурил сигарету, прислонившись к стене возле дверного проема. — Пр-рсто покурить вышел.

На нем белый халат фармацевта. Вернее... **Был** белым когда-то. Время изменило тона, сделав их темнее. Мужчина поправил очки и принял позу «я ничего не знаю, меня здесь нет».

Шайль с удивлением смотрит на **живого** человека. Живого и без единого **симптома**. Стоит рядом, отдыхает, глядя в стену дома напротив.

— Ты аптекарь?.. — спрашивает Шайль.

— Ну т-к! — невозмутимо отвечает мужчина.

У него странный говор. Странная **манера** общаться.

— Это аптека?

Вот теперь голос девушки звучит увереннее. Она затягивается, пытаясь дождаться ответа. А мужчина невозмутимо смотрит в стену. Молчит.

— **Аптека?**

— Слуш, я на пер-рыве. Дай пок-рить.

Шайль понимающе кивает. Тушит окурок о землю. Вздыхает. Мостит затылок на стене, пытаясь пристроиться поудобнее.

Аптека. Открытая. У девушки пять рублей. Нужно обезболивающее. Без него дело не пойдет. Интересно, получится ли договориться?.. Врачи запретили Шайль принимать **человеческие** лекарства. Но сейчас сгодится что угодно, даже **дурь**.

Мужчина докурил и собрался заходить внутрь. Остановился, когда Шайль ухватила за голень, сжав ее пальцами.

— Мне нужен обезбол. Любой, самый дешевый. У меня пять рублей.

— Слуш, ты ж волк-люд.

— **Нужен**, — повторяет Шайль. — Продай.

— Ла-ан, идем.

Девушка со стоном поднимается. Заходит за фармацевтом.

— Дверь-т прикрой.

Петли ржаво плачут. Металл вздрагивает, столкнувшись с косяком. Горит слабый свет. Это подсобное помещение. Фармацевт меняет ботинки на тапочки и идет к следующей двери, минуя бардак на полках и под ними. Шайль ковыляет, пытаясь не споткнуться.

Они оказываются за прилавком поочередно. Мужчина заглядывает в распахнутую тетрадь. Поправляет очки.

— **Корочь**, могу... «Нитро»?

А вот название обезболивающего препарата фармацевт произносит очень четко, идеально по буквам. Поднимает взгляд, вопрошающе глядя на Шайль. Та только кивает.

— Если глушит хорошо, то возьму. Сколько стоит?

— В гор-де непонятка, т-к что... Три.

Шайль кивает, кидает рядом с тетрадью купюру — пятерку. Аптекарь оборачивается к полке, хватает склянку. Она... довольно внушительно выглядит. Пухлая как отъевшаяся крыска. Шайль с удивлением смотрит на препарат.

— Но! — аптекарь опускает «Нитро» на стойку и продолжает держать ладонь на склянке. — **Противопоказания.**

Последнее слово тоже произносится с усердием.

— Ты волк-люд, т-к что... — аптекарь поправляет очки, смотрит в тетрадь, листает ее. Со свистом вдыхает через зубы, прочищает горло, упирает палец в строчку. — «При приеме успокаивает нервную систему, лишая возможности **обратиться...**»

Пауза. Взгляд на Шайль. Та кивает.

— ... «после того, как эффект препарата пройдет, возможны непредсказуемые всплески... активности... в... нервной системе», — аптекарь с облегчением выдыхает. — Т-к что акк-ратнее надь. Пей понемногь... э-э-э... раз в долю дня. Не чащь.

— Идет, — соглашается Шайль, понимая, что у нее нет часов под рукой, чтобы следить за временем. — Давай сюда.

— На.

«Нитро» и два рубля переходят в ладонь девушки. Она торопливо срывает печать с пробки, с натугой выдергивает ее и прислоняет горлышко к губам. Глоток. Глоток. Крупные порции лекарства проталкиваются через горло заметными холмиками.

— Э-э... понемногь... — бормочет аптекарь, но не успевает поднять руку, как Шайль уже опускает склянку.

Четверть содержимого исчезла. Девушка упирается руками в стойку, поднимает взгляд на помещение за ней. Посетителей нет, зато вот двери на улицу — пожалуйста. Как в эту аптеку еще не ворвались волколюди? А, **точно**. Они ведь не используют человеческие лекарства.

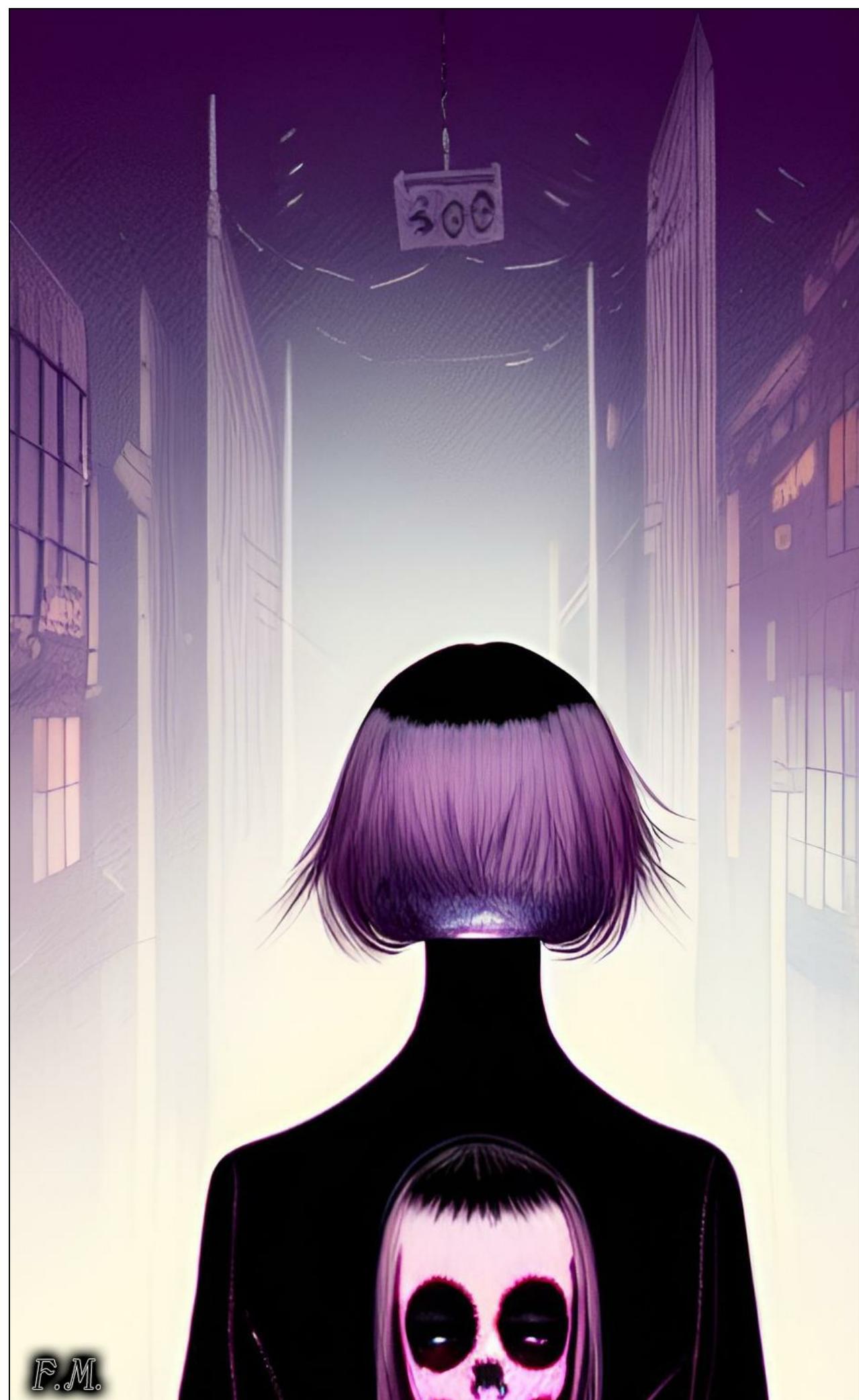
«Нитро» действует неохотно. Прежде всего, Шайль чувствует неприятный ком в животе. Он тяжелый. Во рту мерзкое послевкусие. Девушку мутит... но понемногу боль отступает. Шайль почти уверена, что через время, если не стошнит, станет совсем легко.

— Спасибо, док, — хрипит девушка, запрокидывая ногу на стойку и перелезая через нее.

Ухватив «Нитро» с той стороны, кое-как засовывает склянку в карман куртки.

— Еще вопрос! — вспоминает Шайль. — Дашь пару сигареток? У меня будет трудный

день.

Глава 10: День 5

Члены организации «ВолкоЛЮДИ» больше не прячутся за металлической дверью и длинным коридором. Смысла нет, ведь город стал **полем боя**. Шайль идет к распахнутой двери. На ней нарисовано улыбающееся лицо: навыки художника явно застыли в детстве. Тем не менее, зеленая краска выглядит **приветливо**. Впечатление портит лишь расстрелянный труп волка, обмякший на пороге. Рядом с ним стоят трое: две девушки и парень. Троица замечает Шайль и замолкает, напрягаясь.

Детектив видит, как к ней обращается оружие. Винтовка парня «ненароком» качнула стволом навстречу. Девушки демонстративно перехватили истыканные гвоздями биты.

— Стой прямо там! — предупреждает парень. — Назовись и скажи, куда прешь.

Шайль **колбасит**. Именно так. Она чувствует себя фаршем, который прессуют в кишку. Хочется блевать. Перед глазами сплошная карусель. Если придется стрелять — все пули попадут ровно в двоящуюся часть мира, пролетев мимо настоящей цели.

— Шайль. Полицейский, — с трудом отвечает девушка.

Эти слова едва вырываются из объятий рвоты. Желчь, смешанную с лекарством, только чудом удается сдерживать внутри.

— Чё?!.. — одна из девчонок начинает смеяться. — Вы слышали? Чё она там несет? Полицай?! Пха-ха!

Бита упирается в землю, пока хозяйка корчится в смехе. Шайль хмурится. Юмор оценить сложно.

— Цыц! — стрелок опускает винтовку и поворачивается к детективу. — Если полицейский, то вали нахер! Тебе тут не рады.

— Я по делу, — Шайль стонет, измученно держится за живот. — Поговорить с Гэни.

— **Гэни** ни с кем не говорит! — девчонка, отсмеявшись, хватается за биты двумя руками. — Вали, легавая! Вали-вали!

Парень с винтовкой не успел ничего сказать, поэтому только кивает. Шайль вдруг замечает, что патронташ на прикладе пустой.

Желудок урчит, из кармана куртки выглядывает горлышко бутылки «Нитро». Но нужно вернуть свое **красноречие**.

— С патронами тяжело? — Шайль кивает на винтовку. — Пустите к Гэни, я расскажу, где можно достать пуль.

«Биты» на этот раз ничего не говорят, только внимательно смотрят. Парень с винтовкой смущенно опускает оружие.

— Так ты ж легавая. Вам такое **нельзя**. Инфу сливать.

— **Мне** можно все... — Шайль слишком устала, чтобы говорить много. — Пустите меня. Это важно.

Троица стоит, с недоумением переглядываясь. Одна из «бит» что-то тихонько говорит, вторая прыскает, а стрелок кивает.

— Ладно. Давай проходи. Только оружие оставить у нас придется.

Шайль устало скидывает с плеча куртку. «Биты» присвистывают, когда замечают, что лежит в кобуре. А детектив не торопится: достает «Левиафан М-3», разряжает его, скидывает патроны в карман. Делает все медленно, чтобы не облажаться. Дрожащие пальцы с трудом «заправляют» барабан на место. Напоследок Шайль решается эффективно

подбросить револьвер, ухватить его за ствол и передать рукоятку вперед стрелку. Чудом получилось.

— Только я его **заберу** потом, — напоминает девушка.

— Конечно... — бормочет молодой волколюд, смущенно принимая оружие.

Да, придурок, это не болтовая винтовка местного деда. Красавчик-«левиафан» обладает самым большим калибром, который можно встретить на улицах Освобождения. Во всяком случае, **пока что**. И даже разряженный — такой револьвер заставляет обладателя почувствовать себя **невероятно крутым**.

Шайль проходит мимо «бит», ставших вдруг чуточку спокойнее. От одной из них девушка получила оценивающий взгляд, который напрочь проигнорировала. Потому что не заметила.

«Нитро» выворачивает кишки наизнанку. Шайль чувствует себя как младенец, в которого влили рюмку водки и заставили держать в себе. Ясное дело, аналогия очень **слабая**, как и сама детектив.

Она бредет по коридору, в котором теперь достаточно светло: наконец-то кристаллами стали пользоваться. В этот раз дойти до главного помещения получилось довольно быстро.

Там все по-старому. Те же свечи, тот же сброд. Только постамент в центре опустел. Видимо, брат Гэни занят чем-то **полезным**. Волколюды не замечают вошедшую Шайль. Кто-то чистит свой огнестрел, кто-то упражняется с оружием. А некоторые заняты только болтовней.

Пробираясь мимо «собратьев», Шайль касается ручки двери, ведущей в крипту.

— Эй, белявка!

Голос позади принадлежит Реролу. Девушка оборачивается, не отпуская ручку: на нее удобно опираться. Ноги дрожат, подкашиваются, но пока еще держат.

Волколюд замечает, что с Шайль что-то неладное. Поэтому вместо делового подхода он подсакивает к девушке.

— Ты в порядке?..

Неожиданно-заботливый вопрос от разыскиваемого преступника — на такое Шайль и не рассчитывала. Детектив растерялась, глядя на расплывающееся перед глазами лицо мужчины.

Рерол и сам знал ответ: вся одежда, кроме куртки, изорвана. От Шайль разит кровью, в ней же и лицо перепачкано. Затуманенный взгляд, испарина на лбу. Волколюд хмурится, закидывает ее руку себе на плечи.

— Пойдем, малявка, со старшим поболтаешь, отдохнешь, — урчит Рерол, утягивая от **крипты**.

В ней же воняет. Шайль взаправду думала, что Гэни сидит там днями напролет?.. Хотя, о чем тут говорить: вряд ли в таком состоянии Шайль способна думать.

Чувствуя поддержку Рерола, девушка позволяет себе прикрыть глаза и слабо перебирать ногами, следуя за чужим телом. **Сильным и грязным**.

Теперь разговор шел совсем в ином ключе. Гэни больше не выглядел шаловливым мальчишкой, который играет рядом с трупами, потому что считает это **крутым**. Теперь он стал жестче.словно вмиг заматерел, пусть тело и осталось хлипким.

Шайль сидит в подобии допросной. На самом деле, это просто скудно обставленный кабинет. За массивным железным столом пристроился Гэни. Рядом с ним — Рерол. Видимо, в роли телохранителя. Логично, более сильного волколюда сложно найти.

— Зачем ты пришла? — повторяет вопрос Гэни, перестукивая пальцами по столешнице. — Отвечай.

Девушка ответила бы, вот только слова застыли в густой слюне. Интересно, курево может помочь?.. Шайль достает из кармана помятую сигарету, доставшуюся от аптекаря. Но Гэни хлопает ладонью по столу.

— Сначала разговор, потом сигареты!

Мальчишка **на взводе**. Вот только Шайль это не волнует. Она зажимает фильтр губами, щелкает зажигалкой. Рерол напрягается, но «главный» только устало откидывается на спинку и взмахивает рукой. Неопределенно-пренебрежительно.

— Сразу видно, **профессионал**, — едко высказывается, глядя на струйку полетевшего дыма.

Шайль выдыхает. Оставляет руку с сигаретой болтаться между полом и плечом. Несколько раз сонно моргает. Боль начинает возвращаться.

— Мне нужна ваша помощь, — тихо признается. — В городе...

— «Помощь»?! — Гэни смеется. — Еще недавно ты была **нюхачом**, а теперь стала **попрошкой**?

— Тц, — Шайль морщится, затягивается сигаретой. Дым попадает в глаза, и теперь девушка моргает **совсем** не сонно. — Не путай одно с другим. Я хочу **договориться**.

— Говори.

— В городе хаос. Скоро здесь будет армия...

— Армия? — мальчишка наклоняет голову к плечу. — Пока еще рано об этом думать. Или у тебя есть **информация**?

— Только логика. Мэр не дурак, — Шайль стряхивает пепел на столешницу. — Либо так, либо власть окончательно рухнет. Понимаешь?

— Понимаю. Но все случится до того, как армия придет, — Гэни пожимает плечами. — Меня не волнует.

— А стоило бы заволноваться. Ты говорил, что вы ни при чем. Но что-то вы знаете.

— Знаем. Что дальше? — лидер «ВолкоЛЮДЕЙ» расплывается в улыбке. — Мне просто интересно, что ты напридумывала. Я заметил, что ты сначала делаешь вывод, а потом находишь для него информацию.

— О да. Ты прав. Я **нихрена** не знаю. Но это моя работа: думать, делать вывод и находить ему подтверждение.

Кажется, Шайль возвращается в мир живых. Жаль только, что в этом мире ее ждут боль и усталость. Их удар скоро настигнет мозги детектива в полной мере.

— Да, Рерол говорил, что ты один из детективов Освобождения, — Гэни кивает, задумчиво поглядывая в угол комнаты. — Я потому с тобой и говорил. К нам приходили **тупые полицаи**, а с детективами я еще не встречался. Честно говоря — разочарован. Вы еще тупее.

— Вот как?.. — пока что сил хватает только на этот ленивый вопрос.

— Да! — мальчишка активно кивает, тычет пальцем. — Ты приходишь сюда второй раз и второй раз, я уверен, не скажешь ничего путного. От полицейских можно услышать громкие слова, а от тебя, видимо, только сигаретную вонь и несколько странных вопросов-

обвинений. **Детективша.**

Девушка неопределенно качает головой. Вряд ли ей слишком интересно мнение Гэни. Надо склонить его к разговору, нащупать **ниточку**, которая позволит дойти от одной темы до другой. И заплывшие от обезболивающего мозги — не лучший помощник.

— И поэтому я пришла к вам. Потому что я **тупая**.

Шайль поднимается со стула слишком медленно, чтобы Рерол напрягся. Мужчина смотрит на потуги девушки со странной жалостью. Гэни ждет дальнейших слов.

— Видимо, мне лучше **самой** заняться спасением города. Если уж всем жителям похер на будущее этих улиц, — Шайль стоит, опираясь на спинку стула, и смотрит на Гэни.

Сверху вниз. Мальчишкам такое не нравится. Взрослая девушка, которая стоит над ними и говорит так, будто те — самое большое разочарование в жизни. Это всегда вызывает эмоции.

— Я не говорил, что мне плевать, — спорит... нет... **оправдывается** Гэни, тактично избегая мата.

Попался. Да, маленький засранец, ты до упада можешь играть в «босса», но внутри ты все еще щенок. Которому не чужда зависть к «старшим» — их сексуальным связям, их уверенному поведению, их **крутости**. Шайль нужно выглядеть круто, потому что **авторитета** нет.

— Кажется, тебе плевать. Просто **пофиг**, — устало вздыхает девушка, и ее сильная фигура приосанивается. — Ничего страшного, я понимаю. **Очень сложно** организовать общину волколюдов. Было действительно **глупо** ждать, что ты сможешь помочь. Я попробую справиться своими силами, чтоб не напрягать такого **занятого мальчика**.

Во взгляде Рерола виднеется веселье. Матерый хищник видит, какую игру затевает Шайль. А вот Гэни — не видит. Ему стоило позвать на переговоры старшего брата.

— Слушай, Шайль, сядь, — раздраженно просит мальчишка.

Девушка продолжает стоять. Курит. Тяжело смотрит на Гэни. Пытается понять, какие впечатления остались у **малявки** после их последнего разговора. Тогда Шайль грубо «распрощалась». Зацепило ли это мальчугана? Может, ему это **понравилось**? Иначе бы он сейчас не церемонился.

— Сядь, — повторяет Гэни. — Пожалуйста. Мы можем поговорить.

Стул жалобно скрипит, чувствуя вес девушки. Все ее мышцы устало разваливаются на куски, прямо тут, прямо на сидении. И стулу очень неприятно.

— Тогда говорим, — кивает Шайль. — В прошлый раз мы обсуждали препарат, и ты меня послал.

Нет. Это **ты** его послала.

— Теперь препарат делает из людей безобразное месиво, — продолжает девушка. — Оно почему-то похоже на **наш** звериный облик. Лично меня это задевает. Вас — нет?

— Нас тоже задевает, — кивает Гэни. — Это плевков в лицо каждому волколюду. Но мы стараемся держаться своего: на улицах и без нас хватает хаоса.

— И тем не менее, если бы в прошлый разговор ты дал **хоть какую-то** информацию, сейчас ситуация могла бы быть не такой плачевной. Я детектив, Гэни, я могла вовремя предупредить кого надо, — Шайль говорит тихо, мягко, словно со старым другом.

Или кем-то другим. Мальчишка слушает каждое слово. Он вмиг растерял всю свою крутость, и это забавляет не только Рерола, но и уставшую девушку.

— Я ведь не знал, что **слухи** на самом деле правдивы.

«Слухи»? Любопытно. Шайль слушает тишину. Окурок уже лежит на столе, а рука тянется к карману с «Нитро»: без него боль скоро станет совсем сильной.

— Если с этими слухами приходит **детектив**, это скорее всего не слухи, — девушка замолкает, чтобы сделать несколько глотков лекарства.

Взгляд Рерола становится недоумевающим. А вот Гэни почему-то не реагирует.

— Но что имеем — то имеем, — подытоживает Шайль, запихивая бутылку в карман и утирая после этого губы. — Кто-то заварил дерьмо, и оно сейчас бурлит. Как думаешь, что будет дальше?

— Общины собираются в одну армию, — спокойно отвечает Гэни. — Это меня могло бы обеспокоить, но армия пойдет на О-1, а наша община в глубине О-3.

— Значит, ты не в деле?

— **Мы** не в деле. Нас не интересует власть, за которую платят кровью. Волколюды должны быть человечными. Достаточно, чтобы заслужить право на спокойную жизнь во Всемирье.

— У вас никогда не будет спокойной жизни, если ублюдки из «Клыков и славы» доберутся до власти.

— Это их лап дело? — Гэни старается делать вид, что вовлечен в разговор, но взгляд его то и дело скользит прочь.

Шайль видит, куда направлены глаза мальчишки. В крипте было темно — в кабинете достаточно светло. И пусть девушка перетягивает грудь бинтами каждое утро, это едва ли мешает. Да и дырка в футболке, приоткрывающая часть живота...

— Я слышала, что да, — отвечает Шайль, стягивая с себя куртку.

Без объяснений. Без комментариев. «Нитро» в этот раз дал прилив бодрости, облегчил чувство усталости. И девушка смогла снять куртку небрежными и естественными движениями. Ярко-красная футболка. «Сила, триумф, превосходство». Это то, чего Шайль добивалась в разговоре с Гэни. Мальчишка уставился на сильные плечи, не скрываемые подкатанными рукавами футболки. Девушка продолжает выдумывать:

— «Клыки и слава» хотят добиться власти. Штурм О-1 займет у них достаточно много времени, чтобы мэр Совински успел отправить сигнал в столицу. После этого придет армия. Освобождение обстреляют. То, что останется, зальют огнем, — Шайль оттягивает ворот футболки, показывая ключицы и глубоко вдыхая. — Нейтралитет в такой ситуации невозможен... Будут только виновные и карающие.

Гэни думает над словами, смотрит на вздымающуюся грудь девушки, на движения сильных рук. Замечает татуировку на плече. «О-3-18» — этот код, выбитый черным под кожей Шайль, придает ей серьезности. Образцовости. И намекает, что есть целая группа людей, работающих под той же маркировкой. **Стайность**.

Рерол тоже смотрит на это, но по-своему. Опытный волколюд почти смеется, но не над Шайль. Он видит, как реагирует Гэни. И мальчишку можно понять: большая часть волколюдов теряет силу при спокойной жизни. Мышцы, данные генетикой, прозябают без дела. Звери хиреют. Девушки теряют вид плодовитых самок. Парни не выглядят сильными хищниками, добытчиками. Чтобы волколюд выглядел **хорошо**, ему нужно постоянно работать над собой.

Шайль работала. Боевая подготовка, сражения не на жизнь, а на смерть. Можно быть хоть десять раз **безмордым**, но это не повлияет на **силу**. Даже уставшая Шайль все равно

внушает уважение и вызывает восхищение, граничащее с подобострастием. И Гэни поддался.

— Босс, я пойду, — Рерол отступает от плеча мальчишки. — Нужно молодняк контролировать, вдруг что случится.

— Ага, иди, — мальчишка явно не против. — К чему ты клонишь, Шайль?

— Откуда ты знаешь мое имя? — улыбается девушка, слыша, как за спиной закрывается дверь. — Я не представлялась.

— Информаторы, — Гэни позволяет себе горделивую усмешку. — Хоть и немного, но ты наследила в О-3.

— Понятно, — девушка зевает, почти не прикрывая ладонью рот.

Клыки блестят в свете кристаллов. Гэни ерзает на стуле.

— Ну так что?

— Мне нужно, чтобы вы потеряли нейтралитет. Когда другие общины пойдут на штурм, хватит одного удара в спину, чтобы все это прекратилось.

— В смысле? — щенок словно проснулся. Удивленно моргнув, пытаюсь осознать то, что предлагает Шайль. — Ты хочешь, чтобы мы запачкались?

— Скромная цена в обмен на власть и спасение Освобождения.

— Я ведь говорил, что мы не заинтересованы в кровавой власти. Мы бережем свою человечность, и это важнее политики, важнее города. Как только Освобождение рухнет, нам ничто не помешает **переехать**.

— Куда? — с невинным любопытством спрашивает Шайль. — В каком городе Всемирья примут волколюдов? Одно дело, если переедет несколько **волков**. Но общину даже в несколько сотен клыков никто не пропустит.

— Дикие земли. Нам не нужен город, чтобы хранить человечность, — Гэни звучит неуверенно, и детектив цепляется за это.

— А что об этом думают **члены** общины? Захотят ли они жить отшельниками? Нет, не захотят. Им легче будет переметнуться к тем же «свободным волкам», которые захватят Освобождение, и умереть под **обстрелом**. Или, допустим, дожждаться возвращения человеческой власти и продолжить жить под контролем.

— Не знаю, — честно признается Гэни. — Но они точно не захотят убивать сородичей.

— Почему? Не они ли прибивали к столбам нарушителей? — Шайль достает последнюю сигарету и закуривает. — Нет, Гэни. Они **захотят**. Потому что по итогу **получат** что-то. Это будет не только торжество идеалов, не только наказание. Это будет шанс получить новое Освобождение.

— Каким образом?

Гэни-Гэни. Шайль уже устает от твоей **расслабленности**. Как можно быть лидером, если не способен увидеть пользу тех или иных решений? Девушка успевает подумать, что лучше бы Рерол встал во главе, и продолжает говорить:

— Представь! — детектив наклоняется, упираясь локтями в столешницу. — Взбунтовавшиеся волколюды штурмуют О-1. Хоть как укрепляй район, от такого не защитишься. Мэр знает об этом. И вдруг, в разгар штурма, когда люди уже начинают **проигрывать**, появляются другие волколюды. Не кровожадные твари, захотевшие уничтожить власть. **Спасители**. Штурм захлебывается, люди и волки объединяются, мэр Совински писается от счастья и рождается новое Освобождение. Населенное

ВОЛКО-ЛЮДЬМИ.

— Думаешь, что полиция не справится? — Гэни с сомнением качает головой. — Насколько я знаю, все силы сейчас стянуты к О-1. Не только люди, но и волколюды служат в полиции. Ты тому пример. Еще есть бромпиры, среди которых и сильные маги.

— Ага. И вся эта орава придурков не защитится даже от пары сотен зверей. Я по пути сюда наткнулась уже на четверых красавчиков. Меня чуть не прикончили, хотя я с пушкой.

Шайль касается опустевшей кобуры. Гэни вдруг понимает, откуда на ее лице кровавые разводы.

— Ты их съела? — тихо спрашивает босс «ВолкоЛЮДЕЙ».

Настал решающий момент. Сейчас или никогда. Шайль вздыхает, откидывается на спинку стула, затягивается сигаретой. Это занимает несколько вдохов, за которые в голове девушки проскакивает несколько сценариев. Как только облачко дыма рассеялось, сорвавшись с губ детектива, слова были готовы:

— Думаешь, мне это нравится? Думаешь, я рада, что Освобождение сошло с ума? Впереди нас всех ждет именно такая жизнь: жри или умри. А потом придет армия, и начнется новая война. В ходе которой закон сильного станет единственным. Как долго продержится ваша община? Неделю? Две? В конце концов останется только десяток самых стойких «пацифистов». Это угнетает, Гэни. Ты рискуешь всем, что имеешь, пытаешься остаться в стороне.

Мальчишка думает. Его взгляд все еще скользит по Шайль, но мысли теперь где-то далеко.

— Значит так, — Гэни хмурится, и голос его звенит ударом стали о сталь. — Я не могу вести дела с такой как ты...

Шайль злится. Дверца шкафа с протестующим треском срывается с петель, тут же улетающая куда-то во мрак. Девушка с руганью замахивается ногой, вбивая пятку в стул. Крепкий удар заставляет ножки треснуть.

— Конечно! — рычит Шайль. — О да! Что же еще?!

Безмолвный труп сидит под стеной, уставившись стеклянными глазами на вакханалию. Девушка с размаху вонзает пальцы в обивку дивана, срывая ее. Мягкий наполнитель неохотно отдирается от пружин. Еще одно матерное слово — Шайль хватается спинку стула и с размаху разрушает его ударом об пол.

— Урод, тьфу, — девушка утирает губы от слюны, выдыхает.

Боль понемногу возвращается, нужно снова выпить дурь. «Нитро» вливается в этот раз гораздо легче. Шайль вздрагивает, морщится, закупоривает бутылку и пихает обратно в карман. Подходит к мертвецу и опускается перед ним на корточки.

— Ты ж, скотина, не мог ничего умнее придумать, да? — рычит, пошлепывая по холодной щеке. — Зачем иначе? Ты ж все равно покойник, да?!

С усталым вздохом опустившись на пол, Шайль вытягивает ноги и поднимает взгляд к потолку. Причина случившегося, стоит полагать, весьма понятна. Взаправду! Как же перед самоубийством не уничтожить все свои пожитки? Долой их, в топку! А то вдруг кто-то ворвется в квартиру и наварится на имуществе покойника?

Больше всего Шайль злит не то, что самоубийца разбил все банки с закаткой и залил

продукты водой. Ее злит то, что все запасенные сигареты растоптаны, раздавлены, **разрушены**.

Отдышавшись, девушка поднимается на ноги. Разминает плечи на ходу, пока бредет к выбитой входной двери. Это последняя квартира, в которую было возможно вломиться из подъезда. Можно рискнуть и попрыгать от балкона к балкону, но у Шайль не то состояние. Ей нужны сигареты, а не перелом костей от падения с высоты.

Да, девушка мародерит. Почему? Потому что **стрельнуть** сигареты не у кого, а ларьки уже разграблены. Кем — сложно сказать. Возможно, виноваты люди. А может, это волколюды развлекались.

Мародерство, оказывается, вовсе не такое простое дело, как может показаться. В нищем О-3, во всяком случае. У многих людей банально нет никаких запасов. Только рубли, растыканные по полочкам в квартирах. Но деньги не имеют ценности. Так же как и безделушки, которыми люди украшают свои **немошные тела**. Для Шайль важны только сигареты, но в некоторых квартирах никто не курил, а в других — уже ничего не осталось. И только в этой неудачник-самоубийца додумался похерить все, что имел. А потом пустил себе заряд дроби в голову: короткоствольный однозарядный дробовик остался лежать в дряблой руке. Шайль могла бы прихватить его, но эта пушка не просто так называлась «Домовым». Это оружие для **самозащиты** в квартирных условиях. Дробь мелкая, стреляет кучно, но недалеко. Хорошо, если застал на своей кухне воришку. Плохо, если бегаешь по улицам умирающего города, воюя с такими же мародерами и бандитами-волколюдами.

Шайль осторожно прикрывает за собой дверь, словно извиняясь перед ней за насилие: в районе замка доски расколоты на щепки мощными ударами ноги.

— А ну-ц!

По подъезду проносится гулкое эхо. Его начало лежит за спиной Шайль. Учитывая, что девушка ничего не услышала раньше, ее поджидали некоторое время, боясь шелохнуться.

— Руки вверх!

Девушка неохотно подчиняется.

— Ты чего тут чудишь? Поворачивайся-ка мордой ко мне, негодяй.

«Негодяй»? Шайль почти обижается на это слово, сказанное старческим голосом, но понимает, что одета не в платье. Ясное дело, с парнем спутали.

Девушка поворачивается, скептически глядя на «защитника» чужих квартир. Старик стоит в потемках, сжимает в руках...

А вот это интересно. Не «Домового». В его сморщенных пальцах настоящий **дробовик**. Помповый ублюдок, способный проделать дыру даже в хиленькой броне, про незащищенное мясо говорить нечего.

— На колени! — требует дед. — Мордой в пол! Ой счас полицаев-то позову, пиздюлин тебе навешают, мародер несчастный.

«Может, пристрелить?» — проносится в голове детектива.

Нет, Шайль. **Не надо**. Это просто старик. Испуганный, больной — но по-своему, по-старчески. Вон, ствол ходуном ходит.

Девушка опускается на колени, удерживая руки поднятыми. Но не ложится.

— Ложись! — рявкает дед. — Иначе стреляю!

Шайль прищурилась, разглядывая оружие. «Разве так помпа должна быть?..» — пытается вспомнить. С дробовиками детектив не работала, только видела парочку таких на стрельбище. Семьдесят метров — мишень почти вся в клочья. Грохоту стояло...

— Ты помпу-то не тяни, — грубо просит Шайль. — Не выстрелит же.

— Чего?!..

Глуховатый дед.

— Помпу! Не тяни! Не! Выстрелит!

— А...

Щелчок запирающегося затвора. Теперь девушка уверена почти на все сто, что курок готов ударить по патрону. Ствол дробовика перестал «гулять» так отчаянно — видимо, деду стало легче держать пушку.

— Так чего надо?! — Шайль, к счастью, умеет говорить достаточно громко.

— По квартирам на кой шастаешь?! — не менее громко спрашивает дед. — Мародеришь?! Трудом зарабатывать надо!

«Ага, на улицу почти не выходит», — понимает Шайль.

— Так **надо!** Я полицейский! Перепись населения!

Подобные «праздники» в Освобождении давно не проводились. Наверное, потому что все волколюды регистрируются вскоре после прибытия. Если, конечно, не «договариваются». Но если дед живет тут долго, то может еще помнить старые-добрые переписи.

— Перепись?! — дед призадумался.

Сморщенное бледное лицо кривится от мысленных усилий. Шестерни в башке крутятся вопреки слою маразматической пыли. Шайль ждет, надеется, что наглая ложь сработает. При **переписях** двери никто не выбивает... Вдох. Другой. Дробовик опускается стволом вниз. Дед купился. Неужели поспособствовала куртка девушки, сделанная по полицейскому образцу?

— Ну ладно! Меня запишите! Георгий Леонидо...

Договорить дедулька не успевает. Шайль единым рывком бросается с места. Хватает старика за лицо и тут же отнимает дробовик. Неизвестно, попытался бы сердобольный вдавить спуск или нет, но это лучше не выяснять.

Старик кричит, дергается, **слабыми** руками пытаюсь сопротивляться. Шайль чувствует от него запах сигарет. Толстая металлическая дверь в квартиру приоткрыта. **Победа.**

Не то чтобы девушка жалеет старика. Но смысла в его убийстве не видит. В конце концов, ей просто нужна пушка и курево. Иначе с предстоящим не справиться.

— Pardon! — рывкает Шайль, заталкивая деда в квартиру, из которой недавно вышла.

Пинок кроссовка в живот добавляет ускорения и **сговорчивости**. Хлопнув напоследок дверью, детектив бросается в жилище старика. Она помнит про «Домового» в руке трупа, поэтому старается побыстрее.

Старуха, сидящая на кухне, вскрикивает, когда молодая бунтарка забегает внутрь.

— **Полиция!** Где патроны?! — Шайль трясет дробовиком, перебивая испуганный крик.

Бабулька, сморщенная и пахнувшая смертью, вскакивает и торопливо ведет девушку за собой. На ходу бормочет что-то про «полицию» и «проблемы», которые та устраивает. Добредает до тумбочки в коридоре, открывает верхний ящик. Шайль с восхищением смотрит на коробочку. Покрытая слоем пыли, почти полная — настоящее сокровище.

Запрятав добро в свободный карман куртки, Шайль бегом возвращается на кухню. Воспоминания о «Домовом» все еще стучат в голове. Старик ведь не додумается **мародерить?** Что он вообще делает сейчас? Детектив без понятия. Предугадать старческое мышление порой довольно трудно.

На кухне сразу бросаются в глаза несколько пачек сигарет. Одна открытая — остальные «про запас». Шайль распахивает курево по карманам, игнорируя неодобрительный взгляд старухи и ее тихие возмущения.

«Отоварившись», девушка идет к выходу, на ходу хлопая по столешнице двумя рублями.

— За беспокойства, — поясняет Шайль и **замечает**.

Дед стоит, сжимая «Домового». Модель гораздо более простую, чем дробовик. Это однострел — зарядил и готово. Без предохранителя. Без **помех**.

— Лежать! Бандюга! — визжит дед.

Шайль успевает метнуться в сторону, за старенький сервант. Звук выстрела грохотом отскакивает от стен. Девушка вздрагивает от теплых капель, россыпью брошенных в лицо. Сразу за рывкнувшим «Домовым» слышится крик. Шайль с ужасом смотрит на последствия. Удивительно, но сейчас старуха полна **жизни**. С прытью и отчаянием она мечется по полу, даже не пытаясь зажать разорванное плечо. Дробь выела и кусок горла. Вонючая кровь охотно льется наружу.

Зрелище накладывает на Шайль оцепенение. Девушка не сразу осознает, что деду плевать — он проносится мимо супруги, целясь размахом в голову преступницы.

Удар стволом «Домового» приходится прямо на нос. Сноп искр. Боли нет — только растерянность. Шайль моргает, удивленно глядя на деда. Перехватывает следующий удар, сжав еще горячий ствол ружья. Небрежным движением руки вбивает приклад **дробовика** в старческое лицо. Удар носком кроссовки под колено, и дед падает в лужу крови.

Шайль стоит, сжимая в руках огнестрел. Старуха уже притихла, покорно отдаваясь смерти. Ее муж что-то кричит, зовет полицию, пытаясь подняться и поскользнувшись на крови супруги. «Домовой» падает на пол. Девушка переступает тела, выбираясь из кухни.

— Это **пиздец**, — шепчет, утирая нос и замечая кровавый развод на кулаке.

Возможно, будь Шайль не под «Нитро» уже которую долю дня, ее разум смог бы осознать произошедшее. Но **дурь** плотно накрыла большую часть внятных мыслей и чувств. Шайль спускается по ступенькам, размышляя над случившимся как над забавной ситуацией, услышанной от кого-то. А стоило бы подумать над тем, как легко переступить грань между «детективом» и «преступником».

Впрочем, Шайль уже слишком поздно думать о подобном... Сейчас она **действительно** хочет проснуться.

— Значит так, — Гэни хмурится, и голос его звенит ударом стали о сталь. — Я не могу вести дела с такой как ты... но, к счастью, нас будет связывать только договоренность. Верно понимаю?

— Совершенно, — кивает Шайль, чувствуя, как от сердца отлегло.

— Тогда сделаем так. Ты будешь ключевой деталью плана. В случае, если что-то пойдет не так, ты скорее всего умрешь. Я ничего не потеряю и не буду переживать о том, что **такая как ты** останется в живых, — Гэни поднимается, направляется к канцелярскому шкафу.

Ящик с мерзким скрежетом выдвигается, являя ряд папок: Шайль может увидеть их со своего места. Мальчишка не ищет долго, судя по всему, прекрасно знает порядок документов. Пластик с шлепком падает перед девушкой. Главарь общины делает знак рукой, разрешая посмотреть.

Шайль распахивает папку. Морщится от увиденного. На первую же страницу наклеены фотокарточки. Изуродованные лица, будто пораженные проказой. Кожа покрыта красными... прыщами? Волдырями? Наростами? Слово подобрать сложно. Ясно только то, что это совершенно **ненормально**. Вздувшиеся глазные яблоки, едва не вываливающиеся из глазниц. Опухшие и посиневшие губы, деформированный нос. Все это сдобрено кровью, сочащейся из пор, ноздрей и рта.

— Что это? — тихо спрашивает Шайль, не решаясь перевернуть страницу.

— Первые эксперименты на людях, — Гэни невозмутимо смотрит на девушку, сцепив пальцы.

Детектив понимает, что это не просто «эксперименты». Молча переворачивает страницу. Дата сверху другая, как и фотокарточки. Теперь лица в целом вздулись. Если люди с предыдущих снимков еще выглядели живыми, то эти — абсолютные покойники. Невозможно жить с капитошкой вместо башки. Шайль не эксперт, но ей кажется, что даже кости исчезли. Осталась только натянутая кожа, волосы и... **что-то** под этим всем. Жидкость. Не кровь. Нос, губы, глаза — все перестало угадываться.

— Это вторая версия препарата. Тоже провальная, — подсказывает Гэни, осознав, что вряд ли девушка будет вчитываться в маленькие подписи.

— Ты говорил, что не связан с этой дрянью.

Шайль хочет закурить, но уже нечего. Нервы звенят в голове, не желая принимать зрелище.

— Мы не связаны. А вот тот, у кого взята эта папка, участвовал, — местный «босс» снова стал уверенным в себе малолетним ублюдком.

Девушке это не нравится. Вообще все не нравится.

— Я не хочу на это смотреть, передай словами.

— **Смотри.**

Шайль сплывает слюну. Перед глазами скачут розовые пятнышки, в которых угадывались лица. Сложно понять, это «Нитро» так влияет или... все взаправду настолько омерзительно?

Следующая страница. Результат не такой чудовищный. Здесь кожа и плоть просто слезли частично, повиснув лоскутами. Тоже покойники.

Следующая. Заросшее шерстью лицо, провалы глаз. Шайль кажется, что сейчас из этих **омутов** потечет кровь. По документу, по столу... на пол.

Следующая. Довольный оскал кривых зубов. Отсутствующие губы. Только челюсти на бесстрастной морде. Глаза побелели. Катаракта?.. Уши тоже поменялись, но Шайль не может понять, что именно случилось.

Последняя страница. Кожа почернела, иссохла. Но люди явно живые — у каждого немного разное выражение лица. Несмотря на струпья засохшего гноя, на впавшие щеки и **уставшие** глаза.

Конец папки. Можно закрывать.

— Что за **херьня**? — спрашивает Шайль. — Зачем ты мне это показал?

— Препарат без названия. Если бы не информация, которую я получил в устной форме вместе с папкой, то решил бы, что это просто последствия болезней или **пыток**, — Гэни отодвигает папку к краю стола и хмурится. — Но мне тогда сказали, что кто-то пытается научиться превращать людей в зверей. Не таких, как мы. Планировалась **временная** форма.

— Зачем? — Шайль недоумевает, не знает, куда деть руки, поэтому раздраженно

потирает ладони.

— Боевой стимулятор, который сотрет разницу между человеком и зверем. Поможет в войне на ледниках. В том числе и решит проблему **безмордых**, — Гэни поднимается, чтобы вернуть папку на место. — Я не знаю, что сейчас с разработкой. Я даже не знаю, точно ли **этот** препарат виноват в последних событиях. После нашей встречи много думал... но ни к чему не пришел. Может, эта папка никак не связана с тем, что происходит на улицах. Может, связана напрямую.

— И что ты хочешь от меня? Я не **фармацевт**.

— Я хочу, чтобы ты знала то, что знаю я касательно всего этого. Мы ведь хотим поговорить честно, — мальчишка опирается на канцелярский ящик плечом. — Мои ребята говорят, что в О-2 сейчас не только трупы и полиция. И не только волколуды. Там **кое-что еще**.

— Ох, — Шайль закатывает глаза, раздраженно откидываясь на спинку стула. — Давай конкретнее, это нихрена не интригует.

— **Удачные последствия**. Точно не знаю. Никто не знает. Но в О-2 что-то плохое. Оно прячется. Может, по чьей-то команде, может, само по себе.

— Так. И?

— И то, что тебе придется кое-что сделать ради «великого общего блага», о котором ты рассказала, — взгляд Гэни не сулит ничего хорошего. — Ты должна поговорить с мэром и рассказать о плане. Договориться, понятное дело. Заодно проведешь кое-кого в О-1.

— Почему я?!

— Боевой опыт. Сомнительная репутация. Заноза в заднице, которая заставляет тебя бегать повсюду со своими идиотскими идеями, — мальчишка перестал загибать пальцы. — Достаточно? Или еще добавить?

— Давай еще.

— Ты полицей, значит, мэр скорее послушает тебя, чем кого-то из нас, — еще один палец. — Наконец, ты не **моя**, поэтому тебя не жалко.

Шайль примерно понимает, к чему была последняя фраза. Дело не в **отношениях**, а в **стайности**. Детектив сама по себе... Одиночек нигде не любят и не ценят.

— Ладно. Допустим, — Шайль делает вид, что ее удовлетворяет перечень и дальше бормочет под нос. — В любом случае это будет не так сложно: отсюда в О-1 попасть легко...

— Не-е-ет, нет-нет-нет, — Гэни качает головой. — Тебе **придется** пройти через О-2. Сейчас только оттуда можно попасть к мэру, потому что наш район полностью изолирован от О-1. Ворота заварили ночью.

— «Заварили»?.. Нахрена?!

— Готовятся к беспорядкам, — мальчишка улыбается почти что снисходительно. — Не ты одна ведь такая умная, верно?

— Ага! То есть, я распинаясь перед тобой просто потому что... почему? Ты сам обо всем прекрасно знаешь.

— Прежде чем выслушать кого-то всерьез, нужно узнать, сколько в голове мозгов. Болтать всяк горазд, особенно ты, Шайль.

Девушка чувствует раздражение. А Гэни, кажется, полностью удовлетворен происходящим. Усаживается за стол, смотрит на детектива, вяло постукивая пальцем по столешнице. Вспоминает:

— Ты ведь не наврала по поводу драки? Действительно четырех сама уложила?

— Угу.

Сейчас этот факт вовсе не помогает чувствовать себя **крутой**. Скорее, идиоткой, ввязавшейся в новые проблемы.

— Тогда справишься. Сопровождать будешь мою... хм-м... считай ее ученой. Зовут Надин. Волколюд. Драться немного умеет, ясное дело, но она скорее **умная**, чем **сильная**.

— Волколюд-ученый? А что еще? Боблин-благодетель?

— Тебе больше ничего не хочется спросить?

— Почему не отправишь Рерола? Он посильнее меня, с легкостью доведет твою девчонку хоть до края мира.

— Потому что ему в О-1 не надо. А тебе — надо, — Гэни явно не горит желанием вести разговор в этом ключе. — Ты встретишься с мэром и поможешь Надин сделать дела в том районе.

— Дай угадаю: это что-то связанное с препаратом?

— Вроде того. Ты ведь не захотела узнать, **от кого** я получил папку, поэтому и не понимаешь, что проблема не в О-3 и не в О-2. Больше всего в этом препарате заинтересованы **люди**. Они же и занимаются разработкой. В О-1 есть человек, который был вовлечен в это дело.

— Не слишком ли секретно, чтобы делиться этим со мной?

Нет, детектив. Не секретно, потому что **сейчас** эта информация не стоит почти ничего. Никто не дал бы ее тебе в неподходящее время.

— Ты все равно должна сопровождать Надин до тех пор, пока она не вернется сюда. Если с ней что-то случится, я выслежу тебя и приколочу к столбу, — миролюбивая улыбка Гэни не особо вяжется с его словами. — Только не жди, что узнаешь что-то особенное. В прошлый раз мы не узнали ничего путного, получили только ворох милых фотографий. В этот раз скорее всего будет так же.

Как и всегда. Вся **важная** информация приходит с запозданием либо не приходит вовсе. Шайль раздраженно поднимается.

— Чудесно. Я счастлива, Гэни. Ты все тот же маленький засранец, которым показался мне при первой встрече!

Девушка сдергивает куртку со спинки стула. Надевает ее, упрятывая мышцы под защитную ткань. Одергивает пустую кобуру, даже не пытаясь скрыть эмоции. Гэни пожимает плечами, решив, что время подвести итоги:

— Шайль, запомни: если ты задумываешь нечто **великое**, на чашу весов ложатся не только чужие жизни. Ты ставишь всю себя. И — дальнейшую историю Всемирья. По этой причине «ВолкоЛЮДИ» все еще скромная община в О-3. По этой же причине я ничего не предпринимаю в спешке. Ты совсем не такая, ты не годишься на роль лидера, поэтому отнесись к работе по-философски. Погибнешь — так хоть во имя блага.

— Поше-ел на-аху-уй, — нараспев прощается Шайль, демонстрируя средний палец через плечо. — Я приду завтра. Подготовьте Надин.

— До завтра.

Детектив закрывает дверь с таким усилием, что за спиной раздается грохот и дребезжание. Довольна ли? Нет. Вообще нет. Она придумала хороший план, но не собиралась в нем участвовать в роли пешки, которую отправляют в огонь и даже дальше. Хотя какой еще результат может быть после фразы «**Я спасу этот город**»? Спасение — дело

нелегкое и, зачастую, неблагодарное.

Так что Шайль не собирается останавливаться. Злится, ругается, но продолжает идти по коридору, пытаясь вспомнить дорогу в общий зал. Нужно найти курево и отоспаться. До завтра боль ослабнет достаточно, чтобы больше не притрагиваться к «Нитро».

Осталось только придумать отмазку для придурка, охраняющего вход. Где сейчас можно найти патроны к винтовке?..

F.M.

Девушка спотыкается о ступеньки, едва поднимая уставшие ноги. В ее глазах мир преобразуется. Черное становится **настоящим** мраком, белое — ослепительным светом. Уличные фонари — высоченные твари, склоняющие свои лица к Шайль. И теперь, в убежище подъезда, девушка вздыхает с легким облегчением.

Впрочем, не полным. «Нитро» давно усвоился, и все равно Шайль до сих пор **чувствует**, как в животе бурлит обезболивающее. Едкими потеками сползает по желудку, разъедая стенки. Но проблеваться не получится. Это точно ясно.

Пролет за пролетом. Шайль пыталась отогнать от себя мысль о бесконечности подъема. Постоянно повторяла: «Но ступеньки кончатся». Да, детектив, они не вечны. **Ничто не вечно**. Даже дробовик в твоей руке.

— Шайль?.. — тихо зовут сверху.

Девушка останавливается. Пошатывается. Смотрит во мрак. Щурится, но не может сфокусировать взгляд. Почему так тяжело? «Нитро» почти рассосался, уже чувствуется боль в разбитом носу и ранах.

— Шайль, — отзывается детектив, удивляясь звуку собственного голоса.

— Это ты...

Натужный кашель сверху дает понять, что ничего хорошего не происходит. Шайль опускает взгляд, голова склоняется, почти упираясь подбородком в грудь. Перед глазами — ярко-красные кроссовки. Шаг за шагом по ступенькам, постепенно...

Подошва опускается в лужу рвоты. **Кровавой** рвоты. Осознать это удастся не сразу: в полумраке кажется, что это нефть, и только запах помогает определить содержимое лужи. Шайль почему-то становится смешно. Она поднимает взгляд и видит протянутую к ней руку. На одном из пальцев кольцо. Знакомое. Печатка с короной. Серебро. Джуд. Это он.

— Привет, — Шайль проходит мимо лежащего на полу, останавливается только перед дверью в квартиру.

— **Я все просрал.**

Джуд едва говорит за ее спиной. Барахтается в блевоте, перебирая руками. Бедный-бедный рокер, его лицо совсем изменилось. Шайль не поворачивается, упорно продолжая возиться с ключом и дверным замком. Чувствует на щиколотке прикосновение холодной кожи. Мокрой. Липкой. Позади раздается хрип, он поднимается все выше, пока не замирает у самого плеча. Джуд стоит, покачиваясь.

— Шайль...

Его голос тоже поменялся. Пальцы касаются локтя девушки. Отросшие ногти впиваются в плотную ткань куртки.

— Ну что? — Шайль опускает руку с ключом и поворачивается.

На лице Джуда шерсть. Челюсть деформирована, по клыкам стекает рвота, кровь и слюна. Из горла поднимается неясный рокот.

— Шайль, прости меня...

Джуд наваливается на девушку, утыкаясь **мордой** в грудь. От него разит. Искривленные болезнью руки обнимают, забираются под футболку, пальцы скользят по коже холодными слизнями.

— Я так хочу тебя, Шайль, прости меня... — неразборчиво мычит Джуд. — Обними

меня. Я замерз.

Девушка стоит, не в силах пошевелиться. Чувствует тяжелую пульсацию в голове. Джуд жметесь, хрипло дышит, пытается приластиться, извиняется за что-то.

— Я вернулся, Шайль.

Почему болезнь не убила его?

— Я соскучился по тебе.

Обломанные ногти впиваются в кожу, оставляя горящие борозды. Джуд снова и снова повторяет имя. Его останавливает только удар колена, отталкивающий и болезненный. Парень даже не вскрикнул, только сипит, опираясь на стенку спиной. Вздрагивает, выпуская струйку рвоты. Делает неловкий шаг вперед, пытается что-то сказать. Его останавливает ствол дробовика.

— Стоять, — шепчет Шайль.

Выстрел.

На ее глазах Джуд разделяется на десятки осколков, падающих на пол. Звон стекла эхом скачет в голове девушки. Внутренности скручиваются змеями, подползают к **ярко-красным кроссовкам**. Шайль вновь вжимает спусковой крючок. Неохотный грохот разбрызгивает кровь. Джуд смеется, поднимается с пола. Даже когда еще одна порция дроби разваливает череп на куски, оставляя уши болтаться на лоскутах кожи, парень все равно смеется. Шайль стреляет, оттягивает цевье, снова стреляет, но с каждым выстрелом делает только хуже. Джуд хрипит, хватается за ствол дробовика, утягивая девушку к себе.

— Шайль!..

Его холодная кровь заливает глаза, уши, рот и нос. Обволакивает мозг, вонзается в него иглами, раскурочивает череп изнутри, заставляя кричать от боли и ужаса. Но легкие не способны вытолкнуть ни одну крупицу воздуха. Слово губки, смятые в кулаке, легкие **пусты**.

Дробовик тоже пуст. Сколько бы Шайль ни давила на спуск, порох больше не взрывался. Рука тянется к револьверу, пальцы с хрустом ломаются, пытаюсь выдрать его из кобуры несмотря на чужую хватку. Джуд вгрызается в плечо детектива, вырывает шмат мяса, за которым тянутся кожа и жилы. Шайль чувствует падение на пол, чувствует, как ее внутренности разрывают жадными пальцами.

— Помогите... — шепчет, удивляясь тому, что все же способна говорить.

Хруст костей, треск кожи. Смерть пахнет отвратительно. Смерть разрывает ноздри своей вонью, разламывает голову надвое. Шайль чувствует прикосновение к мозгам. Их готовятся вырвать, сожрать по кусочку... Это все еще Джуд? Да, это он. Израненный, пожирающий плоть Джуд. Он делает то, что с радостью делала бы Шайль. Он **берет пример**.

— Нет, отпусти, — хрипло стонет девушка. — Отвали от меня...

Жизнь уходит. Кусочек за кусочком. До тех пор, пока ее не отнимают целиком.

Двое стоят над телом. Боблин и человек. Низкий и высокий.

— Да, она мертва, — констатирует человек.

Поправляет ворот куртки, затем — и пышную гриву кучерявых волос.

— В чем причина? — боблин держит блокнот, который **нуждается** в заполнении.

— Скорее всего сердечный приступ. Внешних ран нет.

— А удушье?

— **Ничего.**

— Хм. Волколюд, умерший от сердечного приступа?.. Нас засмеют, — боблин скептически приподнимает бровь, постукивая ручкой по бумаге. — Может, есть **хоть что-то**, что сгодится как улика в преступлении?

— Кузнецов, успокойтесь. Сердечный приступ может случиться от чего угодно, — человек загибает пальцы, позвякивая кольцами. — Переедание, передозировка, стресс... в конце концов, она могла **просто умереть**, такое бывает.

— Бредите. «Просто» умирают мухи. Здесь наверняка есть **что-то еще**, — боблин опускает блокнот и сам подходит к покойнице. Наклоняется, осматривает. Задумчиво чешет подбородок кончиком ручки. — Похоже, что ее убили магией.

— Магией?

— Да. Вмешались в сознание, создали **иллюзию** ее смерти. Стресс от воображаемой смерти спровоцировал смерть реальную. Это просто. Вот только **зачем** ее убили?..

— Кузнецов, хватит теории строить. Просто записываем мертвое тело, пакуем и увозим. Магия, не магия... **плевать**, работы другой еще полно.

— Подождите, Мэйсер. Я думаю... — боблин Кузнецов возбужденно начинает писать в блокнот. — Если мы проникнем в астральный мир, сможем расследовать магические потоки, вызвавшие смерть в реальности.

Мэйсер обреченно закуривает сигарету.

— Что, прямо на месте преступления? — неодобрительно косится боблин. — Постыдитесь, коллега.

— Да **пофик**, мертвецам не воняет. Вы вообще собрались в «астрал» какой-то нырять. Это похуже любой сигареты, — человек с тоской смотрит на низкорослого коллегу, продолжающего выводить теоретический порядок действий на бумаге.

Кузнецов все пишет и пишет, мысль за мыслью:

— **Я уверен**, что это дело можно распутать!

— Хер себе распутай, урод. Дай умереть спокойно, — рычит Шайль, приподнимаясь на локте.

Трясет головой. Моргает. Вокруг — никого. Самочувствие терпимо паршивое. Бутылка «Нитро» выпала из кармана и откатилась под стенку. Дробовик лежит рядом. Запаха пороха нет. Как и Джуда.

«Галлюцинация?.. — Шайль тяжело вздыхает, прикладывая ладонь ко лбу. — Или просто вырубилась перед самым домом? А там и сны...»

В любом случае пора подниматься. Нужно привести себя в порядок. Собраться с мыслями.

Стоит Шайль встать на ноги, как постреливающая боль в ранах подсказывает: эффект кончился. Но впереди ждут душ и кровать. Нахрен «Нитро». Не время жалеть себя.

Подобрав дробовик, девушка зажимает его под мышкой. Спустя несколько вдохов — щелчок дверного замка. Почти пустая бутылка обезболивающего остается снаружи.

Шайль редко когда так радовалась коридору своей дешевой квартиры. Дверь запирается, позволяя вздохнуть с облегчением. Звук тяжелого выдоха сливается с тихим шлепком. Девушка чувствует странный укол в груди. Опускает взгляд. На футболке распустился **цветок**... нет... это оперение транквилизаторного дротика?

— Ёрская мать...

Ноги больше не держат детектива. Колени сгибаются словно по команде. Удар об пол почти не ощущается. Мысли замирают.

Приходить в себя после второй отключки за полночи — то еще приключение. Шайль уже не уверена, что именно она чувствует.

— Вам не кажется, что синие кишки у янгелов — та еще банальщина? В конце концов, **почему именно синие?** — Кузнецов восседает на кухонном столе, словно это стул.

Впрочем, так он хотя бы чуточку выше Мэйсера, который сидел на стуле, покуривая сигарету.

— Ну да, банальщина, — кивает следователь, стряхивая пепел с сигареты.

Кольца сделали «дзынь-дзынь», ударившись друг о друга.

— В данном случае синие кишки — банальщина, а любой другой неестественный цвет — натуга, прямо **максимальная**, чтобы уйти от банальщины, — размышляет Мэйсер. — Выбирай я цвет, не выбрал бы вовсе. Зачем он нужен? Что нам дает цвет внутренностей?

— Ну да! — активно кивает боблин Кузнецов. — Я бы метафорично сделал. Либо без цвета, как вы сказали, потому что янгелы **нейтральны**. Либо белый, потому что **чисты и девственны**. Либо черный, если бы янгелы в нашей истории творили зло.

— Ха-ха! — Мэйсер вежливо смеется, хотя за интонацией скрывается искренность. — Вот это вы **метафорист**.

— Люблю такое, да, — кивает коротышка.

— Да пошли вы все, — тихо стонет Шайль. — **Зануды**.

Как бы ни старалась, девушка не могла разглядеть лиц говоривших. И не потому что на кухне темно. Возможно, у Мэйсера и Кузнецова **просто нет лиц?** Только очертания оных? Кольца ведь видит. И расы определила легко.

Два следователя замолкают, глядя в сторону Шайль. А та отчаянно пытается что-то поделать с веревкой, которой ее примотали к стулу. Возможно, поэтому боблин сидел на столе... Хотя, проклятье, это всего лишь **глюки** после «Нитро».

Свет на кухне включается, резанув по глазам. Кузнецов и его друг пропадают.

— Ты уже очнулась? Шустро. Похоже, что твой микродозинг действительно помогает, — Гириом горько усмехается, подтягивая стул и усаживаясь напротив Шайль.

Девушка удивленно глядит на волколюда. «Почему?», «Зачем?» — эти вопросы пока что без ответа. Потому недоумевающее качание головы вполне искреннее.

— Удивлена? Я тоже был, — волколюд берет со стола пачку сигарет и закуривает. — Особенно когда пропал один парень.

— Какой парень?.. — Шайль хмурится, чувствуя, как внутри неприятно разливается **предчувствие**. — Гириом, если ты решил устроить волнующую прелюдию для бурного секса, то получилось. Пора переходить к делу.

Так, о чем мы? А, да. Черная вдова Шайль. Возможно, Гириом что-то знает об этом. Потому что **секс** редко начинают с транквилизаторного дротика. Хотя...

— Мой друг. Его звали Жорж. Для меня — Жожи. Для тебя тоже, думаю, — Гириом затягивается, поднимает лицо к потолку, небольшими порциями выпуская дым.

Его нога подрагивает. Колено беспокойно поднимается вверх-вниз. Это невротическое

движение приковывает к себе внимание Шайль. Гириом взбудоражен.

— Раз ты молчишь, я продолжу. Вдруг забыла. Год назад Жожи сказал, что познакомился с некой «Шайль», — парень растягивает имя, словно пробуя его на вкус. — Пару недель носился с рассказами об этой девке. Все уши мне прожужжал тем, какая она **необычная**. Но деталей я не спрашивал, только и слушал: красивая, умная, сильная... Банальные бредни влюбленного человека. Жожи человеком **был**, ага.

Колено замирает. Взгляд Гириома опускается на Шайль.

— В какой-то из дней его нашли в О-3 с разодранной глоткой и поеденным брюхом, — парень усмехается. — Подумать только, моего дружка кто-то сожрал.

— Ага. И что? — **невинно** интересуется Шайль, ерзая в веревках.

Привязал на славу. Засранец.

— И то. Я вдруг подумал: а кто бы это мог быть? Попытался найти его подружку Шайль, но долго не получалось. Словно во всем городе не было никого с таким именем. Как бы я ни дергал знакомых...

— Давай короче, Гириом. У меня был сложный день, и я хочу **поспать**.

— Ладно. Если короче — я наткнулся на тебя, Шайль. В голове все сложилось: ты безмордая, значит, необычная. Ты детектив, значит, и умная, и харизматичная, и сильная. А еще ты волколюд. Который любит **мясо**.

— Угу. Да, — девушка устало кивает несколько раз, подтверждая логичность выводов.

— Я долго за тобой наблюдал, ожидая, когда же ты **выдашь** себя, — Гириом тушит окурок о столешницу. — Но ты словно залегла на дно. Решила ненадолго подвязать, чтобы тебя не раскрыли? Я терпеливый. Дождался удачного стечения обстоятельств и сблизился с тобой. Во время секса ты меня **укусила**. А это...

Да, Гириом, ты совершенно прав. Расхожее мнение о том, что среди девушек-волколюдов есть особи, которые тяготеют к пожиранию своих партнеров. Таким образом самки становятся сильнее и удовлетворяют свою жажду выразить **любовь**, поражающую их настолько глубоко, что лишь акт каннибализма способен передать **бурные** чувства. Скорее всего, на десять тысяч волколюдов найдется одна такая, что испытывает страсть к поеданию плоти сородичей. Генетический брак по мнению многих — исключительная особенность на взгляд некоторых. Ни одну из сторон осуждать нельзя: девушки с синдромом богомола одновременно и **притягательные**, и **отталкивающие**.

— А еще, — продолжает Гириом, — я узнал, что тебя некоторые на работе называют «черной вдовой». Люди так называют тех...

— Я знаю, — сухо отвечает Шайль. — Это все?

— Да. Это все.

— И что теперь?

— Я тебя убью. Тем более, время подходящее. Тебя уволили, в Освобождении творится хрен знает что...

— ... и ты **давно** не ел, — заканчивает Шайль, безразлично глядя на Гириома.

Колено, недавно вновь начавшее подергиваться, замирает. Волколюд в целом каменеет. Он понимает, что **жажда** невыносима. Но не решается признать это даже перед самим собой.

Поедать сородичей — стандартная практика в мире звероловов. Стандартная, но в рамках поединка. Между самцами. Нет ни одной стаи, которая разрешала бы самцу поесть

самку. Это просто-напросто **бессмысленно и жестоко**.

— Вроде того, — наконец кивает Гириом. — Но я готов выслушать твои последние слова.

— Последние — перед чем? — хмыкает Шайль.

Легкое движение рук, и веревка соскальзывает на пол. Девушка свободна настолько, насколько позволяет сидящий перед ней парень. Гириом тянется к поясу, на котором висит пистолет с заряженным дротиком.

— Не успеешь, — предупреждает детектив. — Но я не собираюсь нападать. **Пока что**.

Тем не менее, рука Гириома ложится на рукоять. Он словно дуэлянт в мире людей — еще одна **бессмысленная и жестокая** практика, зародившаяся уже в цивилизации: решать спор через огнестрельное оружие. Побеждает скорость и меткость, никак не ум, сила и стойкость. Только страшась всего на свете люди могут прятаться за пушкой, забыв о существовании более **изящного** оружия. Например, тела, которое за годы развития цивилизации усреднилось до жалкой формы.

— Тогда что ты хочешь сказать? — спрашивает Гириом, наблюдая за расслабленной Шайль.

На самом деле, дело не в расслабленности, а в измотанности организма. Передозировка обезболивающим, потом — милостивый укол транквилизатора. Все это на фоне постоянного движения и тяжелой драки.

— Не знаю номер дела, не в моем отделе было, — признается Шайль. — Но мы тогда смеялись всем участком над тем, что в О-3 живет бромпирша по имени Штайль. Ее дело даже не пришлось распутывать. Она сама пришла с повинной. Говорит, что сначала сорвалась на своего парня, а потом попыталась замаскировать убийство под работу волколюда. Вот только в процессе впала в истерику. До кровавых слез. Ее тонкая натура не выдержала стресса, психика надломилась. Поэтому к нам она пришла уже неадекватной.

Гириом слушает молча.

— Ее бы направили в тюрьму, а потом уже решили, что делать... — Шайль усмехается и тянется к пачке сигарет.

Почти закурила, вот только карман, в котором была зажигалка, опустел. Девушка приподнимает бровь, посмотрев на Гириома.

— Серьезно, **придурок**? Ты меня всю обчистил? А чего кроссовки оставил? Такие уже не делают, редкий экземпляр. Можно продать рублей за семь.

— Кхм... — Гириом достает зажигалку и протягивает огонек к кончику сигареты.

Шайль благодарно кивает, откидывается обратно на спинку стула и выдыхает.

— Так вот. Ее бы посадили, но она была тупо **неадекватной**. Во время допроса она начала бить себя стаканчиком с кофе по голове. Понимаешь? Ей кипятком глаз залило, а девка даже не закричала. Только бормотала свою чушь, — еще одна затяжка. — Ну, эта **херьня** не при мне случилась. Я потом по рассказам узнала. Верю, потому что выдумать такое невозможно. Весь участок гудел, и при моем появлении каждый считал своим долгом ляпнуть: «Штайль!»

Плечи Гириома опускаются. Взгляд застывает в углу кухни, словно там лежит нечто **очень** важное.

— Короче, она попросила казнить ее. Никто в общем-то не парился. Если преступник просит прикончить себя — только радость, больше места в тюрьме останется, — Шайль качает головой с усмешкой. — А через полгода помер мой напарник. На задании. Он был

человеком, чуть ли не единственным среди детективов. Ему одним ударом тело почти надвое порвали. Спасать нечего. История Штайль и случай Шайль объединились. Некоторое время меня подкалывали, называли «черной вдовой». Не коллеги из отдела, а придурки из участка. Самое забавное, я с погибшим даже не встречалась. А все равно прозвище прилипло. Сейчас-то шутку из этого уже не делают, устали, видимо.

— Э-э... — Гириом встряхнул головой, отгоняя историю. — А с чего я должен тебе верить? Доказательства будут?

— Доказательства того, что я не встречалась с этим твоим на букву «ж»? Да не будет никаких доказательств. Я тебе ничего доказывать не должна. Если ты не в курсе, что детектив Шайль ненавидит французов, особенно тех, кто носит французские имена... Твои проблемы, — девушка пожимает плечами, тушит сигарету о стол. — В общем, выбирай. Либо ты сейчас сваливаешь отсюда, оставив мне свою пукалку с дротиками... Либо **Черная Вдова** выбьет из тебя все дерьмо.

Шайль хрустит кулаками. Медленно поднимается.

Рука Гириома вскидывается. Дротик отлетает от защитной пластины куртки. Пинок ногой — волколюда опрокидывает со стулом. Сковородка **со свистом** рассекает воздух. Парень едва успевает прикрыться. Вскрикивает от хрустящего удара по предплечью. Шайль рычит, с каждым ударом все громче. Тяжелый чугун опускается. Снова и снова. Гириом в спешке отползает, пытаясь не подставить ноги. Шайль даже не пытается догонять — сковородка летит прямо в отступающего. Глухо ударяет по телу.

— Попробуй добежать до дробовика, — скалитесь Шайль, подхватывая лежащий стул за ножку.

Гириом вскакивает. Бросок стула — парня толкает вперед. Шайль вырывается в коридор. Дробовик почти в руках волколюда. Девушка ни на один вдох не останавливается: разгон из кухни перерос в **прыжок** на стену. Подошвы кроссовок позволили оттолкнуться от шершавой поверхности, бросившись на Гириома. Парень чувствует безапелляционный захват сильных рук, обжавших шею.

— Стой... — хрипит, пытаясь отодрать предплечье от глотки.

Но рука на ощупь как **сталь**. Волколюды тянется к дробовику — и понимает, что его оттягивают назад. Колено Шайль уже уперто в поясницу, заставляет ту прогибаться все больше и больше.

— Мне тебя сломать или задушить, уродец? — шипит девушка. — Могу и то, и другое, но это дольше.

Гириому не хватает нескольких сантиметров, чтобы дотянуться. Ему не хватает чуть более удобной позы, чтобы оказать сопротивление. Девушка всем весом вжимает колено в спину, и по позвоночнику проскакивают импульсы боли.

Протестующее мычание. Парню остается лишь одно... Излюбленный метод звероловов при схватке с кем-то **более** сильным.

Шайль чувствует, как тело под ней деформируется. Меняется. Кожа обрастает шерстью. Мышцы подстраиваются под новый костяной корсет. Видимо, Гириом часто пренебрегал **законом**. Только постоянная практика позволяет так быстро обратиться.

Детектив не собирается ждать конца — захват уже бесполезен, это ясно. Отпрянуть, пнуть подошвой в зад. Метнуться к двери квартиры, а после — выскочить в подъезд.

Шайль не собирается участвовать в погроме собственного дома. Для схватки с **волком** нужно чуть больше пространства. На улице достаточно...

Тяжело дыша, девушка проскакивает пролет за пролетом. Позади раздается вой. Цокот когтей по камню. Шайль матерится, зная, что чуточку не успевает. Стоило рискнуть и добраться до дробовика...

Прыжок в спину настигает ее на последних ступеньках. Оба катятся кубарем, сцепившись в один ком. Куртка не справляется с укусом волчьих челюстей. Шайль рычит, вдавливая палец в глаз. Зверь мотает головой.

Они дерутся. Ни за что, просто так.словно это любовная игра. Вот только теперь девушка **слабее**. И она проигрывает. Волчьи клыки прокусывают достаточно, чтобы застрять в ключице. Осталось приложить последнее усилие — и кость хрустнет. Шайль отчаянно пытается нащупать хоть какую-то уязвимость. Жесткая шерсть, под ней плотная шкура. Это **ультрахищник**, какие слабости? Голыми руками победить невозможно. Нужно было бежать к дробовику... А теперь девушка зажата в узком проходе огромным телом волка.

— **Ублюдок**, — рычит Шайль, слыша треск разрываемой плоти.

Но ни один из них не услышал, как распахнулась дверь первого этажа. Из квартиры вышел **парень**. На его голове совершенно неуместная панама, разрисованная причудливыми завитушками. На плотных плечах — летняя рубашка. Шорты, кроссовки. Парень выглядит совершенно обычным, крепким человеком. Если бы не одна маленькая деталь.

В его руках гребаные нунчаки. И он идет, небрежно помахивая дубинками на цепи. Мозолистые ладони перехватывают рукояти достаточно быстро, чтобы нунчаки ускорились. С каждым шагом все быстрее... до тонкого, едва различимого свиста.

— Ат-ты с-цука, — кривится парень. — На время смотрели, **уроды?**

Последнее слово сопровождается разрушительным ударом нунчак. Дубинка врезается прямо под череп волка. Замирает там на миг. И тут же взмывает вверх. Парень перехватывает оружие, следующий удар попадает в глаз. Брызги крови марают стену.

— На еще, я **покушать** принес, — безразлично комментирует парень, прокручивая нунчаки.

По голове волка работает **пулемет**. Гириом даже челюсти разжать не успел, как нос смяло обрушившейся рукоятью. Зверь взвизгивает, пытаясь отступить, скрыться куда-то от неожиданного наказания.

— Куда идешь? Ты меня разбудил, тебе **пизда**, — парень резким движением руки запускает нунчаки по раненому глазу.

Череп **ультрахищника** не выдерживает, трескается каждый раз в новых местах. Шайль прижимается к ступенькам, наблюдая, как над ней мелькают рукояти. Глухие удары, звонкий хруст костей, брызги крови, вылетающие из пасти клыки.

Волколюд не может броситься вперед и не может быстро отступить — слишком тесно. Каждый удар выбивает ориентацию в пространстве. Сколько их получил зверь? Уже **тридцать**? Больше?.. Парень безжалостно отрабатывает все новые траектории, словно вознамерился познакомить каждую клеточку головы с **лаской**.

— Кто мешаешь спать — засыпает навсегда! — поучает незнакомец, последним размашистым ударом окончательно пробивая рукоятью череп.

Деревянная дубинка рвет мозг. Лапы волколюда подкашиваются, и он обмякает на ступенях. Шайль лежит, тяжело дыша, зажимая рану на плече, и смотрит... нет, не с удивлением. **Это самое странное, что она видела**. Тут удивления мало будет.

— Жива? — спрашивает парнишка, закладывая окровавленные нунчаки под мышку и

протягивая свободную руку. — Подняться можешь?

Шайль принимает помощь. Пошатывается, но все не так уж плохо... хотя нет. Плохо. С куртки стекает кровь. Парень присвистывает.

— Сама справишься? — безразличный взгляд коричневых глаз подсказывает: парню плевать.

Учитывая, какие у него синяки от недосыпа, неудивительно. Судя по всему, здорового сна в жизни спасителя **очень** мало. Или... слишком много?..

— Справлюсь, — кивает Шайль, пытаюсь собрать слюну в пересохшем рту. — Ты еще что за **перец**? Я не видела, чтоб так...

— И не увидишь. Эта фигня только в моих руках работает. Я типа игрок нулевого уровня, — поясняет незнакомец, двинув плечом, под которым зажаты нунчаки. — Миша я. Михаил, если длинно. Сама можешь не называться, я спать хочу и мне как-то **плевать**. Дел куча, а я тут **прокрастинирую**.

Парень салютует двумя сложенными пальцами, ограничившись этим для прощания.

— Доброй ночи... — ошеломленно бросает вслед Шайль, наблюдая за удаляющимся Мишей.

Девушка, в общем-то, не знает ни названия оружия, ни города, где могут научить подобному. Для нее случившееся выглядит фантастикой, граничащей с безумием. И только **безумно** болезненная рана на плече да исковерканная морда Гириома позади подсказывают, что это обыденная реальность. В ней просто иногда случаются чудеса. Приходят из ниоткуда и уходят вникуда.

Шайль даже не уверена, что застанет этого **сумасшедшего с палками** еще раз. Впрочем, она не особо хочет. С подобной скоростью и силой ударов даже ей нечего делать. Пусть живет себе... где-то. В другой реальности, желательно.

Перебарывая слабость, девушка оборачивается на подергивающегося волколюда.

— Опять шерстью плевать... — бормочет, опускаясь на колени.

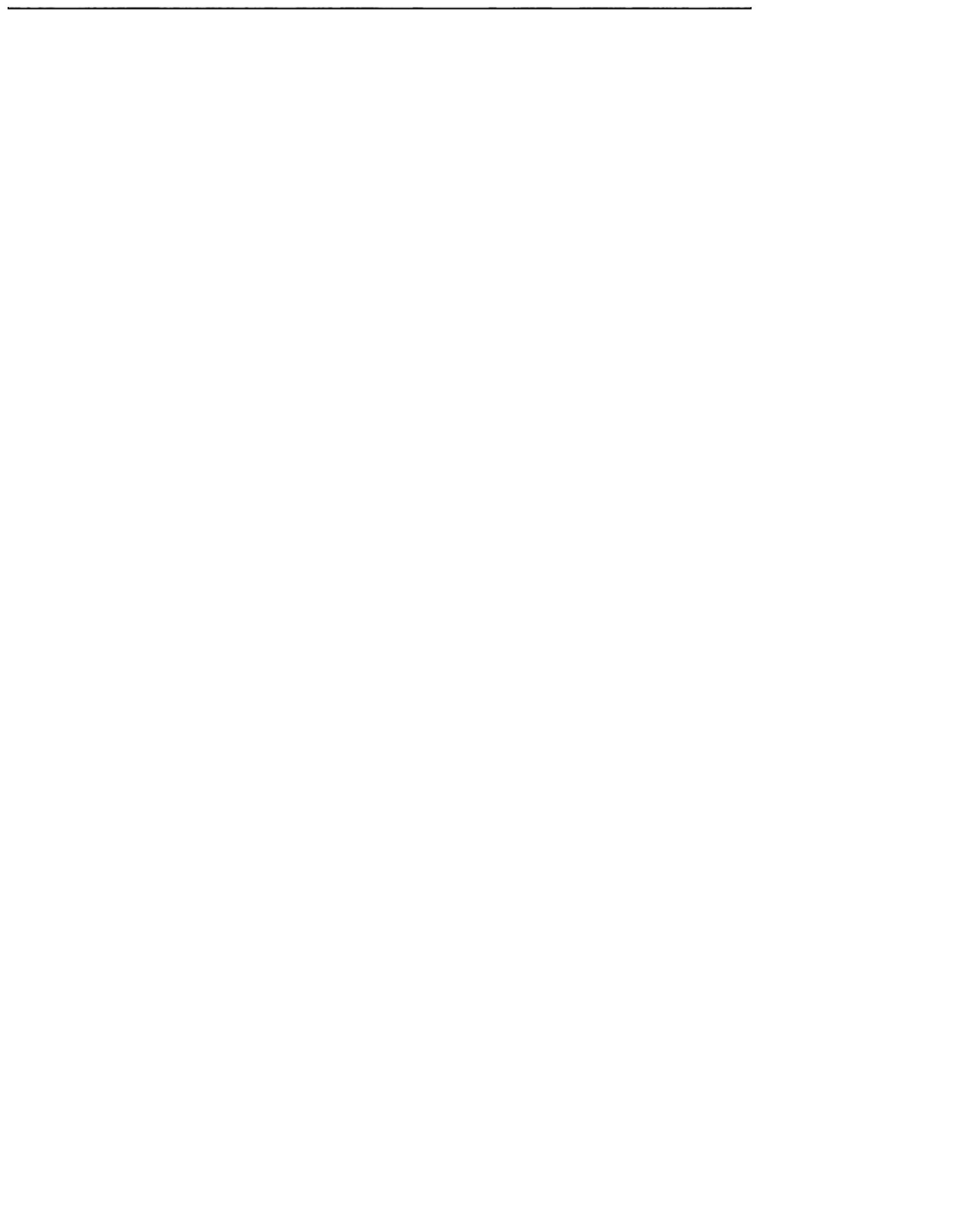

GRAND DÉTECTIVE

MACER FLOR

SEPTEMBRE 4, 1381 - FÉVRIER 24, 1408

L'ESPRIT CHERCHE ET C'EST LE COEUR QUI TROUVE.

Глава 12: День 6

За окном — светлое небо. В комнате легкий туман сигаретного дыма. Дверь на балкон накрепко заперта. Шайль чувствует, как к голой спине прилипла простыня и как к животу... прикасаются.

— Проснулась? — Гириом заботливо шепчет в шею. — Ты сегодня сплюха.

Шайль цепенеет. В голове проносятся воспоминания: ну точно ведь **было!** Или... нет?..

— Гириом? — тихо спрашивает девушка, не решаясь повернуть голову и даже просто скосить взгляд.

Прикосновение знакомых пальцев к губам рассеивает сомнения. Это он. Обаятельный волколюд из соседней квартиры. Но?..

Все же Гириом здесь. Прижимает к себе, легонько целует плечо. Зарывается носом в волосы. Шумно вдыхает.

— По утрам от тебя пахнет парным молоком... — признается Гириом, пока его пальцы поглаживают шею.

Шайль приподнимается, выбираясь из объятий. Поворачивается. Волколюд выглядит как обычно, разве что волосы растрепаны чуть сильнее.

— Что вчера было? — спрашивает девушка. — Ты помнишь?

— Ну, ты пришла домой очень поздно, шумела и кричала что-то. С ног до головы в крови. От тебя воняло какой-то дрянью, — Гириом задумчиво переводит взгляд на потолок. — Я успокоил тебя. После душа ты уснула. Вот и все.

— А **что-то еще?** — Шайль подбирается, взглядом пытаюсь найти кобуру.

Вон она. На прикроватном столике. «Левиафан» на месте. Дробовик... тоже. Дулом вверх смотрит, прислонен к письменному столу. **Что вчера было?**

Шайль трет глаза. Поворачивается к Гириому. Каждый вдох их зрительного контакта вызывает ощущение, что **сейчас** происходит что-то нереальное. А что вообще реально? Может, Шайль даже не дома сейчас?.. Нужно... нужно убедиться. Как-то.

— Дорогуша, а у тебя есть в О-3 друзья?

— Не-а. Был один друг... — Гириом прерывается, чтобы зевнуть.

— ... и его звали **Жорж**. Верно?

— Э-э... нет. Что за идиотское имя? Это французское? — парень кривится. — Парня зовут...

Имя Шайль прослушала. Вскочила, принявшись себя осматривать. Она не голая. Труссы, бинты на груди. Но крови нет. Раздраженно взъерошивает копну волос, подходит к дробовику. Хватает за цевье, порывисто поднимая и резким движением руки вниз заставляя патрон вылететь через затвор. Хватает его на лету. Подносит к носу. Ничего особенного. Пластик, металл, порох. Не более.

— Такая, как ты, полуголая и с оружием, — ухмыляется Гириом. — Выглядишь **шикарно**. Тебя бы сейчас сфотографировать...

Да, с точки зрения парня, Шайль действительно выглядит красиво. Стоит боком к окну, освещаемая отражением с лазурного неба. Задумчиво вертит в пальцах патрон, в другой руке удерживает дробовик. Осанка гордая, а вот лицо — сонное.

Но девушке нет **никакого** дела. Поэтому Гириом переводит тему:

— А чего про друга спрашиваешь?

— Просто так, — отмахивается Шайль, заталкивая патрон в патронник. — Светская беседа.

Ничему нельзя верить.

— Сигареты я вчера принесла? — буднично интересуется детектив, продолжая заряжать дробовик.

Предыдущий хозяин, кем бы он ни был, закинул только парочку патронов. Вмещается семь. Проверив, чтобы дробовик был на предохранителе, Шайль удовлетворяется.

— Целую кучу! Где столько достала? Ларек грабанула?

— Вроде того. У тебя в городе дела есть?

— Не-а, — Гириом потягивается. — Хойк зассал и прикрыл лавочку.

— Сиди, значит, здесь. Никуда не суйся, никому не открывай. Кури сигареты, жди меня. Я вернусь через пару дней, думаю.

— Оу... какие-то... проблемы?

— Будем считать, что так.

Душ, кофе, одеться, сигарету уже на улице, на ходу. Шайль впервые **убегает** из собственного дома. Лишь напоследок убеждается, что дверь в квартиру, где «жил» некий Миша, выбита. Изнутри пахнет кровью и рвотой. Дальше совать нос нет смысла.

Надин оказалась симпатичным волколюдом, но действительно хилым и неподготовленным к бою. То ли молодая, то ли дегенератка. Шайль даже не стала ее рассматривать, отведя взгляд после наивного вопроса: «Вы та самая полицейская?»

Полицейская. Пф-ф. **Полицейский.** Бывший. Пока что.

— Итак, — Гэни этим днем выглядит довольно уставшим. — Все понятно, **детектив?**

— Да. Добраться до мэра, озвучить ему свой план и добавить, что это сделка, а не предложение помощи. Договориться о месте в правительстве для «ВолкоЛЮДОВ»
Постоянно концентрироваться на сопровождении Надин.

Мальчишка похлопал в ладоши. Рерол неодобрительно скосил взгляд. Еще один **революционер?**

Шайль поправила имитированный ремешок дробовика. По сути — скрученная тряпка, узлами закрепленная на скобах. Ствол картечного убудка выглядывает из-за левого плеча.

— Тогда отпускаю, пусть луна хранит вас и все такое, — Гэни помахал рукой, прогоняя и Шайль, и Надин.

В общинном «гнезде» ажиотаж. Волколюды сегодня активнее. Кто-то спаррингуется. Надин молчит ровно до выхода на улицу.

— Я Надин, приятно познакомиться.

— Шайль.

Одна из «бит» злобно косится в сторону детектива. Получив в ответ неприличный жест, отворачивается. Надин торопливо шаркает рядом с Шайль.

— Не спеши, — бурчит беловолосая. — Держись позади.

Надин послушно отстает на несколько шагов. Детектив идет, осматриваясь. Здесь трупов не видно, за районом следят волколюды. Но дальше должно быть хуже. Надо пройти переулками. В них легче работать с дробовиком, меньше шанса попасть под огонь из винтовок.

— Шайль! — Надин уже догоняет. — А скажи, ты хорошо город знаешь?

— Плохо знаю, — отмахивается детектив.

На всякий случай.

— Хорошо! Нам надо будет заглянуть кое-куда.

— Конкретнее.

Шайль косится в сторону главной улицы. Широкой, на ней когда-то ходили люди. Дальше будет фуникулерная остановка, а держаться надо нижних уровней города. Шайль сворачивает в сторону, к небольшому проулку, ведущему ступеньками вниз.

— У меня в О-2 брат живет.

— С ним все в порядке, — Шайль машет рукой, прогоняя невидимое насекомое. — Гарантирую.

— Почему так?.. — Надин старательно пытается вышагивать в одном темпе, но явно не поспевает за широким шагом.

— Я утром гадала на кофейной гуще. У всех в городе сегодня все хорошо. Так что поторопимся, надо до ночи пройти как можно больше.

— Не знала, что ты еще и гадалка! — Надин увлекается темой разговора, искренне веря словам детектива. — А у меня брат на костях мелких животных гадать умеет.

— **Замечательно.** Теперь будь добра — три шага назад и не болтай.

Спутница Шайль хмурится, но ничего не говорит. Слушается. Казалось, что слушается. Но стоило спуститься в переулки более угрюмые, Надин тут же нашла повод для разговора:

— А не безопаснее ли держаться ближе друг к другу?

— Не особо.

Шайль не имеет ни малейшего понятия, чего сейчас ждать от Освобождения. В теории, двум волколюдам никто не должен мешать. На практике может случиться что угодно, ведь еще недавно на детектива напала четверка **ублюдков**.

Угрюмые хибары по бокам переулка, одно трехэтажное здание. Даже в лучшие времена здесь нечем было поживиться. Можно считать это относительно безопасным проходом.

Вот только... проходом куда? Двигается ли вообще Шайль? Или она все еще под эффектом «Нитро»?

Девушка встряхнула головой. Достала из пачки сигарету. Щелкнула зажигалкой. Какова вероятность того, что это галлюцинация? На самом деле, вплоть до сотни процентов. Вчера Шайль не осознавала, что бредит. Сегодня — это сегодня. Поэтому лучше не забивать себе голову. Нужна болтовня. Беловолосая бросает взгляд через плечо:

— Расскажи что-нибудь.

Надин издает удивленный возглас, что-то в духе: «Оу, а...» Но второй раз просить не пришлось — деваха начала болтать. О многом. **Такой** набор идиотских историй даже под «Нитро» не придумаешь.

Ладно. **Не** идиотских. Это просто рассказы. О жизни, немного о семье. Слышно, что Надин много чего утаивает. Не в духе «страшной тайны о препарате», а просто, по-бытоватски. Мало кто на первой встрече захочет рассказать истории об унижениях и тяготах. Надин умело находит грань между «личным» и «незначительным». Это выдавало в ней общительную личность.

Гэни сказал, что волколюду «ученый». Не похоже. Шайль не знакома тесно с этим братством, но попутчица говорит без занудства.

— ... и брат мне тогда: «А ты сама чего не сходишь?» Я тогда так растерялась. В

смысле, на первое свидание и сама? Как это?! У меня тогда мысль о мальчишке вызывала тряску.

— Ага, понимаю, — кивает Шайль, невольно усмехаясь.

У нее давно не было братьев, которые могли бы присмотреть за ней на свидании. Детектив хорошо помнит свою первую «романтическую» встречу. Парень терялся, не зная, о чем говорить с волколюдкой. Дошло до того, что Шайль пришлось самой взять инициативу. Все ради того, чтобы в конце услышать неискреннее «было **интересно**».

Женские разговорчики приятно скрашивали мысли о вчерашнем. Шайль смогла отвлечься и сосредоточиться на моменте: гуляющих по крышам хибар птицах; тоскливо лающих вдалеке **собаках** и, конечно же, остатках городской жизни. Все это — момент. Болезнь-болезнью, а люди по-прежнему пытаются жить. Кто-то поливал рассаду, подвешенную под окном. Кто-то просто гулял. На девушек никто не засматривался, каждый занимался своим.

— Теперь ты расскажи что-то, — просит Надин, уже сократившая дистанцию.

Шайль почувствовала нотки дешевой туалетной воды и задумалась над этим. Попутчица обычная волколюдка. Зачем ей **вонять**?

— Я детектив. Уже два года служу, — Шайль бросает взгляд в переулок, но не замечает ничего интересного. — Семьи нет, дом тут, в О-3.

— Давно в Освобождении?

— Года четыре. До этого жила в **диких** землях со своим... опекуном. Бромпиром. Большую часть времени он занимался скотоводством, так что я была предоставлена сама себе, — улыбается Шайль.

Даже если **сейчас** ее кроет «Нитро», она хотя бы не видит ничего пугающего.

— Как так вышло, что ты жила с опекуном? Стаю перебили?

— Меня выгнали. **Я безмордая**. Разве Гэни не говорил?

— Он просто сказал, что ты «противная сорвиголова, которая пытается всем подосрать».

— Ха-ха, о да, это меткое описание. И правдивое, — Шайль улыбается еще шире, самодовольно поправляя кобуру. — Когда работаешь детективом за жалкие копейки, и не такой **дрянью** станешь.

— Почему тогда ты работаешь детективом? Разве не легче было бы устроиться охранницей?

— Вышибалой-то? Ай, пустая затея, — Шайль отмахивается, снова прогоняя несуществующее назойливое насекомое.

Которые волколюдов особо не трогают. Разве что тех, кто позволяет себе слишком яркую одежду.

— У нас в общине многие охранниками работают. И вполне неплохо, — Надин вновь решается сократить дистанцию, чтобы потренировать широкий шаг. — Платят хорошо, проблем нет.

— Не мое это. Я не усидчивая.

— Какая же ты? По твоим ощущениям.

— «Противная сорвиголова, которая...»

— Не заканчивай, я поняла.

Девушки замолкают. Шайль на ходу поправляет лямку дробовика, мысленно возвращаясь во вчерашний день. То, что она видела в квартире стариков, — правда?.. Что

вообще ее дернуло натворить такую **херьню**? Оружие-то необходимо, бесспорно. Но не такой ценой.

С другой стороны, что у нее вообще за модель дробовика? Шайль не сильна в подобном. Ей хорошо знакомы пистолеты и револьверы, немного — винтовки. Дробовиками в Освобождении почти не пользуются. Они нелегальны. Нелегальны настолько, что лучше ходить с пакетом ангельской пыли в руках, чем иметь при себе хоть один картечный патрон.

Детектив скидывает с плеча лямку. Хватается за цевье, другой рукой — сжимает рукоять-приклад. Вертит оружие, разглядывая детали.

У каждой пушки есть свой серийник. Кроме, видимо, этого поганца: на металлических деталях ни намека. При этом выглядит новеньким. Шайль короткими взглядами осмотрела дробовик от и до.

Ни украшающей резьбы, ни номера. Как будто кто-то ветку с дерева срезал и по волшебству превратил ее в дробовик.

— Что такое? — интересуется Надин, наблюдавшая за Шайль.

— Дробовик странный. **Нашла** вчера, но тут ни серийника, ни чего-то еще.

— Может, в другом городе делался. Я слышала, что йельфы вообще никак свое оружие не маркируют, просто делают и все.

— А как простенький дробовик от йельфов попал в Общий мир? — мрачно спрашивает детектив, закидывая лямку.

— Кто его знает? Мы идем по городу, который почти выкосила болячка, а ты оружие удивляешься.

Шайль неохотно пожала плечами. И правда.

— Что там с твоим братом? Ты знаешь, где он живет?

— **Конечно же**. Но нам немного не по пути, крюк придется делать, — Надин говорит так, словно все хорошенько обдумала.

Но вопрос простой: лучше идти напрямую к О-1 и рисковать встрять в неприятности ночью... или сделать крюк и заночевать в относительной безопасности? Шайль точно знает, что сейчас далеко не первые доли дня. Скоро солнце щелкнет. После этого придется искать убежище на ночь, потому что тащиться по О-2 в потемках... можно рискнуть, но не с Надин за спиной.

— Насколько большой крюк?

— Не знаю. Я на фуникулере ездила всегда.

— Он рядом с остановкой живет?

— Ну да!

— Тогда нормально, дойдем.

Шайль подняла взгляд на небо. Всегда, когда хочешь сориентироваться в Освобождении, следи за тросами. Желтые, днем почти неразличимые, протянуты по одному району. Синие, незаметные ночью, идут из одного района к другому.

Сейчас Шайль ведет наперекор синему. Потому что хочет двигаться переулками.

— На ближайшей остановке?

— Ну... с пересадкой. Сторону смогу показать в О-2.

— Тогда двинем к брату.

Надин радостно хлопнула в ладоши.

Девушки остановились только когда переулочек, по которому они двигались, оказался... заставлен? Перекрыт? Забит? Полицейский транспортник стоял поперек, металлический корпус смялся, с трудом втиснувшись в пространство между домами. Обломки кирпичей из стен лежат вокруг. Низенькая арка почти что обхватывает крышу. Краска успела облупиться — от ударов об стены, от выстрелов. Шайль стояла, созерцая этот **символ**.

— Мне тут подождать? — тихо спрашивает Надин.

— Нет. Идешь со мной. Разделяться нельзя.

Они почти добрались до О-2. По ощущениям, солнце вот-вот вырубится. Были бы часы, можно было бы сказать точнее.

Шайль медленно идет к транспортнику. Массивная карета, которая в рабочем состоянии висит в метре над землей за счет магической «подушки». Нужны кристаллы дикой мощности, чтобы поддерживать всю эту конструкцию на весу. И представить причину, по которой полицейские могли застрять поперек арки, удастся с трудом. Самый очевидный вариант — попали под обстрел, подошли, за руль сел кто-то неумелый и натворил **дерьма**. Или же это намеренная застава.

Детектив озирается вокруг. Надин — упрямо следует шаг в шаг, придерживая рукой ножны с тесаком. Окружающие дома не показывают признаков жизни. Пятиэтажные, они словно вымерли. Окна заперты, но не заколочены.

Воняет ловушкой, только вот возвращаться в сеть переулочков, чтобы обойти препятствие... это трата времени.

Шайль доходит до остова. Кладет ладонь на холодный металл. Через кабину можно пройти на ту сторону. Надо лишь подтянуться.

— Стой здесь, прижмись спиной к тачке, — беловолосая говорит тихо.

Короткий рывок, и Шайль забирается на подножку. Хватается за ручку дверцы. Та открывается беззвучно. Из кабины пахнет кровью, заметны ее потеки. Но ни одного трупа.

Шайль выглядывает из окна на ту сторону. Никого. Осматривает кабину, пытаюсь убедиться в том, что подвоха нет.

— Забирайся, — бросает через плечо.

Переползает через сидения, толкает дверцу. Спрыгивает на землю. Все и правда чисто. Неужели **легко**?

Надин послушно ползет следом, неловко задевая рычаги и чуть ли не соскальзывая по рулю. Ножны глухо бьются то об одну деталь, то о другую.

Шайль слышит шаги до того, как спутница решается начать спуск. Тут же хлопает дверцей, запирая Надин внутри. Револьвер выскакивает из кобуры, заглядывая в лицо вышедшему волколюду.

— Здоров, — кивает мужчина. — Вы кем будете?

На его плече желтая повязка. За спиной показываются еще морды. Злые, уставшие. Но пока не угрожающие.

— А кем надо быть? — уточняет Шайль.

Надин притихла в кабине. Может, даже успела спрятаться. Слух-то у нее такой же.

— Например, кем-то из братства «Свободу волкам», — спокойно сообщает волколюд.

Его бровь приподнимается, когда Шайль фыркает.

— Куда уж мне, девушке-то, — в ваше **братство**? Я сама по себе.

— Мгм, — волколюд бросает взгляд на транспортник за спиной детектива. — А в

кабине кто?

— Моя сестренка.

— Значит, не сама по себе, — подытоживает «свободный». — Складывай оружие, пообщаемся.

— Мы и так можем пообщаться.

Револьвер в руке Шайль качнул дулом. Курок взвелся щелчком. Сколько всего врагов? Пятеро на виду. В барабане семь пуль. Запас есть.

— Можем.

Волколюд тянется к ремню, снимая с него небольшой металлический шарик. Шайль успевает опознать в нем полицейскую гранату «Солнышко». Мгновение спустя — предохранительная кнопка неохотно продавливается под пальцем волколюда.

— У кристалла задержка десять вдохов, — спокойно сообщает «свободный». — Либо опускаешь пушку, либо мы с тобой подорвемся. Может, и сестренку зацепит.

— А не слабо? — шурится Шайль. — Я-то подохнуть не против, сегодня хороший день. Шесть вдохов прошло.

— Согласен.

Семь.

— Чудесно.

Восемь.

— Болтунишка.

Девять.

Блядь-блядь-блядь...

Десять.

Шарик с щелчком выстреливает кнопку в исходное положение. Волколюд устало вздыхает, вешая пугалку на пояс.

— Пропускаем, парни.

Детектив, не отводя револьвера от «парней», другой рукой стучит по дверце транспортника. Надин выбирается на дрожащих ногах.

— Хорошего дня, — прощается «свободный», возвращаясь за угол.

Там у волколюдов скромно обустроенный... лагерь. Если так можно назвать груды ящиков, на которых сидит груда придурков.

— Порядок? — спрашивает Шайль, а раскрасневшаяся от волнения Надин кивает. — Идем.

Проходит примерно несколько десятков шагов, прежде чем спутница наконец-то взрывается:

— **Что** это было?! А если бы мы сдохли?!

— Ты бы выжила, — спокойно отвечает Шайль. — Осколков в гранате нет, только огонь.

— А ты?!

— Слушай, это ребята из «Свободы волкам». Они постоянно сидят на какой-то **дряни** и строят из себя **крутых**. По сути — молокососы. Шанс того, что они решат самоубиться из-за какой-то бабы, почти что нулевой, — Шайль пихает Надин в плечо. — Проблемы будут не с ними, так что не парься. Лучше смотри.

Стоило девушкам подняться по ступенькам на главную дорогу, им открылся прекрасный вид на второй район Освобождения. Только пешеходы могут в полной мере осознать О-2.

Не муравейник — но словно яма с кольями. Дома в восемь, десять, двенадцать этажей тянутся снизу, из громадного котлована. Тот раскинут на обозримые сотни километров вперед. Зрелище захватывает дух. Девушки стоят на обочине дороги, понимая, что перед ними — почти отвесный спуск вниз. Достаточно встать на перила и шагнуть вперед, как начнется **свободное падение**. Может, оно закончится на крыше одного из домов; может, продлится чуть дольше и оборвется встречей с тротуаром. Это неважно. Шайль всегда дрожала, наблюдая эту высоту.

Точно неизвестно, кто первый додумался пустить истощавшее месторождение металлов под застройку. Когда-то здесь трудились десятки тысяч **шахтеров**. Теперь здесь веселятся миллионы.

Вернее, веселились. О-2 ведь вымер. Сверху не особо заметно, только если ты не бывал в этом районе **постоянно**: трудно разглядеть улицы внизу. Лишь местами вверх вился дым. То ли от пожаров, то ли от костров.

— Вау. С фуникулера так не выглядит, — шепчет Надин.

— А то.

Шайль «расслабляет» курок и запихивает «Левиафана» в кобуру. Легким прыжком вскакивает на перила, с удовлетворением слыша испуганный окрик:

— Ты чего удумала?!

— Ха... — детектив не отвечает, раскидывая руки в стороны и обращая лицо к небу.

Шайль стоит, распятая на невидимом кресте. Подошвы кроссовок надежно сцепились с перилами, мышцы напряглись, удерживая баланс. Порывы ветра пытаются бросить Шайль вперед и вниз. Сделать из нее **птицу**. Сердце начинает колотиться быстрее, когда девушка опускает взгляд на О-2.

— Скоро мы будем там, — шепчет Шайль. — Хочу увидеть своими глазами, как сгнил этот район.

— Ты сумасшедшая.

— Не стой, забирайся ко мне. Это надо **почувствовать**.

— Ну уж нет, обойдусь!

Надин обхватывает себя руками и на всякий случай делает пару шагов назад. А Шайль смеется, довольно подставляясь порывам ветра.

Ей хорошо.

Начало дороги в О-2 никто не контролировал. Словно труп змеи, путь тянулся куда-то дальше, ненужный и свободный от жизни. Гигантские грузовые автомобили замерли там, где их застали беспорядки. При взгляде на разграбленные транспортники возникает ощущение, что они стоят уже не первый год. Окутанные серым ночным воздухом, освещаемые лишь фонарями и луной, пылятся ненужные грузовики, пытаясь дождаться чего-то.

— Жутковато... — бормочет Надин.

Вдалеке завыл пес, словно подтверждая: **жутко**. Шайль чувствует, как по коже разрядами скачет чувство опасности. Девушки-песчинки, окруженные пустыней: металлом, бетоном и тишиной.

Шайль поднимает взгляд, пытаясь отыскать тросы фуникулера. Но в небе чисто. Видимо, остановки остались позади. Чтобы попасть в О-2, девушкам нужно спуститься по

кольцевой дороге в котлован. До случившегося дорогой пользовались только грузовики и государственные автомобили. Все пешеходы обычно перемещались фуникулерами.

С тех пор, как солнце тихо щелкнуло, Шайль держит револьвер наготове. Курок взведен, «Левиафан» привычно лежит в руке. Словно старый друг. Словно... **лучший** друг.

Шайль не знает, о чем говорить. Кажется, что слова на этом пути неуместны. Они только потревожат спокойную ночь, навлекут на них неприятности. Стоит скосить взгляд вправо — видны верхние этажи домов О-2. Окна там пусты, темны, безлюдны. Впереди дорога по-прежнему вьется, спускаясь в популярный район Освобождения. Слева — сплошная стена из бетона.

— Я вот подумала! А может, мы угоним один из грузовиков?

Шайль останавливается. Поворачивается к Надин. Недоуменно наклоняет голову к плечу:

— Умеешь водить многотонный кусок железа?

— Нет, но вряд ли это сложно! Да и... нам ведь просто съехать в О-2, — Надин пожимает плечами. — Если мы и дальше продолжим идти пешком, то только время потеряем.

— Гнаться за временем — не лучшая затея, — Шайль бросает взгляд на один из грузовиков. — А пытаться проехать на **шумном** транспорте...

— Ладно, поняла.

Шайль удовлетворяется и продолжает путь. Ставит револьвер на предохранитель и крутит на пальце, подбрасывает, прекрасно зная баланс оружия. Надин **топает** рядом, наблюдая за трюкачеством.

— Ты всегда ходишь с этой громадиной?

— Ты о чем?

— Про пистолет.

— Это револьвер.

— Да, и он большой. Разве удобно?

Пушка, сорвавшись с пальца Шайль, летит в Надин. Та испуганно вдыхает, умудряясь все же поймать «Левиафана». Неуклюже держит револьвер в руках, словно это кусачий щенок.

— Возьми нормально, — подсказывает Шайль. — Как держат оружие.

Девчонка хватается за рукоять, но продолжает держать второй рукой за ствол. Детектив с тяжелым вздохом заходит со спины и показывает, как правильно взять огнестрел. Сжимает Надин за руку и вытягивает ту в сторону, словно готовя к стрельбе.

— Смотри. Смотри в прицел внимательно.

— Смотрю... — шепчет Надин. — А не выстрелит?

— Нет. Просто смотри.

Волколюд послушно глядит. За мушкой виднеется стенка грузового кузова. Почему-то смотреть через целик приятно.

— Все, что ты видишь, по удару курка станет дыркой, — тихо говорит Шайль. — Достаточно всего лишь нажать на спуск, пережить отдачу и грохот. После этого и живое, и мертвое станет **пустотой**, оставшейся после пули.

Револьвер выскользывает из руки Надин, возвращаясь к Шайль. Крутанув пушку на пальце, детектив возвращает «Левиафана» в кобуру.

— Какая разница, сколько весит оружие, если оно работает? — улыбается Шайль,

объясняя простую истину. — Большое, маленькое... главное, что оружие **убивает**.

— То есть, убийство — это хорошо? — скептически спрашивает Надин.

— Ого. А ты считаешь как-то иначе?

— Конечно. Зачем убивать?

— Чтобы **побеждать**, — пожимает плечами Шайль. — Сколько бы цивилизация ни кичилась, в природе каждого существа **инстинкт победы**.

— Это в прошлом. Сейчас законы позволяют **жить**, не убивая.

— А-ага. Конечно.

Надин слышит сарказм и возмущается еще больше:

— Подожди! А где ты видела, чтобы хоть кого-то заставляли убивать?

— Ой, даже не знаю! Где же заставляют убивать? Наверное, на ледниках.

— Не приплетай сюда войну! — Надин начинает терять самообладание. — В городе где заставляют убивать?

Шайль усмехается.

— Почему надо **заставлять**? Всегда есть повод.

— Повод быть **животным**?

— Быть **победителем**. Иногда это самозащита, иногда — необходимость. Но жизнь не состоит только из страницы ежедневника и личных амбиций, — Шайль снова пожимает плечами, ведь недоумения слишком много. — Удивительно, что ты этого еще не поняла.

— Даже в Освобождении убийства...

— Мне плевать.

— Но ты сама говоришь, что...

— Пле-вать, — Шайль перебивает почти с издевкой. — Хоть сто законов напиши, жизнь остается **жизнью**.

— Именно! И в жизни достаточно иметь крышу над головой и еду. Больше ничего.

— Слушай, я вроде не говорила, что надо убивать каждый день. Но подумай сама: что остановит психопата? Что защитит от всплывшего здоровяка? Нудный монолог о цивилизованном Всемирье — или старая добрая пуля в лоб? По-моему, пуля.

— Я думала, что ты **детективша**, а не военная.

— Детектив, **военный**, — одергивает Шайль. — Не выдумывай новые слова, когда есть старые.

— Ты странная.

— Я нормальная. Быть детективом — значит защищать порядок. Его защищают и военные в том числе.

— Нет, военные воюют. Детективы расследуют. Полицейские охраняют и защищают. Это разные роли, — Надин разводит руками. — Или тогда уж **каждый** должен защищать порядок, можно так сказать.

— Ради всех боблинов, прекрати сушить мне голову, — просит Шайль.

Не заводись детектив. Спокойнее. Спроси лучше, сколько ей лет.

— Сколько тебе лет вообще?

— Семнадцать. Это имеет значение?

Видишь, Шайль? Просто молодая пацифистка. Хиппи. Даже одета соответствующе, если не смотреть на ножны с тесаком. Нет нужды горячиться.

— Теперь не имеет, — отмахивается детектив. — Просто заруби себе на носу, что

убийства — такая же часть жизни, как и все остальное. А когда ты говоришь про **детектива**, то говори про него, а не про его половые принадлежности.

— Тебя раздражает, что ты девушка? Чувствуешь, что не дотягиваешь до коллег-мужчин? — Надин впивается в шанс подколоть, как клещ впивается в задницу потерявшего бдительность.

— Откуда ты это взяла? — Шайль чувствует знакомое напряжение.

Такое, которое возникает лишь при разговоре с дотошными существами, решившими во что бы то ни стало добиться своей **правоты**. В любом вопросе.

— Ну а почему ты не готова назваться детектившей?

— Потому что слово звучит просто **отвратительно**, и я достаточно хороший спец, чтобы не заострять внимание на своей вагине, — терпеливо поясняет Шайль. — А теперь предлагаю помолчать каждому о своем.

— Все-таки мне кажется, что ты не очень довольна.

— **Чем?**

Не психуй. Реагируй дипломатичнее.

— Тем, что люди могут судить о тебе предвзято.

— Слушай, — Шайль останавливается и упирается ладонью в грудь Надин. — Предвзятость — это **нормально**. Кто-то не любит меня, потому что я волколуд; кто-то не любит меня, потому что я женщина-детектив. Но это **не мое дело**, понимаешь? Я просто делаю то, что должна, так хорошо, как могу.

— Но разве ты не будешь делать что-то лучше, если вокруг все будут относиться так, как ты того заслуживаешь?

— Последнее, чего я хочу от Всемирья, это чтобы все ко мне относились как к **детективше**. Хватит. Это тупиковая тема.

— А слово «художница» тоже раздражает?

Ради Всемирья, только не художники...

— Нет.

— Почему же? Тоже ведь подчеркивается, что речь о девушке.

— Пусть подчеркивается хоть тремя косыми линиями. Я не художник.

— Ага, значит, ты и тут видишь **несправедливость**?

— Я не смотрю на мазню нищих придурков. Меня вообще не интересует искусство.

— Вообще-то некоторые художники очень богаты и умны.

— И это удивительно, учитывая, что они рискуют своей жизнью только во время пьянок.

Сомнительный довод. Опасности подстерегают художников не только в бутылке. Еще им довольно опасно оставаться в одной комнате с **бритвами** и любыми острыми предметами, могущими выразить страдания чуткой души.

— Неужели только риск заслуживает оплаты? А как же интеллектуальный труд?

— Вау, кто-то умеет думать головой! Я ему обязательно похлопаю, если к концу жизни останусь при руках.

Скорее всего останешься. Не переживай, детектив.

— Ты очень странно видишь жизнь. Как будто все происходящее — война.

— Потому что жизнь — и есть война. Надо быть наготове.

— А чего ты тогда в Освобождении, а не на фронте?

— Зачем мне на фронт? Кто будет защищать задницы местных пацифистов вместо

меня?

Ну что за вопрос? Мамочка, например.

— Разве их надо будет защищать, если все **милитаристы** пойдут на войну?

— Конечно надо будет. Вы ж все равно найдете, кого добесить, чтобы получить по башке. Пацифисты неисправимы.

— Это угроза?

Еще какая.

— Скрытая. Считай, что еще повезло. Другого я бы стукнула сразу.

— Ладно. То есть, ты баба с яйцами, которая считает, что в мире есть только война и нужно бить каждого несогласного. Странное мировоззрение, как для детективши.

Шайль пожимает плечами и закуривает.

— Странно думать о какой-то **херьне** в семнадцать лет. А быть гражданином с активной силовой позицией — не странно.

— А тебе-то сколько? Ну? Лет тридцать, что ли?

— Ха-ха-ха! Нет, всего лишь двадцать один.

— Что должно случиться за четыре года, чтобы девушка начала носить мужскую одежду и считать, что убийства необходимы?

А почему ты думаешь, что в жизни Шайль когда-то было по-другому?

— Ничего не должно случиться. Я просто **волколюд**, — Шайль косится на довольно женственный наряд спутницы. — А ты, судя по всему, изнежившаяся милка, которой никогда не ломали руку просто ради веселья.

— Тебе ломали руку ради веселья?

— Нет. **Это я** ломала.

Надин замолкает, и Шайль с облегчением выдыхает дым. Скоро они спустятся в О-2. Нужно настроиться.

В одном месте на дороге образовался затор: кто-то столкнул грузовики друг с другом, перекрыв проезд. Остался лишь небольшой проход между задней стенкой кузова и высоким отбойником.

Шайль вынимает револьвер, идет первой. «Левиафан» **дружелюбно** смотрит вперед. Стоило девушке высунуться — как ее встретило несколько **стволов**. Небольшой калибр, четырехзарядные винтовки «Шпала» с продольно-скользящим затвором. По сути, это братья той винтовки, которая встречала Шайль у входа к «ВолкоЛЮДАМ». Вот только перед ней сейчас явно не собрание пацифистов.

— Оп-па, какая **красавица** к нам катится, — широко ухмыльнулась девчонка, не отнимая щеки от приклада. — Чё хорошего расскажешь?

Три девки, два парня. Внешность стандартная — черные волосы, клыкастая ухмылка, блестящие глаза. **Сытые**. Одеты вразнобой, но на плечах одинаковые красные ленты.

Шайль как ни в чем не бывало сует револьвер в кобуру.

— Вы еще тут, хорошо, — кивает, оборачивается к проходу. — Эй, долго ждать? Дав-вай сюда!

Свора растерялась. Но не стоявшая впереди всех девка.

— А я тя знаю?.. — спрашивает, отшагивая ближе к остову грузовика.

Небольшой огонек, разведенный прямо так, на дороге, продолжает дрожать в окружении волколудов. Его свет легко теряется в огнях фонарей.

— Конечно не знаешь! — удивляется Шайль. — Я только из О-3.

— И чё?

Надин выбирается из прохода и замирает, глядя на направленное оружие. Две «Шпалы» по-прежнему смотрят на незваных гостей. Владелец третьей винтовки расслабился: дальше чай распивает.

— Короче, — Шайль развязно кладет руки на плечи перепуганной Надин и выводит перед собой. — Вот эта сестрица **очень** просилась куда-то поближе к движу. Она вообще сопливая, хочет заматереть.

— Погодь... — девка мотает головой, чуть опустив «Шпалу». — Я ж г-рила, что нам никто не нужен, мне четверых хватает. Чё за будняк?

«Значит, здесь все, кто есть на посту», — мелькает в голове Шайль.

— Да хрен знает. Сказали идти **сюда**. Мол, на дороге есть классная **чувиха**, которая любого натаскает так, что больше не захочется.

— Ёпт, да нах мне кого «таскать»?

Винтовка окончательно опускается, а девка начинает злиться. Хмурится, взмахивает рукой.

— Здесь чё, ясельки?

— Видимо, — улыбается Шайль, толкая Надин в спину. — Представься, чё стоишь?

Семнадцатилетка слишком напугана даже для ходьбы, из-за чего почти спотыкается; про разговор вообще нечего и думать.

— Я... э-э... — нервно сглатывает, боязненно оглядывая собравшихся у костра.

— Ясно, лядь. **О-ху-и-тель-но**, — обессиленно комментирует девка, упирая ладонь в пояс. — Да как ты вообще родилась, если ссыкуха такая? Назовись! Имя же свое знаешь?

Перепуганная Надин кивает, еще больше робея под смешками волколудов. Открывает рот, собираясь с духом для внятного ответа:

— На...

Звук имени тонет в грохоте. Девка, опустившая «Шпалу», рухнула на землю. Надин завизжала. Почувствовала, как ее шею взяли в захват, на плечо лег локоть, а перед лицом появился здоровенный револьвер, вытянутый вперед. Еще один выстрел, Надин жмурится, заметив перед этим, как чья-то голова, маячившая в мушке, разлетается на куски.

Сидящие у костра не успели отреагировать должным образом. Шайль, схватившая Надин и прижавшая ее к себе на манер живого щита, стреляет. Теперь, когда подопечная не может дернуться под линию огня, каждый вдох вылетает по две пули.

В глазах Шайль ее мишени — всего лишь **отбросы**. Отбросы, которые не успели использовать винтовки и теперь пытаются сбежать от выстрелов. Последнее, что они слышат перед смертью, это взрыв в дуле «Левиафана».

Бам-бам-бам! Смерть, гибель, убийство, **правосудие** — какая разница, как это назвать, если жизнь **преступника** в итоге обрывается? Шайль **судит** без разбора, без жалости. Ее рука тверда, сердце бьется ровно — как и курок, выполняющий роль молотка. Таков **закон**. Если его нарушить — грядет **страшный суд**.

Довольно скоро все стихает. Надин чувствует свободу, но боится открывать глаза. В ушах звенит, все тело дрожит, хочется в туалет. Кажется, что если сдвинется — умрет. Сразу же умрет.

Но легкие пощечины вынуждают встретить **реальность**. Надин открывает глаза. И зажимает рот ладонью, со слезами глядя на побоище. Тут и там — лужи крови, обрамляющие тела. Брызги всюду. Шайль стоит, довольно скалится и помахивает револьвером, остужая ствол.

— Ловко я их? — Слышится через звон. — Сразу пятеро!

«Я же не оглохну?..» — думает Надин, глядя на **проводницу**. Гэни предупреждал, что у этой **полицейской** не все в порядке с головой. Он говорил, что ценности этой... **Шайль** не совпадают с ценностями общины. Скорее, идут прямо вразрез. Но чтобы **настолько**?..

Надин продолжает стоять и молчать, даже когда детектив начинает мародерствовать: кладет винтовки друг к другу, обыскивает карманы... **снимает футболку**?!..

— Что ты делаешь?! — визжит Надин, бросаясь к Шайль, но не решаясь напрямую помешать.

— А?.. — детектив удивлена. — Переодеваюсь.

— Он же **мертв**, — девушка старается не смотреть, но она и так знает.

У парня буквально нет половины головы. И Шайль... раздевает его?..

— А моя футболка драная. Спортивки тоже, — недовольно бурчит детектив. — Ты посмотри: у нас с ним рост одинаковый. На мне смотреться будет **очень круто**.

Надин не знает, что сказать. Как донести до этой **варварши** всю кощунственность того, что произошло и происходит. «Ученая» садится возле костра и смотрит прямо в пламя. Говорят, если долго смотреть, то можно ослепнуть. Надин никогда не хотела стать калеккой, но сегодняшней день тоже никогда раньше не случался.

Впрочем, плевать на чувствительную девушку. Шайль — вот, кто главный герой происходящего. Шайль собой очень довольна. Она легко расстреляла пятерых уродов, добыла себе неплохую винтовку и, что главное, **нашла одежду**. Обычная черная футболка с рисунком белой розы на боку, хорошие спортивки, тоже черные. Не слишком ярко, достаточно удобно. Пусть даже футболка испачкалась в крови, пока Шайль ее снимала, и лепестки окрасились алым — это не имеет большого значения. Лучше грязная, чем **дырявая**. А детектив очень постаралась, чтобы попасть ублюдку прямо в голову. Обычно легче стрелять в грудь: там достаточно много органов, чтобы крупнокалиберный «Левиафан» не оставил шансов пожить.

Пока Надин сидит в прострации, Шайль успевает быстро переодеться и взяться за осмотр винтовок. Все в достаточно хорошем состоянии, так что сойдет любая. Разрядить остальные, скинуть в трофейный рюкзак лишние патроны и можно двигаться дальше.

— Ну, Надин? — нетерпеливо зовет Шайль. — Ты тут ночевать остаешься?

— Я не хочу никуда идти, — бормочет девушка. — Иди сама к мэру. Я вернусь обратно.

— Ага, не забудь до Луны допрыгнуть по пути.

Шайль опускается на корточки и пихает подопечную в плечо.

— Обиделась или что? — недоуменно спрашивает, пытаясь поймать взгляд. — Рассказывай, что не так?

— Ты **издеваешься**? — Надин моментально взвизгивается, словно дым над подожженным порохом. — Ты использовала меня как живой щит! Ты убила пятерых невинных волколюдов! Ты **раздела труп**! Что еще может быть не так?!

— Э-э... «живой щит»? Ты себя-то видела? — Шайль прыскает со смеху. — Ты худющая. Какой из тебя **щит**? Легче уже палкой прикрыться.

— Ага, **спасибо**.

— Если не понимаешь ничего, то объясню, — вздыхает детектив, усаживаясь прямо на землю и укладывая «Шпалу» на бедра. — Я тебя **прижала** к себе. Чтобы ты не побежала куда-то с испугу. Попадешь под пулю или чью-то «добрую» лапу — мне потом проблем же больше.

— Не надо меня **прижимать**, — огрызается Надин. — Я не твоя подружка!

— Ну ладно, больше так не буду. А по поводу невинных — то, что они стволы опустили, еще ничего не значит. Я играла роль, но это роль мыльного пузыря. Лишнее слово — и буль! — Шайль щелкает пальцами. — Я не знаю ни из какой они **банды**, ни что они тут делают. Поэтому, чтобы мы обе выжили, пришлось их перестрелять.

— Ты понимаешь, что мы могли просто **пройти мимо**? — с отчаянием Надин поворачивается к попечительнице.

— Не могли, — Шайль озадаченно чешет затылок. — О-2 загнулся, туда никто просто так не идет. Попадем под подозрение — получим пулю в спину. Так что не распускай сопли, я вообще-то ради нас постаралась.

— Я не хочу, чтобы из-за меня просто так умирали волколюды.

— И не будут. Это — преступники, не сородичи, — Шайль машет рукой в сторону трупов. — Смотри, по пальцам расскажу: во-первых, незаконная организация КПП на проезжей части. Во-вторых, держат оружие в боевой готовности, хотя сами — гражданские лица. В-третьих, угрожают другим гражданским этим самым оружием. Какое бы сейчас время ни переживало Освобождение, это все тянет на неплохой срок в тюрьме. Более того, я почти уверена, что эти ребята занимались грабежом и не только.

— Ты **оправдываешься**.

— Твою-то мать, а ты чего хочешь? — Шайль с возмущением отстраняется. — Мира во всем мире никогда не будет. Либо ищи оправдания происходящему, либо прими его как есть.

— Я не буду мириться со смертями других!

Детектив поднимается, отряхивает зад и перехватывает «Шпалу» поудобнее.

— Тогда поступим так: я тебе сейчас пропишу в висок прикладом, донесу до ближайшей квартиры и запру в туалете. Утром отведу к брату, пусть он с тобой и нянчится. Ладненько?

— Ты этого не сделаешь.

— **Сделаю**. Мне Гэни сказал беречь твою жизнь, а не шкуру. Так что готовь мордашку, я постараюсь ничего на ней не сломать.

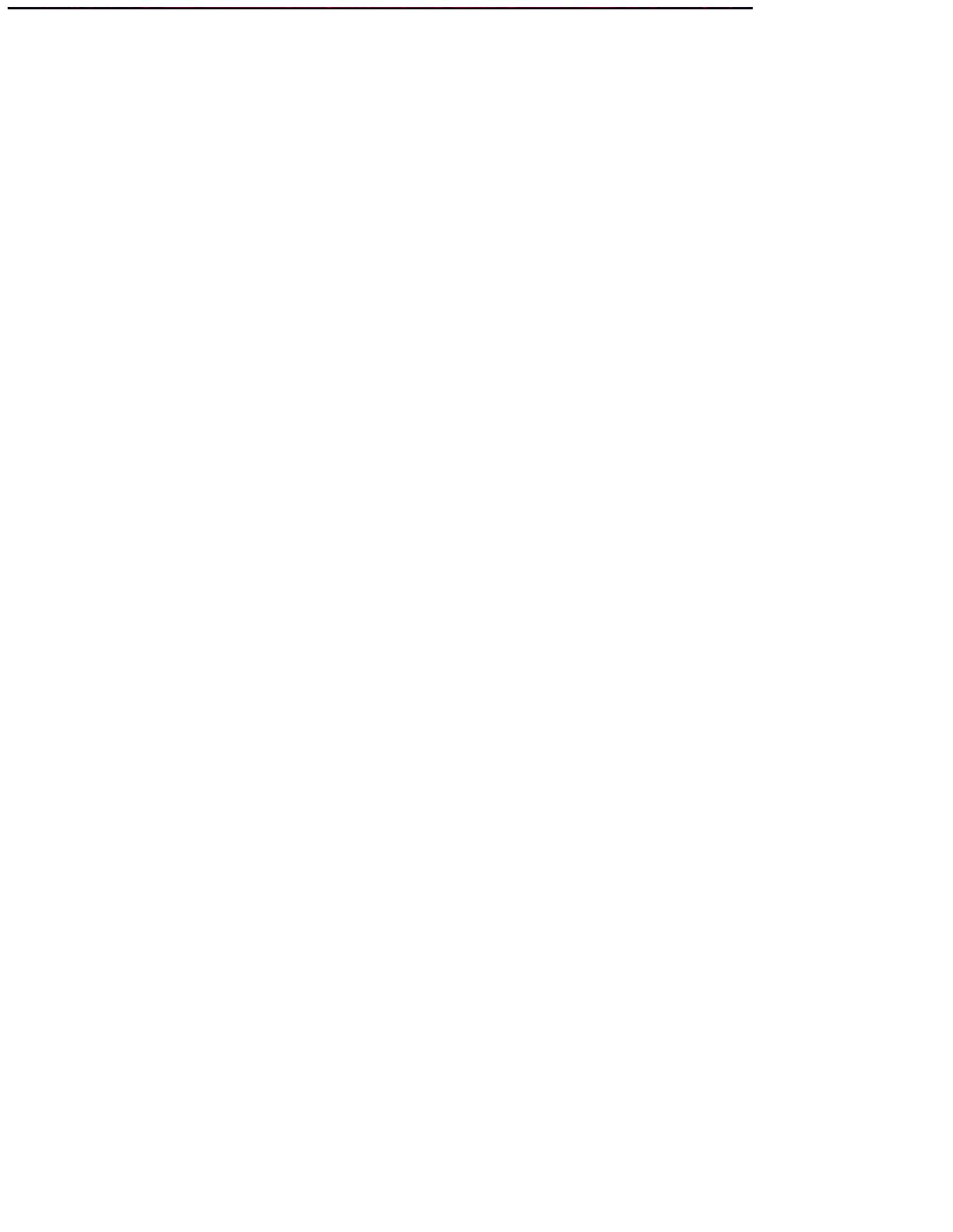
Винтовка заносится для удара, и Надин отчаянно вскидывает руки, выкрикивая:

— Пойду! Сама пойду! Не надо!

— Умница, — улыбка Шайль выглядит совсем не дружелюбной. — Ноги в руки и вперед. Пойдешь впереди, чтобы не «заблудилась».

F.M.

Глава 13: День 6-7

Подошва ярко-красной кроссовки. Это последнее, что увидела дверь перед тем, как с грохотом распахнуться. Шайль дернула плечами. Кажется, она неплохо **наловчилась**.

— Милости прошу! — драматично кланяется, пропуская Надин.

Дверь закрыта за собой, в квартире чисто. Пусто. **Стерильно**. Шайль это нравится. Спутница первым делом ищет кровать, а детектив — умывальник. Воде потребовалось некоторое время, чтобы нагреться, но скоро из крана потекло приятное тепло.

Шайль утерла мокрое лицо чужим полотенцем и поняла вдруг, что это довольно милое местечко. Судя по всему, здесь жил парень. Одинокий. Или мужчина, сказать сложно: дорогие туфли в коридоре странно сочетаются с плакатом рок-группы на двери в ванную.

— Кофе будешь?! — Шайль приходится кричать, потому что Надин закрылась в спальне. — Или чай?!

— Отвали!!!

Шайль кивает, замирает на кухне. Ищет выключатель, чтобы озарить сию обитель.

— А, вечно забываю, — вздыхает детектив и хлопает в ладони.

Это ведь **зажиточная** квартира. Здесь кристаллы реагируют на характерный звук. Свет загорается. Не красный, как дома, а вполне себе солнечный. Шайль плотнее задергивает занавески. Скорее чтобы спрятать город от себя, нежели наоборот.

Вода закипает быстро. Горячий кофе струится в чашку, на которой написано: «Добрый день!»

— Добрая ночь, — отзывается Шайль, пока бродит в поисках балкона.

Логично, выход на него только из спальни. Закрытой спальни.

— Открой, красавица, рыцарь пришел!

Из-за двери доносится лишь тишина.

— Открой, иначе выбью!

Щеколда щелкнула, Шайль шаркнула.

— Не запирайся от меня, я должна знать, что ты не вскрываешь себе вены где-то в углу.

— Просто заткнись, — огрызается расстроенная Надин, падая на узкую кровать.

— Ты там сильно не разлеживайся, я тоже на кровати спать буду.

— Спи на полу.

— Сейчас **ты** на полу окажешься, — бурчит Шайль, дергая дверь на балкон.

Прохладный ночной воздух остужает. Дарит чувство **настоящего**. Это не глюк, Шайль действительно стоит с чашкой кофе, но не перед небом — а перед городом.

О-2. Прекрасный сукин сын. Сейчас его пуповину перегрызли вместе с жизнью, и район превратился в болото. Никто не въезжает, никто не выезжает. Ночью это заметить сложно, поэтому Шайль просто наслаждается кофе, который чуть дороже того, что она пьет обычно.

Сигарета. Конечно же сигарета, куда же без нее? Детективу нужно держать мозги в мягких никотиновых лапках. Иначе настроению каюк, сколько бы прекрасных пейзажей ни увидела и теплых чашек кофе ни выпила Шайль.

— Хватит киснуть, подыши свежим воздухом! — кричит девушка в квартиру. — Давай, топай сюда, сопелька.

— Я не сопелька, — обиженно отзываются.

К удивлению Шайль, Надин все же выходит на балкон, тоскливо кутаясь в одеяльце.

Куртку девчонка посеяла где-то на полу.

— На, глотни. Только не до дна.

Теплая чашка переходит в ладошки Надин. Во имя всех боблинов, почему она такая худая?..

Шайль курит, наблюдая за городом. Дома — в разы выше тех, что в О-3. Окон сотни. Улицы шире. Воздух чище. Влажный, потому что О-2 в низине. Но все еще лучше. Гораздо лучше.

— Мне всегда нравился этот район, — делится Шайль. — Я всегда хотела тут жить.

— Почему не переехала?

— Потому что агентство выдало квартиру в О-3. На самой окраине. Каждое утро я смотрю в небо и пытаюсь понять: какого ёрка меня отправили так далеко?

— Наверное, потому что ты **противная**.

— Нет. Потому что детективы нищие. И ничего лучше для них не найдется. Все милые квартирки расхватили более **значимые** персоны.

Шайль отбирает чашку и кидает в нее окурок.

— Там еще есть... — с запозданием предупреждает Надин.

— Я знаю. Мне так вкуснее.

Следующая сигарета. Надин словно не замечает запаха. И Шайль игриво выпускает струю дыма в лицо девчонки. Та только поморщилась и помахала ладошкой. Это рассмешило детектива.

— Что такое?.. Ты издеваешься?

— Почему я только сейчас узнаю, что ты не волколюд? — спокойно спрашивает Шайль. — Это важно вообще-то.

— Я волколюд. Клыки видела? — Надин растягивает уголки губ в глупой улыбке, чтобы показать зубки.

— Кроме этого в тебе от волка ничего нет, — замечает Шайль. — Хотя клычки милые.

— Почему ты думаешь, что нет?

Надин тактично проигнорировала комплимент. Может, говори детектив без улыбки, это не звучало бы как издевательство.

— Ты не куришь, но на дым не ругаешься. И травишь себя дешевой туалетной водой, чувствую этот **запахок**... Еще ты пацифистка. Слабачка. Трусиха. И такая маленькая, что я тебя одной рукой могу прижать к себе, а ты никак не вырвешься.

— Я не настолько слабая...

Девчонка тут же оказывается в захвате. Чувствует сильное тело Шайль, к которому приходится прижиматься. **Вжиматься**. Чувствует крепкую женскую руку, обхватившую худую грудь. Надин толкается локтями, но слышит только смех. Шайль продолжает курить, словно не замечает тумаков.

— Слаба-ачка, — тянет беловолосая, все так же прижимая Надин.

— Отпусти! — тихонько рычит девчонка.

— Да не брыкайся, вспотеешь.

Рука соскальзывает с Надин так внезапно, что та чувствует удивление. И... **одиночество?**

— Рассказывай, — Шайль опирается на перила, поднимая взгляд к луне. — Что у тебя за род?

— Обычный у меня род. Отец волколюд, сильный такой, здоровенный... большой, —

бормочет Надин. — Военный.

— Военный, — кивает Шайль. — И поэтому он не в Освобождении. Он на ледниках?

— Угу.

Девчонка и сама не сказала бы, почему отвечает. Кажется, слишком устала, чтобы держать все в себе. **Снова.** Скорее из-за этого, потому что Шайль не вызывает особой симпатии. Или... вызывает?

— А мать у тебя обычная женщина, которая залетела от **крутого** волколюда. Его арестовали за какую-то дрянь и предложили пойти на войну. Он согласился, потому что это лучше, чем мотать срок.

— Ну... почти так.

— Классика, — Шайль щелкает пальцами. — Почти все преступники, которые выживают после встречи со мной, выбирают войну. Может, твоего отца тоже я засадила?

— Нет. Он не совершал преступлений. Просто... **обратился.**

— А это не преступление?

— Не знаю. Не думаю.

— Ну ладно, — Шайль пожимает плечами, бросает окурок в чашку и делает последний глоток кофе. — Где мать?

— Умерла от болезни. Давно.

— Старший брат — человек?

— Угу...

— Ты уж прости, что мы в эту ночь не пошли к нему, — Шайль извиняющимся хлопком метит девчонке по плечу. — Я не особо хочу таскать **сопельку** по ночному О-2. Гэни говорил, что тут опасно.

— Какая разница, что он сказал? — бормочет Надин, пытаюсь говорить тихо, но детектив отчетливо слышит каждое слово.

— Разница в том, что это **информация.** И ей надо пользоваться. Днем глянем на твоего... м-м... брата.

«Мертвого»? Ты **хотела** сказать это слово, да, Шайль? С каких это пор ты стала настолько тактичной в общении? Вряд ли хоть один человек в О-2 выжил. Это тоже **информация.**

— Да, тогда днем, — вздыхает Надин. — Можно мы пойдём в дом? Мне не по себе от этого вида.

Шайль бросает последний взгляд на пейзаж ночного района. Если присмотреться, то ни в одном окне не горит свет. Это и правда немного пугающее зрелище, учитывая, что сейчас едва за первую долю ночи.

Дверь балкона с щелчком запирается. Шайль отставляет кружку на стол, небрежно подхватывает с него ручку. Дорогая. Заправляемая. **Понты.** Но удобные. Скорее всего, хозяин этой квартиры тоже мертв. Тут слишком много ценностей: памятных и просто безделушек. Люди не любят оставлять такое... Хотя, может, парень решил сбежать, когда начались беспорядки. Тоже вариант.

Надин падает на кровать и затихает, подвинувшись к стенке. Шайль садится рядом, но не ложится. Только трясет подопечную за плечо.

— Вставай, рано спать.

— Почему?..

— Клыки иди чистить. Хоть ты **безмордая**, хоть какая, но за зубами следить надо. Нам

стоматологи обходятся дорого.

— А ты пойдешь?

— **Херьня** вопрос.

Шайль поднимается, чувствуя, как ноют мышцы спины и ног. Многовато сегодня приключений. Стоит поспать как следует, чтобы утром быть в готовности. Но клыки и правда важно чистить.

— Три дела... одновременно три дела... продуктивная ася... — скрипит боблин Кузнецов, выводя дорогой ручкой слова.

— Даже не буду спрашивать, почему вы называете себя «асей», — апатично бормочет человек Мэйсер, пожевывая спичку.

Кто-то еще использует спички?

— Я добьюсь премии. Я добьюсь ее! — вскрикивает боблин, эксцентрично взмахивая ручкой с ручкой.

— Вряд ли ненормальная нагрузка этому поспособствует, но ладно, — человек достает изо рта спичку, меняя ее на сигарету.

Сера вспыхивает, превращаясь в крохотный огонек. Шайль слышит, как трещит прикуриваемый табак. Мэйсер выпускает облачко дыма.

— Ничего, друг, все будет, вы молодец, — следователь похлопывает напарника по плечу и наклоняется над блокнотом, истязаемым Кузнецовым. — А вот здесь запятую пропустили.

— Дайте дописать!..

— Пишите, пишите.

Э т о г л ю к ? Что происходит? Шайль не может пошевелиться. Чувствует Надин, прижавшуюся слишком тесно, закинувшую руку на живот детектива. Девчонка сопит, провалившись в глубокий сон.

Реальность?

— Вы кто такие? — Шайль вытягивает слова с трудом, прогоняя засуху во рту.

Мэйсер бросает взгляд через плечо. Салютует. Миг — оба исчезли. Шайль моргает, пытаясь отыскать чудачков. Но в комнате больше никого нет.

— Фу-уф... — вздыхая, детектив прикрывает сонные глаза.

Нужно еще немного поспать. За окном солнца вроде нет.

Стоп.

За окном и не будет солнца: оно в другой стороне висит. Шайль не просто так проснулась. Ее никто не будил. Значит, сейчас где-то между первой долей дня и второй. Придется подняться.

Детектив понимает все это. И, с трудом переборов тяжесть век, поднимается. Удивленно выдыхает. Все тело **болит**. Девушка бросает взгляд на рюкзак. В нем — патроны и для дробовика, и для «Шпалы». На нем же лежит все оружие. Рядом кобура с «Левиафаном». Таскать этот вес почти целый день, плюс напряжение и стрельба... и раны не до конца перестали беспокоить.

— Надо что-то делать, — Шайль отчаянно трет лицо ладонью, пытаясь проснуться.

Видимо, поможет только душ. Значит, надо в него.

Стоит только представить, чем занимается детектив в ванной, как внутри что-то отзывается пониманием.

Во-первых, Шайль наспех подкоротила отросшие пряди. С ножницами девушка кое-как умеет обращаться, и пусть результат далек от совершенства, но так тоже неплохо. Важно выглядеть привлекательно, даже когда весь мир летит в тартарары.

Во-вторых, Шайль обрушила на свои плечи **сотни** литров горячей воды. Она шипела, шумела, капала, брызгала, стекала и скользила по мышцам детектива, оставляя за собой приятное жжение. Когда девушка закончила, ей казалось, что кто-то содрал кожу, оставив только размягчившиеся волокна на костях и чувство легкости.

В-третьих, Шайль долго смотрела на себя в зеркало. Касалась еще мокрых волос, поправляла их, взъерошивала и укладывала заново. Устало терла глаза. Кривлялась, пытаюсь себя позабавить. Получалось **неособо**.

— Ты красотка! — Шайль, «стрельнув» из «пистолета» в свое отражение, подмигнула и отвернулась.

Футболка поначалу принимала душ вместе с детективом, так что все следы крови уже смыты. Ткань еще мокрая, но это девушку не заботило. **Она не боится мокрой одежды**. Наоборот, ей так даже комфортнее. Чувство... уюта от надежно прилипшей, словно вторая кожа, ткани. Может, поэтому Шайль любила дожди, хотя в Освобождении они **кислые**.

В чужом доме в чужой чайник сыпался чужой кофе. И все равно привычно. Детектив вдруг подумала, что могла бы остаться в этой квартире. Вряд ли кто-то стал бы возражать... первое время. С недавних пор в городе **таинственно** исчезла подавляющая часть населения.

Шайль распахивает занавески, улыбается зданию напротив. Прислушивается к сонным шагам из спальни.

— Добрый день... — зевает Надин, потирая щеку.

Детектив оборачивается всем телом. Смотрит на заспанную мордашку, на взъерошенные после сна волосы. Надин выглядит по-домашнему. Одета только в просторные рыжие штаны из тонкой ткани и коротенькую розовую футболку, на которой крупная надпись: «ПОКОЙ». На ступнях фиолетовые носки, достаточно новые, чтобы выглядеть на все сто.

— Добрый, — кивает Шайль, засовывая руки в карманы штанов.

В одном из них легко нащупывается тонкий бумажник. Детектив даже знает, что там тридцать пять рублей небольшими купюрами. Но это **секрет**.

Надин резко просыпается, застыв перед Шайль. Нетрудно понять, что взгляд девушки направлен на торчащие через мокрую футболку соски. Но детектив делает вид, что не замечает этого.

— Кофе на двоих. Ты тоже пьешь, — Шайль щелкает ручкой плиты, выключая нагрев.

— Я не пью горячее, — морщится Надин, пытаюсь прогнать из головы **возбуждающую** картину.

— Тогда иди в душ, кофе пока остынет. Я буду на балконе.

— Не простуди... — девчонка запинается посреди слова, осознав ошибку, но все же с нажимом договаривает, — ... **шься?**

Шайль снисходительно кивает.

— Обязательно простужусь. Однажды. Иди в душ. Пока еще все **пропарено**.

Надин тяжело вздыхает и плетется в ванную.

— И про **зубы** не забудь! — вдогонку кричит Шайль, разливая кофе по кружкам.

На второй, которую детектив достала, надписи нет. Зато там нарисована сова. Очень сонная. Хозяин квартиры менял чашки в зависимости от времени суток? **Психопат.**

Балкон встречает Шайль прохладным воздухом. Солнце и правда недавно начало светить: еще не все прогрето. Детектив торопливо закуривает сигарету. Прищурившись, внимательно рассматривает улицы внизу.

Шайль сейчас в квартире на пятом этаже. Не высоко, не низко. Но разглядеть что-то интересное не выходит. Детектив еще вчера поняла, что ее беспокоит одна странная деталь: пока что в О-2 они не увидели ни одного покойника. Может, конечно, полицейские и врачи все оперативно убрали, вот только сомнительно. Им бы не хватило времени. Более того, **волколудов** тоже не видно. Район словно вымер.

Шайль вчера зачистила импровизированный КПП на дороге. Там было пятеро, трое вооружены винтовками, двое — тесаками. Смысл сторожить проход в О-2, если тут пусто? Более того, почему именно на дороге, где нет ни места для ночлега, ни удобств вроде туалета и кухни?

Если поразмыслить, ответ очевиден. В О-2 опасно, настолько, что пятеро волколудов не захотели в нем обустраиваться. Или не смогли. Эта опасность отпугнула и полицейских, которые явно не собирались разбираться с каждым мертвым телом на улице.

Но **что** за опасность? Шайль не слышала ничего ночью. Сейчас день — вновь ничего не слышно.

Поэтому детективу остается только наблюдать. Ни одного трупа, нигде никакого движения, отсутствие какого-либо признака жизни. Словно они с Надин единственные в О-2, кто хочет выпить спросонок кружку кофе...

Так кружка или чашка? Справедливости ради, это очень разные понятия. Чашка по объему меньше, кружка — больше. Тогда почему эти два слова словно заменяют друг друга? Ответ прост: **всем насрать.**

Поэтому Шайль отпивает из **чашки**. Тут же опускает **кружку** на перила, затягивается сигаретой и выдыхает.

Надин приближается со спины. Кладет руку на плечо.

— Все в порядке?

— Ага. На улицах никого.

— О-2 ведь вымер.

— Не полностью. Кто-то разобрался с **телами**.

Надин взглядом, полным наивного недоумения, смотрит на Шайль, пока отпивает остывший кофе. Успевает перехватить окурочек, почти упавший в чашку. Детектив с возмущением приподнимает бровь.

— Не надо портить кофе, — объясняет девчонка, швыряя окурочек куда-то вдаль, на улицу.

— «Портить»?.. — Шайль косится на содержимое чашки, словно оно способно вмиг испортиться.

— Да. Мне не нравится смотреть, как ты лишаешь себя вкусного кофе, — Надин пристраивает локти на перилах и устремляет взгляд куда-то вдаль. — Ты достойна лучшего. Попей без окурочков и пепла.

Шайль пожимает плечами и закуривает еще одну. Надин теперь выглядит еще более по-

домашнему: волосы замотаны в полотенце. То полотенце, которым пользовалась детектив.
— Я им задницу после душа вытирала, — подкальывает Шайль, кивая на тюрбан Надин.
— Без разницы, — непрошибаемо пожимает плечами девчонка. — Что с телами?
Объясняй.
— В О-3 везде можно увидеть трупы. Но тут на улицах их нет — хотя посмотри, сколько квартир!

Шайль обводит городской пейзаж рукой с зажатой между пальцев сигаретой.

— На улицах должна быть целая куча тел. Но их нет, — продолжает детектив, делая затяжку.

— Значит, их сожрали.

То ли Надин внутри сломалась, то ли сон восстановил силы, нужные для невозмутимости. Но больше нет той девчонки, которая тонула в истерике после расстрела волколюдов. Теперь есть **спокойная** Надин.

— Сожрали, — кивает Шайль. — Целиком. Кости, внутренности, волосы, одежду. **Все**. Ничего не смущает?

— Волколюды так не питаются, — подопечная понимает и говорит то, что думает.

Детективу это нравится.

— Только если это не **свихнувшиеся** волколюды, — намекает Шайль.

— Препарат все-таки начал работать?

— Возможно. Нужно быть готовыми к этому. Гэни говорил про... «успешный результат».

Девушкам не хочется думать о том, что прямо сейчас, теоретически, в О-2 бегают десятков-другой **хищников**. Которые когда-то были людьми. А теперь — ни зверь, ни человек... но груда костей и плоти, жаждущая **еды**.

— Если что, я не умею стрелять, — бормочет Надин.

Шайль кивает и швыряет второй окурок с балкона. Допивает кофе.

— Будем собираться. Чем быстрее дойдем до твоего брата, тем лучше.

— Ты все еще хочешь к нему?..

— **Я пообещала**.

Надин улыбается, но Шайль этого не видит — она уже стоит над своей **тяжелой** поклажей.

Одинокий голубь сидит на перекладине для сушки белья.

Спасаться. Любой ценой.

Голубь задумчиво ходит из стороны в сторону, покачивая головой.

Только не тупик...

Птица замирает, заметив своим большим глупым глазом что-то странное.

Нужно назад, пока еще есть время.

Ярко-красные кроссовки привлекают внимание голубя.

Слишком много мусора... хоть бы не споткнуться.

Пернатый наблюдает за отчаянно бегущей девушкой.

Пожалуйста, Надин, быстрее!

За ней еще одна, и голубь решает взлететь: ему **насрать** на происходящее в городе.

Шайль запрокидывает голову, услышав странные хлопки над головой. Всего лишь птица. Нога запинается о незаметную ямку. Детектива тянет вниз, бросает кубарем катиться по земле и мусору. Куртка защищает от ушибов, но не спасает время.

Придется.

Шайль даже не поднимается, только переворачивается на спину, стягивая лямку дробовика.

— Мордой в стену! — рывкает, предупреждая Надин.

Но та и сама понимает, что сейчас на линии огня. Шайль раздвигает ноги, направляя дуло прямо между ними — туда, откуда приходилось бежать.

Из-за поворота выносятся тощая, мохнатая фигура. Рычит, тяфкает на ходу, сверкая безумными глазами. За ней еще одна, еще... и еще...

Шайль не считает цели. Она знает, что в дробовике семь выстрелов. В «Левиафане» два. А винтовка лежит неподалеку на земле, там четыре... но ими сложнее попасть наверняка.

Грохот. Щелчок передергиваемого цевья. Вылетевшая гильза почти беззвучно падает на землю. **Грохот.**

Первого преследователя бросает назад. Бегущие за ним перепрыгивают собрата, продолжая сокращать дистанцию. Шайль стреляет настолько быстро, насколько получается, а получается не очень — все-таки непривычно. Крючок продавливается, цевье отходит назад и тут же прыгает вперед. Звук выстрела бьет по ушам, перекрикивая остальные звуки. Надин вжимается в стену и продолжает торопливо идти. Как только оказывается рядом с Шайль — замирает. **Бится.**

— Сука! — беззвучно ругается детектив, откладывая дробовик.

Их точно еще двое. Звери. Уроды. Мутанты. Какое бы слово использовать?..

Револьвер — напоследок. Шайль хватается за «Шпалу». Упирает приклад в плечо, корчится на земле, пытаясь навести мушку на цель.

«Это конец», — шепчет в голове.

Выстрел точно слышен. Шайль торопливо передергивает затвор. Стреляет, не успев как следует прицелиться. С удивлением замечает, как пуля перебивает тонкую лапу. Но этого **мало**. Твари плевать, она пытается бежать дальше.

Тень закрывает от Шайль солнце. Девушка успела только выставить ствол «Шпалы», словно копьё перед конем, — **создание** бросается сверху, напарываясь грудью на препятствие.

Бам!

Клыки и вонь. Детектив задыхается. Кулаком бьет в морду, ногой — отталкивает подальше. Мелькнул тесак Надин. **Бесполезно?..**

Передернуть затвор. Выстрелить. Шайль торопливо отползает назад. Есть еще одна мишень, но ее лапа перебита, она не такая быстрая. Скорее **медленная**. А вот дружки за ней — достаточно шустрые. Шустрее Шайль, если бы та решила перезарядиться.

— Бежим, — хрипло выдыхает детектив, подрываясь с земли и хватая дробовик.

Надин впереди. Шайль это утешает. На ходу она только и делает, что оборачивается.

Может ли двуногий соревноваться с четырехлапым? Пока их спасает только теснота переулка, в котором твари мешают друг другу. Но впереди залитая солнцем дорога, там много места. Их быстро настигнут...

— В кабину! — рывкает Шайль, выбежав из кишки прохода.

Детектив сразу заметила транспортник. Полицейский. Толстая обшивка, узкие окна по

бокам и одно большое лобовое, но защищенное сеткой. За открытой дверью труп, застрявший в паутине крепкого ремня безопасности. Ему оттяпали только голову, но это не важно...

Надин рыбкой ныряет внутрь, не брезгуя ни кровью, ни запахом, ни мертвецом. Шайль — следом. С хлопком закрывает дверь. Не успевает перевести дух, как транспортник уже вздрагивает от сильного удара телом.

Дрожащая рука лезет в рюкзак, заряжает в дробовик патрон за патроном. **Единственный** выход. Взгляд успевает лишь мельком замечать все новых тварей — они все это время бежали по следам, на запах, на шум выстрелов...

— Шайль!.. — вскрикивает Надин.

Детективу даже не нужно вглядываться. По улице со стороны носа автомобиля несется **еще одна** толпа. Нет времени ругаться, нет времени думать... Только молиться луне и стрелять.

— Заряжай винтовку! — рычит Шайль, упирая подошву кроссовка в бедро трупа и пристраиваясь для стрельбы. — И пали по ним! Ради всего, просто делай что-то!

— Хорошо! — почти со слезами кивает Надин.

Больше девушки не смогут поговорить — дальше только вой глоток и грохот выстрелов.

Дробовик огрызается. Злобно. **Презрительно**. Твари осаждают транспортник, пытаются пробить когтями и зубами его металлическую обшивку. Девушкам очень повезло, что полицейский сдох именно здесь, в своем автомобиле.

Шайль стреляет прямо через узкое окно... нет, **бойницу**. Гильзы скачут по кабине, прыгают на пол, мелькая ярким пластиком. Детектив чувствует, как плечо болит, голову раскалывает шум. Шайль вытягивает ствол разряженного дробовика из широкой щели, отпихивает Надин от рюкзака и достает жменю патронов. Некоторые сыпятся на пол, но большая часть остается в ладони.

Детектив заряжает, еще несколько пихает себе в рот. Из него доставать будет удобнее. Клыки впиваются в пластик и металл, в нос бьет ароматный коктейль — старая и свежая кровь, смешанная с горелым порохом. Сердце готово порваться под ударами адреналина. Шайль и сама не знает, что с ней, но смеется, чувствуя, как во рту становится все больше слюны.

Транспортник всю трясется, скрежещет. Куда ни глянь — повсюду тела. Мертвые, живые... Твари рычат, но не могут добраться до жертв. Отлично, потому что Шайль не собирается **отдаваться**.

Надин, кажется, тоже стреляет. Гораздо медленнее, но стреляет. Шайль сильно не всматривается, главное, что дробовик еще есть чем заряжать.

Обслюнявленные патроны лезут в патронник. И все ради того, чтобы стать гильзами и вылететь после движения цевья.

Бам, бам! Боль в плече? Глухота, смешанная со звоном? Ноздри щипает? **Да плевать!**

Шайль хохочет. Рот свободен — и детектив скалится, изрыгая никому не слышный смех. Она, кажется, понимает происходящее.

Становится все больше трупов. А эти твари **голодны**. Шайль их понимает. Она тоже хочет впиться в чье-то **тело**. Запустить клыки, почувствовать на языке соленую **кровь**.

Последний выстрел из дробовика. Детектив отшвыривает от себя опустевшее оружие и бросается на Надин. Девчонка вскрикнула — но не успела сделать что-либо еще.

Шайль **обвивает** ее руками, **утягивает** на заднее сидение, **прижимает** к груди и

прикладывает палец к губам. Покачивает на себе, прижимаясь щекой к взъерошенным волосам. Устало прикрывает глаза. Звон в ушах не позволит разговаривать. Но Надин и сама замечает, что автомобиль уже не трясется. Детектив, не отпуская свою жертву, достает сигарету, прикуривает. Выдыхает дым и прислоняет фильтр к губам Надин. Девчонка пробует сделать затяжку, сотрясается кашлем, отводит руку Шайль. И та, пожав плечами, продолжает неторопливо курить.

Прошло порядочно времени, прежде чем уши девушек стали различать звуки. Первое, что услышала Надин, это короткую фразу:

— **Все будет хорошо.**

Сразу стало... спокойнее. Девушки лежали в обнимку до тех пор, пока снаружи не затихли звуки. А может, чуть дольше...

Они обе устали. Перепачканные кровью и пылью, замерли перед подъездом, словно испуганные мыши.

— Здесь, да? — тихо спрашивает Шайль.

Надин только кивает. Детектив поднимает взгляд, через прищур глядя на солнце. Скорее всего, последняя доля. Скоро этот плоский мир погрузится во мрак, разгоняемый лишь фонарями да луной.

Шайль бросает недокуренную сигарету на землю, топчет ее кроссовкой. Перехватывает дробовик двумя руками. Кивает на закрытую дверь подъезда. Надин торопливо вводит код. С натугой тянет ручку на себя. Шайль измученной походкой забредает внутрь, приподнимая ствол дробовика. Впрочем, вряд ли тут есть хоть что-то интересное. Кроме запаха.

Кровь. Много крови.

— Второй этаж, — шепчет Надин. — Первая квартира.

Шайль кивает, поднимаясь по ступенькам. Зев дула наводится на «мертвеца» — остались только ноги. То, что это именно ноги, легко понять по заляпанным туфлям и остаткам штанин.

— Не он... — девчонка произносит без малейшего облегчения. — Не его обувь.

Нужно выше. Запах усиливается. Шайль переступает чью-то руку. Вернее, разгрызенную кость руки. Только кисть сохранила плоть и ногти. Надин заставляет себя взглянуть на конечность, но качает головой. Руку родного человека не трудно было бы узнать. Еще чуть выше.

В полумраке легко различить дверь первой квартиры — она распахнута, дерево разодрано в щепки. Ее выдрали наружу. Шайль прижимается к стене, оглядывая подъезд. Следы крови, но тела нет.

— У него было оружие? — тихо спрашивает детектив.

— Пистолет отца.

— Гражданский? — уточняет Шайль.

— **Нелегальный...**

Девушка кивает и заходит в квартиру. Тело зверя лежит в коридоре. Голова порвана в клочья. Неплохой калибр.

Переступая тощий труп, Шайль игнорирует мух и заглядывает в первую же комнату.

— У твоего брата большие яйца, — бормочет детектив, бросая короткий взгляд на еще

один **звериный** труп.

— Он хорошо стреляет... — сдавленный голос Надин почти жалок.

Шайль пытается восстановить картину произошедшего. Дверь в подъезд закрыта — люди **обратились** в своих домах? Начали охоту на еще живых? Что ж, хозяин этой квартиры дал уродам по зубам.

— Почему ты жила не с ним? — Шайль заглядывает в другую комнату, но там только следы борьбы.

Стол перевернут, за ним ничего. Один из стульев разломлен на куски.

— Не хотела быть **обузой**, — признается Надин, следуя за детективом.

Девчонке не хочется первой увидеть случившееся. Но, кажется, она о чем-то догадывается.

Шайль доходит до последней двери. Та тоже распахнута внутрь, как и остальные. Но на ней — следы когтей. А внутри неясный силуэт тел. В полумраке плохо видно.

— Можешь включить свет? — просит Шайль, цепляясь за дробовик обеими руками.

Надин хлопает в ладони. Кристаллы загораются и в коридоре за спинами, и в комнате. Шайль вздыхает, опуская дробовик. Разве могло быть **иначе**?

Тело хищника лежит на теле человека. У обоих смертельные раны, давно переставшие кровоточить. Парень все еще сжимает рукоять ножа, воткнутую под череп **зверю**. А клыки того впились в глотку юноши, очень похожего на Надин.

— Спокойно, — просит Шайль, свободной рукой обнимая девчонку и заставляя ее уткнуться в плечо. — Он **крутой**, просто не повезло. Никому не везет **все время**.

Надин не плачет, не шевелится. Это плохо. Шайль выводит ее в единственную **чистую** комнату. Торопливо поднимает уцелевший стул и усаживает девчонку. Опускается на корточки перед ней, заглядывая в глаза.

Пустые.

Детектив вздыхает. **Никому** не везет во всем. И сейчас не повезло Шайль. Но придется с этим разбираться, прямо сейчас.

Дробовик глухим ударом опускается на пол. Рюкзак соскальзывает с плеча, из него с грохотом вываливается «Шпала». Шайль не опасается шума. Он сейчас — одна из соломинок, которые помогут утопающему.

Девушка берет Надин за руки.

— Не надо молчать, — осторожно просит. — Выскажись.

Но девчонка молчит. Не моргает. Ни единый мускул не двигается. Только пальцы **слабо** дрожат.

Шайль хочется назвать это состояние «панической атакой». Но девушка не психолог. Она не имеет ни малейшего понятия, как помочь прямо **сейчас**.

— Эй... я рядом, — тихо напоминает Шайль, протягивая руку к щеке Надин.

Кончики пальцев касаются мягкой кожи.

— Ты ведь не помрешь сейчас?.. Хотя... **конечно же** не помрешь. Я тебе помогу. Все будет в порядке. Ладно? Скажи хоть что-то. Пожалуйста.

«Получится ли дойти до О-1?» — повторяется в голове, но Шайль **не хочет** думать. Она смотрит на Надин, пытаясь найти хоть какую-то подсказку. Их нет. Как понять ту, чье лицо ничего не выражает? И при этом Шайль понимает. Капельку. Она никогда не теряла по-настоящему близких людей, но отдаленно представляет, каково это.

Сейчас Надин выглядит... красивой? Словно скульптура. Замершая, не сопротивляющаяся...

— Ну же, — Шайль опускает лоб на колено этой красивой статуи, пытаясь подобрать слова. — Мне жаль, что так все случилось...

Произведение искусства безмолвно принимает каждое слово, не оценивая его и не мешая говорить. И Шайль говорит. Говорит долго. Сначала о том, как жаль, потом о том, что виновные **заплатят**. Обязательно заплатят.

Детектив говорит, понимая, что значение слов вообще не имеет значения. Их не слышат. Понемногу монолог утекает куда-то в сторону, отделяется от **реальности** и становится бессвязным бредом уставшей Шайль.

— ... я в детстве была совсем другой. Влезала в каждую драку, занималась паркурком. Это ведь **круто**, понимаешь? Я всегда хотела быть крутой, но это не особо-то получается. Иногда кажется, что чем больше стараешься, тем больше теряешь. Странно как-то.

Шайль вдруг чувствует прикосновение к затылку. Пальцы влезают в жесткие пряди, сжимают их, впиваются ногтями в кожу. Девушка поднимает взгляд — и встречает взгляд Надин.

— Ты в порядке? — девушка подбирается, отрывая затекшее колено от пола. — Ты жива, Надин?

— Помнишь мое имя, да? — тухло улыбается девчонка, и ее пальцы движутся от виска к шее.

Шайль подставляется этому прикосновению. Странному и нежному.

— Конечно помню, я за тебя башкой отвечаю.

— Ну да, — Надин наклоняется, и лбы девушек соприкасаются. — Отвечай и дальше. Я полагаюсь на тебя.

Шайль чувствует тяжелое дыхание подопечной. Чувствует **голод** и **боль** в ее теле. Но понимает все правильно. Поднимается, скидывая с себя нежность.

— Посиди немного тут. Я... разберусь хотя бы с телом.

— Мы можем все сжечь? — спрашивает Надин. — Поджечь квартиру?

Детектив замирает на пороге, задумавшись. Кивает.

— Это возможно. Ты хочешь?

— Да. Спалим все **нахер**. И пойдём дальше.

— Тогда поднимайся. В одиночку я такое делать не стану.

Надин бодро вскакивает со стула, бьет его ногой напоследок, отбрасывая к стене. Сплювывает и хватается Шайль за руку, выходя следом.

Горящие квартиры редко можно увидеть. В Освобождении почти никто не пользуется открытым огнем. Кроме... курильщиков.

Шайль стоит, любясь языками пламени. Они чернят стекла квартиры на втором этаже, трещат деревом, лижут бетон. Тело брата — это огненный бутон, распустившийся в цветок пожара.

Надин рядом. Держит детектива за руку, глядя туда же. Пусть даже обе девушки сейчас легкая добыча, они все равно чувствуют тягу к наблюдению. Свообразные похороны, за которыми нужно присмотреть.

— Ты не помнишь меня, да? — вопрос со стороны Надин заставляет Шайль покачать головой. — Почти неделю назад.

— И что было неделю назад? — детектив вряд ли вспомнит кого-то, кто не связан с работой.

— Ты **запрыгнула** на мой балкон, — напоминает Надин. — Попросила сигарету, отпила чай. И упрыгала дальше. Даже не спросила имя.

Шайль хмурится. Переводит взгляд на девчонку. Наклоняет голову к плечу, разглядывая лицо и вспоминая тот случай.

— Я опаздывала на работу, — припоминает Шайль.

— Ха-ха-ха! После этого думаешь, что не **крутая**? Да кто ж на работу так бежит?

— Видимо, я.

Шайль смущена. Почему-то. Тогда, на балконе, она даже не смотрела на девчонку, у которой стрельнула курево. Помнит только вкус ромашкового чая и нелепость сигареты-«пустышки».

— Значит, ты все-таки **куришь**?

— Да. Но не такие крепкие, как у тебя, — Надин вдруг прижимается к Шайль, обняв ее так крепко, как получилось. — Ты мне тогда очень понравилась... да и сейчас...

Девушка вспоминает про Гириома. Можно ли сказать, что они пара? О великие ёрки, о чем Шайль думает?..

— Ты тоже ничего такая, **малышка**, — бормочет Шайль, поглаживая Надин по каштановым волосам. — Но нам надо сосредоточиться на деле.

— Угу!

Девчонка отстраняется и в последний раз бросает взгляд на квартиру.

— Прощай, Жан. В следующей жизни ты обязательно сделаешь все, что не успел в этой...

— Твой брат француз?

— Наполовину. **Его отец** француз, — кивает Надин. — Жан Яснословный. Брата назвали в честь него.

Шайль пробрало. Она вспомнила странного проповедника, который подошел к ней в фуникулере. «Подумайте, что есть Небо? Может, в размышлениях вы встретите Бога». Как сейчас помнит. Поэтому трясет головой:

— Пойдем. Пока ночь, мы должны успеть пройти... хотя бы большую часть.

Не стоит рассказывать о том случае. И вообще думать о нем. Достаточно порадоваться, что **Надин** не француженка.

Глава 14: День 7

Ночь скрыла все, что не попадало под свет фонарей. Дождь спрятал остальное. Сделал окружение размытым, несущественным, **несуществующим**. Но Шайль знает, что Надин плачет.

Они идут по тротуару, по которому уже никто не ходит. Они пересекают улицу за улицей. Поднимаются по ступенькам и спускаются. Им никто не мешает: единственные жители О-2 спят, сгрудившись в кучи. Шайль уверена в этом.

А вот в чем она не уверена — так это в том, что Надин в порядке. Каждый раз, когда детектив бросает взгляд на лицо попугачицы, замечает одно и то же выражение.

И теперь снова. **Безучастность**. Дождь очень помогает отстраниться от происходящего. Постоянно колотящие по плечам и голове холодные капли. Куртки не спасают в такой долгой прогулке.

Шайль думает, что ей стоит сказать что-то. Но слова смывает дождь. Сил осталось мало. Только на оцепенелое вышагивание вперед, к цели. Среди многоэтажек, замерших в прошлом.

Надин то и дело утирает лицо рукавом. Она сейчас похожа на маленькую девочку, с которой себя не ассоциировала добрую пригоршню лет. И теперь Надин посетило знакомое чувство растерянности. Как в день, когда умерла мама.

Выходит, что теперь эта маленькая девочка окончательно осиротела. Брат был последним, кто действительно заботился о Надин. А теперь — только дождь и неизвестность.

Шайль останавливается так резко, что подопечная влетает носом в спину. Отступает, удивленно глядя на замершего детектива.

— Что-то не так?.. — спрашивает, даже не пытаясь перекрыть голосом звук дождя.

Шайль не отвечает. Она хватается за руку и тянет куда-то в сторону. Девчонка торопливо вышагивает следом, не пытаясь сопротивляться.

Дверь местного магазинчика сладостей становится единственным препятствием. Ростом с Шайль, лишь едва шире детектива, дверь выглядит достаточно **самоуверенно**. До тех пор, пока не получает удар в замок. Самоуверенность срывается жалобным треском. Шайль бьет еще несколько раз, пока дверь не ослабевает. И тогда — удар плечом с короткого разгона. Детектив влетает внутрь, победив единственное препятствие.

— Заходи! — рычит Шайль.

Надин кажется, что она чем-то разозлила проводника, и потому заходит неуверенно, обхватывая дрожащее от холода тело руками. С удивлением смотрит на то, как Шайль включает свет в магазинчике. Заходит за стойку.

Волосы, обычно белые, от влаги потемнели. Стали серебристыми. По сосредоточенному лицу стекают капли. По куртке тоже. Шайль раздраженно выкладывает на стойку весь товар, покоящийся на стеллажах.

— **Короче**, печенье, конфеты... кексы не советую, затвердели уже, — перечисляет детектив. — Вот эта **херня** вкусная. Но много не ешь.

— Мы же... волколуды, — бормочет Надин, глядя на растущую кучу сладостей.

— Пф! Подруга, добро пожаловать в мир **сахара**. Нам от него крышу сносит. Сильно не налегай, но пару пачек чего-нибудь умять можно.

Шайль запрыгивает на стойку, воссев рядом с горой вкусняшек. Невозмутимо распаковывает сверток с лакричными палочками.

— Ты разбираешься в сладостях людей? — Надин с удивлением подходит, нерешительно хватаясь за упаковку мятного драже.

— Я гуру сладостей, — хвастается Шайль. — В детстве постоянно отбирала у мальчишек все, что им мамочки давали с собой.

Детектив самодовольно смеется, отгрызает сразу половину палочки и жует, продолжая рассказывать:

— Видела бы ты лица этих сопляков. «Ты же **волколюд!**» Пф-ф! Придурки, ха-ха...

Надин осторожно кладет на язык драже. Спустя миг — морщится и выплевывает.

— Это **странно**.

— Начни с чего-нибудь полегче, — подсказывает Шайль и достает еще одну лакричную палочку. — На. Жуй. Пробуй.

На вкус и правда оказалось неплохо. А стоило съесть целиком — Надин охватило странное **чувство**.

— Еще вот это.

В руки пихают уже другое. Надин не знает, как это называется, поэтому просто кладет в рот шипучку. Зря. Шайль хохочет, глядя на то, как лицо подруги искажает **ужас**.

— Я пошутила, не дуйся. Шипучки **херня**.

Но Надин не обижается. Наоборот, улыбается. Ей весело. Правда, весело! Она торопливо пробует все подряд, и чем больше ест, тем больше понимает: сладости — это **круто**.

Шайль все продолжает говорить, рассказывать что-то, и Надин слушает. О чужом детстве, о ссорах с опекуном-бромпиром, о желаниях. Надин усаживается на стойку рядом, шуршит свертками, жует и только кивает.

— Все, больше тебе нельзя, — улыбка Шайль выходит извиняющейся. — Иначе погано будет.

Уверенным движением руки смахивает на пол все, что осталось нераскрытым или недоеденным. Двигается ближе к Надин, приобнимая ее за плечи. Смотрит куда-то в сторону, покусывая губы.

Они обе чувствуют себя гораздо бодрее. Невольно подергивают ногами, выплескивая внезапно прилившую энергию. Разговор затих — а дождь на улице набрал обороты.

— Странно, что мне никто не рассказывал про сладости, — воодушевленно размышляет Надин. — Я даже не думала, что это так **вкусно!**

— На ценники глянь.

Девчонка оборачивается и хмурится. Охает. Это не только вкусно, но еще и **дорого**.

— Сахар нас убивает. Как и лекарства. Но иногда, когда совсем тяжело, можно позволить себе немного **дури**, — Шайль крепче стискивает Надин. — Поняла?

Конечно же поняла. Надин не отвечает, только пристраивает голову на плече Шайль. Прикрывает глаза, довольно улыбаясь. Грусть никуда не делась, просто стала... неощутимой? Удивительное состояние. Тело словно заставляет радоваться несмотря ни на что. Хотя и повод для радости тоже есть: Надин хорошо рядом с Шайль. Грубоватой, не слишком общительной, но **крутой**.

— Прости меня, **детектив**, — тихий голос Надин оставляет дыхание на шее Шайль. —

Я была не права.

— Не права в чем?

— Во всем, наверное. Абсолютно во всем...

Последние слова тают на сладковатых губах Шайль. Девушки замирают в поцелуе. Робко касаются лиц друг друга. Теряют дыхание. Теряют весь окружающий мир. Есть только шум дождя и этот бесконечный миг, растянутый на множество несделанных вдохов...

Кажется, что объяснять больше нечего. Достаточно лишь взглянуть правде в глаза, откинув страх. Их обеих зовет голос, идущий извне. Его не услышать, он звучит лишь в сердцах. Шайль и Надин — две героини без истории. Две девушки без семьи. Два одиноких сердца, застрявших на стыке миров. Не зверь, не человек — а что-то совершенно иное. Может быть, новое и уникальное. А может, старое как сам Мир. Темноволосая Надин, хрупкий зверенок в объятиях сильной беловолосой Шайль. Они наконец-то **соприкоснулись**. И пусть не навсегда — между ними появилась тонкая ниточка связи. Понимания. Эмпатии?..

— Теперь, надеюсь, не забудешь, — шепчет Надин, глядя в зеленые глаза Шайль.

— Да не забывала я тебя, пф-ф.

Детектив чувствует себя неловко. Спрыгивает на пол, разминает плечи. Подхватывает оружие.

— Пойдем, красавица, — Шайль кивает головой на распахнутую дверь. — Надо разобраться со всем дерьмом вокруг.

Надин торопливо спрыгивает следом, поправляя ножны с тесаком. **Их ждет Освобождение.**

О-1. Гребаный урод, спрятавшийся за высоченной стеной. С нее светят прожекторы, направленные в лицо измотанным девушкам.

— **Стоять!** — гремит голос.

Шайль щурится от яркого света, но замечает несколько пулеметных гнезд. По дороге вокруг разбросаны **трупы**. Разорванные в клочья твари. Волколюды правда собираются штурмовать этот проход?

— Спокойно, спокойно! — кричит Шайль, оставляя дробовик болтаться на шее. Ее открытые ладони поднимаются в примиряющем жесте. — Нам надо пройти!

Надин стоит за спиной подруги, спасаясь от света и чужих взглядов.

— Мы никого не пускаем.

Громкоговоритель искажает голос человека, но Шайль все равно различает смешок.

— У меня важная информация! Луны ради, хватит мне в глаза светить!

Прожекторы ненамного смещаются, теперь освещая пространство вокруг девушек.

— Вы одни?

— Да, нас только двое!

Детектив не уверена, надо ли кричать. Дождь прекратился, но насколько ее хорошо слышно с высоты стены?

— Что за информация?

— Адресована лично мэру! Я должна с ним встретиться!

— Мэр **никого** не принимает. Военное положение. Разворачивайтесь.

Шайль морщится.

— Давайте лично поболтаем?! Я задолбалась тут стоять!

— Скажи им, что в О-2 полно **тварей**, — шепчет Надин.

— Они **знают**, — так же тихо бросает через плечо детектив.

Голос молчит. Шайль нетерпеливо притоптывает на месте. Раздраженно скрипит клыками. Только открывает рот, чтобы попросить еще раз, как ворота раскрываются. Ненамного. Если, конечно, этот **стремный** скрежет раздается от ворот.

— Шайль! — знакомый голос доносится из темноты. — Иди сюда!

Детектив тяжело вздыхает.

— Кто это? Вы знакомы? — волнуется Надин.

— Это Бобби, мой коллега. Полный придурок. Идем.

За ворота девушек не пускают. Останавливают перед ними. Спасибо хоть, что свет притащили — небольшой кристалл в руках бромпира позволяет различить фигуры стоящих перед Шайль и Надин.

— Привет! Ты что, в О-3 осталась? — сходу спрашивает овцеед, даже не глядя на спутницу детектива.

— Да, осталась. А что еще делать?

— Подала бы заявку на перевод в О-1, как я сделал, когда жареным начало вонять, — поясняет бромпир и тут же получает тычок в плечо от солдата справа. — Кхм. Короче, мы не пускаем никого за ворота. Район изолирован.

— Но вы стоите тут, — скептически подмечает Шайль.

— Нам ненадолго! Мы выйдем уже завтра ночью, — объясняет Надин.

Бобби пожимает плечами:

— Мы стоим тут, потому что я тебя узнал, а ты попросила личного разговора. Говори, что там за дело к мэру.

Шайль бросает взгляд за спину — прожекторы скользят лучами по дороге. Если ответить неубедительно, придется вернуться в О-2. И что там? Да что угодно. **Херьня**, не вариант.

— Технически, я имею полное право пройти в О-1, — начинает Шайль, глядя на троицу перед собой.

Бронежилеты и закрытые шлемы, скрывающие лица. Только Бобби свой держит под мышкой, задрав маску на лоб, как будто это шапка. **Вежливо**. Шайль продолжает:

— Я детектив.

— Расформированный. То есть, уволенный, — подсказывает Бобби.

— Все еще детектив, который работал над делом, связанным с происходящим в городе, — Шайль невозмутима. — И ты это знаешь, Бобби. Ты мне помогал.

— Разве это как-то связано?.. — теряется бромпир.

— **Напрямую**. Я обладаю важной информацией о происходящем в О-3. И о том, что будет происходить с городом в будущем.

Надин молчит, не перебивает. Бобби задумывается. Солдат справа подает голос:

— Покажи удостоверение детектива.

— У меня **выходной**, так что я его с собой не таскаю. Но меня зовут Шайль, я работала на агентство «Заря».

— Оно не связано с официальными правоохранительными структурами, — сухо напоминает солдат.

— Связано, наше агентство находилось в полицейском участке, нам выдавали те же полномочия, что и полиции района.

— Фактически, ты не представитель правоохранительных органов, — солдат продолжает стоять на своем. — Ты **детектив**. Твоя информация не обладает весом, пока нет подтверждения в виде отчета, заверенного подписями **полицейских**.

— С кем я разговариваю? — Шайль не скрывает раздражения. — Сними намордник или покажи какой-то документ. А иначе **ты сам** сейчас вес потеряешь.

— Типичная **собака**, — отзывается третий солдат. — Почему мы тратим время?

Бобби между ними как заблудившийся студент. Думает, не решаясь вставить слово поперек.

— Послушайте! — Надин выходит из-за спины Шайль.

По-прежнему выглядит робко, но голос звучит уверенно.

— Мы волколюды. А жители города превращаются в жутких **тварей**, которые похожи на волколюдов.

— Еще одна причина вас пристрелить, — хмыкает голос из-под третьего шлема.

— Ага, давайте, — улыбается Надин. — Только вы тогда не получите очень важную информацию. Вы хоть понимаете, **что** грядет?

— «Конец света»? — скептически спрашивает второй солдат, подражая когда-то оравшим на улицах безумцам.

— Нет. Конец Освобождения. И про это надо слушать не вам, мальчикам с громкими игрушками, а мэру, который вас перемещает по доске в своем кабинете. Понимаете? — интонация Надин на последнем слове приобретает заботливую нотку.

— Да, она права, — вздыхает Бобби.

— Помалкивай, **зубастый**, — солдат грубовато толкает бромпира в плечо. — Мэр знает обо всем, что важно знать. Где подтверждения ваших слов?

— Какие подтверждения? — усталый голос Шайль никак не вяжется с ее блестящими злобой глазами. — Ты дрочишь мозги и тратишь время. Сейчас **история** идет, мать ее. А ты стоишь гребаной точкой, которую кто-то поставил не там.

— Что ты несешь?..

— Без понятия, — усмехается Шайль. — Я знаю только то, что вы сейчас мешаете двум волколюдам прийти на переговоры с мэром, чтобы уберечь весь город.

— Она говорит правду! — Надин бросается на подмогу чуть раньше, чем солдаты успевают взять слово. — Мы не просто так пришли. Может, доложите мэру о том, что с ним хотят поговорить? Вы не тех полномочий, чтобы решать за него.

— Зато мы тех полномочий, чтобы отпиздить вас.

— **Попробуй, урод**, — Шайль щерится, напрягаясь. — Я разmozжу тебе башку и дойду до мэра по трупам, раз уж ты такой тугодум.

— Спокойно, — просит Бобби, вставая между всемо. — Ребят, если мы пропустим парочку **девушек**, ничего не случится. Вы что, думаете, они взорвут О-1? Убьют мэра? Пусть попробуют добиться встречи с ним. Обломаются, пойдут обратно, мы им вслед платочками помашем и посмеемся. Давайте не ковыряться тут долго, ночь скоро кончится. А это **простодевки**.

Возможно, сексизм в словах бромпира помог солдатам расслышать голос разума. А может, к концу ночи все действительно устали стоять на посту, и сил на большее не

осталось. Солдат справа тяжело вздохнул.

— Оружие сдаем. Подтверждаем регистрацию. Малейшая проблема — пристрелим вас.

— Хвала ёркскому дрыну... — вздыхает Шайль.

Надин вдруг поняла, что О-2 ненадолго останется позади. За воротами их ждет **цивилизация**. Люди. Жизнь. Все то, по чему девчонка успела соскучиться.

Они заходят за солдатами, и скрип позади позволяет расслабиться. Ненадолго. Девушки попадают в просторную комнату, вделанную в районной стене.

— Имя и код, — спрашивают у детектива, протягивая планшет.

— Шайль. Восемь-три-пять-один-семь.

Кристалл, к которому девушка приложила большой палец, засверкал, подтверждая информацию.

— Проходи и сдавай оружие, — солдат поворачивается к Надин. — Имя и код.

— Надин. Пять... — Это отцовский код, доставшийся «по наследству» благодаря иронии судьбы. — Восемь-один-девять-семь.

Яркое мерцание.

— Проходи и сдавай оружие.

Надин толкают в плечо, заставляя приблизиться к зарешеченному окну.

— Оружие.

Шайль уже стоит в стороне, нетерпеливо притоптывая ярко-красной кроссовкой. Девчонка неуклюже отвязывает ножны с тесаком. Передает через самое большое отверстие в решетке. Солдат обнажает клинок, вертит оружие в руках.

— Где серийный номер?

— Это...

Надин хочет сказать, что это самодельный клинок, но вовремя одергивает себя.

— На улице подобрала, — лягнула первое, что пришло в голову.

— Ясно, — глухо отзывается шлем-намордник солдата. — Больше его не увидишь, в следующий раз за такую игрушку в тюрьму попадешь. Я предупредил.

Солдат швыряет ножны с тесаком куда-то за спину, даже не удосужившись сделать это аккуратно. Надин с недоумением смотрит на Шайль, а та только плечами пожимает.

— Проходим, не задерживаемся, — торопит Бобби. — Тут вам не остановка.

— Да заткнись ты, **зубастик**, — весело одергивает кто-то из солдат. — Сами выйдут. Пиздуй на пост.

Бромпир поджимает губы, раскатывает маску, скрывая лицо, и напяливает шлем. Отсалютовав напоследок Шайль, скрывается на лестнице.

Надин чувствует себя мерзко. Вокруг грубияны, вооруженные кто чем — но оружие выглядит серьезно. Девчонка торопится вслед за Шайль.

— Привыкай. У **законников** всегда так, — утешает детектив, похлопывая по плечу.

Надин хватает девушку за руку и кивает.

— Даже не подумаю привыкать. Это отвратительно. Хорошо, что **ты** не такая.

Они выходят через дверь, оказываясь на окраине О-1. Дома здесь совсем иные. Одноэтажные, двухэтажные, пышные и роскошные. Крупнее всех только административные здания. Одно из них возвышается впереди — длинный шпиль уходит в небо.

— Говорят, что если мэр залезет на са-амую вершину, — шепчет Шайль, показывая пальцем на ратушу. — И приставит свой хер к кончику...

— То что?..

— То тогда его писька станет хоть немного похожей на нормальную.

— Не поняла, — качает головой Надин.

— Тц. Шутка в том, что у него настолько маленький, что даже эта длиннющая хрень не сильно поможет.

— А как вяжутся здание и член?

— Ладно, забей. Это идиотская шутка, которую поймет только придурок, — улыбается Шайль.

— Ты не при... дурак!.. Ай!

Надин не успевает спокойно закончить фразу, потому что детектив схватила за локоть и потянула к домам. К свету фонарей. К ночной жизни, которую происходящее в Освобождении не смогло остановить.

У Шайль ведь все еще есть куча рублей в кошельке. И их **надо** потратить. Начать стоит с номера в отеле.

Отеле «Премиум».

— Номер на двоих, дамы? — спрашивает администратор, бросая взгляд поверх линз.

«Близорукий», — пролетает в голове Шайль. Автоматически.

— Да. Номер «стандарт», не «эконом».

Надин чувствует себя некомфортно, старается стоять на месте, чтобы не перепачкать дорожный ковер, постеленный в огромном холле отеля. Здесь все отделано в красно-золотых тонах, пышет роскошью и дороговизной. Надин чувствует, что им здесь не место и им здесь не рады.

— У нес нет «эконома», — почти оскорбленно отвечает администратор. — Десять рублей за ночь в двухместном номере «стандарт». У вас есть деньги?

Вопрос более чем бестактный. Но Шайль понимающе кивает, доставая из кармана кошелек. Выкладывает меньше трети того достояния, которое прежде никогда за раз не оказывалось в руках детектива. Спасибо предприимчивому волколюду-мародеру.

— **Merveilleux!** — администратор принимает деньги и кладет вместо них на стойку бланк. — Заполните, пожалуйста, указав имя, код... и оставьте подпись. Если ее нет, напишите просто «Я согласна».

Шайль улыбается вежливо и чуточку натянуто:

— Вы слишком снисходительны. В деньгах нет никакого «чуда», а у меня есть **подпись**.

— Прощу прощения, — лицо администратора совершенно нейтрально.

Старик-бромпир, опекавший Шайль, всегда наставлял: «Даже если ты не в высшем свете, ты обязана знать его правила». По убеждению зануды Кузо, нет никакой гордости в том, чтобы обитать среди отбросов. Поэтому в день, когда Шайль собиралась покинуть опекунский дом и отправиться в Освобождение, ей дали пять рублей и сказали: «Сделай себе подпись. Обязательно сделай, иначе прокляну. А ты знаешь, я **умею**».

Поэтому сейчас детектив готова почти ко всему. Кроме одного.

— Разве это не бланк **людей**? — уточняет девушка, пробежавшись взглядом по документу. — Я слышала, что в отеле «Премиум» для волколюдов **особые** условия.

— Кхм. Моя оплошность, смена слишком затянулась, и я допускаю досадные ошибки. Исправлю.

Тонкие пальцы администратора утягивают бланк, меняя его на другой. Шайль пробегает взглядом по словам, кивает, тянется за ручкой. Надин стоит за спиной девушки, ловит на себе взгляд какого-то **зажиточного** мужчины и тонет в румянце стыда.

Обе девушки... не сказать, что вписываются в портрет **обычного** постояльца отеля. Пятна крови на одежде и примятые дождем прически. А ведь жесткие волосы-колючки волколюдов и без этого сложно уложить во что-то приличное... Хорошо хоть, что непогода смыла пыль с лиц. Плохо, что не смогла смыть усталость и следы потрясений. Девушки — **бродяги**, вряд ли «Премиум» рад таким гостям.

Шайль заполняет бланк. Напротив пункта «конина» ставит аккуратную точку, ровно посреди небольшого квадрата. Это их ужин, идущий в счет аренды. О-1 всегда старается делать вид, что волколюдам готовы оказывать **радушный** прием. Как-никак, самый культурный район...

На строчке с подписью появляется каллиграфически красивое «Shaile». Хвостик последней буквы загибается серпом вокруг имени.

— De rien, monsieur, — самодовольно произносит Шайль, протягивая заполненный документ.

Перевод: «Не за что, господин».

— Parlez-vous français? — администратор приподнимает брови в легком удивлении.

«Вы говорите по-французски?»

— Non, je parle russe.

«Нет, я говорю по-русски», — Шайль принимает протянутый ключ.

— Где номер?

— Третий этаж, налево после лестницы, по правую руку от вас.

— Au revoir, — салютует детектив. — Allons-y Nadine.

«До свидания. Идем, Надин».

Несмотря на то, что Шайль знает французский не так хорошо, как ее опекун, — Кузо, — произношение вполне неплохое. Надин улавливает жест Шайль и торопится следом, чтобы поскорее скрыться от неуютных взглядов людей. Администратор лишь качает головой, провожая взглядом странную парочку.

— Надо выпить, с меня хватит, — вздыхает мужчина, опускаясь на мягкий табурет. — С каких это пор **собаки** знают французский?..

Администратор изучает подпись, пытаясь ее вспомнить. Вдруг в отель пожаловала одна из немногих волколюдских знаменитостей, а он почти что **нахамил**? Несмотря на забвение, настигшее все страны, французский считается языком интеллигентов, и его должна знать каждая уважающая себя **публичная личность**. И тем не менее, подпись незнакомая. Хоть убей. Значит, над мужчиной просто поиздевались. **Уличнаяпсина** решила вбить себе в голову парочку стандартных фраз, чтобы насмеяться над приличным обществом. Другого объяснения нет.

Администратор окидывает взглядом холл и достает из-под стола бутылку виски. Легким движением плещет янтарную крепость в стакан и быстро выпивает. Осталось недолго, последняя доля ночи. Потом наконец-то отдых.

Дверь номера закрывается щелчком. Надин падает на широкую двуспальную кровать,

зарываясь носом в пышную подушку. Шайль неторопливо снимает со своих уставших плеч куртку.

— Они как будто в другом мире живут, — хнычет Надин, и звучит это глухо из-за тканевой преграды.

— А как иначе? Стена высокая, солдаты бдят, — детектив вешает куртку на стойку для одежды. — Ты расстроена?

— Конечно же **да**, — вспыхивает девчонка. — Умерли люди, город сходит с ума, а здесь все тихо и спокойно!

— Это нарушает твоё **идеальное** представление мира? — Шайль опускается на мягкую кровать и кладет ладонь на плечо Надин. — Не расстраивайся. Не стоит того.

— Я просто не ожидала, вот и все. Думала, в О-1 понимают серьезность ситуации.

— Понимают. Людей на улицах мало, в холле почти никого...

— Сейчас ночь.

— Даже ночью кто-то бодрствует. Это лучшее время, чтобы **помечтать**.

Шайль тянет за воротник куртки Надин, помогая ее снять. Небрежным движением закидывает на стойку для одежды. Зеваает.

— Зачем мы вообще здесь остановились? — девчонка перекатывается на бок и подпирает голову ладонью. — Это ведь самый дорогой отель в Освобождении.

— Ты не рада? Когда еще удастся почувствовать себя **принцессами**? — скалитесь Шайль, заваливаясь на подушку рядом с Надин. — Нам в любом случае надо отдохнуть. Мои ноги не выдержат еще несколько долей активности.

— То же самое. Я про-о-осто умираю. Даже с кровати не поднимусь.

— Даже ради душа **со мной**? — ухмылка детектива более чем провокативна.

— Поверь, даже ради этого. Сил нет.

— Скоро принесут мясо.

— «Мясо»?..

— Ну да. Ты думаешь, я нас голодными оставлю?

— Без талона?..

— Это О-1, малышка. Тут все **цивилизованы**, едят когда хотят. Если деньги есть. А еще тут целая куча охраны.

— Я никого не видела.

— А зачем их видеть? Нам достаточно громыхнуть достаточно громко, чтобы сюда сбежалась кучка здоровяков с транквилизаторами наготове, — Шайль потягивается, похрустывая суставами, и повторяет. — Это О-1...

Девушки замолкают, прислушиваясь к редкому тиканью настенных часов. Оно размеренное, но между щелчками механизма проходит некоторое время. Стрелка медленно ползет к концу ночи.

Уют. Тишина. Покой. Номер просторный, все в тех же красно-золотых тонах. На прикроватной тумбочке стоит дорогая пепельница. Если ее украсть и продать, получится отбить четверть стоимости номера. Вот только вряд ли кто-то решится обворовать отель «Премиум». Легче сразу пристрелиться. Об этом сообщает документ, подписанный Шайль. Не прямо, но намеком: «Я обязуюсь нести ответственность за вещи в моем номере и в отеле в целом. Я обязуюсь оставить комнату в том виде, в котором она была до моего въезда. Я обязуюсь отвечать перед лицом администрации отеля и закона в целом в случае нарушения перечисленных выше пунктов». И еще десяток «обязательств», «обещаний», «клятв» и

прочей бюрократической херни.

Шайль тянется к пепельнице. Ее легко спутать с обычной статуэткой — изящная девушка, облаченная в тунику, держит над головой чан. Работа из металла. Тяжелого, дорогого.

— Красиво, — задумчиво оценивает Надин.

— Бесполезно, — пожимает плечами Шайль, пристраивая статуэтку на кровати возле живота.

Пачка сигарет издает приглушенный бумажный щелчок, зажигалка — звонкий металлический. Детектив затягивается, выдыхая дым в потолок. Первая щепотка пепла падает в чан после тихого постукивания.

— Откуда ты знаешь французский?

— Меня учили ему все детство. Ну, когда умудрялись поймать дома. Я была непоседой.

— Волколюда учили французскому?..

— Ну да. Тоже удивляюсь. Но бромпир был серьезно настроен сделать из меня **приличную даму**. Почти получилось даже. Если бы не военная подготовка, которая заменила манеры дисциплиной.

— Честно говоря, не особо ты похожа на дисциплинированного солдата.

Надин подползает к Шайль, утыкается лбом в плечо девушки.

— А на кого похожа? — спрашивает детектив. — В прошлый раз ты сказала, что я... как там? «Баба с яйцами»?

— О нет, не напоминай...

Надин краснеет и прячет лицо в одеяле. Шайль смеется и меняет тему:

— Ладно, лучше скажи, почему Гэни выбрал **тебя**.

— В смысле?.. Кем выбрал?

— Разведчиком. Шпионом. Гонцом. Даже не знаю, какое слово подобрать.

— А, ты об этом. Он не выбирал. Я сама вызвалась, — Надин переворачивается на спину. — Я ведь в его общине давно. Много общалась с разными волколюдами. Когда прошел слух о препарате, который **пробуждает зверя**, я стала вынюхивать.

— Серьезно? Нос не сломали?

— Нет. А за что? **Безмордая**, которая пытается стать **полноценной**. Такое вызывает только жалость, но не злость.

— Возможно...

— Понемногу я заходила все дальше. Стало ясно, что это не слухи. Я сообщила Гэни, а он подергал за ниточки. После этого сказал ехать в О-2, на встречу с... **информатором**.

— Угу. И кто тебя сопровождал?

— Никто. Тогда еще было безопасно. Я просто пришла в назначенное место. Был конец дня, в ресторане почти никого. Меня встретил мужичок с телохранителем-волколюдом.

— Ого. А это интересно. Как они выглядели?

— Информатор сухощавый. Безумный немного, руками постоянно дергает. Очень странный. Легко запоминается. Имя не назвал, носит затемненные очки и шляпу-котелок. А волколюды обычные. Вообще не выделяются.

— Вы общались без имен?

— Мы не общались. Мне просто дали папку и сказали передать ее Гэни. Все. Я сразу ушла.

— И теперь этот информатор в О-1?

— По мнению Гэни, да.

— Время, место?

— Мне нужно проверить адрес квартиры. Скорее всего, там живет тот человек...

Шайль втыкает окурочек в чан пепельницы. Поднимается, отставляя статуэтку на прикроватный столик.

— Знаешь, что странно?

— Что? — Надин тоже усаживается.

— Появился препарат, но об этом услышала ты. Гэни заинтересовался только после твоей наводки. И просто «подергал за ниточки». Ему тут же нарисовали из ниоткуда папку, в которой самые **дерьмовые** и **нелегальные** снимки, которые я когда-либо видела. После этого ничего не происходит до внезапной вспышки «болезни», — Шайль хмурится, покусывая губу. — Либо наебали тебя, либо ты наебываешь меня. Так скажу.

— В чем?.. — теряется Надин.

И правда, в чем, детектив? Почему Надин, семнадцатилетняя безмордая, должна быть не просто девчонкой на побегушках? Почему ей кто-то должен сообщать о том, что знает **на самом деле**? Почему ты думаешь, что Гэни был не в курсе происходящего? И почему нужно думать, что он **в курсе**? Ты ведь слабо представляешь, какое место «ВолкоЛЮДИ» занимают в городе. Ритуальные наказания, странные проповеди и здоровенный выкупленный склад, на котором произошла цепочка преступлений, связанных с кем-то одним. Это все **информация**. А **политика** вне ее. Политика — туманная вещь, темный полог, под которым копошится гниль лжи и плесень лицемерия. Так всегда было.

— Ладно, не знаю, — Шайль трет переносицу. — Я не могу додуматься до сути происходящего. Поспим и разберемся.

Надин несколько растеряна. Вздрагивает, когда раздается тихий стук. Шайль поднимается, подступая к двери сбоку.

— Кто там?

— Консьерж, **madame**. Принес ваш ужин: два куска сырой конины.

Ключ проворачивается в замке, Шайль принимает промасленную бумагу. Юноша торопливо желает хорошего отдыха и уходит. Дверь закрывается.

— А вот и пир после чумы, — улыбается девушка, демонстрируя Надин свертки. — Приятного аппетита нам!

Лица обеих перепачканы. Пальцы тоже. Свертки сплелись в единый ком на дне мусорной корзины.

— Вот и все, — Шайль с досадой облизывает пальцы. — Маловато...

— Ну а я наелась, — довольно потягивается Надин.

Девушка косится на подругу, оценивая размеры хрупкого тела. На голову ниже, гораздо уже, талия не опорочена мышцами. Шайль хмыкает, поднимается и предупреждает:

— Я первая в душ.

— Ты же говорила, что **вместе**, — вспоминает девчонка, удивляется, даже будто немного обижается.

Шайль озадаченно замирает на пороге ванной. Смотрит задумчиво. Криво усмехается.

— Просто пошутила. Ты молодая еще.

— В смысле?! — Надин вскакивает. — **Издеваешься?**

— Пойми правильно. Я не хочу быть растлительницей, это вообще не в моих планах, — Шайль собирается скрыться за дверью, но девчонка успевает просунуть пальцы.

— Мамочкой решила стать?..

Детектив видит наполненный злостью взгляд, качает головой, пытается мягко убрать пальцы Надин, но те вцепились на удивление крепко.

— Прошу понять правильно. Мы можем спать в обнимку, но голышом плескаться в душе — это слишком.

— Я буду одетой.

Это... странное заявление. Спать тоже в мокрой одежде планирует?

— А я хочу раздеться.

— Раздевайся. Даже смотреть не стану.

— Цыц, я не спрашиваю. Хочешь принять душ первой — принимай.

— Ты меня таскала по смертельно опасному району! — противится Надин, просовывая в щель еще и носок ботиночка. — **Я умереть** могла! Для этого не молодая, да?!

— Умирать и **трахаться** — разные вещи, — рычит Шайль, пытаюсь отвоевать дверь и не причинить вреда. — Даже закон это разделяет! Давай мы это обсудим после душа?!

— Нечего обсуждать! Я не хочу трахаться, я хочу **обнять** тебя! — Надин переходит в рык, напрягает хрупкое тельце, и Шайль понимает, что поддавки ведут к поражению.

Дверь распахивается, ударяется о стену, дрожит, вибрирует, замирает. Девчонка бросается вперед раньше, чем девушка успевает отпрянуть. Худые ручки обхватывают, лицо утыкается в плечо, голос полон слез:

— **Я не хочу** быть одна. Пожалуйста. Хотя бы пока мы не вернемся в О-3. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Надин дрожит, срывается в рыдание, вжимаясь все сильнее. Шайль вспоминает Гириома. Многовато ошибок на личном фронте, да, детектив?..

— Тише... я рядом... — бормочет беловолосая, понимая: отчасти ею манипулируют.

Но это не та плохая расчетливая манипуляция, которую не трудно встретить во взрослом мире. Это просто... детские эмоции. Надин все еще недостаточно выросла, чтобы прятать все под броней. А может, она вообще никогда этому не научится. Шайль обхватывает талию подруги, опуская подбородок на макушку. Прикрывает глаза, устало размышляя о происходящем. Ждет, пока Надин успокоится.

Личное и работу нельзя смешивать. Плевать, да? Нельзя расслабляться. Плевать? Нельзя быть размазней. **Плевать?**

Шайль не хочет позволять себе лишнее. Она никогда не была блестящим детективом, таким, как...

— Все, хорошо. Ты убедила. Раздевайся и пойдём в душ, — Шайль отстраняет от себя подружку, недовольно морщится, отворачивая лицо.

Надин утирает нос, утирает глаза. Кивает. Стягивает футболку, спускает штаны. Детектив не смотрит. Она повернута спиной, порывисто раздевается, подставляя мышцы взгляду. Надин вдруг понимает, что Шайль действительно похожа на мужчину. Не слишком крупного, почему-то изящного мужчину. Надин не видела настолько физически подготовленных девушек-волколюдов. И, скорее всего, не увидит. Не встретит больше такой красивой и сильной спины, за которой так уютно скрываться от всего мира.

— Ты **крутая**, — шепчет Надин, обнимая Шайль сзади.

Прижимается щекой к позвоночнику. Чувствует под ладонями мышцы живота. Ведет пальцами выше, касаясь груди Шайль. Почти добирается до соска: движение руки останавливают.

— Без **разврата**, — просит детектив.

Кажется, она смущена. Скорее всего, дело в этом. Непривычно быть в такой обстановке с тем, кто **младше**. Пусть даже девушкой. Шайль всегда встречалась либо с ровестниками, либо с мужчинами постарше.

С другой стороны, закон ведь не запрещает?.. Кажется, нет. Закон не оценивает возраст волколюдов, ведь те, даже **безмордые**, развиваются гораздо быстрее людей. И при этом не платят за старость. Живут дольше **человеков**, не болеют, не слабеют. Ультрахищники незря внушают страх в большую часть Всемирья — зверолюди готовят армии быстрее кого-либо из других миров.

Вода льется сразу горячая. Шайль скалится, подставляя лицо струям. Фыркает, когда струи заползают в ноздри. Сплевывает. Надин ласково гладит спину детектива, любуясь и наслаждаясь моментом.

— Ты **извращенка**, — бормочет Шайль, выходя из-под струй. — Заходи и мойся. Побыстрее.

— Я не извращенка, — бурчат из-под горячего водопада. — Ты меня **первая** поцеловала. **Лесбухастарая**.

Шайль смотрит в затылок хрупкой девчонки широко раскрытыми глазами.

— Как ты меня назвала?

— Я сказала, что ты старая кошолка.

«Старая, старая, старая», — клопочет в голове девушки. В зеленых глазах можно различить смесь раздражения и изумления, но Надин не смотрит, только напевает:

— Старушка-мать пришла пряников раздать, поскользнулась и упала, ребро себе сломала.

Каштановая шевелюра качается из стороны в сторону, Надин гладит свое тело руками, омываясь.

— Старуху-мать в больницу отвезли, перелом ведь — шутка ли? Гипсом сиськи залепили...

Еще одна детская провокация.

— ... **заткнись**.

Надин вскрикивает, потеряв равновесие. Чувствует холодную стену, в которую ее вжимают. И чувствует горячее дыхание Шайль, замершее возле шеи.

— Ты меня с ума свести хочешь?.. — шепчет детектив.

— А ты меня хочешь удушить?

Хватка на горле становится лишь крепче. Надин шипит, чувствуя клыки на своей коже.

— Не вздумай укусить...

— Что если вздумаю?

— Я тебя укушу сильнее.

— У меня — сорок килограмм...

Шайль произносит это с тихой страстью, и Надин становится не по себе. Средняя сила укуса волколюда — тридцать шесть на квадратный сантиметр. У Надин...

— Ну же? — Шайль спрашивает, затем проводит языком по плечу девчонки, замирает, спрашивает вновь. — Чем похващаешься **ты**?

— Двадцать шесть...

Надин пищит под силой девушки. Стонет, чувствуя **прикосновение**.

— Мы ведь звери, да? Зачем сдерживаться, малышка?

Хочется сказать «нет, мы люди». Не получается. Отчасти из-за властного поцелуя, грубого и настойчивого. Но главная причина...

Все-таки Надин **тожехочет зверя**. Больше, чем сон, покой, решение всех проблем...

Надин разворачивается. Упирается пяткой и спиной в стену, подставляясь под поцелуи Шайль, под ее руки, под бурный поток горячей воды и **страсти**.

— Полегче...

Кожа горит. Пар заползает в легкие. Превращаясь в стон, выходит наружу. Слюна, вода, слезы, все смешивается в один коктейль. Он растекается по телам девушек. Ритмичные движения руки, напряжение мышц, гудящие сердца, тихое рычание...

Глубже. Чувственнее. Нежнее.

Надин не выдерживает. Вся ее сущность превращается в сплошной пульсирующий комок возбуждения, жажды. Хриплый стон дразнит. Тонкие губы Шайль...

Вода обтекает поцелуй. Языки трутся друг о друга, переплетаются, танцуют на клыках. Пальцы...

Напористее. Медленнее. Безжалостнее.

Их окутывает белесая дымка. Волосы закрывают глаза. Ничего не видно, слышно лишь бесконечное течение воды... остаются только ощущения. Горячо внутри, горячо снаружи. Все мокрое. Потустороннее. Подобное сну.

Шайль опускается на колени. Надин вцепляется в мокрые пряди. Пытается вдохнуть, но не может — вода льет на лицо. Воздух не нужен. Легкие горят. Пускай.

Это. Невероятно.

Сознание вот-вот ускользнет. Перед глазами все плывет. Пульсирует. Гаснет. Надин отводит лицо, прячет от струй, вдыхает. Недостаточно. Еще. Еще. Больше. Девчонка жадно хватается ртом воздух, тут же его теряет, отчаянно стонет. Ее поглощает сила, от которой некуда скрыться. Ее берут так, как никогда еще не брали. Не берут — но подхватывают. Забирают к себе. Защищают от всего ужаса. Есть только этот момент, здесь и сейчас.

Надин доверяет. Больше, чем чему-либо. Она **отдается**. Замирает, чувствует, как сердце бешено колотится. Вздрагивает, сжимается, вытягивается, до онемения напрягается...

Взрыв.

Больше ничего нет. Только пустота.

В комнате темно. Вьется табачный дым, невидимым птичьим крылом взлетая вверх. Уголек накаляется.

— Прости.

Слово разрывает темноту подобно пуле, разрывающей плоть. За ней следующие:

— Я сорвалась.

— Шутишь?

— Нет.

— Это было великолепно.

Надин нащупывает пепельницу, стучит сигаретой по краю. Затягивается.

- Глупость. Это неуместно.
- Когда вернемся в О-3, я выйду за тебя.
- Ага. Расскажи еще какую-нибудь сказку.
- Ты **кончила**.
- Вообще-то нет.
- Но это же **сказка**. Сама попросила.
- Хватит дерзить.
- Я тебя люблю.
- Не выдумывай.
- Обожаю.
- Ага-ага. Докуривай, чудо лохматое.
- Я хочу **за тебя**.
- Будешь моим живым щитом, да? Понравилось?
- Безумно. Я хочу, чтобы ты стреляла с моего плеча. Всегда.
- У меня вообще-то есть **парень**.
- У меня тоже.

Сигарета вминается в дно чана. Надин соскальзывает глубже под одеяло. Жметя к горячему, голому телу. На ощупь как сталь. **Приятно**. Девчонка шепчет:

- Я его брошу ради тебя.
- А если я своего не брошу?
- Я его убью.
- Он здоровенный **волколюд**.
- Пристрелю. Научусь стрелять и пристрелю. Будешь только моей.
- Во имя всех ёрков, прекрати об этом говорить.
- Не прекращу. Ты возьмешь меня к себе? Я буду греть тебя зимой.
- Мне и так не особо холодно.
- А со мной всегда будет **тепло**.
- Это ты сейчас так думаешь.
- Я вообще не думаю. Не заметила? — Надин нащупывает поцелуем плечо. — Ляжешь на спину?
- Зачем?
- Это сюрприз.
- Если ты не достанешь мне новую пушку из-под подушки, то вряд ли это сюрприз.
- Ложись, Шайль. Все будет хорошо.
- Спи. У нас куча работы.
- Мы теперь напарницы?
- **Напарники**. Не особо. Я за тебя отвечаю головой.
- До конца жизни?
- До О-3.
- Нет, до конца жизни. Ты меня приручила. Я твоя. А ты моя.
- Мы просто **потрахались**. Случайно. Я сорвалась. Извинилась. Что еще надо?
- Тебя надо. Всю. Ложись на спину.
- Я спать. И тебе советую.
- Ну ладно. Сладких снов, **Shaile**.
- Не смей.

— Что «не сметь»?

— Не говори по-французски.

— Pardon?

— Je t'emmerde!

В целях **цензуры** перевод опускается. Шайль просто выругалась. Немного некрасиво.

Глава 15: День 8

Улицы О-1 такие красивые... пышные. Днем возникает чувство, что само солнце светит на них как-то иначе. Окрашивает все золотом, создает приятную рыжую дымку, уподобляя район миражу. За стенами все гниет, кровоточит и гибнет — но тут жизнь полна свободы. Шайль стоит под цветущим деревом. Курит, притоптывая на месте. Смотрит на здание отеля «Премиум». Раздраженно стряхивает дым и пепел. **Малявка** задерживается. Но что главное, детективу совершенно не нравится стоящий рядом.

— Может, уже свалишь? — шепчет Шайль.

Она не хочет говорить громко, потому что тогда прохожие примут девушку за умалишенную.

— Куда? — безразлично спрашивает Мэйсер.

— Куда-то. Туда, откуда вылез.

— Моя мать давно мертва, я не могу в нее вернуться, — следовательно стряхивает пепел.

Звон колец раздражает. Шайль слышит их уже третий раз за то время, что парень курит.

— Почему я не могу увидеть твое лицо?

— Не знаю, — человек пожимает плечами. — А должна? **Его** лицо ты тоже не видишь.

Боблин Кузнецов бегаёт по улице, собирая разлетевшиеся от ветра заметки. Что-то кричит о том, что «не может работать при такой погоде» и «Мэйсер, проклятый засранец, помогите-мне-собрать-это-в-кучу».

Шайль с тяжелым вздохом втаптывает окурок в землю.

— Девушка, здесь нельзя мусорить. Там урна.

Детектив раздраженно дергает щекой, но ничего не говорит. Прохожая, сделавшая замечание, стоит до тех пор, пока Шайль не поднимает окурок и не кидает его в урну. Только после этого женщина сизволила пойти прочь.

— Проклятый район, бесит. В Освобождении...

— Всем плевать на город, — Мэйсер массирующими движениями выдавливает уголек из окурка и кидает опустевший бычок в урну. — О-1 живет по своим правилам. Так было **всегда**. И ты это **знаешь**.

— Откуда мне это знать? Я тут почти что в первый раз, — Шайль опирается на ствол дерева и засовывает руки в карманы куртки.

— Уверена? — Мэйсер обращает пустое лицо к детективу.

Пусть глаза его не видны, девушка уверена, что следовательно смотрит прямо на нее.

— Уверена.

— Хорошо. Твое право, — человек засовывает руку в карман куртки и поворачивается к боблину. — Все собрали, друг? Пойдемте. У нас много работы.

— Ужасно много! — трясет головой Кузнецов. — До сих пор нет ни одной зацепки... столько убийств... пытки... и ничего! Ничего, Мэйсер! Убийца словно скрыт в другом мире... **В астральном** мире.

— Не переживайте, коллега. Нет никакого **астрального** мира, рано или поздно убийца ошибется. Тогда-то мы его и прищучим, — Мэйсер ласково похлопывает боблина по плечу и тянет прочь. — Удачи, Шайль.

Детектив не отвечает, угрюмо глядит себе под ноги и думает. Болезнь шибанула по районам Освобождения, волколюды готовят переворот... все просто. Разгадка простая. Но

должна быть еще проще. Что-то детектив **упускает**.

— Шайль! — Надин торопливо выбегает из здания отеля. — Я готова, пойдём.

— Наконец-то, — девушка закатывает глаза. — Дождалась свиста на горе...

Квартира информатора находится в одной из немногих жилых многоэтажек. Судя по размеру здания и единственному подъезду в нём — каждое жилище размером в несколько апартаментов О-3.

— **Этот** адрес тебе дал Гэни? — уточняет Шайль, докуривая сигарету и глядя на окна.

В одном из них стоит кто-то. Женщина. Тоже курит. Детектив переводит взгляд на Надин.

— Да. Но...

— Не уверена в чём-то?

— Не знаю, — девчонка качает головой. — Я не думаю, что нас там ждут.

— Скорее всего не ждут. Городу каюк, в такое время гостям не рады, — Шайль бросает окурок на землю. — Но надо идти.

— Подожди! — Надин хватается за плечо подруги.

— О великая луна, ты серьёзно? Ты шла в О-1 только ради того, чтобы в последний момент **задрейфить**?

— Дело не в этом. Мы пойдём. Просто знай, что информатор очень странный... и... я написала стих.

— «Стих»? Про странность информатора? — Шайль хмыкает, наблюдая, как Надин просовывает руку под курточку, чтобы достать из внутреннего кармана что-то.

— Про... свои чувства. Я не очень хорошо пишу стихи. Но почитай, пожалуйста.

Сложенный вчетверо листок вкладывают в руку Шайль. Детектив вздыхает, качнувшись на пятках кроссовок, раскрывает бумажку.

— Это не может подождать?

— Нет, прочитай сейчас.

— Чего ты так боишься? — Шайль не торопится вчитываться в стих.

— В прошлый раз меня почти убили, — хмыкает Надин, выдавливая из себя странную улыбку.

Вымученную? Детективу это не нравится.

— Ты говорила, что по носу тебя никто не щёлкал.

— А если бы я сказала, что мне приставили к голове пистолет — ты бы с радостью пришла сюда?

— Я бы подготовилась. Хотя бы морально, — Шайль хмурится. — Что-то ещё надо знать?

— Нет. Только то, что я правда тебя люблю. И мне правда сейчас страшновато. Но...

— Но ты хочешь, потому что **мечтаешь** стать зверем. Да?

— Ну да. А ты не хочешь?

— Да плевать мне... — вздыхает Шайль, вчитываясь в стих.

«Я пустая флейта

В мире без отверстий,

Воздуха и слуха.

*Мне не хватает духу
Освободить всех шершней
Застрявших во мне где-то.*

*Подскажи мне путь,
Любимая без сердца!
Открой мне мир мечты,*

*В котором ты
Незапертая дверца,
А я — не злая ртуть.*

*Во мне лишь кровь отца,
Мать растворилась без следа,
Умерев в болезнях человека.*

*Мне не хватает даже века,
Докопаться вновь туда —
В историю без грустного конца».*

Шайль несколько раз перечитывает стих. Она не сильна в рифмах, ритме и прочих **нужных** вещах, про которые слышала от Кузо. Поэтому просто следит за словами, пытаюсь правильно понять образы.

— «Любимая без сердца»? Ты про меня, что ли? — Шайль приподнимает бровь, прекращая читать.

— Нет, х-ха... про другую свою девушку... — нервно мотает головой Надин. — Конечно про тебя.

— Мило. А что за «шершни внутри»? Ты чем-то больна?

Девчонка понимает, что легче просто кивнуть, чем объяснять, почему вместо обычных «бабочек», популярного образа среди романтиков всех возрастов, написано про «шершней».

— Ладно, — Шайль складывает листок и протягивает его Надин. — Если ты в отеле задержалась из-за **этого**, то я рада, что не зря ждала тебя.

— Правда? — Надин воспринимает это как комплимент, но не торопится принимать стих обратно.

— Ёркское да! — детектив улыбается и нетерпеливо дергает рукой. — Забирай.

— Не-а. Пусть с тобой будет. Мой подарок на твой день рождения.

— Ты его не застала.

— Теперь будем считать, что застала, — Надин торопливо идет к подъезду. — Догоняй!

Шайль с тихим рыком пихает листочек в карман штанов и расслабленной трусцой догоняет напарницу.

Время разобраться.

Надин говорила, что телохранитель информатора «обычный»? Так вот. Волколюд...

огромный. Даже в цивилизованном мире все воспринимают друг друга не только через слова и поступки. Зачастую в разговоре решающей становится так называемая **аура** — смесь физической силы, манеры держаться и твердости характера. Этот волколюд был выдающимся. Шайль не по себе даже от того, что она просто стоит в шаге перед ним. А Надин приходится еще и говорить:

— М-может в-вы меня пом...ните?.. — бормочет девчонка.

— Не помню. Чё надо?

— Я к-к... **информатору?**.. — последнее слово Надин произносит настолько несчастным голосом, что невольно вкладывает вопросительную интонацию.

— Нет никого. Так что информатор я. Чё надо?

— П-по поводу болезни... Гэни прислал...

Кажется, или имя лидера организации придало голосу Надин капельку уверенности?

— Какой, к собачьей матери, **Гэни?** — волколюд кривится. — Я его не знаю. Вам бошки оторвать? Эй, ты, снежок. Объясни, хер ли вы тут забыли?

Надин делает шаг в сторону, частично прячась за стеной. Шайль чувствует, как от взгляда **ультрахищника** внутри колотится дрожь страха. Острого и неконтролируемого.

Взять себя в руки, детектив. Немедленно. Ты не щенок. В драке решает не только сила, но и опыт. Психологический настрой. Скорость мышления и анализа. Реакция. В руки, детектив! Прямо в руки!

Тебе ничто не поможет. Он просто сильнее. И ты проиграешь.

— Болячка, — сипло выдавливая из себя Шайль. — Которая делает из людей зверей. Мы пришли от Гэни, он в прошлый раз запрашивал инфу.

Шайль пытается подстроиться под манеру разговора волколюда, пытается угадать его «социальный ориентир», но это никак не помогает вести переговоры. Каждое слово — словно гвоздь, заколачиваемый в крышку гроба. Ее же гроба, принадлежащего Шайль. Если, конечно, ее останки смогут донести до деревянного короба.

— Теперь понял. Проходите.

Волколюд отступает в сторону от двери, давая проход. Вот только его массивная фигура все еще загораживает половину проема. Шайль приходится протискиваться, чтобы не прикоснуться к этой **горе смерти**.

Квартира не просто большая. Это целое поместье, выстроенное между такими же поместьями. Шайль смотрит на **золотые** потолочные плинтуса и не понимает: в этом есть какая-то идея или просто некуда девать рубли?

Большая часть дверей заперта. Удастся рассмотреть дорогушую древесину, покрытую лаком, в деталях. Шайль не разбирается в ценах на дерево, но внешний вид говорит сам за себя — такого оттенка и текстуры детектив никогда в своей жизни не видела. Даже в «Премиуме», который считается одной из самых дорогих построек в Освобождении. Скорее всего, эта квартира стоит дороже целого этажа отеля.

Волколюд идет сзади, но он **ведет**. Надин неуверенно ступает рядом с Шайль, периодически ненароком соприкасаясь с ней руками. Если бы детектив не нервничала, она бы поняла, в каком состоянии сейчас подруга.

— Сюда, — басит телохранитель, просовывая руку между девушками и толстым пальцем показывая на приоткрытую двустворчатую дверь.

В нее вделаны фигурные стекла, слишком мутные, чтобы можно было разглядеть что-то кроме пузырьков воздуха, застывших для красоты. Подобное Шайль видела в окнах О-3, но

здесь же детектив понимает: это **не дерьмовое** стекло. Девушка не удивилась бы, узнав, что пузырьки уложены в какую-то стройную систему, понятную только богатым и неприлично умным людям.

Двери распахиваются, пропуская в кабинет. В таком Шайль могла бы жить как в квартире. Шикарный диван возле обширной библиотеки. Лакированный стол, шириной в полицейский автомобиль. **Помпезная** люстра, сияющая белым золотом и кристаллами освещения. Шайль ежится и поначалу даже не замечает сидящего за столом. Хозяин этого **бардака** выглядит настолько непримечательно в обстановке, что детектив изумляется, когда мужчина начинает говорить.

— Кто это такие Ванёк? — дрожащим голосом спрашивает **информатор**. — Я говорил без гостей сегодня нет тебе надо было привести.

Он говорит без пауз.

— Это твоя клиентка, — подсказывает «Ванёк».

Не его родное имя. Шайль клык готова поставить. Насколько **богатым идиотом** надо быть, чтобы переименовать волколюда? Сколько бы потребовала Шайль, если бы кто-то предложил оставить родное имя в прошлом? Гордость волколюда не готова продать это меньше чем за несколько тысяч рублей.

— Какая клиентка? — мужчина хватается со стола трубку неясного предназначения.

Когда он прикладывает один из концов к губам, и трубка начинает с шипением стрелять паром, Шайль предполагает, что это какое-то **лекарство** для легких. Либо изощренный способ курить.

На самом деле, просто лекарство, да. Мужчина откладывает трубку и начинает трястись. Его пальцы дрожат, выстукивая хаотичный ритм по книге, лежащей на столе. Может, в трубке что-то **наркотическое**?

Надин молчит, думая, что Ванёк ответит сам. Но волколюд не собирается.

— Болезнь, которая меняет людей, — берет слово Шайль. — В прошлый раз вы давали информацию Гэни, лидеру общины...

— Я знаю про какую общину ты говоришь девочка, — мужчина хватается себя за челюсть и выкручивает голову, издавая шейей звонкий хруст. — Мне это неинтересно я уже не у дел и не даю никакую информацию.

Скороговорка. Но Шайль понимает сказанное. Кое-как. Надин, видимо, тоже, потому что она решается вступить в переговоры:

— В Освобождении начался хаос, Гэни предположил, что вы можете дать нам какие-то материалы. Чтобы мы знали, что происходит. Среди волколюдов паника.

Ай-яй.

— Какая еще паника? — осторожно спрашивает информатор. — Вас что прислали меня убить?

Шайль кожей чувствует, как тело Ванька напрягается. Прямо за спиной. В одном шаге от детектива.

— Нет-нет! — выпаливает Надин. — Мы не убийцы... Просто нужна информация Общины волколюдов не делятся ею друг с другом.

— Почему тогда я должен делиться? Меня происходящее не касается никак совершенно и я не понимаю почему вы сюда пришли. Откуда у вас адрес?

Шайль нервно сглатывает слюну. А **откуда** у Гэни адрес? Детективу тоже очень

интересно.

— Нам дали на вас наводку... люди, — осторожно отвечает Надин.

Пожалуйста, хватит говорить странные вещи. Расслабься, малышка, просто не ляпай ничего лишнего, и все будет хорошо.

— Какие люди дали на меня наводку вы издеваетесь? — мужчина откидывается в кресле, сцепляя пальцы на жирном брюхе.

Через затемненные очки не удастся разглядеть глаза. Но Шайль почти уверена, что хозяин квартиры в улете.

— Я не знаю, этот вопрос к Гэни... — Надин пытается выкрутить ситуацию, но автомобиль с мыслями неуправляем. — Я просто пришла за информацией. В прошлый раз вы дали несколько снимков... они не особо что-то прояснили. Может, в этот раз вы согласитесь подсказать хоть что-то?

Странная тишина повисла в кабинете. Шайль **знает** эту тишину. Они встречались раньше. Плохая тишина.

— Ванёк время разобратся.

Шайль прокручивается на месте, пригибаясь к полу. Собирается броситься на телохранителя, всей массой вложиться в него, чтобы попытаться повалить на пол. Нужно использовать...

Дуло пистолета приставлено ко лбу детектива. Она даже не успевает моргнуть. Затвор отводится назад под давлением пороховых газов. Пламя вырывается из дула и впитывается в голову Шайль. Задевает волосы, опаяя их. Калибр пули небольшой. Но скорость — достаточная, чтобы прошить череп и застрять в полу. Шайль падает на колени. Струйка крови стекает по переносице, переползает на губы, собирается на подбородке и капает вниз. Надин кричит. Пистолет уже переводят на нее...

Грохот. Это последнее, что успела различить Шайль перед тем, как рухнуть на пол, лишившись дыхания. Обрывки мыслей продолжают вертеться в полегчавшей голове, словно что-то еще можно изменить.

Можно ли?

У каждой хорошей истории должен быть эпилог. В этой истории его нет. Наверное, она недостаточно хороша для этого.

В захлавленной квартире проснулась девчонка. Молодая, тощая, с глубоко запавшими глазами. Ее ирокез, так старательно поставленный когда-то, теперь растрепался, прядями налипнув на короткую щетину скальпа. Девчонка, кажется, с трудом понимает происходящее. Видит гитару, приставленную к стене. Под струнами погасшие кристаллы, усиливающие звук. На корпусе ярко-розовой краской выведено: «Джуд».

Девчонка проснулась не сама. Из коридора доносился звонок. Кто-то настойчиво давил в кнопку, заставляя кристалл тарахтеть назойливым писком.

— Ай, #^&#gt;?... иду, иду я! — кричит хозяйка квартиры.

Дверь распахивается. За ней стоит довольно плотный парень.

— Ты кто?

— Жорж, — невозмутимо отвечает гость, словно не удивляется тому, что его не узнали. — Я пришел занести твои тексты. Ты просила.

— Какие тексты?

— Песен. Тексты песен. На, держи.

Девчонка принимает бумажный пакет. Заглядывает внутрь и видит там множество листков. Удивительно, они настолько тяжелые... Или руки слишком слабые?

— Удачи. И да, — Жорж отводит взгляд. — Извини, что так вышло. Мне пришлось уйти.

— О чем ты?..

— Мне пора, пока-пока!

Плотный парень торопится вжать кнопку лифта. Он игнорирует непонимающий взгляд, направленный из дверного проема. Двери лифта закрываются за Жоржем с дребезжанием, а девчонка с громким щелчком запирается в квартире.

Не сразу, но она понимает, что встретила незнакомца **совершенно голой**. Это не вызывает никаких чувств. Пакет с «текстами» летит на кровать, а следом — и худое тело с торчащими через кожу костями. Тяжелый выдох. Пальцы с черным маникюром вытаскивают один из листков.

— Я пустая флейта в мире без отверстий, воздуха и слуха... — бормочет вслух, пытаюсь вспомнить, как читать буквы. — Что за хрень?

Взгляд тянется к гитаре. Слово сам собой. Девчонка понимает, что если взять инструмент в руки, слова станут легче.

Раздраженно взерошивая неухоженный ирокез, хватается за гриф. Тянет тяжелую гитару к себе, укладывает на бедро. Деревянный корпус неприятно холодит кожу. Пальцы зажимают аккорд, который девчонка не знала, но пальцы почему-то знали.

— Я... пустая флейта... — напевает, перебирая струны. — Нет, **херьня**.

Хмурится, пытаюсь понять. Рука сама собой ударяет по струнам. Снова и снова, создавая ритмический рисунок.

Девчонка вспоминает. Она ведь **рокер**. Перекидывает лямку через шею, вскакивает. Пальцы зажимают другой аккорд. Теперь уже увереннее.

— Я!!! — кричит девчонка, вмазывая пальцами по струнам.

Кристаллы вибрируют, усиливая звук, и девчонка чувствует, как по ушам режет болью. Но все равно продолжает. Продолжает терзать гитару, рвать связки, выкрикивая странный текст. Получается нескладно, но при желании неумелый стих удастся вложить в ноты и темп. Девчонка просто пока не знает, **как**.

Со стороны двери снова звенит. Усталая походка босых ног по паркету. Щелчок замка.

— С утра пораньше, скотина! — кричит дед, брызгая слюной и игнорируя наготу собеседницы. — Отложи ты хоть на день! Я тебя пристрелю, дрянь ты мелкая! Ты хоть понимаешь, сколько из-за тебя шума?! Не провоцируй меня!

— Да пошел ты %^#&\$&, — апатично отвечает девчонка, захлопывая дверь перед носом соседа.

Ответ вырвался сам собой. И выглядит естественным. Настолько, что девчонка даже ударяет по струнам, криком повторяя, куда нужно отправиться шумному деду.

— Ха, а неплохо звучит, — хмыкает, возвращаясь в спальню и скидывая гитару на кровать.

Стягивает со стула кожаные штаны, с трудом натягивает их. Тянется к майке, которая слишком большая для такого худого и слабого тела...

«Нитро». Бутылка стоит на столе. В ней еще есть немного **лекарства**. Рокерша

окидывает взглядом комнату, замечая целые кучи пустых склянок. Все с одинаковыми этикетками, но разными датами.

— Охренеть... — шепчет. — Это я выпила? Ох, теперь ясно...

На глаза попадается залитый кровью листок. Рокерша наклоняется, пытаясь разобрать написанное.

«Поговорить с психологом»?.. Это шутка? Палец скользит по кровавому пятну. Оно закрыло собой адрес, но девчонка почему-то помнит его.

— Ну лан.

Пожав плечами, натягивает майку. Сверху — куртку. Странноватую. На ее спине две буквы: «Ф. М.» Ярко-бирюзовые. Светящиеся. Переливающиеся. Девчонка поправляет воротник и вдруг понимает, что это куртка полицейского образца. Ткань слишком плотная. Чувствуются защитные пластины, вшитые в спину и бока. И это явно не ее размер: подол ниже задницы. Впрочем, плевать. Носить все еще удобно.

Обувшись в массивные сапоги, напоминающие берцы, девчонка дрожащей рукой запикивает листок со списком из одного дела в карман. Обычный день самой отстойной рокерши во Всемирье начинается.

Психологом оказалась женщина достаточно... преклонного возраста. Ее усталый взгляд сразу выдает подробности несчастливого брака и... наверное, какой-то большой личной проблемы.

— Итак... Надин, мы давно не встречались.

— Ага, — кивает рокерша, закидывая ногу на подлокотник кресла. — Решила вот потряхнуть стариной.

— Начнем с простого. Помнишь мое имя?

— Не-а.

— Зельда. Приятно познакомиться, Надин. **Снова**, — женщина с вежливой улыбкой вертит ручку в пальцах.

— Вы типа обостряете? Я знаю, что мне херово, док. Давайте не нагнетать, жизнь **крутая**.

— Ты что-то еще помнишь? Может, помнишь что-то тревожное?

— Не-а. Не особо, — Надин качает головой, кривит губы в пренебрежении. — Все круто. Погода сегодня классная, прошлась с ветерком.

Сигарета «Забастовки» вылезает из кармана куртки. Такая помятая и несчастная, что по ней можно писать **икону**. Рокерша закуривает, парой коротких затяжек распаливая табак.

— Хорошо, — Зельда закидывает ногу на ногу. — Тогда я задам несколько вопросов, а ты постарайся ответить честно.

— Вы уже задаете их. С самого начала.

— Какие ассоциации у тебя со словом «детектив»?

— Ноль. *Zéro*.

— Все еще учишь французский?

— Наверное. Я автоматом ляпнула.

— Хорошо получается, продолжай. Это тебе **поможет**.

— С чем? У меня вроде нет проблем.

— Давай так, Надин. Я не врач, а ты не пациентка. Мы друзья. Поэтому по-дружески я тебе напомню.

Рокерша часто-часто кивает, соглашаясь.

— Ты **безмордая**, у которой тяжелая зависимость от обезболивающего. Это вызывает провалы в памяти и искажает реальность. **Пока что**. Дальше будет только хуже.

— Док, я знаю. **Без дури** рок играть невозможно. Голова взрывается, — Надин приставляет пальцы, сложенные пистолетом, к виску.

Большой палец, изображающий курок, опускается.

— Бибик все еще считает это веским поводом продавать тебе «Нитро»? — Зельда приподнимает бровь.

— Бибик — лучший фармацевт и мой кореш, не гоните на него, — Надин шмыгает носом.

— Конечно. Как всегда, — Зельда вздыхает и откладывает ручку. — А почему тогда ты не слушаешь мои советы? Ты считаешь **меня** недостаточно хорошей?

— Вы сами на себя посмотрите. Вы психолог, а говорите со мной как подружка. Это смешно, док, — Надин ухмыляется, обнажая клыки. — Я плачу вам за помощь, а не за треп.

— Найди психолога получше, в таком случае, — улыбается Зельда. — Только сразу хочу предупредить: в Освобождении никто, кроме меня, не сможет тебе помочь.

— Почему?

— Потому что у тебя тяжелое расстройство. С ним никто не может работать **по шаблону**.

— В смысле?

— В том смысле, что у тебя уникальный случай. Ты не найдешь психолога, который сможет оказать тебе настоящую помощь, основанную на методах из книжек. Поэтому я хочу стать тебе другом, Надин. Я хочу **помочь** тебе, а не содрать рубли, оставив гнить.

— Я не гнию, — Надин уверенно рубит ладонью воздух.

— ПТСР. Что-то говорит? Напоминает?

— Посттравматическое че-то там. Ага. Я написала, кажется, об этом песню.

— Это вершина айсберга твоих проблем, — Зельда смотрит почти что с жалостью.

И Надин это раздражает.

— Скажи, Надин, как тебя зовут?

— Ша... Надин. Надин меня зовут, — рокерша улыбается. — Это слишком простой вопрос, док.

— Кем ты работаешь?

— Я музыкант.

— А до этого?

— Я... э-э... — Надин замыкает. Мысли останавливаются.

— Детектившей, — подсказывает Зельда.

— **Детективом**. Чё? Нет, я не работала им. Я просто музыкант. Давайте че-то посложнее, док.

— Мэйсер. Знакомая фамилия?

— Не-а.

— «Левиафан М-3»?

— Звучит прикольно. Это машина?

— Револьвер. Когда ты ко мне пришла, ты долго рассказывала о том, с каким

прекрасным звуком он стреляет.

— Я не знаю, как стреляют пушки. Я против насилия, знаете ли, — Надин сс скучающей ухмылкой чешет пальцем висок.

— Когда-то ты была неплохим детективом. До того, как попасть ко мне. Ты стреляла из револьвера, бегала по Освобождению и спасала каждого, кто в этом нуждался. И даже тех, кто **не** нуждался.

— Забавная история. Хорошая идея для песни.

— Ты все еще пишешь?

— Я **пою**, док. И мои связки круче чем у Ненси.

— Конечно, Надин. Я в этом не сомневаюсь. Как дела у твоей группы?

Рокерша ненадолго задумывается, но слова находятся без усилий.

— Она распалась. Барабанщик ушел, спонсоры **&** положили. Да мне плевать как-то, знаете? Я новую группу сбациаю. Поработаю над текстом, над музыкой, подкручу гитарку... Звучать будет так, что все **обоссутся**.

Надин устало трет лицо. Она верит в то, что говорит.

— Это отличный план. Но ты не думала побережь свое здоровье? Три встречи назад ты жаловалась на кровь из ушей. Как с этим сейчас?

Рокерша теперь понимает, каким образом листок так запачкался.

— Ай, да норм все. Я ж говорю, я **безмордая**, это мой счастливый билет на сцену. Я не сторю как Ненси. Я **крутая**. Верите, док?

— Конечно же верю. Ты единственная клиентка, которая заявляет о своей крутости, хотя сама страдает каждый день. Это действительно внушает... уважение.

— Я не страдаю. Мне не из-за чего.

— Хорошо. Хочешь, я дам тебе простую задачку? Если выполнишь ее к нашей следующей встрече, я подарю тебе новый набор струн. **Дорогих** струн.

— Вроде как **явам** должна платить... — растерянно отзывается Надин.

— Ты не платишь уже восьмую встречу. И я не вижу намеков на то, что начну получать хоть что-то в дальнейшем.

— Тогда зачем, док? — рокерша окончательно теряется.

— Говорю же: мы друзья, и я хочу тебе помочь. А еще, считай это спортивным интересом. Людей в твоём случае прячут в психушку. Не будь ты **безмордой**, так бы все и вышло. Так что для меня ты хороший способ... потренироваться.

— У вас охренительно **крутое** наплевательское отношение к чужой жизни, док. Мне это нравится. В следующий раз постараюсь притащить денюшку. Сколько вам обычно платят за сеанс?

— Шесть рублей.

— Ой... Ладно, что там за задачка?

— Ты должна... — Зельда бросает взгляд в блокнот, скорее для того, чтобы глаза отдохнули, чем для чего-то еще. — Найти ребенка... и подружиться с ним.

— Пха! Легчко! Я найдудесять детей и подружусь с ними. Вам сюда их привести? Чтоб... струны получить.

— Нет-нет, поверю на слово, — Зельда потирает переносицу.

Она знает, что Шайль все забудет к следующей встрече. И все начнется заново. Не работает ни один метод, который Зельда знает. Не работает хаотичный подход. **Ничего не**

работает. Однажды Шайль просто угаснет, и про нее все забудут. Но что-то еще можно исправить, верно?

Верно ли?..

Надин нашла жертву. Это был мальчишка со второго этажа, живущий в одном доме с ней. Мальчишка играет с деревянной куклой, сидя на ступеньках в подъезде.

— Приве-ет, — **ласково** тянет рокерша, опускаясь на корточки и наблюдая за игрушкой.

— Привет, — отзывается мальчик, хватается за игрушечную руку и машет ею в приветствии, тут же меняя интонацию. — Привет, девушка!

— О, привет, кукла, а как тебя зовут?

— Меня зовут... — мальчик запинается, пытаясь придумать.

Никто раньше этого не спрашивал. Какое имя подойдет?..

— Меня зовут Шайль, — находится с ответом ребенок. — А тебя как зовут?

— Надин! — радостно произносит рокерша. — Шайль? Что за необычное имя такое?

Мальчишка поднимает взгляд и смотрит на девчонку.

— Это такая крутая **детектив**. Она помогла моему брату, когда у него были проблемы.

— Ого! А мне буквально только что одна тетя сказала, что я тоже была детективом, — Надин наклоняет голову к плечу.

Ребенок замирает, удивленно глядя на странную девчонку.

— Вы с Шайль похожи. Только у нее прическа **круче** и сережка есть. Я Гэни.

— Приятно познакомиться, Гэни. А почему ты здесь один? Где твои родители?

— Мои родители мертвы, — улыбается мальчик. — Я живу с братом. Он работает строителем в О-2.

— Строитель — это очень ответственная работа. Твой брат молодец, без него город перестал бы расти, и нам негде было бы жить, — поучительно говорит Надин. — У тебя есть друзья, малыш Гэни?

— Нет, я совсем один, — мальчишка снова смотрит на куклу и машет деревянной рукой. — Я и Шайль. Мы одни, вот. У нас нет друзей, но нам и так хорошо.

— Но с друзьями ведь лучше, — замечает Надин. — Хочешь, я буду вашей подругой? Самой лучшей в мире!

— А ты хочешь? — серьезно и недоверчиво спрашивает ребенок.

— Конечно! У меня тоже нет друзей. Будем дружить? Ты, я и Шайль.

— Ладно... но мне нужно идти домой и делать уроки.

— С уроками помочь не смогу, — вздыхает рокерша, поднимаясь с корточек. — Так что удачи тебе. Я живу на четвертом этаже, если что. В пятьдесят седьмой квартире.

— Ого, прям как номер дома! — Гэни вскакивает. — А можно будет прийти в гости?

Надин вспоминает про кучу пустых бутылок из-под «Нитро».

— Может быть, завтра или послезавтра... — улыбка слабо подходит для извинения, но ничего лучше на лице изобразить не удается.

— Хорошо! Я завтра приду. У меня есть **очень важное** дело.

— Какое?

— Нужно расследовать... — Гэни переходит на шепот и приставляет ладошку,

сложенную лодочкой, к щеке, — ... страшную болезнь. Ты справишься?

— Конечно, — уверенно кивает Надин, понимая, что это шутка. — Я **крутая**, я все могу.

— Тогда до завтра, **подруга!** — машет рукой Гэни, взлетая вверх по лестнице.

Рокерша еще стоит некоторое время в пустом подъезде. Голову пронзает неясная боль.

Балкон выходит прямо к небу. Надин никогда не думала, почему оно твердое и почему оно закрывает их мир от остальных. Так же как и не думала, почему мир плоский, а солнце и луна всегда на одном месте. Это, кажется, неважно. Рокерша просто курит и пьет кофе, нежась в теплой куртке.

— А ты все еще ее носишь, — хмыкают рядом.

Девушка косится в сторону. И замечает странного человека. Он стоит рядом и курит ту же сигарету — «Забастовку».

— Ты про куртку?

— Ага. Нравится? — человек опирается спиной на перила и ухмыляется. — **Крутая** куртка, да?

— Ну да! — Надин выпрямляется, отставляя кружку в сторону. — А ты кто?

— Мэйсер. Детектив из агентства «Заря». Мы работали вместе некоторое время. Помнишь?

— Не-а, не помню. Я не была детективом.

Это плохо, Надин. Головная боль становится сильнее, ее довольно сложно терпеть, да?

— Была. Иначе бы не получила эту куртку.

— Ты мне ее дал?

Рокерша всматривается в лицо парня, пытаюсь вспомнить его. Но серо-зеленые глаза совершенно незнакомые. Как и растрепанная шевелюра. На пальцах куча колец, но ни одно из них не вызывает никаких ассоциаций. На одном Надин замечает надпись: «SVOË MESTO». Что бы это ни значило.

— Я тебе ее не давал, — качает головой Мэйсер и улыбается.

Больше вежливо, чем искренне. Уголки его губ упираются в морщинки на щеках. В улыбке чувствуется **горечь**.

— А... кто мне ее дал? — Надин морщится от боли, от растерянности.

Нервная затыжка не помогает прочистить мозги. Поможет только «Нитро».

— Никто. Ты сама сняла ее с моего трупа. Не помнишь? Меня разорвало на две части — одна больше, другая меньше. Тебе долго пришлось отстирывать куртку от крови и... **запаха**.

Мэйсер делает короткую затыжку, выдыхает дым и сплевывает с балкона. Комок насыщенно-красной слюны стекает по лазури.

Надин понимает, что перед ней призрак. Как из сказок.

— А почему ты здесь? Хочешь куртку назад? Тебе наверное холодно без нее.

Мэйсер смеется. Потирает ничем не прикрытые предплечья. На одном из них заметна надпись: «**Растворь и сгушай**».

— Я нихрена не чувствую, подруга. Ни одиночества, ни холода, ни боли. Все **круто**. Носи на здоровье. Я просто пришел проведать тебя. Узнать, как дела, как поживаешь.

Надин кивает со странной задумчивостью.

— А почему все говорят, что я была детективом? Я не помню этого... Вообще мало что

помню. Странно, что еще имя свое не забыла. Ты вот помнишь, как меня зовут?

— Тебя никак не зовут. Ты героиня без истории, тебя некому называть. Мир вообще про тебя ничего не знает, **пока что**, — Мэйсер делает странное ударение на последние слова.

— Но ты ведь меня как-то называл?

— Коллегой. Для меня ты всегда была коллегой, на которую можно положиться. Даже несмотря на то, что ты **зверь**, а я **человек**.

— Значит, я и правда была детективом?

— Ты им до сих пор остаешься. Просто не помнишь этого, — Мэйсер швыряет окурок через плечо.

— Понятно... — бормочет Надин.

Не увливай от разговора. Ты должна вспомнить. Это важно.

— Тебе нравится все это? — спрашивает парень, делая неопределенный жест рукой. —
Весь мир.

— Не знаю. А должен не нравиться?

— Наоборот. Тут у всех все хорошо. Кроме меня, кха... И тебя.

— У меня тоже все хорошо.

— Нет. Вообще нет, подруга. Ты в глубоком дерьме.

— Может быть иначе? **Я безмордая**.

— Ты в первую очередь детектив.

— Какой из меня детектив? — смеется Надин, выкидывая окурок.

Глоток остывшего кофе смазывает послевкусие табачного дыма.

— Паршивый. Как и из меня, — Мэйсер складывает руки на груди и задумчиво позвякивает кольцами друг о друга. — Но миру не нужны профессионалы. Ему нужны паршивые безумцы, которые сделают то, что никто еще не делал.

— Ты ведь сказал, что в мире у всех все хорошо...

— В этом — да. Скажи, коллега, что бы ты выбрала: жить в безумном мире, но быть **адекватной**, или жить в идеальной утопии как сумасшедшая неудачница?

— Кто я сейчас?

— Сумасшедшая неудачница.

Надин прислоняется поясницей к перилам балкона. Бросает взгляд через окно в квартиру. Там лежат пустые бутылки из-под «Нитро». Кипа текстов, которые никогда скорее всего не будут спеты на большой сцене. Гитара, купленная в долг у хрыча Хойка. Его проклятый телохранитель до сих пор приходит, пытается выбить деньги. Те деньги, которые Надин тратит на обезболивающее, без которого не получится играть даже на репетиции.

Сколько она так продержится? Скорее всего, гораздо меньше, чем Ненси. Петь становится все сложнее, а это только начало пути. Пути в никуда?

— Наверное, я хотела бы жить в безумном мире.

— «Наверное»? — Мэйсер внимательно смотрит на Надин. — Или все-таки «точно»?
Подумай хорошенько.

Девчонка думает. Устало чешет голову, зарываясь пальцами в растрепанный ирокез. Почему она сказала «**наверное**»? Разве ей хочется обменять собственную жизнь на благо для всех?

Надин качает головой.

— И правда. Мне плевать на мир, я просто хочу быть **крутой**.

— Даже если это значит жизнь в безумии и хаосе? Созерцание постоянного

разрушения? Принятие того, что ничто никогда не будет хорошо?

— Даже если, — кивает Надин.

Из коридора доносится звонок. Мэйсер кивает подбородком в сторону квартиры.

— Иди, открой. Если это правда то, чего ты хочешь.

Надин хочет. Она хочет **бороться**. Поэтому идет к двери. За ней стоит боблин.

— Газета, — бурчит мелкий, и Надин почему-то знает, что его зовут Кузнецовым. — В следующий раз надеюсь на чаевые.

Девчонка принимает свернутую в трубу бумагу. Боблин неуклюже спускается по слишком высоким ступенькам. А Надин смотрит на портрет, изображенный на главной странице.

Детектив, спасший Освобождение.

На фотографии — фигура сильной, **крутой** девушки. Она стоит боком к смотрящему, схватившись за собственный бицепс. На плече заметна татуировка: «О-3-18». Губы растянуты в победоносном оскале. Видна кобура, из которой торчит массивная рукоять револьвера. «Я Шайль!» — гласит первая строчка.

— **Ты Шайль**, — шепчет Мэйсер на ухо.

Надин роняет газету на пол. Чувствует, как боль нарастает, электрическим импульсом проносится по спине, зажигая мышцы. Мышцы, но не худого, изможденного тела — а здорового, **сильного**. Глаза перестают видеть, уши слышат лишь чей-то крик. Далекий, но приближающийся. Нарастающий. Он заставляет **вспомнить** кое-что очень важное.

Пистолет нацелен на Надин. Малявка кричит. Мимолетное мгновение — затвор отходит назад, выстреливая гильзу. Пуля ударяется в стену. Волколюд **удивлен**.

Шайль прыгнула слишком быстро, чтобы ее можно было остановить. Сила сорока килограммов собирается на кончиках клыков, которые вгрызаются в чужую **плоть**. Волколюд не успевает ничего сделать — шмат его глотки отбирают навсегда, вместе с ним забирая шансы на жизнь.

Девушка рвет. Ее не остановить, она **жива** и она **защищает**. Кровь хлещет из разгрызенного горла, стекает по лицу и шее Шайль. Она седлает волколюда и наносит сильный удар в висок. Костяшки бьют снова и снова. **Сила. Триумф. Превосходство.**

Ванёк не сопротивляется. Он умирает под градом ударов, чувствуя удивительное бессилие перед разъяренной фурией. Обезумевшая девушка хохочет, запускает пальцы в рваную рану на глотке. **Хватается**. С утробным рыком тянет на себя и вверх. **Поднимается**. Яркие-красные кроссовки упираются в мертвое тело. Голова с чавканьем отрывается от плечей. Позвоночник, окутанный нитями нервов, **выходит**.

— Я! — рычит Шайль. — Здесь! **Хищник!**

Трофей летит в мужчину. Детектив выхватывает пистолет из ослабевших пальцев волколюда и вскакивает на столешницу. Направляет ствол на мишень.

— **Говори.**

Мужчина теряет сознание, превращаясь в размякший мешок потрохов. **Испражняющихся.**

Надин стоит в стороне. На коленях. Упираясь ладонями в пол. Ее глаза полны слез.

Лицо перекошено в ужасе, удивлении... **страдании**.

Шайль жива? Шайль жива. Пуля прошла верхнюю часть черепа, лишь оцарапав мозг. Впопыхах такую деталь сложно подметить. А в драке с **волколлюдом** это важно.

Детектив вздыхает, опускает пистолет. Спрыгивает на пол, пошатываясь, бредет к трупу. Падает на колени и **вгрызается**. Надин не мешает. Надин не в силах.

— Всю прическу испоганил, засранец, — жалуется Шайль, даже без зеркала зная, что на голове сейчас бардак.

Надин молча прижимается к защитнице. Тискает ее, утыкаясь мокрой от слез щекой.

— Ты чего, **малая**? — детектив недоуменно гладит подругу по голове. — Ты чего расклеилась?

— Я думала, ты **все**...

— С луны свалилась? У нас работы еще куча. Освобождение гниет. Если я сдохну, кто разгребет все это дерьмо?

— Ты лучшая, Шайль, — Надин поднимает заплаканные глаза, из которых брызжет новая порция слез. — Как ты можешь быть такой **крутой**?

— **Лакричные палочки творят чудеса**, — отшучивается детектив.

Или не отшучивается? Из кармана куртки показывается бумажный сверток. В котором... сладость. Во имя нечестивых боблинов, Шайль и правда успела прихватить с собой порцию **сахара**?

— Будешь, малышка?

— Буду! — истерично всхлипывает Надин и разворачивает бумагу, доставая оттуда вкусняшку.

Ее острые клычки не оставляют угощению ни единого шанса. Шайль с улыбкой проверяет остаток патронов в пистолете. Обыскивает мертвого, **поеденного** волколлюда и достает из кармана его штанов еще пару магазинов. Такого боезапаса хватит, чтобы решить все проблемы в О-1, с которыми девушки могут столкнуться. Пятьдесят восемь выстрелов из пистолета — да кто от такого откажется? **Точно не детектив**.

Глава 16: День 8

«Соловей» лежит на столе. Пистолет назван не просто так: его «трель» способна тронуть почти любое сердце. Или иной орган, смотря куда нацелиться. Двадцать патронов в магазине, при достаточно небольшом размере оружия, делают из «Соловья» компактную машинку для расстрела врагов.

Шайль задумчиво щелкает рычажком переключения режима огня. Туда-сюда. Отчасти ей повезло, что Ванёк предпочитал стрелять одиночными. Отчасти... отчасти нет никакого удовольствия в полученной ране. Лучше бы умерла от очереди в голову.

— Можно аккуратнее? — шипит детектив, кривясь и убирая руку от пистолета.

— Прости, но я тебе не врач! — Надин раздражена, но начатое бросить не может: игла должна закончить свой путь.

Зашивать голову — не самое легкое занятие для пацифиста. Но девчонка не сдаётся. Ловкость пальцев и наставления Шайль кое-как помогают перебороть нервозность.

— Выглядит ужасно.

— Еще бы, — фыркает детектив. — Не переживай, скоро зарастет.

— Тогда зачем зашивать?

— Потому что я не хочу ходить с раскроенной головой. Давай... Ты сможешь. Ты ведь умница.

Надин не считает себя ею, но старается. Шайль внимательно смотрит на привязанного к стулу мужчину. **Воняет**, уродец.

— Готово, — девчонка выдыхает, с тихим щелчком ножниц перерезая нить.

— Ты лучшая, — Шайль поднимается, мимолетом чмокает подругу в щеку и засовывает «Соловья» за пояс. — Еще одна задачка: приведи придурка в чувство.

— Что-о?!..

Детектив на ходу разводит руками, направляясь в неизвестную сторону.

— Я умоюсь и вернусь!

— Для чего нужен этот препарат?

Шайль курит, опирается на стол, неторопливо притоптывает.

— Кто его делает?

Шайль ходит из стороны в сторону, потирая разбитые костяшки.

— **Что** это значит?!

Шайль прислоняет ствол «Соловья» к виску, игнорируя и без того напуганное лицо.

— Ладно. Кто теперь заказчик?

Шайль задумчиво кивает, закуривает еще одну сигарету.

— Как это можно отследить?

Шайль с тяжелым вздохом закрывает за собой дверь. Надин подскакивает со стула, торопливо приближаясь.

— Что-то сказал?

— Много всего. Но ничего, что было бы полезно. Пойдем на улицу. Здесь **воняет**.

На ходу девчонка спрашивает. Шайль отвечает коротко, размышляя о другом: выстрелы

из квартиры ведь никто не мог слышать? Вряд ли у здешних особняков такие же тонкие стены, как в О-3 или О-2. Богатство требует тишины и **приватности**.

Пустая улица перед домом подсказывает, что никто из соседей действительно ничего не услышал: полицию не видно. Это логично, иначе бы у Шайль не было времени на допрос.

Надин поднимается на цыпочки, чтобы осмотреть рану.

— Почти зажила...

Шайль раздраженно хватается девчонку за плечо.

— Мне нужно, чтобы ты переждала где-то в безопасном месте.

— В смысле?

— Я иду к мэру.

— Прямо сейчас? Ты вся в крови... — Надин выглядит не столько удивленной, сколько растерянной.

Шайль морщится, мотает головой.

— Время терять нельзя. Просто пережди где-то, не привлекай внимания. Может, выпей кофе. Развлекись как-то тихо, короче, — детектив достает из кармана рубли и впихивает их в ладонку Надин.

— Я хочу с тобой!

— **Нельзя** со мной. Жди в конце дня возле «Премиума». Если я не вернусь, даже не пытайся выходить из О-1. Прячься до последнего, пока все не затихнет. И не спорь. Пожалуйста, — девушка хлопает подругу по плечу, приободряя.

Надин останавливается, расстроено глядя вслед Шайль. Девчонка не особо понимает, почему детектив выглядит настолько обеспокоенной. И вряд ли поймет: Шайль так и не сказала **главную** правду.

Мэйсер торопливо шагает рядом. Шайль курит, игнорируя недовольные и удивленные взгляды прохожих.

— И что ты планируешь делать? — спрашивает следователь, недовольно разводя засунутыми в карманы куртки руками.

Полы приоткрываются, являя старую рану. Ту, от которой парень умер.

— Закончу дело Бибика.

— Ты ведь понимаешь, что происходит на самом деле?

— Да, понимаю.

— И все равно лезешь?

— Вариантов нет. Либо я спасаю этот город, либо мне придет конец вместе с ним.

Шайль услышала лишь раздраженное цоканье языка. Обернувшись через плечо, обнаружила, что Мэйсер пропал. Остановилась ненадолго. Медленно кивнула своим мыслям и пошла дальше.

Допрос информатора дал чуть больше информации, чем детектив рассчитывала. К сожалению, Шайль редко задумывается, хочет ли она слышать честные ответы на свои вопросы: просто спрашивает, а потом пытается разобраться с услышанным.

И теперь Шайль знает, что она доведет все до конца. Потому что позади только могила.

Ей хочется отступить куда-то в сторону, сойти с пути. Очень хочется. Потому что то, чего она коснулась в расследовании об убийстве Бибика, вызывает отвращение.

Естественное желание отпрянуть, одернуть руку. Но если отступит — упустит шанс сделать что-то **стоящее**. Всю свою карьеру Шайль только и делала, что изучала уже совершенные преступления. Теперь же ей впервые дан шанс исправить то, что может случиться.

Надо только поговорить с мэром. Добраться до него, услышать подтверждение информации и передать предложение Гэни. «Соловей» за поясом поможет...

— Мисс, остановитесь!

Поставленный голос, уверенная интонация. Это очевидное требование, и Шайль очевидно не собирается ему подчиняться.

— Мисс! — полицейский выкрикнул еще раз.

И это стало хлопком сигнального пистолета: Шайль сорвалась с места и побежала. Детективу неважно, почему ее пытаются остановить. Проверка документов, разводы крови, разбитые костяшки рук или допрошенный наконец-то выбрался из веревок и передал наводку на Шайль...

Сейчас любая остановка приведет к неизбежной заминке. Поэтому детективу приходится бежать. Ярко-красные кроссовки отбивают четкий ритм по тротуару, воздух размеренно выходит через клыки. Шайль хорошо бежит, потому что этому пришлось учиться с детства.

Позади завизжала сирена полицейского автомобиля. Из рупора продолжили доноситься требования. Шайль чуть не сбила с ног прохожего и забежала в переулок. Называть его так немного стыдно — это просто вычищенный до блеска проход между домами. Вовсе не похоже на те мрачные переулки, которые можно увидеть в О-3.

Быстрее. Шайль заново набирает скорость, сброшенную до этого. Дистанция короткая — детектив почти что выпрыгивает с другой стороны переулка.

— Ох!.. — выкрикнула женщина, получившая толчок плечом.

Шайль таранит все, что не успевает уйти с пути. Выбегает на проезжую часть. Автомобилей мало, поэтому они вовремя дают дорогу «обезумевшему» пешеходу.

— **Остановитесь!**

Жест выходит слишком торопливым, чтобы его можно было рассмотреть как следует, но детектив очевидно выбросила в сторону полицейских руку с оттопыренным средним. Шайль знает, что в О-1 не будут стрелять без очень веской причины. Таких девушка пока не дала. Пусть попробуют поймать.

Ратуша виднеется впереди. Шайль выбегает на парковую зону, и тут разогнаться получается лучше. Пространства между деревьями хватает с избытком, а люди почти не сходят с тропинок.

Какая-то собака, наверняка домашний любимец, начала лаять и бежать за Шайль, решив, что это какая-то **крутая** игра. Хозяин растерялся, не успев вовремя остановить питомца: пес быстро поравнялся и вместе с Шайль унесся на приличное расстояние. **Отвратительно** воспитанная собака.

Дышать становится все труднее, но детектив отчаянно цепляется за скорость. Нужно быть быстрее, нужно успеть... Как только она доберется до ратуши, станет гораздо легче. Поэтому Шайль постоянно косится на собаку. Она поддерживает темп.

Перепрыгнуть через полосу кустов. Детектив приземляется по ту сторону, едва не снесши телом коляску с младенцем. Мать успела только вскрикнуть: Шайль вскочила и побежала дальше. Ратуша, вот она, прямо через дорогу...

Полицейский автомобиль тормозит перед ней, блокируя дорожное движение. Дверца

распахивается, выскакивает крепкий парень, тут же хватается за дубинку на поясе.

— Стой же, стер!.. — начинает кричать, но запинается, не договорив.

Ведь ярко-красная кроссовка впечатывается в плечо, а Шайль взлетает на крышу автомобиля. Спрыгивает с него на дорогу и бежит дальше. Полицейские орут, бегут следом...

В холле сегодня довольно тихо. Девушка, отвечающая за запись на встречу с мэром, весь день клюет носом. На ее блестящем, отполированном золотом значке написано: «Мираль». Так зовут работницу.

Мираль сидит за стойкой. С унылым лицом листает журнал. В предыдущие дни холл разрывался. Владельцы бизнеса, представители торговых компаний, работники из О-2... Все, кто успел оттуда сбежать или кто был связан с этим районом, хотели добиться от мэра ответа. Именно от мэра.

Ну вы знаете этих **активных граждан**. Им мало газет, им мало сплетен в бакалейных лавках, магазинах и кофейнях. Они считают своим **гражданским долгом** встретиться с самым высокостоящим должностным лицом в городе и лично высказать возмущение. И раз уж это вполне возможно...

Поэтому сегодня Мираль особенно уставшая. Настроение изрядно испорчено, и даже относительно тихий денек не способен это исправить. На улице тепло, солнечно. Девушка почти что потеет в душном холле: охладитель так и не смогли починить, поэтому демонтировали его и пообещали заменить. Ага, как же. Большая часть складов была в О-2. Чем заменять собрались — так и не сказали. Происходящее пахнет кризисом, но Мираль это не волнует. Сегодня последняя смена за стойкой, в следующие три дня можно отдохнуть. Она выпьет кофе с подругами, может, встретится с каким-нибудь мужчиной... И каждую ночь будет лежать на диване в обнимку с котом и читать журналы.

Мираль **мечтает** об этом. Но мечтам суждено прерваться, ведь дверь **хлопнула**. Так, как никогда до этого. Даже за предыдущие дни. Девушка вздрогнула, вскочила, через стекло посмотрев на вбежавшую в холл сумасшедшую. Растрепанные бело-красные волосы, перепачканное красным лицо, черная одежда и красные кроссовки. Куртка полицейского образца на плечах добавляет абсурдности. Мираль не знает, как реагировать, но ей и не дают шанса. Забежавшая в холл уже захлопнула за собой дверь, а потом...

Подперла ее диваном? Мираль лишается дара речи, во все глаза наблюдая за происходящим. Казалось, что сильнее удивиться уже не выйдет. Но в дверь начали ломиться. И если бы не еще один диван, который незнакомка успела подтащить, возможно, что вломились бы.

— **Извините?**.. — Мираль не знает, что еще сказать в такой ситуации.

Как минимум потому, что эти диваны если и перетаскивались кем-то, то только парочкой крупных работников. Парней. А не одинокой девушкой в куртке полицейского.

— Извиняю, — хрипло отвечают с той стороны стекла. — Мне нужно встретиться с мэром Совински.

Мираль смотрит на блестящие зеленые глаза, на клыки, заметные при разговоре, и начинает осознать: сегодня **очередной** день кризиса, наступившего Освобождение.

— Вы волколюд? К сожалению, встреча с мэром для людей вашей расы... — бормочет

Мираль и вздрагивает, когда по стойке ударяют кулаком.

— **Мне нужно.** От этого зависит судьба города.

— Простите, я вынуждена сообщить в полицию!.. — лопочет Мираль, пытаюсь вернуть себе хоть каплю самообладания.

— Я — **Шайль.** Я зарегистрированный волколюд, я работала детективом, пока не началась вся эта **херьня.** И у меня важный разговор к мэру.

Мираль теряет. Обычно волколюдов не пускают в ратушу. Их вообще мало в О-1. Это район для **культурных** людей. Откуда здесь оказался этот шумный зверь? Еще и заявляет, что работал детективом.

Работница приемной вдруг понимает, чем перепачкано лицо и волосы посетительницы. Это **кровь.** Дверь за спиной Шайль содрогается от ударов, но диваны даже не собираются сдвигаться в сторону.

— Извините, у нас сегодня не приемный день, мэра нет на месте, — Мираль ляпает первое, что приходит в голову.

Девушка вдруг понимает, в чем главная неприятность ситуации. Охранник, который обычно сидит в холле, как раз отошел за чашкой кофе. В кофейню. Которая в сотне метров от ратуши. То есть, единственный человек, который мог бы помочь, **все еще** на улице.

Видимо, Шайль благоволит сама судьба: охранники не имеют право покидать ратушу даже ненадолго. Но тут все оказались слишком расслаблены после пары напряженных дней. **Курьез.**

— У вас каждый день — приемный, — спокойно сообщает Шайль, тыкая пальцем в табличку с графиком. — Сегодня работа до третьей доли дня, но я вовремя.

Мираль оборачивается на часы за спиной. Стрелка ехидно замерла на середине второй доли дня.

— Простите, я не могу пустить волколюда без **сопровождающего,** — упирается работница.

— Прощаю, — спокойно отзывается детектив, доставая из-за пояса пистолет.

Мираль непонимающе смотрит в дуло. Голос Шайль становится отдаленным:

— Есть два варианта. Первый — ты помогаешь мне встретиться с мэром. Второй — я выстрелю и сама пойду к нему. Оба варианта меня устраивают, так что надо решить прямо сейчас.

— Вы понимаете, что вы творите?.. — шепчет Мираль.

Она все еще не до конца осознает, **что именно** на нее направлено. Оружие работница если и видела, то в кобуре охранника. Но смотреть прямо в темноту, скрывающую смерть, не доводилось.

— Да, я понимаю. Я решаю судьбу города, ломая палки, которые мне вставляют в колеса.

Шайль немного лукавит: ей никто целенаправленно не мешал. Просто темп, взятый детективом, не поддерживается законом. Шайль в кризисный период пытается брать штурмом каждую зацепку, лишь бы довести начатое до конца: зашить раскроенную голову проклятого Освобождения и расслабиться.

С другой стороны, детектива можно понять. У нее на руках странные карты, которые надо либо разыгрывать сразу, либо без промедления кидать в «отбой». Никто не даст времени. Потому что Освобождение кровотоцит, а дело Бибика скрывает под собой **политическое недоразумение.** Которое готовится набрать невероятные обороты.

Тем временем Мираль держит паузу. И только многозначительный щелчок взведенного курка заставляет ее приступить к делу:

— Пройдемте со мной, я вас отведу! — натянуто улыбается работница, хватаясь за ключ.

Вряд ли в этом есть смысл, потому что сейчас в холле кроме Шайль и Мираль никого нет. Тем не менее, работница от неприятностей подальше закрывает за собой дверку. Сегодня уже случилось одно нарушение правил, ставшее критическим: охранника наверняка уволят, как только выяснится, почему этого **урода** не было в холле. Никакие оправдания не помогут. Даже если ситуация с окровавленной **волколюдкой** не приведет к катастрофе.

Кабинет, в котором принимает мэр Совински, оказался не так уж далеко, вопреки ожиданиям Шайль. Всего лишь завернуть в коридор и дойти до пятой двери слева. Мираль стучится, ожидая ответа с той стороны, а детектив задирает голову: она помнит, что в ратуше огромное количество этажей.

Если мэр сидит на первом, то кто сидит на верхних? Уборщики? **Ха-ха**. Картинка сложилась как раз в тот момент, когда Мираль дождалась ответа и схватилась за ручку двери.

— Погоди-ка, — Шайль перехватывает предплечье работницы. — Ты меня **дуришь?**

— В смысле?.. — удивленно спрашивает Мираль.

— За этой дверью **нет** мэра.

— Он там!

Шайль вздыхает и отталкивает работницу от двери. Трет переносицу стволом пистолета, пытаясь понять мысль, которая сидит в голове.

— Стой здесь. Убежишь — по запаху найду.

Мираль нервно кивает. Шайль толкает дверь. За ней — скромный кабинет. За столом сидит мужчина. Бодрый. С гладким лицом. Мэр Совински, прямо с плаката.

— Вы посетитель? — вежливо спрашивает мужчина, сцепляя пальцы в замок.

— Да. Вы мэр Совински? — Шайль не торопится заходить в кабинет.

— Вы пришли по адресу. Проходите. О чем хотели поговорить? — мужчина делает приглашающий жест, указывая на стул напротив.

— **Вы** мэр? — повторяет детектив.

Мужчина хмурится. У него тоже последние несколько дней были очень неудачными и нервными. А теперь на пороге стоит девушка в полицейской куртке. Еще и с лицом... что-то не то.

Ах, если бы мужчина мог надеть свои очки!

— Проходите пожалуйста, — повторяет мэр.

— Ответь на вопрос, **придурок**. Ты — Совински?

Мужчина уже много раз слышал этот вопрос. Многие не верят. Поэтому отвечать научился так, чтобы убеждать, но не нарушать закон о неподдельности личностей:

— Вы пришли к мэру поговорить, и у вас есть шанс поговорить. Не тратьте мое время, я **очень** занятой человек. Садитесь и говорите, что у вас за проблема.

Посетительница поднимает руку. Мужчина легко узнает **пистолет**.

— Стойте!!! — вскрикивает, вскидывает ладони. — Я не мэр, я не мэр, не стреляйте!

Мужчина может пойти на косвенную ложь, если перед ним сидит недовольный банкрот. Может соврать какому-нибудь юному студенту, который хочет пообщаться с мэром для своей дипломной работы. Мужчина может хитро врать кому угодно, но только пока за

это платят рубли и пока нет риска для жизни.

— То-то же, — сплевывает посетительница и закрывает дверь.

Мужчина с облегчением выдыхает. Он чувствует, как руки бьет нервная дрожь, как подмышки неприятно потеют. Ему очень хочется потереть лицо, но это размажет толстый слой грима. В котором он **задыхается**.

Если бы десять лет назад кто-то сказал молодому студенту, что учеба на актера приведет его в эту ратушу, в это кресло... он бы отказался от своих амбиций и пошел бы на какой-нибудь завод в О-2. Так проще. Жить без иллюзий, без шанса увидеть, как рушатся все те мечты, что выстраивались детским разумом...

Никому не нужны **действительно** хорошие пьесы. За них почти не платят. Зато за лживую, стрессовую работу двойника — платят. Слишком хорошо, чтобы можно было держаться за глупые надежды и идеалы.

Настоящий мэр Совински отложил ручку и вытянул ноги, упираясь носками тапочек в стенку письменного стола.

— Доминик, пожалуйста, потерпи несколько месяцев, — терпеливо попросил мужчину, обращаясь к изображению, транслируемому кристаллом. — Я не говорю «нет», я прошу подождать. Ладно?

— Хорошо. Просто чтобы ты знал...

— Я знаю. Мы потом еще раз обсудим. Идея замечательная. До связи.

Палец мэра стукнул по кристаллу, обрывая звонок. Взгляд перевелся на другое изображение. Суровое лицо начальника полиции было обеспокоенным.

— Что там сейчас? — спросил мэр.

— Я отозвал всех.

— Молодцы. Не надо шуметь.

— Вы уверены? **Она** может стать проблемой...

— Все хорошо. Занимайтесь ежедневным патрулированием, с остальным я разберусь.

— Мэр, если с вами...

— Не трать мое время, — вежливо улыбнулся Совински.

— Простите. Берегите себя.

Начальник полиции отключился самостоятельно. Мэр вздохнул, помассировал виски. Лицо его было изможденным. По-настоящему. Горожане Освобождения думают, что мэр — это некая публичная личность, которая всем обязана своим местом в ратуше. Едва ли кто-то понимал **реальную** картину. Впрочем, Совински знал, что самый лучший инструмент влияния на массы — это коктейль из лжи и правды. Актеры, усаженные на первом этаже, это та самая доля вранья, которая необходима.

Совински продолжил писать. Бумаги, разложенные по столу, касались самых разных вещей. Некоторые требовали «слепые подписи», некоторые — детального ознакомления. А некоторые мэру нужно было исписывать от и до. Сейчас мужчина **заполнял**.

Говоря откровенно, Совински слишком умен для должности мэра. Он знает, что мог бы вполне неплохо справляться с ролью одного из членов совета Всемирья. Но что-то, как всегда, пошло не так.

Даже по данным тестирования Совински — гений. Его мозг способен одновременно

анализировать несколько разных вещей. Его усидчивость почти неподражаема. Рациональный подход находится в идеальном балансе с живым воображением. Мэр — человек, который способен руководить любым процессом, принимать самые сложные решения и находить выход даже в комнате без дверей и окон. Но он сидит здесь, в кресле мэра Освобождения. Пока человек, который и в подметки не годится Совински, ютится в столице Всемирья.

Несправедливость? Нет. Совински никогда бы так не сказал. Он склонен считать, что это — результат недостаточно хорошо просчитанного уравнения. Мэр ошибся, и он даже догадывается, в чем именно. Поэтому все сложилось не лучшим образом. Ему приходится работать на износ в городе, который не сможет окупить подобные вложения. Лучшие годы Совински уже отдал. Впереди только постоянные дозы витаминов и лекарств, чтобы мозги продержались еще хоть десяток лет. Потом наступит выгорание, а вместе с ним и конец «карьеры» в политике.

В конце концов, мэр стал заложником собственного перфекционизма. Он мог бы позволить Освобождению сгнить, но это было бы бессмысленным прожиганием таланта. Совински не сможет подняться выше, его не пустят. Поэтому, удовлетворившись местом в ратуше одного из самых проблемных городов Всемирья, Совински **работает**. Как идеально отлаженные часы, лежащие в кармане нищего воришки. Слишком шикарно, но выбора нет. Мужчина не может прекратить свою работу просто из-за того, что оказался не в том месте.

Поэтому... Да. Он делает то, что может. Получается неплохо. К сожалению, волколюды — слишком поганая раса, чтобы сделать из Освобождения нечто прекрасное. Но О-1... это гордость мэра. Тут все работает как надо. Потому что нет **зверья**, а, значит, и проблем.

Когда дверь распахнулась, мэр уже закончил заполнять документ. Он сидел, сложив руки на груди и глядя на песочные часы. Одни из семи выставленных в ряд на столе.

— Здравствуй, Шайль, — здоровается Совински, протягивая руку и переворачивая часы. Песок начал сыпаться.

— Вот теперь я верю, что это мэр. **Вали** отсюда.

Детектив грубым толчком выпихивает Мираль и закрывает за собой дверь. Совински поднимает взгляд и слабо улыбается:

— Сразу говорю — если ты наставишь на меня пистолет, я замолчу.

— Чего? — Шайль удивленно смотрит сначала на мэра, потом на «Соловья» в руке. — А, нет. Не буду. Я даже с предохранителя не сняла.

Пистолет прячется за пояс штанов.

— У нас один оборот часов, — Совински стучит пальцем по деревянной дощечке. — Это одна пятая доли, если быть точным.

— Отлично, — Шайль кивает, приближаясь к столу. — Больше не понадобится.

— Тогда приступим. Кто будет говорить первым? — Совински расслабляется в кресле, наслаждаясь подвернувшейся возможностью отдохнуть.

— Давайте я, — предлагает детектив, усаживаясь на стул и вынимая сигарету. — Вы не против?

— Кури. Я бросил пару лет назад. Для здоровья вредно.

— Ха. Я все никак не брошу. В городе **воняет**.

Зажигалка с щелчком подпалывает сигарету. Шайль делает затяжку и выдыхает в сторону. Хмурится. Совински ждет слов. Его лицо, постаревшее раньше времени, не выражает ничего, кроме вежливой полуулыбки. Взгляд совершенно спокоен. Шайль это нравится в каком-то

смысле. Она устала от **сложных** собеседников.

— Я пришла прояснить ситуацию. Я детектив...

— Знаю, — перебивает мэр. — Вкратце — ты детектив из агентства «Заря», которое сейчас расформировано. Ты занималась расследованием убийства фармацевта, закрыла дело, повесив преступление на родную сестру убитого. Та дала признание. Но ты продолжила расследовать.

— Угу, — Шайль не удивляется осведомленности мэра.

Скорее, ей это тоже нравится. Она слушает дальше, курит и изучает текущую струйку песка.

— И расследование привело тебя в О-1, ко мне. Ты пришла сюда с некой Надин, про нее я много не знаю. Вы тут успели натворить бед, и теперь ты у меня в кабинете. Теперь можешь заполнить пробелы в моем рассказе.

— Я выяснила немного про препарат, которым прикончили половину города.

— Чуть больше трети, — поправляет Совински.

— И я пришла, чтобы передать слова лидера одной из общин.

— Тут можешь подробнее. Я знаю, что О-1 собираются штурмовать. Какие еще новости?

— Не все волколюды хотят войны, — Шайль небрежно стряхивает пепел на ковер. — Община «ВолкоЛЮДЫ» хочет договориться с вами.

— О чем? — мэр утомленно потирает виски. — Говори быстрее, я не могу терять много времени.

Шайль хмурится, пытается сформулировать так, чтобы не быть перебитой в начале.

— Если члены общины ударят в спину тех, кто штурмует О-1, вы разделите власть с лидером?

Совински выдыхает. Два раза стучит пальцами о столешницу.

— Расскажи про лидера.

— Мелкий пацан — Гэни. Им можно манипулировать. Он пацифист, — Шайль пожимает плечами.

— Тогда почему? — Совински хмурится. — Ты ведь понимаешь, что **пацан** не будет на одном уровне со мной? Просто не вытянет. Это невыгодное для вас предложение. В чем подвох?

— «Подвох»?

— Да. Говори прямо, иначе у нас диалог не сложится.

— Подвох только в том, что брат у этого пацана постарше. Скорее всего, именно он настоящий лидер, вот только подробностей я не знаю.

— Ты пришла неподготовленной, — недовольно замечает мэр. — Это несерьезно.

— Я детектив, а не политик. Меня не интересуют такие мелочи.

— Хорошо. Допустим. Почему община решила предать других волколюдов?

— Потому что они пацифисты. Такие, какими могут быть зверолюды. Они за мир и любовь, но это не мешает им прибивать к столбам тех, кто нарушает **правила**.

— Я знаю их принципы. Я не понимаю, в чем для вас всех выгода.

— Объясните, — просит Шайль, выдыхая дым в сторону собеседника.

— Сейчас Освобождение переживает сложный момент, — мэр тянется к стакану воды, чтобы сделать глоток. — В О-2 полно **тварей**, которых нужно устранить. Волколюды из О-3 хотят захватить власть. Они не смогут, это понятно. Я уже запросил поддержку армии, через

пару дней в городе будет то, что политики называют **прецедентом**. У Всемирья начнутся большие проблемы с миром зверей, когда те узнают, что в Освобождении выкосили маленькую армию волколюдов. Может быть, это будет началом новой войны. Может быть, будут пересмотрены все договоренности между Всемирьем и зверолодами. В любом случае, ситуация сильно поменяется. Это **удобно** вам, почему вы предлагаете замять происходящее? Есть какой-то подвох, и я хочу его услышать.

— Потому что это предлагает не община, а я, — уточняет Шайль. — Я надавила на Гэни и подтолкнула его к тому, чтобы он пошел на соглашение с вами. Ему интересно управлять городом наравне с людьми. Гэни **сумасшедший**, он даже не совсем волколюд. Просто тупой щенок, который не понимает, куда дует ветер. Пацифист.

— А тебе это зачем?

— Я хочу работать детективом. В Освобождении. Я не хочу уезжать и не хочу, чтобы зверолоды выбрались во Всемирье.

Совински по-доброму усмехнулся.

— Понимаю. У **безмордых** сложно с сородичами. Я готов дать тебе ответ, но сначала дослушаю. Что-то еще скажешь?

— Да. Я узнала подробности о препарате «Зверь».

— Нравится название?

Совински так внезапно переключает тему на что-то **неважное**, что Шайль удивленно моргает, зажимая пальцами докуренную до фильтра сигарету.

— Кинь сюда, — просит мэр, сделав несколько глотков воды и подставив почти пустой стакан. — Так тебе нравится название?

— «Зверь»? Не особо...

Окурок падает в воду, угасая с отчаянным шипением.

— Хорошо. Про препарат мы пообщаемся, время еще есть. Ответ сначала на один вопрос: волколюды действительно смогут эффективно ударить в спину собратьям, если я соглашусь?

— Смогут. Я им помогу.

— Нет. Не помогай, — Совински качает головой. — Для тебя будет другая роль. Они смогут сами сделать что-то достаточно **существенное**, чтобы у меня был повод взять Гэни в мэры?

— Да, смогут. Я уверена. У них достаточно волколюдов, это большая община, оружие у них есть. Проблем не возникнет.

— Даже с тварями из О-2?

— Это проблема тех, кто будет штурмовать. Им придется пройти через О-2. Они очистят дорогу, и ударить в спину не будет трудно.

— Ну хорошо. Тогда считай, что я согласен. Так даже лучше, мне не придется решать лишние проблемы, — Совински улыбается почти что по-дружески. — Думаю, с пацаном и его братом я как-то разберусь.

Шайль медленно кивает, пытаясь понять, стоит ли ей уточнить договоренность как-то еще.

— То есть...

— Да, Шайль, я согласен. Тебе достаточно сказать Гэни, что место в ратуше для него найдется. Если они отвлекут штурмующих, те быстро заглохнут под перекрестным огнем, а я с радостью задушу конфликт между Всемирьем и **зверьми**. Документы подписывать не

будем, сама понимаешь, почему.

— Потому что это ненадежный договор?

— Именно. У нас нет третьей стороны, которая может выступать доверенным лицом. Есть только люди и звери, — Совински улыбается, заметив, что времени на разговор хватает с избытком. — С вашей расой всегда было сложно договариваться, и если говорить откровенно, то ты настоящая спасительница. Мне это нравится.

— Разве? — скептически приподнимает бровь Шайль, засовывая руки в карманы куртки.

— О да. Теперь поговорим о «Звере». О препарате, то есть. Расскажи, что ты узнала, а потом я возьму слово.

Детектив прочищает горло.

— Это средство для временного превращения в **зверя**, отсюда и название. Его первая версия должна была помогать и **безмордым**, но формула оказалась слишком нестабильной из-за разницы между человеком и волколюдом. Препарат разрабатывали бромпиры. Было несколько экспериментов, ни один из них не увенчался успехом, — Шайль запинается, вспомнив **фотографии**. — Либо летальный исход, либо трудноизлечимые последствия. Вскоре проект закрыли. А спустя несколько месяцев наработки выкупил кто-то. Я не знаю, кто. Но результат мы видим на улицах О-2, — Шайль взмахивает рукой в нужную сторону. — Много смертей, много **превращений**. Полный отстой.

Детектив заканчивает рассказ, на протяжении которого с лица мэра не сходила улыбка. Совински несколько раз моргает, вздыхает.

— Неплохо. Не так впечатляюще, как я ожидал, но... неплохо. Удивительно, сколько времени тебе потребовалось для того, чтобы разнюхать хоть что-то внятное.

— Примерно шесть дней. Разве это много?

— Когда дело касается подобного — да, очень много, — Совински удрученно кивает, останавливая взгляд на песочных часах. — От детектива ждут **оперативной** работы, когда дело касается настолько щепетильных тем. Насколько я знаю, за тобой замечено... не слишком ответственное отношение к работе.

— М, то-то я смотрю, мои коллеги раскрывают дело за делом, — сухо парирует Шайль. — Не то что я.

— Эй, я ведь не сказал, что ты плохо работаешь. Просто отметил деталь.

— Хорошо, — кивает детектив. — Вы хотели что-то сказать?

— Честно говоря, я не люблю так поступать с людьми... и волколюдьми. И **девушками**, в частности, — мэр с мучительным выражением лица чешет щеку. — Но в твоём случае у меня нет выбора.

Шайль напрягается. Рука тянется к рукоятке пистолета.

— Сразу хочу сказать, что ты не пострадешь, если все сделаешь так, как надо, — спешит уточнить Совински. — Но ты зря ко мне пришла.

— Да ну? Я всего лишь хочу спасти город.

— И ты это сделала! — активно кивает мужчина. — Я обеспечу тебя и Надин транспортом, который позволит быстро добраться в О-3. Ты действительно спасешь город, если Гэни сдержит слово. Вот только **лично ты** уже не спасешься.

— М-м? — Шайль сжимает рукоять «Соловья».

— Честно говоря, я думал, что дело Бибика не зацепит тебя. Ты легко выйдешь на Зельду и все закроется.

Детектив каменеет. Ей не нравятся эти слова. Пистолет выскальзывает из-за пояса, но пока еще не встречается **взглядом** с мэром. Тот продолжает:

— Но ты пошла дальше, и это было ошибкой. Нарботки по «Зверю» выкупил не «кто-то», как ты выразилась. Всю эту идею купил совет Всемирья.

— **Что?**

— А ты как думала? Изначально препарат делал один очень эксцентричный бромпир. Он мечтал об идеале — хотел сделать боевой стимулятор, который позволит на несколько долей стать зверем. Хоть человеку, хоть бромпиру, хоть **безмордому**. Это прекрасная идея, она здорово помогла бы в войне на ледниках, — Совински криво усмехнулся, постукивая пальцами друг о друга. — Вот только он **проебался**. Несколько раз. Его формула никуда не годилась. Вся его команда **дерьмовых** ученых не была способна ни на что. Это просто позорно: тратить столько времени, денег и человеческого ресурса на нелепицу, которая предполагает больше, чем возможно.

— **Твою мать, Совински...**

Шайль чувствует, как сердце разгорается. Ей хочется вскинуть пистолет, прижать дуло к виску мэра, получить ответ прямо здесь и сейчас. Но она понимает, что ускорить рассказ не получится. Детективу **уже** дают информацию. Остается только выслушать.

— Поэтому бромпир умер. Ну-у... это грустное событие, я за него не в ответе, и очень этому рад. Проект замер на мертвой точке. Его некоторое время подержали на ней, а потом совет Всемирья великодушно выкупил формулу, которую этот придурок завещал своему недоумку-ассистенту. Тот с радостью отдал наработки за деньги. Страх смерти творит чудеса даже с бромпирами.

— Зачем ты все это рассказываешь? Мне плевать на **ученых**, говори о **препарате**, — поторапливает Шайль.

— Время есть, не переживай. Я рассказываю это, чтобы ты могла понять, насколько законы мешают своим же создателям. Чтобы ты понимала, в какое **дерьмо** вляпалась сама. Чтобы ты понимала то, что я скажу дальше. Слушай молча, — мэр вдруг замирает, двигает челюстью и хмыкает. — Дай-ка сигарету. Вспомню молодость.

Время бастовать. Шайль тоже закуривает, нервно сжимая фильтр губами.

— Так вот. Бромпиры держали патент на формулу и даже активно привлекали инвесторов. Поэтому было проще убить одного и поторговаться с другим, а не пытаться делать аналог. По итогу, наработки оказались в руках **наших** ученых. Мы решили снизить требования, чтобы сделать продукт более реальным. Теперь «Зверь» не просто стимулятор. Он **обращает**. Понимаешь, Шайль, если бы зверолоды более активно помогали в войне за Всемирье, сама идея препарата была бы бессмысленной. Но с вами трудно договариваться, а еще, вы постоянная угроза для других рас. Ультрахищники, которые в любой момент могут сорваться с цепи и начать вторую войну. Всемирье столько не осилит, даже со всеми технологиями и магией.

Совински небрежным движением стряхнул пепел в стакан с грязной водой.

— Поэтому мы решили сделать **новую** расу. В идеале — оборотни. **Люди**, которые умеют превращаться в зверей. Почти как вы, только менее кровожадны и более дипломатичны. Но пока что этого добиться трудно, поэтому... мы решили остановиться на варианте **постоянного** обращения в зверей. Думаю, ты уже столкнулась с результатами.

Пистолет радостно выныривает из-под стола, наводится на голову мэра. Шайль

скрежещет клыками, морщится в ярости, смотрит с презрением. Совински лишь с усмешкой качает головой:

— Об этом и говорю. Стоит разговору повернуть не туда, и ваш контроль слетает. Но пистолет все еще на предохранителе, я так понимаю?

— Да. Потому что **пока еще** я себя контролирую, — рычит Шайль.

Ее рука трусится от желания вдавить крючок до упора, разнеся голову **ублюдка**. Но предохранитель на мозгах и на «Соловье» не позволяет.

— Контролируй дальше. История закрутится еще более лихо. Кстати, в молодости я тоже курил «Забастовку». Это неплохие сигареты, если смотреть в соотношении цены и качества, — мэр затягивается и хмыкает. — Очень неплохие и до сих пор. Так вот. Новая раса. Она не только поможет в войне на южных ледниках, но еще и позволит выдержать войну со зверолодами, если такая случится. Это — **идеальный** вариант. Но нужно было тестирование. А где тестировать подобное средство? Конечно же в Освобождении. Так что препарат перешел под мой чуткий присмотр.

— Назови хоть **одну** причину тебя не убивать.

— Дам три, — спокойно отвечает мэр. — Во-первых, ты этим ничего не изменишь. Во-вторых, не я в ответе за пиздец, случившийся на днях. В-третьих, я хороший парень и мне рано умирать. Подходит?

— **Говори.**

— Отлично! Для тестирования я создал простую сеть. В основном, препарат малыми дозами растворяли в других лекарствах. Для этого я нанял человека, человек договорился с некоторыми подпольными фармацевтами, а те приступили к работе... Так как все это происходило в О-3, избежать внимания волколюдов не удалось бы. Поэтому среди лидеров общин я пустил слух, что этот препарат разрабатывается для того, чтобы помочь **безмордым** стать **нормальными**. Ловко, да? Сладкая пилюля для расовой гордости.

— **Жить надоело?**

Мушка слишком хорошо выглядит на фоне головы.

— Ладно-ладно, обойдусь без похвалы. Так вот. Волколюды прикрывали фармацевтов, а те кормили своих пациентов маленькими дозами препарата. Это не давало эффект мгновенного **обращения**. Можно было наблюдать за постепенной перестройкой организма, за его реакцией. Собирать данные. Собственно, фармацевты это и делали. Пациентам становилось хуже из-за лекарства, они возвращались к своим аптекарям, получали новую дозу... а аптекари записывали изменения в состоянии. В О-3 ведь нет больниц. Нищим некуда пойти за помощью. Эта схема была **идеальной**.

— Ты же понимаешь, насколько это **отвратительно?**

— Малые жертвы ради победы большого будущего, — мэр пожимает плечами. — Война сама себя не закончит, Шайль. Особенно война с теми, кто жаждет полного уничтожения Всемирья.

— И ради этого нужно калечить людей? Вы могли пытаться договариваться со зверолодьями.

— Они ставят невысказанные условия. Ты понимаешь, что являешься представительницей расы **фашистов**? Вы хотите господства над всеми расами. Этот вид власти во Всемирье недопустим. Никогда один мирок не станет господствующим над шестью другими мирами. Это **бред**.

— Но вы могли **манипулировать**. Выиграть войну на ледниках. И тогда...

— И тогда сразу же проиграть зверолодам. Нет, Шайль, ты детектив, а не политик. Не суди наши решения. Нам выгодно то, что большая часть вашей расы сидит в своем мирке, а те, кто выходят, оказываются под контролем Освобождения. Некоторые попадают в армию, некоторые живут в городе, создавая видимость **культурного существования**. Все в порядке, Шайль. Это **компромисс**. Нарушать его — значит рискнуть Всемирьем. И тем, что лежит за его пределами. День, когда зверолоды добьются господства, станет первым из последних дней для наших миров.

— Поэтому ваш выбор — создавать препарат, который ведет к гибели города и конфликту со зверолодами?

— Не совсем. Я закончу рассказ, и ты поймешь. Моя схема работала как часы, все было прекрасно. Пока меня не подставили! Человек, которого я нанял для работы в О-3, внезапно поменял точку зрения на происходящее.

— **Удивительно**.

— И он рассказал обо всем волколюдам. Как итог — те распространили препарат **критичными** дозами. Где? В проклятом О-2, где люди жрут, пьют и веселятся. Фармацевты убиты, среди них не только Бирик. А целый город стал местом для **гражданской войны**.

— Откуда ты все это знаешь? Откуда мне знать, что ты не подстроил происходящее, а теперь пытаешься отвертеться от пули в лоб?

— Откуда я знаю? Мне прислали гребаное письмо! Полное сквернословия и угроз прикончить меня, сделать из Освобождения «свободный город зверолодов» и все в этом духе, — Совински кинул окурок в стакан и потер лицо. — А откуда тебе знать, что это правда... Потому что я отозвал полицию. Иначе бы тебя давно повязали. В ратуше несколько входов, а ты одна и вооружена **пистолетиком**. Но, как видишь, ты сидишь передо мной, мы общаемся и нам мешает только подходящее к концу время.

— **И что?**

— Пойми, зверолоды для тебя такие же враги, как и для Всемирья. Не реагируй остро. Мы с тобой — друзья, насколько позволяет ситуация. Все остальные... это просто детали **большого механизма**, который тебя не должен волновать.

Шайль щелкнула языком. Слова сестры «погибшего» щелкнули в голове.

— Зельда знала?

— Зельда... Бирик ей рассказал что-то, наверное. То, что сам знал. Я не интересовался особо. Суд прошел спокойно, ее отвезли в тюрьму, история с ней закончилась. Суть в другом, Шайль. Пойми — если ты меня убьешь, ты не выберешься живой. И не спасешь Освобождение. А ведь ты его сейчас спасаешь, это заслуживает уважения.

Рука расслабляется. Пистолет прячется за поясом.

— **Я понимаю**. Но мне не нравится происходящее.

— Мне тоже! — Совински обиженно разводит руками. — Никому не нравится. Но факт есть факт: Освобождение нуждается в том, чтобы эта **неприятная** ситуация замялась. Ты даешь хорошую возможность, благодаря тебе Всемирье не загнется в войне на два фронта. Газеты **жаждут** сообщить о чем-то таком. После тяжелой недели нужна радостная весть!

— Только вот вы продолжите играть с огнем и разрабатывать препарат.

— Конечно. Но не переживай, я придумаю новую схему. Может, снова начнем экспериментировать на заключенных. Это снизит масштабы мобилизации, но для Всемирья

это будет меньшим риском.

— Меня это уже не касается. Времени осталось мало, — Шайль кивает на песочные часы. — Раз мы договорились, я буду уходить. Нужно...

— **Не торопись.** Я еще не обсудил с тобой самое важное, — мэр откидывается на спинку кресла и подкладывает руки под затылок. — Твоя роль, Шайль. Как думаешь, какая она?

— Передать слова Гэни и перестать мелькать у всех на виду. Когда все вернется в норму, я вернусь к работе детектива.

— Не вернешься. Я подготовил к твоему приходу документ... это мое предложение тебе. Прочитай, — мэр передает со стола листок, исписанный идеальным почерком.

Шайль хмурится. Хватается за бумажку. Вчитывается. Слова разобрать не трудно, но смысл не торопится укладываться в голове. Девушке приходится несколько раз перечитать отдельные куски, чтобы поверить в написанное.

— Может, мне тебя **пристрелить?**

— Тогда умрешь ты и Надин, — мэр зевает, мечтая о ночи. — Не надо стрелять, Шайль. Если ты подпишешь эту бумагу, то еще настреляешься.

— **Что мне делать на войне?**

— А что тебе делать в Освобождении? Помнишь Дриля?

— **Занудную занозу в заднице?**

— Да. Эта «зэ-зэ-зэ» не просто так оказалась в вашем агентстве. Многие детективы показывали **ужасный** результат работы.

Мэйсер, сидящий на диване у стены, расхохотался:

— О да, мы **засранцы!**

Шайль поморщилась.

— И что?

— И то. Из всех своих коллег ты — лучший детектив. И в то же время худший. У тебя посттравматическое стрессовое расстройство. Это заключение не только Дриля, не только врачей, но и твоего начальника.

— **И что? Я могу работать.**

— Ты могла работать только в связке с Мэйсером. Без него ты неконтролируемая машина для убийств.

— Это разве что-то портит? Умирают преступники, а не невинные люди.

— Это портит имидж полиции. Это создает риски для всего населения. Это приводит к тому, что **один дерьмовый детектив заходит в ратушу и угрожает оружием мэру.** Недостаточно причин, Шайль?

— Так работал бы любой волколюд.

— **Нет. Ты сорвалась, малышка.** — Голоса Мэйсера и Совински сливаются в одно.

Детектив прикрывает глаза.

— Ты давно не можешь сосредоточиться, не так ли, подруга? — шепчет Мэйсер на самое ухо. — Тебе **погано.**

— Ты едва ли справляешься со своей работой, Шайль, — говорит мэр. — Ты не годишься для Освобождения ни в каком виде.

— Послушайте, я могу работать **на вас.** Могу! — Шайль откладывает документ на стол. — Я хочу жить в Освобождении, как любой другой волколюд. Разве не могу?

— Нет, — Мэйсер смеется. — Ты хочешь **свалить** отсюда, просто ты не знала, куда. Но теперь место нашлось...

— Прости, Шайль. Ты залезла слишком далеко, чтобы жить здесь, — Совински касается часов.

Песок перестал течь.

— Я специально рассказал всю правду. То, что ты узнала от меня, уничтожило твою нормальную жизнь. Если ты проболтаешься людям — они тебя будут презирать за очернение репутации мэра и совета Всемирья. Если проболтаешься волколодам — тебя убьют как предательницу, ведь ты остановила **освободительную войну**. Смешно, да? Хотела как лучше, а подставила себя.

— Ты подставил меня. Я просто **работала**.

— Либо подписываешь документ и выполняешь все, что в нем написано... либо ты выходишь из ратуши и умираешь. Держи ручку, решай сама. Я пока сделаю звонок.

Шайль дрожащей рукой принимает ручку из пальцев мэра. Пробегается взглядом по документу.

Что тебе не нравится, детектив? Ты не хочешь убить того, кто предал мэра и весь город? Ты не хочешь дать интервью газетам, когда все кончится? Или ты просто не хочешь ехать на **ледники**?

Шайль кусает губу, слыша, как мэр разговаривает через кристалл.

— ... Да, все в порядке. Она скоро выйдет. Не переживайте, я **договорился**.

Детектив поднимает взгляд. Если убить мэра — начнется война. Освобождение утонет в крови. И это будет **людская** кровь. Может, Шайль и не выберется из О-1 живой. Но зато ее раса сможет...

Захватить Всемирье? Подчинить его себе? А имеет ли это значение для Шайль?

Девушка вспоминает свою «семью». Отца, мать, братьев и сестер. Многие из них еще живы. Кто-то во Всемирье, кто-то в родном мире. Они все — **полноценные**. Они отвернулись от Шайль, потому что она не такая. Они позволили изгнать ее. **Они предали ее**.

Быть мертвой мученицей ради своей кровожадной расы? Или быть живой мученицей ради всех миров?

Последнее явно более значимо и соблазнительно. Тем более, она хочет спасти этот город. Дать шанс всему наладиться. Стать **лучше**.

Если верить документу, у Шайль будет целый месяц, чтобы насладиться жизнью перед тем, как ее отправят на войну с... димонами — огромными тварями, которые разорили мир бромпиров, вытеснили их и теперь хотят сожрать Всемирье.

Выживет ли она на этой войне? Шайль не уверена. Но ручка выводит уверенное «**Shaile**». Пусть будет так. Последнее убийство. Последний месяц жизни. А дальше — что-то новое. Опасное. Безумное. Но Шайль хотя бы не расстреляют. Значит, будет шанс отвоевать и вернуться... будет же?

— Мэр, — зовет детектив. — Я подписала.

— Умница. Я в тебе не сомневался, — улыбается Совински, принимая документ.

— Сколько мне нужно воевать, чтобы вернуться на **гражданку**?

— Как обычно, как и всем. Три года на ледниках — остаток жизни на свободе, — улыбается мэр. — Я думаю, ты без проблем справишься. После войны приезжай в

Освобождение, буду рад видеть.

Шайль чувствует внутри странную отрешенность. Глаза пощипывает. Нос тоже. Обидно. Ее снова выгоняют. На этот раз из квартиры и города. Почему? Ну почему так?! Почему она просто не может **жить?**..

— А мне... можно оставить револьвер и куртку? — спрашивает, едва не плача, с усилием стискивает зубы, чтобы голос не дрожал.

Побитый злобными мальчишками щенок. Брошенный семьей. Без друзей. Без родины.

— Куртку — точно да, а вот... револьвер? Ты про «Левиафана М-3» говоришь?

— Да.

— На фронте дадут кое-что получше.

— Мне нужен мой револьвер. Рука привыкла.

— Ладно. Я... — Совински бросает взгляд на изображение, идущее от кристалла. — Друг, запросите у ребят на ворота серийник револьвера. И позаботьтесь, чтобы его окончательно закрепили за Шайль.

— Так точно! — бодро отвечает кристалл.

— Все улажено, — мэр поворачивается к девушке с улыбкой. — Рада?

— Да... так чуть лучше, — кивает Шайль. — Значит, мне нужно будет убить **его?**

— Как только договоришься с Гэни — да. Убей, пожалуйста. Тебе ведь не сложно прикончить преступника? Ты привыкла к этому, насколько я знаю. Потом можешь отдыхать. Я позабочусь о том, чтобы все журналисты в Освобождении узнали, кто спас наш город и Всемирье. Покупаешься в лучах славы, а?

Шайль отрешенно хмыкает. Поднимается.

— До свидания, мэр.

— Удачи, детектив. Автомобиль будет ждать вас с подругой у ворот в О-2. Надеюсь на твое благоразумие.

Девушка выходит молча. Дверь закрывается с приятным щелчком. Мэйсер стоит в коридоре и курит.

— Значит, решила жить в безумном мире, где ты **крутая?**

— Вроде того... Дашь покурить?

— Ого, вот это просьба! Ну, такую героиню грех куревом не угостить. Держи.

Пачка «Забастовки» раскрывается, и Шайль чувствует в пальцах **реальную** сигарету.

— Ты призрак? — тихо спрашивает, прикуривая.

— Не-а. Просто воспоминание, которое сводит тебя с ума.

— Мы даже не встречались... Мы просто коллеги. Что за **херьня?** Почему ты меня преследуешь?

— Ты носишь мою куртку, а ведь **«мы не встречались»**. Только не говори, что тебе просто нравятся инициалы на спине. Не поверю.

— Тц. Не в этом дело, — Шайль косится в сторону от Мэйсера.

Там сидит боблин Кузнецов и шепчет:

— Я не хочу на войну... не хочу... не хочу... там не за что воевать... легче руку сломать... Мэйсер, сломайте мне руку, друг!

— Я бы сломал, но я **гребанный призрак**, — отзывается следователь, выдыхая облачко дыма. — Так что как-нибудь сами, коллега.

— А он, — кивает Шайль, — тоже детективом был? Я его не помню.

— Честно? Я вообще без понятия, почему ты видишь этого боблина. Вроде как он **мой**

друг.

— Ясно. Хороший у тебя друг.

— Жаловаться не могу, мы с ним неплохо ладим, — Мэйсер кидает окурок на ковер и топчет его ботинком. — Лучше, чем с тобой.

— Почему?

— Не знаю. Так уж сложилось, что у нас не сложилось.

— А ты бы хотел, чтобы все было иначе?

Мэйсер засовывает руки в карманы куртки. Пожимает плечами.

— Ладно, — Шайль кивает. — Забудь.

— Мне нечего помнить, башка совсем пустая, — человек идет к боблину, постукивая по виску, и бросает напоследок. — Это наша последняя встреча, дальше ты сама. И не пей больше **дрянь**, она плохо влияет на мозги.

Шайль рассмеялась. Нервно, с натяжкой, зажмурившись. Ударила затылком о стену. Открыла глаза.

Куртка, на спине которой только две буквы, — «Ф.М.», — мелькнула в последний раз. Затем растворилась прямо в стене. Скоро причитания боблина стихли. Как и вялые ответы человека.

Девушка касается воротника. Иногда ей кажется, что на нем все еще запах ее единственного **друга**. Утраченного, почти забытого. Но вряд ли это что-то меняет.

— Ладно, это все **херьня**. Надо заканчивать и идти в отпуск. Я уже не выдерживаю.

Шайль бредет по коридору, засунув руки в карманы куртки. Куртки, на спине которой только две буквы...

Глава 24: День?????

Автомобиль рассекал ночной воздух О-2. В кабине было тихо. Надин дремала на плече Шайль, пока та наблюдала за проплывающими видами улиц. Водитель не говорил ни слова.

Шайль, кажется, впервые **летит**. Автомобиль шустро преодолевает дорогу, не встречая никаких препятствий. Семь метров над землей — этого достаточно, чтобы избежать любой опасности.

Детектив чувствует себя странно. Взгляд почти не цепляется ни за одно из мертвых зданий, лишь сухо констатируя разницу между домами. У Шайль на сердце так тяжело, что она готова **провалиться** куда-то вниз. Разбиться о дорогу под автомобилем, отдаться тишине О-2.

— Скоро будем на месте.

Голос водителя вытягивает Шайль из задумчивости. Девушка будит подругу. Подтягивает по сидению рюкзак, значительно полегчавший после того, как из него достали остатки патронов. Поправляет кобуру со **своим** «Левиафаном». Мэр приказал, чтобы Шайль получила несколько обойм. Этого хватит на ближайшее время. Хотя детектив не отказалась бы от своего трехгранного клинка. «Союз» так и не успели починить после схватки с ёрком.

— Что такое? — Надин потирает глаза, моргает несколько раз, сбрасывая остатки теплой дремы. — Ты в порядке? Ни слова еще не сказала...

— Наедине скажу.

Шайль не знает водителя, не знает, можно ли рассказывать подруге все то, что узнала. Когда они встретились у отеля, Надин расстроено попивала кофе из стаканчика. Черный, без молока и без сахара. Шайль не особо хотела пробовать, но девчонка настояла, сказав, что «это самый удивительный кофе».

На вкус был обычным. Для Шайль все стало таким. О-1 потерял свой блеск завораживающая поездка в автомобиле не удивляла, а грядущие перемены в жизни не вызывали ничего, кроме удручающего **принятия**.

Автомобиль понемногу набирал высоту. Транспорт поднимался из котлована О-2, чтобы в итоге замереть недалеко от того места, где Шайль еще недавно стояла на перилах, глядя на великолепный вид.

— Выходите.

Шайль доводит ручку до щелчка, со скрипом толкает ее в сторону. Дверь отъезжает неохотно, замирает, оставляя в кабине автомобиля широкий проход. Перед землей — полметра пустоты, ведущей далеко вниз, к улицам О-2. Перехватить рюкзак поудобнее и... **прыгнуть**. Шайль перелетает через маленькую пропасть, приземляясь на шероховатый тротуар. Оборачивается, глядя на Надин.

Девчонка без сомнений прыгает следом. Водитель тянет руку, закрывая за пассажирами дверь. В следующие вдохи автомобиль ныряет куда-то вниз, превращаясь в одну из многих крупиц темноты. Шайль и Надин остаются наедине. Но говорить не торопятся.

Нельзя не признать: что-то в этом есть. Ночной город, абсолютно тихий. Луна в небе, висящая всегда на одном месте, недалеко от солнца — темного шара, еще недавно светившего самым ярким и теплым фонарем.

Проходят мгновения. Шайль помнит, как текла струйка песка в часах мэра. Ей кажется, что десятки желтоватых крупиц все еще падают вниз, отмеряя **время**.

Ярко-красные кроссовки оказываются на перилах. Шайль почти не балансирует, отрешенно глядя на О-2 внизу перед ней. Несколько дней назад... Прошло так мало времени, но все ощутимо поменялось.

— Ну так что? — Надин подходит к перилам и опускает на них локти. — Что нового?

— Много чего. Я договорилась с мэром, Гэни сможет занять пост, — Шайль медленно опускается на корточки, стараясь не **упасть**.

Усаживается на перила, свешивает ноги над **пропастью**.

— Это ведь хорошо? — Надин бросает взгляд на подругу и понимает: не хорошо. — Что-то еще?..

— Меня отправят на войну.

Девчонка... молчит? Нет, это не совсем так. Она выдыхает, и выдох этот весомее любых слов. Разговор тут же приобретает странные тона. Наполняется странными эмоциями.

— Когда? — все-таки спрашивает Надин.

— Через месяц, — Шайль натянуто улыбается, не в силах разобраться в эмоциях. — Наверное, ты скажешь, что мне там **самое место**.

— Не скажу. Я хочу, чтобы твое место было рядом со мной. В этом городе. Ты ведь детектив. Его защитница...

«Детектив» кивает. Пожимает плечами.

— Я столько убила, что я скорее преступник, чем полицейский. Мэр ясно дал понять.

— Но ты вершила правосудие. Нет?

— Когда это ты стала защищать **милитаристов**?

— Когда поняла, что ты гораздо лучше, чем пытаешься показать.

— Ха. Ну да, конечно, — Шайль достает из кобуры револьвер. Отстраненно смотрит на поцарапанный местами ствол «Левиафана». — Значит, буду спасать не Освобождение, а **Всемирье**. Так даже круче.

— Ага. Еще скажи, что ты димонам головы поотрываешь, как тому волколлуду.

— Круто выглядело?

— Жутко. Неправдоподобно. Я даже не думала, что когда-нибудь увижу чужой хребет, — Надин все же улыбается. — До одури **круто**.

— Кажется, моя спина не выдержит такой трюк еще раз, — смеется Шайль, разминая поясницу. — Но с димонами надо будет попробовать. Вдруг тоже сработает, ха.

— Не сработает. Они ведь **огромные**. Говорят, самый маленький — метра три в высоту. Как ты себе все это представляешь?

— У мэра надо спрашивать. Я вообще не думаю, что от меня будет толк на войне, — Шайль взводит курок и расслабляет его.

Механические щелчки идут друг за другом.

— Если ты туда попадешь, — уточняет Надин.

— О чем ты? Бумага подписана.

— Через месяц новый набор на Арену, как раз осенью. Там ведь смертность почти такая же, как на ледниках.

— А, ты об этом. Ну, умереть от димона или призывника посильнее — разница не особо большая, — Шайль пожимает плечами и ласково гладит «Левиафана» по дулу.

— Я не знаю, что тебе сказать, — Надин отворачивается от О-2, опирается на перила спиной. — Как планируешь провести этот месяц?

— Закончу несколько дел, а потом буду просто пить кофе на балконе и читать книги, —

Шайль скалится. — Было бы неплохо освежить знания французского.

— Будешь очаровывать сослуживцев?

— Еще как. **Bonjour, monsieur!**

— Ой, перестань.

— Пойдем. Доведу тебя до Гэни. Мальчишка уже заждался, наверное.

Шайль перебрасывает ноги через перила и спрыгивает на тротуар. Разминает плечи, удобнее пристраивает лямку рюкзака. Направляется к знакомой арке, где несколько дней назад им угрожали. Там все еще есть полицейский автомобиль, но теперь его оттащили, оставив узкий проход.

— Что мне ему сказать про препарат?

— Скажи, что о нем не нужно беспокоиться. Разработку прекратили.

Шайль врет уверенно. Впрочем, эта ложь многое сделает проще: все равно никаких документов от информатора получить не удалось. Да и Надин пора жить без глупых грез об **обращении**.

— Правда сняли? — уточняет девчонка, протискиваясь следом между автомобилем и стеной.

— Конечно. После такой-то **херъни**. Никто теперь не захочет связываться, — Шайль окидывает взглядом пустой дворик и машет рукой. — Давай, поторопись.

Гэни был **ужасно** занят. Поэтому Шайль передала Надин и информацию в лапы Рерола: волколюд явно не был обременен работой. Сидел под стеной общего зала, попивал пиво, переговариваясь с какой-то **крутой** волчицей. Оба в бронезилетах.

Надин не разрешили пойти с Шайль. Детектив даже не слушала причину, с радостью поторопившись скрыться. Ей нужно выполнить главный пункт договора с мэром, и Надин втягивать в это совсем не хочется.

Улицы О-3 преобразились. Повсюду были вооруженные волколюды с повязками на плечах. Они именовали себя **дружинниками**, которые охраняют порядок на улицах. А некоторые люди, если Шайль все верно расслышала, шепотом нарекали новую «полицию» **уродами**.

Фонари все еще светили, только вот некоторые были уже разбиты. На темных участках улицы никто старался не задерживаться, словно во мраке может таиться опасность. Учитывая, что каждая **собака** в О-3 теперь вооружена, подобное можно понять.

И тем не менее, на окраине мира, где расположена квартира Шайль, было как всегда тихо. Дружинникам здесь делать нечего.

Девушка поднималась по знакомым ступенькам. На самый верх — на четвертый этаж.

Если правильно понимать намек мэра, тот и сам не знает, где находится цель Шайль. Совински, наверное, думал, что детективу придется долго искать, ориентируясь только на имя. Но дело на самом деле проще.

Шайль постучалась в дверь к Гириому. Парень открыл довольно быстро. Мокрая голова, полотенце на плечах. Принимал душ. Только взгляд чуть **одичавший**.

— Привет, — волколюд давит из себя улыбку, но та выходит несколько болезненной. — Ты уже вернулась?..

— Ага. Не знаешь случайно, где Хойк?

Гириом хмурится. Отступает от двери.

— Э-э... не то чтобы знаю. Зачем он тебе?

Шайль устало потирает лицо и не успевает ответить. Гириом вскидывается:

— Ты вся в крови. Что-то случилось? Заходи, сделаю тебе кофе.

— Мне не нужен кофе. Скажи, где я могу найти Хойка. Мне надо с ним поговорить.

— Не получится. Он сейчас ни с кем не видится... Ты в порядке, Шайль? Выглядишь ужасно, — Гириом отпускает край полотенца и протягивает руку. — Заходи. Расскажешь, что случилось.

Шайль измотана. Но ей хочется закончить дело, навсегда вычеркнуть его из своей жизни и больше никогда не вспоминать. Нужно собраться с силами, выжать из себя последние крупички...

— Гириом, ты говорил, что неходишь ни в одну общину. Ты мне врал?

— Нет...

Револьвер выскальзывает из кобуры. Волколюд непонимающе смотрит в дуло.

— Шайль... ты чего? Опустити...

— Ты мне врал. Говори, где Хойк, иначе мне придется самой его найти.

— Вряд ли ты его найдешь.

Между ними метр дистанции. Шайль не вытягивает руку с оружием, держит ее согнутой в локте, чтобы успеть отреагировать на малейшее неправильное движение. Гириом старается не допускать ошибок.

— Шайль, успокойся, тебе **не нужен** Хойк. Что бы ни случилось, ты можешь просто расслабиться. Все позади.

— Гириом, не вынуждай меня.

— Положись на меня. В чем проблема? Он что-то сделал?

— Он предал город. Предал мэра. Если ты не окажешь содействие...

— То пристрелишь меня так же, как и любого другого преступника на своем пути? — спокойно спрашивает Гириом. — Я его **наемник**, я не член какой-то общины. Я не могу подставить нанимателя.

— А если он умрет, и никто не узнает, что это твоя вина?

«Левиафан» в руке перестает быть убедительным несмотря на взведенный курок и заполненный барабан.

— Ты не сможешь его убить. Тебя схватят и заставят говорить.

— Дело только в этом? Я смогу умереть молча, не переживай.

Гириом кривится, хватается за концы полотенца, натягивая его на шею. Вздыхает.

— Ты можешь передумать, **милая**, — парень смотрит на девушку с жалостью. — Не знаю, как ты вышла на Хойка, кто тебе дал наводку и почему ты решила, что должна с этим разбираться. Это неважно. Все еще можно передумать.

— Поздно. Просто скажи, где он, и я больше не буду тебя беспокоить.

— Фух... А ты **упорная**, да? Ладно. Он под землей, среди труб.

— Что?

— Канализация. Хойк прячется там. Его ребята тоже.

— «Его ребята»?

— Волколюды, наиболее значимые. Меня туда не пригласили, так что подробнее сказать не могу. Но если ты проберешься через люк, который недалеко от его лавки с музыкой, то быстро найдешь если не Хойка, то **проблемы**.

Револьвер прячется в кобуру, скрываясь под полой куртки. Шайль кивает.

— Спасибо.

— Постарайся и правда умереть молча. Что бы с тобой ни делали, — вдогонку бросает Гириом, но детектив его не слушает.

Нет времени заходить в квартиру и пить кофе. Совсем не хочется напоследок постоять на балконе, глядя на ночное небо. Шайль это расслабит, и решимость уйдет. Нужно идти сейчас.

Пока еще рукоять сохраняет тепло.

— Дай мне сил, луна, — шепчет Шайль.

Она сидит на крыше здания. Правая рука нервно теревит револьвер. Левая — держит сигарету. Фильтр нещадно сминается пальцами, и щепотки табака валяются на камень.

— Это последняя ночь. Станет легче, станет, — Шайль с тоской смотрит в небо.

«Левиафан», «Соловей», полпачки сигарет, колотящееся сердце и куртка старого друга. Это все, что есть, и все, что нужно.

Детектив откладывает револьвер. Зажимает сплюснутый фильтр клыками. Зажигалка с тихим щелчком высекает из кристалла магическое пламя. Огонь захватывает частично опустевшую гильзу сигареты, пляшет на кончике, подбираясь к табаку. Сухо трещит, придавая дыму **нужный** вкус.

— Я справлюсь. А если нет, то так и должно быть.

Шайль нервно дергает ногой. События прошедшей недели вертятся в голове. Она снова и снова прокручивает детальки дела.

Хойк — замыкающее звено. Девушка разгадала все от начала и до конца. Бибик — нанятый фармацевт, Зельда — невинная жертва, за бардаки в городе ответственнен... Хойк. Мэр просто ошибся. Шайль нужно подчистить результат ошибки.

Последнее дело оказалось самым крупным. Детективу прежде не приходилось бегать по всему Освобождению и нарушать закон, чтобы получить нужные ответы. Удовлетворена ли Шайль? В каком-то смысле, да. Она волколюд, она детектив, а револьвер — судья. Все вышло как надо.

Сигарета, едва ли скуренная, летит с крыши на землю. Девушка пихает «Левиафана» в кобуру, хватается за холодную лестницу пожарного спуска. Ярко-красные кроссовки, цвет которых с трудом угадывается под светом луны, ступают неслышно. Люк прямо вниз. Вход в царство смерти. Там сейчас спокойно. Но с приходом Шайль все изменится.

Детектив подхватывает с земли арматуру. Поддевает ею люк, без особых усилий сдвигает тяжелый пласт металла. Заглядывает внутрь.

Там есть свет. Если есть свет... значит, наводка верна. Время спускаться.

Шайль напоследок вдыхает смраднй воздух О-3. Хотя за последние дни он стал чуть мягче.

Спуск проходит без проблем. Скобы надежно вбиты в камень, а света хватает, чтобы не оступиться. Вскоре детектив спрыгивает вниз. Озирается. Встречает недоумевающие взгляды волколюдов. До них два метра. Парень и девушка. Последняя прижата к стене. В их глазах плещется страсть, не успевшая смениться удивлением.

— Какого же...

Вопрос тонет в грохоте выстрела. Волколюда бросает на камень. Его самка не визжит — хватается за здоровенный боевой нож. Шайль даже не успевает перевести руку, как получает опрокидывающий удар.

— Получай, гнида!

Шайль рычит от боли, одной рукой удерживает кисть противника, другой прислоняет «Левиафана» к телу. Достаточно одного выстрела.

Девчонка содрогается, стену орошает кровью. Короткий удар рукоятью в лицо. Волколюдка заваливается в сторону, оставляя нож в боку Шайль.

— Скотина... — хрипит детектив, выдергивая широкое лезвие.

От боли мутится в глазах. Удар был метким, и будь Шайль человеком, на этом все и кончилось бы. Печени кранты.

Тело цепенеет. Кровь горячим потоком пропитывает футболку. Детектив торопливо вонзает клыки в еще живую жертву.

— Не вздумай... — хрипит самка.

Она пытается **обратиться**, но толку мало: Шайль выгрызает куски из глотки, подтягивает тело к себе, прикрываясь от опасностей. Вовремя.

Эхо разносит чужие крики по тоннелям. Слышен торопливый бег. Ругань. Шайль отчаянно глотает кусок за куском. В этом нет жажды или удовольствия — лишь тяга к **жизни**.

— ... мать!

Крик смешивается с выстрелами. **Добыча** Шайль получает несколько пуль, вздрагивает, разбрызгивает кровь. Детектив прячется за мертвым щитом, вжимается в стену, вскидывает револьвер.

Курок исправно бьет по капсулям. Крупнокалиберные пули выедают куски бетона, брызжут осколками металла и камня. Стрелявший прячется в укрытие.

Шайль не слышит, о чем они кричат. Звон в ушах мешает. Тело все еще слабое от раны. **Нужно вставить.**

В одной руке нож, в другой — револьвер. Детектив вскакивает на дрожащие ноги, не спуская глаз с угла, за которым прячется еще одна жертва.

Прыжок через канал с помоями получается не очень удачным: Шайль с трудом долетает до противоположного края, почти соскальзывает. Пуля рассекает плечо, разрывая ткани куртки и тела. Еще один выстрел со стороны Шайль. Детектив вспрыгивает, вжимается во влажную стену, направляя револьвер вдоль нее. Торопливо вышагивает, стараясь держать мушку в нужном месте.

Замирает перед поворотом. **Враг там.** Мимолетная нерешительность овладевает телом, и Шайль приходится закусить губу. Выставить нож перед собой, задрать ствол револьвера.

Выдох сливается с шагом. Волколюд метит прикладом в лицо, удар проходит вскользь, оставляя на виске ссадину. Лезвие ножа влезает под челюсть. Шайль оставляет клинок в ране — хватается противника, прижимает к себе, вгрызаясь в шею с удобной стороны. Рвет, глотает, давится кровью и жестким мясом, пятится обратно за угол. Винтовка мешается, повиснув лямкой на плечах умирающего.

Тело обмякает под ногами Шайль. Она утирает губы, сплевывает. Осторожно выглядывает: там пока никого. Только пустой тоннель, освещаемый кристаллами.

«Левиафан» ныряет в кобуру. Отобрав у мертвеца «Шпалу» и горсть патронов к ней, Шайль торопливо заряжает винтовку. Выдыхает.

Во рту чужой вкус, чужой запах. Грудь болит, но теперь уже не болью смертельной раны — а досаждающим нытьем плоти. Орган сросся быстро. Даже **безмордые** способны хорошо регенерировать, если есть мясо.

Шайль выходит из-за укрытия, бредет под сырыми сводами, упирая приклад в плечо. Мелькнувшая тень — «Шпала» содрогается в руке, детектив передергивает затвор, донаводится.

Волколюд спрятался за одним из ящиков. Рассмотреть оружие не удалось, но времени осторожничать у Шайль нет. Она продолжает идти, держа укрытие на прицеле.

Ей нужно действовать так быстро, как возможно. Канал нечистот разделяет ее и цель, но прыгать еще раз — самоубийство. Саднящее плечо напоминает об этом.

Шайль нервничает. Делает выстрел, готовит винтовку к следующему. Сидящий за ящиками не показывается. Детектив с раздражением стреляет снова, отступает в одну из ниш, уходя с линии огня. Пока патроны входят в «Шпалу», Шайль восстанавливает в голове картинку тоннеля. Она видела, откуда прибежал противник. Она знает, где он сидит. **Она его убьет.**

Нужно просто сойти с ума. Попрощаться с жизнью и идти навстречу смерти. Шайль выходит из укрытия, поворачивается боком — если выстрел будет, то пусть придется хотя бы на защитные пластины в куртке.

Девушка отключает эмоции. Отключает мысли. Она двигается, зная, что каждый шаг может стать последним.

Волколюд высовывается из-за ящика. Два стрелка встречаются. Шайль быстрее, и все же получает заряд картечи. Бедро взрывается болью. Девушка скрежещет клыками, передергивает затвор и на всякий случай стреляет в упавшее тело еще раз.

Торопливо ковыляет дальше. Рана несмертельная, нужно добраться до следующей жертвы...

Шайль никогда не нравились перестрелки. Это глупая мальчишеская игра, в которой побеждает какая-то таинственная **тактика**. Иногда и рефлекс, и скорость. Но детектив чувствует, что последнего недостаточно, чтобы выйти «сухой из воды».

Одежда пропитывается кровью. Еще одна стычка — и рука Шайль слабеет. Шальная пуля разорвала мышцы, но у детектива нет времени. Она стреляет, бежит, игнорируя боль, отнимает жизнь, побеждая лишь за счет подготовки.

«Шпала» опустела. Трофейный дробовик, двустволка «Очкарик», продержался два выстрела. Шайль вновь сжимает «Левиафан М-3». Заляпана кровью, истощена. Девушке пугается, она не понимает, что делает здесь, в этом непонятном вонючем месте. И все равно стреляет.

— Жми суку! Не давай ей высунуться! — орет кто-то, но Шайль не слышит.

Она даже не понимает, что по ней пытаются вести огонь на подавление: детектив рвется навстречу пулям, уже не обращая внимания на раны. Револьвер увесисто дергается в руке. Стрельба перестала быть прицельной, превратившись в хаотичное уничтожение всего, что попадет под мушку.

— Умрите наконец! — рычит Шайль.

Девушка не понимает, что тело работает на пределе. Она лишь чувствует, что стала сильнее, быстрее... Она чувствует **удачу**. И потому бросается ногами вперед, вминая тело волколюда в кирпичную стену. Парень пытается схватить ярко-красные кроссовки, навести слишком длинный дробовик, но несколько быстрых выстрелов делают из его груди набор

дырок.

Шайль грызет, поедает, снова и снова отталкивая любящие объятия смерти. Она чувствует себя карателем и старается больше ни о чем не задумываться.

«Левиафан» скоро опустел. Волколюды перестали верить в силу перестрелок. Теперь на Шайль выпрыгивают **звери**. Но в ближнем бою детектив ведет себя уверенно.

Показался козырь. «Соловей». Он длинной очередью раскрошил волчью морду, приблизившуюся слишком близко. Шайль вырвала клыками кусок плоти, проглотив вместе с шерстью.

— Пиздец!

Они в **отчаянии**. А Шайль впервые по-настоящему остро ощутила, что дает военная подготовка волколюду. Между ней и **нормальными** сородичами оказался разрыв. Слишком большой, чтобы девушку можно было легко прикончить. Но дело не только в этом.

Удача. Пули ни разу не задели сердце. Не попали в голову. Шайль давала им возможность, подставлялась, но жертвы этим не воспользовались. Отчасти детективу было досадно.

Она спасла Освобождение, встретившись с мэром. Город теперь всяко выживет. Но Шайль не чувствовала, что должна выжить вместе с ним. Девушка зарыдала, когда последний волколюд рухнул перед ней на камни. Его голова разбита о стену. «Соловей» пуст. «Левиафан» тоже. И Шайль вместе с ними.

Детектив опускается на колени. Почти что падает на них. Дрожащими руками сминает футболку мертвеца. Хнычет. Сжимает челюсти, не решаясь в очередной раз отдаться **пиршеству**.

Но тело слабеет. Песок утекает, забирая с собой время. Шайль грызет, сдерживая порыв тошноты. Со слезами на глазах запихивает куски мяса в рот. Заставляет себя глотать. Кашляет. Утирает кровь и слезы.

Почему она **безмордая**? Почему из всех братьев и сестер только она? Это похоже на издевательство.

Шайль поднимается. Пошатываясь, бредет к толстой металлической двери. Хватается за холодную ручку. Не узнает собственную руку. Заляпанная кровью, с кусочками мяса под ногтями, на которых когда-то был глянцевого черного лак.

Это и правда **она**? Сутулая фигура в лохмотьях, провонявшая кровью, со слезами на глазах собирается войти в комнату к последнему злодею в своей карьере?

— Возьми себя в руки... — шепчет Шайль.

Дверь ржаво скрипит. Освобождает проход. Детектив бредет мимо полок с музыкальными кристаллами. Потерянно озирается, пытается обнаружить Хойка. Темно. Слишком.

— Ты наконец-то пришла.

Шайль дергается от чужого, но **знакомого** голоса. Он скачет от стен большого помещения, освещенного недостаточно, чтобы разглядеть хоть что-то за стеллажами.

— Где ты?.. Гириом?.. — детектив привычно хватается за опустевший револьвер.

— Скоро увидишь. Скажи сначала, понимаешь ли ты, что делаешь?

Девушка жмет к стеллажу с кристаллами. Напрягает глаза. Перед взглядом все плывет, тело наполнено болью, усталостью и страхом.

— Гириом, что ты тут делаешь? — Шайль бредет все глубже в комнату. — Где Хойк?

— Хойк мертв. Ты ведь этого хотела? Только проблема не в нем. Он был прикрытием

для поставок. Мы накопили достаточно, и Хойк уже не нужен.

Голос волколюда... он звучит рядом — но это иллюзия. Детектив крепче сжимает рукоять револьвера. Она знает, что оружие разряжено. Но это просто **привычка**.

— Не молчи, Шайль. Я хочу пообщаться с тобой.

— О чем?

— Например, об **идее**. Моя идея — подарить городу освобождение. Сделать его достойным местом для каждого зверолюда. А в чем твоя **идея**?

— Не допустить войны, — детектив замирает возле полки, пытаясь увидеть во мраке Гириома. — Ты же понимаешь, что люди не позволят поменять Освобождение?

— Ради этого ты рискуешь? **Жизнь** — это ведь не череда побед и поражений, милая. Это **идея**, **смысл**, а не красивый послужной список и пособие по инвалидности. Понимаешь? Идея не может идти вразрез с жизнью.

— Видимо, может. Потому что я хочу жизни для всех, а не только для себя... — Шайль отпускает рукоять револьвера, прижимаясь спиной к металлу. — Выйди, давай говорить с глазу на глаз.

— Чтобы ты меня сразу убила? — Гириом смеется. — Если бы меня это устраивало, я бы изначально ничего не скрывал.

— Ты ведь все равно умрешь, — спокойно отзывается Шайль. — Я зашла слишком далеко. Хойк или любой другой — мне уже неважно, кто-то должен понести наказание.

— **Даже я**? У нас ведь могло сложиться иначе, Шайль. Я почти полюбил тебя. Мы могли построить новый мир вместе.

— Мне не нужен **такой** мир. Даже с тобой.

Гириом хлопает. Стоит на месте, кажется. Но эхо не дает разобрать. Комната слишком большая...

— Я тоже зашел далеко, Шайль. Жаль, что ты хочешь стоять против меня. Я не хотел, чтобы у нас с тобой все так закончилось.

— Придется смириться, красавчик. Я полицейский, а ты преступник. Выйди наконец, давай решим все.

— Ты говорила, что ты фанатка Тихой Ненси, и это заметно. Ты тоже упорно идешь в никуда, разрушаешь себя ради этого **дрянного мира**.

— Это моя работа.

Девушка слышит шаги. Направление различимо. Бросает взгляд в сторону двери. Гириом прижимается спиной к ее металлу. На груди бронежилет, рука лежит на рукояти тесака.

— Я не думал, что ты сюда дойдешь, честно говоря, — признается парень. — Надеялся, что тебя схватят по пути, запытают до смерти и ты ничего не скажешь.

— Я не понимаю тебя, — голос Шайль полон тоски. — Зачем все это?

— Это **идея**, Шайль. Конечно же ты не понимаешь.

Девушка не успевает отреагировать на быстрое сближение. Кулак Гириома попадает прямо под ребра, выбивая воздух из легких. Шайль едва устояла на ногах.

— Я работал день и ночь, — шепчет Гириом, прижимая лоб девушки к своему плечу. — Я делал то, о чем ты даже не можешь мечтать. Я добился смены курса для всего Освобождения. А ты все пытаешься разрушить?

Шайль обмякает в руках волколюда. Сил пока что недостаточно, чтобы сопротивляться. Она на пределе — и только в голове стучит вопрос за вопросом.

— Мы могли быть вместе. Ты подавала надежды. Детектив-сорвиголова, который наводит ужас на преступников О-3. Ты выглядела как идеальная пара для меня. Даже несмотря на то, что оказалась **безмордой скотиной**, я очень хотел, чтобы ты позволила Освобождению сгнить, — Гириом ласково поглаживает Шайль по волосам. — Но ты упорно продолжаешь гнуть свое. Зачем?

— Отпусти...

— Что ты говоришь?

Дыхание восстанавливается, и вместе с ним — уверенность.

— **Отпусти.**

Шайль отпихивает Гириома. Пятится, с грохотом и звоном сметая кристаллы в неуклюжей попытке удержать равновесие. Колени дрожат, норовя подогнуться, и приходится хвататься за металлическую полку.

Гириом с улыбкой смотрит на девушку. Пожимает плечами.

— В конце концов, это неважно. Безыдейной шавке не победить мою мотивацию, — бормочет волколюд, протягивая руку к кристаллу. — Но мне нравится наша общая черта: любовь к громкой музыке. Давай посмотрим, кто продержится дольше?

— Стой... — выдыхает Шайль.

Щелчок ногтя по кристаллу, и тот вздымается в воздух. Из него течет музыка. Тихая и спокойная. Гириом тянется к следующему камушку.

— Нужно больше. Громче. Мы создадим самую **крутую** композицию, милашка.

Детектив пытается перехватить руку волколюда. Гириом отскакивает.

— **Не смей**, — рычит Шайль. — Дерись нормально!

— Это затеяли мы, **волколюды**. Но я постарался сильнее остальных. Втерся в доверие к Хойку...

Кристалл со звоном поднимается в воздух. Из него музыка льется более бодрая.

— ... и предал засранца. Предал мэра. Предал все, чтобы **освободить** нашу расу.

Звяк. Тихая Ненси начинает надрывать горло. Шайль морщится от какофонии, вползающей в уши.

Гириом хлопает в ладони, улыбается, отступает, не позволяя сократить дистанцию.

— Я дождусь, пока ты упадешь! — кричит парень. — А потом **убью!**

Шайль опирается на стеллаж. Чувствует, как тот шатается под ее весом.

В револьвере пусто. Гириом продолжает активировать кристаллы. Но если выбраться отсюда... в тоннеле, через который прошла Шайль, достаточно пушек.

Девушка хромот к выходу. Падает на спину от удара в лицо.

— **Не беги.**

Гириом пританцовывает на ходу, щелкает по кристаллам. Шайль чувствует, что голова начинает не справляться. **Шумно.**

— **Херьня...** — тихо рычит, поднимаясь с пола.

Никогда еще девушка не была настолько слабой. Она в тупике. Музыка становится все больше, теперь не отличить одну композицию от другой — все песни сливаются воедино, превращаются в сплошной шум, который сводит с ума. Гириом смеется, хохочет, продолжая щелкать по кристаллам. Шайль с отчаянием упирается в стеллаж. Металлическая конструкция дрожит, обрушивается вниз, рассыпая **целую тонну денег.**

Откуда здесь столько музыки? Неважно. Шайль не может соображать. Это самая

идиотская ситуация, которая только могла возникнуть. Самая идиотская смерть.

Но у нее не настолько чуткие уши. Детектив отказывается верить в это. И все равно сжимает голову, корчится, кричит, не в силах сбежать от шума. Гириом рядом — и Гириом уже далеко. Он танцует, беснуется, хохочет, **насмехается**.

— **Ублюдок!** — кричит Шайль, но не слышит собственный голос.

Или слышит. Она не понимает, как отличить один звук от другого. Вокруг только шум. Он вскрывает череп, сминает мозги. Шайль чувствует, как по ладоням течет кровь. С ревом вскакивает, пытаюсь броситься на Гириома, — и отлетает от удара в живот. Ползет к двери, но чувствует сапог на спине.

Это тупик. Она умрет.

Шайль раскрывает рот в беззвучном вопле. Перед глазами рябит, ничего не слышно, только вечный шум.

— Я не хочу умирать... — всхлипывает детектив.

Сапог перестает давить на спину. Шайль напрягается, поднимается на четвереньки, хватается за револьвер. «Левиафан» беспомощно и беззвучно щелкает курком, упираясь дулом в лоб Гириому. Тот раскрывает рот. Наверное, **смеется**. Легким движением выбивает револьвер из руки детектива. Достает тесак. Шайль пятится, отупело глядя на лезвие.

Это оружие.

Волколюд вытирает ухо, смотрит на ладонь и с улыбкой показывает ее детективу.

Вся в крови.

Шайль не может соображать из-за боли. Она просто понимает, что видит кровь. А кровь — это жизнь. **Жизнь.**

Гириом удивленно вскидывает брови, почувствовав под спиной пол. Шайль сидит сверху, вцепившись в руку с тесаком. Скалит зубы. Пощечина скидывает ее на пол. Массивный клинок взлетает вверх, собираясь обрушиться...

Шайль уже нет. Гириом озирается. Всккивает, бросаясь к двери. Ведь детектив наверняка захочет **выбраться**.

Волколюд спотыкается. Сначала показалось, что напала Шайль, — но оказалось, что это россыпь кристаллов, попавших под подошву. Гириом торопится к двери. Если закрыть ее телом, девчонка не выберется.

Почти. Вот-вот. Гириом оглушен музыкой, его мозг кипит. Поэтому не сразу удается заметить накреняющийся стеллаж. Два с половиной метра в высоту, три метра в длину... Волколюд чувствует удар по спине и затылку. Напрягается, выскальзывая из-под конструкции. Под черепом все пищит от боли. Шайль еще хуже, почти наверх...

Ярко-красная кроссовка. Ее подошва вминается в лицо Гириома. Парень падает, наотмашь ударяет тесаком, пытаюсь скинуть с глаз пелену боли.

Лицо Шайль близко. Клыкастая пасть раскрывается, и пусть Гириом не слышит, он **видит** зверя. Будто сон... кошмар!.. Шайль вгрызается в руку, а парень даже не чувствует, как предплечье рвут колючими зубами, выдирают плоть, калечат связки. Гириом не осознает, что тесак отнимают из ослабевших пальцев.

Он **начинает чувствовать**, когда лезвие врезается в другое плечо. Тогда Гириом понимает, что это **реальность**. В этой реальности его хватают за волосы и тащат прочь из царства шума, долой с поля боя, на котором **идея** побеждает **безыдейность**...

Дверь захлопывается, оставляя музыкальную какофонию вдалеке. Гириом

непонимающе моргает. Он все еще не-слышит **что-то**, но это отголоски. Иллюзорный шум.

Шайль сидит перед ним, протягивая кусок красного и притягательного... Ее губы беззвучно говорят: «**Жри**». Гириом мотает головой. Его хватают за челюсть и впихивают **пищу** в рот. Волколюд глотает, почти не жуя. Снова и снова. Он видит, как ест Шайль, и ест вместе с ней.

Песок времени тек довольно долго, прежде чем уши волколюдов восстановились. За дверью все еще слышался шум кристаллов, который уже не мог мешать разговору. Раны Гириома зажили, но тесак по-прежнему оставался в руках Шайль.

— Откуда у вас столько музыки? — спрашивает детектив с полным **безразличием**. — Это все и за год не продать.

— Ребята натаскали из О-2, — отрешенно отвечает Гириом. — Продали бы потом.

— **Херьня**.

— Мотивация, Шайль. В ней все дело. Без нее ты просто кусок мяса на зубах этого мира.

Детектив качает головой. Поднимается, перехватывая рукоять тесака.

— Ничего не говори об этом, Гириом. Я устала от всего.

— Да? И что ты будешь делать с этой усталостью?

Волколюд чувствует себя уверенно, смотрит на Шайль почти издеваясь... почти.

— Прогоню ее отдыхом. Потом.

— Почему ты не убила меня **там**?

— Захотела услышать твой голос напоследок. А почему ты не убил меня без фарса с музыкой?

— Хотел полюбоваться тобой напоследок, — криво усмехается парень. — Как-то херово все вышло.

— Ага, херово... Хочешь покурить?

— Давай.

Пачка сигарет щелкает. Две «Забастовки» вылетают наружу. Шайль дает прикурить расслабленному Гириому и закуривает сама. Морщится, выдыхая дым. Смотрит на волколюда.

— Хойк правда мертв?

— Помнишь, мы проснулись, и я сказал, что он прикрыл лавочку? Вот еще чуть раньше я ему открутил голову. Иначе бы этот хрыч до сих пор торговал.

— **Круто**, — разочарованно отзывается Шайль. — А я мэра повидала.

— Да? — Гириом стряхивает пепел и поднимает взгляд. — И что?

— Ничего. Волколюды теперь тоже будут управлять Освобождением.

— Что?.. — парень застывает, а взгляд его скользит по лицу Шайль. — Ты шутишь?

— Не-а. Я договорилась. Штурм не удастся, а лидер «ВолколЮДОВ» сядет в ратуше с мэром.

Гириом молчит. Потерянно смотрит в сторону, на один из трупов, лежавших неподалеку.

— Это фиктивно, — отзывается парень. — Нас опять **наебут**. Людям нельзя верить.

— Неважно. Начало **чему-то** уже положено, — Шайль бросает окурок на пол и топчет его подошвой. — Мы оба постарались. Просто с разных сторон баррикады. Ответ на последний вопрос: кто убил Бибика?

— Я. Как раз когда Хойк раскололся и рассказал все, что знал, — парень говорит

уверенно, сминая фильтр докуренной сигареты. Усмехается. — Теперь кто-то умрет?

— Соображаешь, красавчик. Прощай.

Шайль поднимает руку с тесаком. Гириом скалится. «Нужно **обратиться**», — думает про себя. У него много практики, он успеет... оттолкнуться от стены, защитить голову...

Лезвие разрезает оскал **волка**, дернувшегося в предсказуемом направлении. Шайль вздыхает. Отпускает рукоять. Засовывает руки в карманы куртки. Отрешенно смотрит на подергивающийся труп. Это было одно из самых быстрых **обращений**, которые детектив видела за всю жизнь. У Гириома явно был талант.

Но его сгубила **Идея. Чувства. Мотивация**. Все это заставляет доказывать что-то себе и миру. Гириом хотел подчеркнуть свою решимость, и это привело его к гибели.

В какой-то мере детектив рада, что у нее нет особых амбиций. Это привело бы к глупой смерти. Как у Гириома. Или у Мэйсера, который был уверен, что преступников надо **наказывать**, а не **убивать**.

— Да и плевать, — бормочет Шайль, бросая несчастный взгляд на дверь.

За ней остался револьвер. Единственная **мотивация** зайти внутрь. К счастью, детектив помнит, в какую сторону отлетел любимый «Левиафан М-3»...

«Собачка, гав!»

Шайль выжила. Она вернулась домой вся в крови, оставив позади раскрытое дело. Бибика убил Гириом: **крутой преступник** из соседней квартиры. Он же попробовал развернуть историю Освобождения и Всемирья.

Шайль выходит к небу с кружкой кофе и сигаретой в зубах. Замирает. На полу балкона лежит кристалл, а под ним — бумажка. Отставив чашку на перила, девушка наклоняется и подбирает странную находку.

«Если ты Шайль и ты это читаешь, значит, выжила. Значит, я не зря загорелся тобой, моя прекрасная луна. Будь такой же крутой, какой я тебя видел, и перестань бежать от себя. Найди наконец-то покой, о котором мечтаешь.

Сейчас ты ушла искать Хойка, придется обгонять тебя и готовиться к нашему последнему свиданию. Скорее всего, ты победишь. Я не намерен всерьез поддаваться, но и не хочу твоей смерти. Странное чувство. В текстах Ненси тоже было что-то такое... странноватое.

Я обещал тебе эту песню. Хотел вручить лично. Увидеть, как ты по-детски радуешься. Послушать вместе, покуривая и обсуждая несправедливость мира. Жаль, что не увижу в любом случае.

Слушай, пожалуйста, пока заряд не сдохнет. Тогда заряди и снова слушай. Чтобы снизить громкость кристалла — проведи пальцем против часовой стрелки. Не надо будить соседей.

С любовью,

Гириом».

Шайль выдохнула через стиснутые клыки. Запихала бумажку в карман. Опустилась на пол, прижавшись к стене. **Это слишком**. Она не хотела такого исхода. Справедливое наказание для преступника? Может быть. Но какая, нахрен, разница в итоге? Что она изменила? Освободила душу Бибика? Наивно.

Шайль рыдала. Кричала. Терла пальцами глаза. Ей сильнее всего хотелось, чтобы все это было **дурным сном**. Лучше оказаться сумасшедшей, чем признать то, **что** она натворила. Спасительница Освобождения...

— Прости, — скулит девушка, утыкаясь лицом в колени.

У нее не осталось слез. Щеки, глаза и сердце щиплет, но плакать уже не получается.

— Я... не хотела.

Но ты ведь хотела.

Сентябрь.

Девушка сбрасывает сумку на пол. Обводит квартиру тоскливым взглядом. В ней почти ничего не поменялось — большая часть вещей останется тут до возвращения хозяйки.

— Тебе этого хватит? — осторожно спрашивает Надин.

Девчонка успела заметить, что Шайль болезненно реагирует на уточняющие вопросы. По какой-то причине, неизвестной для Надин.

— Вполне, — Шайль мнетя на пороге спальни. — А что?

— Может, ты бы хотела взять что-то еще.

— Например?

— Например, вот это.

Сложенный вчетверо лист протянут детективу. Шайль автоматически раскрывает бумажку. Внутри приклеена вырезанная из газеты фотография. На ней две волколюдки: Надин и Шайль. Первая робко сложила руки на груди, отвела взгляд в сторону. Вторая же — красуется. Довольный оскал, уверенный взгляд, напряженные мышцы татуированной руки. «О-3-18» теперь скрыто сплошной полосой чернил. Под фотографией лаконичная приписка: «Спасительницы Освобождения».

Но это не все. На листке вокруг фотографии — довольно длинное письмо от Надин. Шайль замечает слово «люблю», повторяющееся несколько раз, поэтому вежливо улыбается и кивает.

— Спасибо. Это я тоже возьму с собой.

— Не может быть, чтобы ты уже прочитала, — хмурится Надин.

— В дороге успею. Сейчас ты можешь сказать то, что не успела в письме, — Шайль складывает листок и пихает во внутренний карман куртки.

Той самой, которую починить стоило целой кучи денег. В тот же карман, где уже лежит одно письмо и небольшой кристалл.

— Боюсь, мне совершенно нечего сказать, — Надин обвивает шею девушки, прижимается поцелуем к губам, привстав на цыпочках. Разрывает поцелуй, отстраняясь. — Только если так.

— Если так, то и я могу...

Дверь спальни захлопывается. Надин так комфортнее, а Шайль не спорит. У девушек есть последняя доля дня, чтобы провести ее вдвоем. И они не упустят возможность.

— Грузимся, не торопимся! Не толкайтесь, скотины! — ревет громкоговоритель.

— Я все еще не верю в это, — шепчет Надин, глядя на гигантское туловище корабля.

Шайль не отвечает, торопливо докуривая сигарету. Рюкзак набит пожитками, куртка защищает от слабого дождя. Первая доля ночи, окраина О-2, берег океана, нихрена не видно при свете пары фонарей и луны.

Окурок падает на землю, рассыпая сноп искр. Шайль поворачивается к Надин и спрашивает то, о чем думала весь последний месяц:

— Как думаешь, что такое Небо?

Глазки, блестящие под каштановой челкой, смотрят без малейшего сомнения.

— Небо — это Надежда на светлое завтра.

— Всего лишь?..

— Всего лишь, глупышка, — улыбается Надин, обнимая напоследок Шайль. — Поженимся, когда вернешься?

— Сначала вернусь. А потом все остальное.

Некоторое время они стоят так, игнорируя шум из громкоговорителя, гул погружающихся на корабль волколюдов. К сожалению, объятия не могут длиться вечно. Их разрыв дарит лишь тяжесть на сердце. **Это безумный мир...**

— Береги себя, а я сберегу твою квартиру, — шепчет Надин. — До встречи. Пиши, когда будет возможность, ладно?

— Я не люблю письма. Так что до встречи, **красавица**.

Шайль натянуто улыбается и машет рукой, торопясь занять место в очереди волколюдов. Надин остается среди провожающих, комкая штанины и даже не пытаясь скрывать слезы.

— Я выкину ту идиотскую фотку с твоим бывшим! — срывается девчонка, крича и плача. — Порву и выкину ее, ладно?! **Нахер рокера!**

Да, малышка. Истинно так. Нахер Джуда. Шайль согласна, она показывает большой палец, но больше не поворачивается. Впереди долгий трудный путь...

По сравнению с этим кораблем, все автомобили Освобождения кажутся **смешными**. Но Шайль не до смеха. Она сидит в окружении таких же неудачников. Кого-то забрали из тюрьмы, кто-то добровольно пошел, кого-то отправили...

— Не ожидал тебя тут увидеть, — рокочет Рерол, глядя на Шайль с прищуром. — Это ведь ты, малявка? Прическу поменяла?

— Не поменяла, — отзывается Шайль. — Просто постриглась с запасом.

— Тебе так идет больше. Что, какими судьбами в этой **труповозке**?

— Веселыми, — отзывается девушка, отводя взгляд от массивного волколюда.

В окно... хотя нет. На корабле нет окон, на нем **иллюминаторы**. Так вот, в них смотреть приятнее. Пусть они и маленькие. Похожие на... да, на бойницы. Небольшие кружочки, показывающие лишь кусочки бесконечного ночного пейзажа океана.

Шайль бы закурила, но сигареты у нее отобрали. Рерол шуршит газетой. Им предстоит плыть... хотя моряки говорят «**идти**»... почти неделю, если верить болтовне придурков сзади. Шайль не то чтобы верит. Ей на самом деле вообще плевать. Она вспоминает о письме Надин. Но стоило потянуться к карману, как Рерол вновь подал голос:

— Вот гля, про тебя опять написали. Каждая газета трубит про героиню Освобождения.

И ни одна не пишет о том, что тебя сослали на ледники. **Общество**, мать его.

Девушка хмыкает. Поджимает ноги, обхватывая их руками. Упирается подбородком в колени.

— Да насрать, Рерол. Я такая же преступница, как и все, кто здесь едет.

— Ну хотя бы честно, — волколюд по-дружески пихает девушку в плечо. — Если попадемся на Арене, то давай если и насмерть, то быстро. Без издевательств. Лады?

— Договорились.

Корабль низко загудел. Или... это что-то другое? Говорят, в океане **много разного**. А за окном темень, хоть глаз выколи. И только несколько кристаллов, висящих под потолком, позволяют не уснуть сразу.

Убедившись, что Рерол достаточно погрузился в чтение, Шайль решила развернуть письмо Надин. Пусть даже радости от прощального подарка вряд ли прибавится...

«Дорогая Шайль!

Я люблю тебя. Люблю. Когда мы шли в О-1, я думала, что это просто стресс от смерти брата. Теперь мы целый месяц прожили вместе. Вдвоем, в одной квартире. Несколько раз, правда, ты кричала на меня за то, что я оставляю на раковине пыль зубного порошка, но в остальном мы неплохо ужились. И я поняла: люблю тебя. Наши ночи запомнятся на всю жизнь, будь уверена. А еще, ты привила мне любовь к "Забастовке", а это плохо. Теперь я буду портить свои легкие... хотя даже у меня они быстро восстанавливаются, ха-ха!

Я хочу верить и надеяться, что ты тоже меня любишь. Почему-то это для меня важно. Хотя я знаю, что ты больше волколюд, чем я. А у вас сложности с нормальными эмоциями. Но все-таки, ты ведь не просто так разрешила мне жить у тебя? Не прогоняешь в ту холодную и убогую вторую спальню... Кстати, да, там ужасно. Надо сделать ремонт, и когда я наконец-то устроюсь на работу, обязательно сделаю. Там будет не спальня, а кабинет для тебя. Ладно? Сделаю кабинет, повешу на дверь табличку с твоим именем и запру. Сама откроешь. Обязательно откроешь, когда вернешься. Это будет талисманом для нас.

Мне сложно поверить, что ты уходишь на войну. Ты не сказала, как так вышло, но я примерно догадываюсь. Политика. Верно? Или какая-нибудь другая херьня. В любом случае, я проклинаю виновных в твоей отсылке.

Но в то же время я верю, что мы доживем до естественной смерти. Вдвоем. Ты тоже верь. Не лезь на рожон, помни, что Всемирье прекрасно справится и без твоей героической смерти. Если надо будет, то возьми кого-нибудь живым щитом. Но не изменяй мне, пожалуйста. А если и будешь, то хотя бы так, чтобы я никогда не узнала. Ты в ответе за меня, ладно? Я хочу, чтобы все было именно так. Хочу быть твоей ручной малышкой и красоткой. Потому что люблю тебя. Потому что с тобой мне ничего не грозит.

Обещаю, когда я стану журналисткой (да, бесись, хи), я обязательно напишу в газетах, что тебя нагло отправили на войну, хотя ты героиня Освобождения. Я добьюсь шума. Я добьюсь того, чтобы тебя раньше времени вернули ко мне. Даже если мне придется кого-то убить, я сделаю это. Ты ведь тоже готова убивать за правое дело, да? Я возьму пример. Потому что жизнь, как оказалось, и правда война.

Ладно. Листочек кончается, а на обороте писать не хочу. Люблю тебя. До встречи, милая Shaile".

Шайль сложила письмо раньше, чем слезинка успела капнуть на слова, выведенные

кривоватым, но читаемым почерком.

Девушка торопливо прячет бумажку во внутренний карман. Закусывает кулак, отворачиваясь к иллюминатору.

— Дура, я ведь **тоже** живая, — шепчет, сморгнув слезу.

— Не раскисай, малявка, — Рерол легонько тыкает в плечо. — Надин хорошая девчонка, она просто так большие письма не пишет.

— Я знаю. Ты прочитал?

— Ага. Жаль, что меня никто так ласково не провожал, — волколюд выдыхает, запрокидывая голову на спинку сидения. — А ведь тоже на войну.

— Тебя-то за что отправили?

— Гэни избавляется от всех, кто может подмочить репутацию. Сраный ублюдок. Надо было его придушить... — Рерол смотрит на ладонь, растопырив пальцы. — Ты никому не говорила, что Надин с тобой живет?

— Нет.

— Ну и хорошо. Меньше рисков. Малявку сложно будет найти.

Шайль не стала говорить, что если Надин станет журналисткой, то будет на виду у всего Освобождения. Детектив вообще больше ничего не сказала. Город спасен, Совински и Гэни теперь у руля, преступники наказаны, героев поймали. Все как всегда. Мэйсер не зря сказал... **Мир безумен**. Шайль остается лишь быть **крутой** во всей этой **херье**.

